

Екатерина Михайлова

Звезда Нибелии

Тёмные дни

Эпическая история, разворачивающаяся на фоне гибели мира.

Когда свет сменяется тьмой. Когда рушится всё, что ты знал. Когда пески больше не являются главной угрозой, а Стена не способна никого защитить...

Борясь со своими чувствами и своими врагами, два сердца пытаются обрести свой путь во тьме.

Удастся ли им спасти свои народы и друг друга? В борьбе сил, которые выше человеческих жизней, суждено ли им выжить и победить?

Часть 1. Предначертание Глава 1. Бремя решений

Обратный переход занял у Корта с Ютой почти две недели, — дольше, чем дорога в Лиатрас. Это произошло из-за того, что им пришлось идти через Арагат — ближайшее к Вечному Городу поселение атлургов.

Они выбрались из города неподготовленными, лишь с тем, что удалось купить по дороге при бегстве к Стене. Хилты, лук Корта, линзы из тергеда, кожаные бурдюки для воды, несколько ножей, лечебные порошки и мазь от ожогов — всё осталось в квартире Кирли. Корт сказал, что без хилта Юта не выдержит обратного перехода, поэтому решил сделать крюк и пройти через песчаный город.

Арагат — небольшое поселение, едва ли достигающее по размерам половины Утегата. Зато оно находится всего в пяти тарах от Лиатраса. Корт не бывал там раньше. Блуждая по пустыне с Утагиру, в те недели, когда уходил из дома, он неплохо изучил расположение песчаных городов атлургов. Корт знал, где находятся многие из них, но всегда держался в стороне.

Канг Арагата принял их весьма радушно — одно из немногих преимуществ того, что ты ругат — и снабдил всем необходимым для дальнейшей дороги.

В итоге переход занял вдвое дольше запланированного, зато Корт доставил Юту в Утегат в целости, не считая обезвоживания, небольших ожогов и общего изнеможения. К своему удивлению он обнаружил, что девушка перенесла долгую изматывающую дорогу гораздо лучше, чем в первый раз.

Юта всего раз упала в обморок, в самом начале пути, когда у них ещё не было хилтов, но быстро пришла в себя. А к тому времени, как они достигли Красных Гор, и вовсе неустанно шагала рядом с Кортом, почти не прося передышек. Могла издали различить полосу зыбучих песков или нору скорпиона. Начала ориентироваться во времени по солнцам и готовила ящериц и жуков почти так же ловко, как Корт.

Мужчина отметил, что Юте понадобилось гораздо меньше времени, чтобы привыкнуть к пустыне и долгим изнуряющим переходам, чем в своё время ему. Но теперь он знал почему — она была потомком атлургов.

Когда Корт и Юта показалиcь возле Утегата, это вызвало настоящий переполох. А когда ступили под низкие своды песчаных коридоров, их встречала половина поселения во главе с Гвирном.

— Корт, Юта, слава Ругу вы вернулись! — разнёсся его звонкий голос.

В коридоре стало не протолкнуться от высоких тел в песчаных одеждах. Но вокруг Корта с Ютой образовалось пустое пространство, словно пузырь воздуха под водой. Атлургам хотелось скорее расспросить их о «паломничестве», но никто не решался задать вопрос первым.

К людям, совершившим подобный переход, у народа почти сакральное отношение. Атлурги ещё чувствовали дыхание богов за их спинами и не решались нарушить торжественную тишину. Лишь рассматривали во все глаза, да ещё время от времени кто-то совершал «агнури» — знак преклонения перед волей богов, проведших людей через пустыню.

Молчаливое оцепенение застывших атлургов нарушило движение в конце коридора. Кто-то отчаянно пробивал себе дорогу. Атлурги не возражали. Они охотно расступались,

позволяя золотоволосой девушке пройти сквозь их ряды.

Леда вырвалась вперёд, за невидимую черту, которую атлурги не пересекали, и на секунду замерла. Она зажала рот рукой. В глазах быстро сменяли друг друга изумление, облегчение и постепенно отступающее выражение муки.

Леда бросилась Карту на шею, стройная и гибкая, обвив его сильными руками.

— Я знала! Знала, что ты вернёшься!

Корт подхватил Леду, прижал к себе, и она зарылась лицом в его жёсткие волосы.

Этот простой человеческий жест развеял ауру неприкосновенности, превратил Корта с Ютой из посланников богов в обычных людей, усталых и измученных, вернувшихся домой после долгой изматывающей дороги.

Атлурги качнулись в их сторону, желая кто помочь, кто расспросить, а кто и просто прикоснуться к паломникам. Увидев, что толпа готова затопить троих людей, Гвирн обратился к народу, возвысив голос:

— Прошу, не толпитесь! Дайте путникам пройти! Им нужно отдохнуть с дороги. Корт и Юталийэн расскажут нам о своём паломничестве завтра, на Утегатоле!

Народ чуть отступил, но не разошёлся. Атлурги шумно качались в двух шагах от Корта с Ютой. Они наперебой засыпали их вопросами, совершая «агнури» так близко, как только могли подойти.

В толпе Юта окончательно растерялась. Высокие атлурги окружали её плотным частоколом, за которым она ничего не видела. Перед лицом то и дело мелькали руки совершавших ритуальный жест. Атлурги смотрели восторженно, но в то же время отстранённо. Они не видели Юту — только некий символ, каким она стала после перехода через пески.

Юта ещё не привыкла к полумраку Утегата. Она подслеповато всматривалась в казавшиеся густыми сумерки. Голова немного кружилась от обилия лиц и незнакомых голосов. Она посмотрела на Корта. Он был облеплен атлургами гораздо сильнее неё. Сейчас они готовы были подхватить Корта и носить на руках, если бы он позволил. Обожание на лицах перемежалось сакральным трепетом. Он снова стал их героем, подтвердив статус «ругата». Теперь его влияние в городе станет ещё больше, подумала Юта.

Лицо мужчины оставалось непроницаемо-бесстрастным, но Юта каким-то непостижимым образом могла ощутить, что толпа вокруг ему неприятна. И, помимо воли, она вспомнила, каким становилось лицо Корта, когда они оказывались среди большого скопления людей в Лиатрасе. Застывшим с каким-то безжизненным выражением, нарочито сосредоточенным и в то же время рассеянным, как будто он изо всех сил пытается отвлечься.

Одной рукой Корт продолжал обнимать казавшуюся абсолютно счастливой Леду. Другой — отгораживался от атлургов, медленно пробивая себе путь по коридору в сторону дома.

С тех пор, как они вошли в Утегат, он ни разу не посмотрел на Юту. Она ощущала холод, словно жидкий азот, разливающийся по внутренностям. Ей казалось, что кровь медленно застывает в жилах, а в желудке угнездился кусок льда.

— Юта, ты в порядке? — Мягкий вкрадчивый голос, прозвучавший над самым ухом, мог принадлежать только Гвирну.

— Да, просто устала, и эта толпа меня порядком нервирует.

— Не беспокойся, я тебя выведу.

Гвирн осторожно обхватил её за плечи и повёл к выходу вслед за атлургами,

сопровождавшими Корта и Леду.

Его руки были тёплыми. И, прижатая к его боку, Юта немного успокоилась. Она почувствовала себя под защитой этого сильного властного человека, и обступившие со всех сторон атлурги постепенно перестали её беспокоить.

От усталости, жары и напряжения Юту начало клонить в сон. «Только бы дойти до кровати, — подумала она. — Только бы дойти».

Корт вошёл в Зал Кутх, когда Утегатол уже шёл полным ходом. У подножия Помоста Кангов полукругом выстроился Совет. Молчаливые члены Совета сурово и мудро взирали на толпу атлургов. Осветительные окошки были полностью открыты. Потоки света обливали золотом застывшие, будто песчаные изваяния, фигуры.

Перед ними, словно перед человеческими кулисами, стоял Гвирн. Сегодня на нём красовалась светло-песочная кофта, расшитая по рукавам и подолу золотой вязью. А прямую, как стрела, спину обтягивала бордовая, до пят, безрукавка. Вьющиеся, безупречно уложенные волосы Гвирна красиво лежали на плечах, а глаза сверкали, когда мужчина обращался к атлургам. Весь его вид словно был призван вести за собой, указывать, предводительствовать и направлять.

Корт остановился в стороне, решив не привлекать пока к себе внимания. Он накинул на голову капюшон неприметного серого балахона, слившись с тенями. Скрестив на груди руки, Корт слушал, как уверенный голос Гвирна разносится по Залу, ударяясь о куполообразный свод и ниспадая брызгами звонкого эхо.

— В связи с этим меня попросили донести до вас решение Совета. Оно не было простым, но на данный момент мы не видим иного выхода. С завтрашнего дня начнётся перепись населения. Мы учтём количество людей и состав каждого лурда*. Опираясь на эти данные, мы будем перераспределять воду и продовольствие. Выдавать тем, кому они нужнее, а излишки забирать в специально организованные хранилища.

— То есть будете решать, у кого сколько отнять! — выкрикнули из задних рядов.

Атлурги заволновались.

— И с какой стати мы должны отдавать то, что собрали для себя? Мы и так каждую неделю сдаём норму. Но уж что остаётся — так то наше! А теперь должны отдавать всё? И ждать, что кто-то решит, сколько воды и продуктов мы получим?!

— Да и кто будет решать, кому сколько выдать? И по каким критериям? У меня в семье два старика. Это как будет считаться: нам должны выдавать больше или меньше, чем на взрослого мужчину? Или, может, вы решите, что стариков вообще кормить не надо?

Гвирн поднял руки, призывая к порядку. Он продолжал сохранять видимость спокойствия, хоть Корт и подозревал, что это даётся ему нелегко.

— Такого никто не говорил. — Гвирну пришлось повысить голос, чтобы пробиться через шум толпы — атлурги не утихали. — Критерии будут выработаны в процессе. Такие вопросы требуют детального рассмотрения. Мы будем выносить решения по каждому лурду отдельно.

Послушайте, я понимаю, что это непросто. Но вам всем прекрасно известно, что у нас сильнейший за последние десятилетия продовольственный кризис. Поголовье коз уменьшилось в полтора раза за два года. Из-за этого не хватает удобрений для полей. Нет

удобрений — плохо вызревают водоносные растения. Нет воды, нечем поливать поля и поить коз. Нечем поить и кормить коз — нет молока. Из-за нехватки молока нам приходится увеличивать расход воды на душу населения. Воды, которой и так не хватает.

Это замкнутый круг. И нам не выбраться из него, если не принять какие-то меры. Трудные времена требуют трудных решений. Наши методы могут показаться радикальными, но они позволят народу пережить сложный период, избежать человеческих жертв.

Слова Гwirна звучали мудро и даже как-то возвышенно. При взгляде на него сразу начинало казаться, что народу явился спаситель, который выведет их из кризиса. Да, Гwirн всегда умел красиво говорить. «Трудные времена требуют трудных решений», — так говорили и Карту, когда предлагали убить Туррага, законного Канга Утегата. И вот Туррага не стало, а проблемы только нарастают.

Но, как всегда, Гwirну надо отдать должное. Он времени даром не терял. Пока Корт отсутствовал, он сделал то, что давно следовало сделать Карту: вслух заговорил о проблемах Утегата. Посвятил атлургов в подробности, не скрывая истинного положения вещей. И этим выиграл себе ещё несколько очков.

Корт начал пробираться вперёд. Уже подходя к передним рядам, он скинул капюшон. Его высокую мощную фигуру с чёрными волосами тут же заметили. Последние шаги он делал по коридору из почтительно расступающихся атлургов. Выйдя вперёд, Корт заметил сбоку, в первом ряду, Юту. Она смотрела на него.

Корт отвёл взгляд и нашёл Леду. Она тоже стояла в первом ряду, возле Уги и Дара. Корт без приглашения подошёл к Гwirну и встал рядом. Атлурги одобрительно загомонили, предвкушая услышать историю о путешествии ругата. Гwirн широко улыбнулся:

— Корт! Надеюсь, ты не против, что мы начали без тебя. Я подумал, что тебе стоит отдохнуть после трудной дороги, а дела и проблемы Утегата подождут, пока ты восстановишь силы.

Его острые глаза кололи, как отточенные лезвия.

— Благодарю, — сухо ответил Корт, — но я чувствую себя прекрасно и готов принять участие в собрании.

— Рад это слышать. Тогда, полагаю, все хотели бы услышать рассказ о вашем паломничестве. Удалось ли вам побывать у истоков, в Городе-за-Стеной? Удалось ли приблизиться к воле Богов?

— О, ещё как! — Корт сделал шаг вперёд, повернувшись к Гwirну спиной. — И вы все должны услышать о том, что мы с Юталиэн сумели узнать.

Корт обращался к атлургам напрямую, минуя навязчивое посредничество Гwirна. Внимание народа тут же переключилось на ругата. Он спиной ощущал раздражение Гwirна, его проникающий между лопатками взгляд, холодный и скользкий, словно клинок из тергеда.

— Наше с Юталиэн паломничество прошло более чем успешно. Нам удалось не только прикоснуться к истокам, но и получить важную информацию. Я не буду утомлять вас долгими рассказами о нашем пути, скажу лишь, что он был опасным и непростым. Но боги направляли нас и позволили вернуться домой.

Гораздо важнее то, что мы узнали за время, проведённое в Городе-за-Стеной. Об этом я и собираюсь вам поведать.

Корт чувствовал, что Юта внимательно наблюдает за ним. Он делал над собой усилие, чтобы не посмотреть в ответ.

Корт рассказал историю с самого начала — с того момента, как они с Ютой нашли рисунок её кулона и пророчество Амальрис в Зале Свитков. Он рассказал о том, что они узнали в ЛАС о приближающейся планете. О матери Юты и тайных жрицах — хранительницах знаний о прошлом и будущем народа. И закончил строкой из версии пророчества, которое прочитал у Налады: «Придёт великая буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого. Только истинный народ сможет спастись, когда...».

Корт говорил долго. В это время атлурги то начинали шуметь, обрушиваясь словно камнепад, то, наоборот, затихали, заворожённые словами ругата. На их лицах попеременно отражались то согласие и понимание, то недоверие и скептицизм.

Корт прекрасно понимал, как звучат его слова. И заранее представлял, как они будут восприняты под этими сводами. Потому намеренно опустил несколько моментов. Например, историю народа в пересказе Налады; подробную историю бегства и мытарств жриц. А также, как мог, постарался преуменьшить долю участия Юты во всём этом деле.

Он делал то же, что и она, когда пересказывала свою версию происходящего Кирли Коул, — лепил историю по своему усмотрению. Но несмотря на то, что Корт, как мог, смягчил свой рассказ, он всё равно должен был стать ударом для народа. Ведь он подвергал сомнениям самую его историю и уклад жизни.

Закончив говорить, Корт ощутил, как на него разом навалилась усталость последних недель. То, что неустанно заставляло его двигаться вперёд всё это время — была необходимость донести открывшиеся ему знания до людей. Не дать им пропасть вместе с собой, от рук ли убийц в Лиатрасе или от жара солнц в пустыне. Он должен был исполнить свой долг — и хоть он не мог сделать многого, но мог хотя бы рассказать народу правду и предупредить.

И теперь, исполнив то, что был должен, Корт почувствовал себя слабым и уставшим, очень уставшим. Он мигом сдулся, как будто из надувной куклы вынули затычку и выпустили воздух.

К счастью, атлурги оказались слишком растеряны и шокированы тем, что он рассказал, чтобы спорить или засыпать его вопросами. Корт сомневался, что у него хватит сил ответить на них.

Но в зале остался один человек, на которого слова Корта не произвели впечатления.

— Мне кажется преждевременным принимать за истину твой рассказ. А тем более бить из-за него тревогу, — раздался сзади голос Гвирна. В притихшем зале он прозвучал чисто и отчётливо.

Атлург сделал шаг вперёд, поравнявшись с Кортом. Он был практически одного с ним роста, но более тонким и изящным. И если бы не рост и телосложение Корта, то в своём потрёпанном сером балахоне, с коричневой, неравномерно загоревшей кожей он смотрелся бы рядом с Гвирном простолюдином возле царственной особы.

Да, Гвирн более всего походил на потомка царских кровей. И говорил соответственно.

— Не стоит волноваться о том, чего мы не знаем наверняка. У народа полно своих проблем, чтобы ещё ломать голову над тем, что творится в Городе-за-Стеной.

— Но эти проблемы касаются нас всех, не только детей Колоссов, — начал Корт.

Гвирн оборвал его громким смешком.

— Прости, но это несерьёзно, — неприятно улыбаясь, заговорил он. — Ты же не считаешь, что мы воспримем твои слова на веру просто потому, что ты рассказал нам

красивую, хоть и малоправдоподобную историю. Пророчеств разных богов пруд пруди. У каждого, даже самого незначительного божества, наберётся по дюжине свитков с пророчествами, обо всём не свете. Не понимаю, с чего бы тебе вздумалось обращать внимание именно на это, к тому же принадлежащее давно ушедшей в небытие богине.

Что же касается всей этой истории с приближающимися гигантскими камнями, то я не вижу оснований верить ни в одно слово в ней. По сути, твой душераздирающий рассказ основан на словах полоумной старухи и ещё каких-то людей из Города-за-Стеной. Скажи, с чего вообще атлургам верить каким-то их сомнительным устройствам и ещё не пойми чему, когда с нами боги?

Эта последняя фраза была обращена напрямую к атлургам и била по наиболее уязвимому их месту — вере. Чтобы перетянуть народ на свою сторону Гвирн не скупился в методах, используя самые грязные, но и наиболее действенные из них.

Когда он хотел унизить Корта, то всегда говорил о нём, как о постороннем. В своей речи Гвирн разделял атлургов на «Корта» и «нас», таким образом давая понять, что Корт — чужак среди народа. Как будто Корт до сих пор был здесь не более чем изгоем.

Гвирн делал так постоянно, зная, что это выводит Корта из себя. Не говоря о том, что в нынешнем своём выпаде он попросту издевался над Кортом, выставляя его дураком.

Кулаки Корта сжимались всё сильнее, но он не должен показывать своих истинных эмоций, иначе мигом проиграет.

«Хочешь апеллировать к богам, — думал Корт, — ладно, будут тебе боги».

— Хорошо, не верите приборам и знаниям детей Колоссов — я это понимаю. Но поверьте хотя бы собственным богам! Та пожилая женщина не была полоумной, — она была жрицей богини Тьмы. И Юта тоже является потомственной жрицей, притом последней! У нас есть доказательство — её кулон!

Корт указывал на Юту, замершую под взорами атлургов. В её глазах было удивление, но как всегда — ни капли страха.

«Прости меня, — мысленно говорил ей Корт. — Я не хотел вмешивать тебя ни в этот спор, ни в наши с Гвирном дела. Но, похоже, у меня нет другого выбора».

Юта вдруг тряхнула головой и шагнула вперёд, как будто услышала его.

Сперва медленно, а потом всё увереннее она подошла и встала рядом с Кортом. Юта обвела глазами лица атлургов, а затем посмотрела на Корта. Это был странный взгляд — она не пыталась спросить у него, что делать, не ждала поддержки или одобрения. Но в то же время Юта будто искала что-то в его лице. Корт не знал, что она там увидела, потому что всего через секунду девушка отвернулась.

— Это правда! Я — последняя жрица богини Амальрис. И вот подтверждение моим словам — этот кулон.

Юта вытащила из-за ворота кофты знак богини и подняла над головой.

— Этот символ — точная копия тех, что нарисованы в свитках Амальрис. Любой желающий может найти их и убедиться в том, что слова Корта — правда!

— Так что ты предлагаешь делать? — это был Дар.

Молодой атлург стоял слева от Уги, сосредоточенно наблюдая за Кортом. Он будто повзрослел за то время, что Корт отсутствовал. На его лице были видны следы ещё детского любопытства, но появилась и взрослая серьёзность. Дар больше не собирался очертя голову бросаться навстречу судьбе. Теперь он был готов услышать то, что скажет Корт.

— Я согласен с Советом в том, что сперва нам надо уладить дела Утегата.

Продовольственный и водный кризис — наша первоочередная задача. Хотя я и не могу согласиться с методами, которые нам предлагают. Но как только мы найдём решение этих проблем, стоит подумать о том, куда народу двигаться дальше. Потому что «конец света», о котором говорится в пророчестве — будет ли он таким, как описан, или нет — коснётся нас всех.

— Согласен с Кортм в том, что проблемы Утегата — на первом месте, — вдруг сказал Гвирн. Он уже понял, что народ намерен слушать Корта, и ему не осталось ничего иного, кроме как подстраиваться. — Мы должны вывести город из кризиса. Всё остальное — после.

Лично мне кажется, что это сильное преувеличение — никакого конца света не будет. Это просто плохой период, какие бывали за историю народа не раз и не два. Мы должны держаться вместе и тогда сможем всё преодолеть.

«Вот как ты теперь запел, — думал Корт. — Так-то лучше».

— Ты сказал, что способ решения водной проблемы, предложенный Советом, тебя не устраивает. А что бы ты сделал? — спросил Уги.

Они не договаривались заранее о том, как будут проводить свою линию. Корт даже не рассказал соратникам, что узнал в Вечном Городе. Только Леда знала всю историю целиком. Они же слышали её только сейчас, вместе со всеми. И, тем не менее, продолжали поддерживать Корта. Были его опорой, выполняя роль «первого покупателя», который привлекает и заводит толпу, направляя в нужное русло.

— Да, предложи свое решение, Корт! — подхватили атлурги. — Если всё, что вы с Юталиэн рассказали — правда, то вы оба ведаете волей богов. Что же нам делать? Без воды люди очень скоро начнут умирать — в первую очередь дети и старики. Как нам спасти наших близких?

Корт нахмурился. Голова шла кругом. Он не был готов к подобным вопросам. Сперва ему надо обсудить стратегию с ближайшим кругом. Выработать общее решение, а затем уже постепенно продвигать его среди народа.

— А как насчёт хранилища воды? — раздался в тишине голос Юты.

Все взгляды обратились к ней.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Корт.

Она посмотрела на него слегка неуверенно, затем на Гвирна.

— Под Красными Горами находится подземное озеро — сотни, тысячи тонн воды. Я не знаю, на какое время этого хватит поселению, но, думаю, на ближайшие месяцы проблема будет решена.

Корт задумался.

— А ведь это мысль... Если начать брать воду из хранилища, это даст нам время, чтобы придумать выход из ситуации. Мы не должны позволять народу погибать, когда есть решение, пусть и временное. Ведь хранилище было организовано именно для таких случаев. И если не сейчас открывать его, то когда?

— Всё верно, но ведь это наш стратегический запас, — как показалось Карту, немного нервно заговорил Гвирн. От недавнего высокомерия не осталось и следа. — Если мы выберем из хранилища всю воду, у нас ничего не останется. И что делать тогда? Мне это кажется неразумным. Да, мы понемногу берём оттуда воду и сейчас, но наш план по перераспределению ресурсов — это не временное решение. Он позволит нам преодолеть кризис и сохранить запасы воды. Утегат ещё никогда не оставался без...

— Ну и что с того?! — закричали из толпы. — Мы не хотим доверять жизни наших жён

и детей несколькими атлургам, которые будут решать, кому сколько воды и еды выдавать. Мы все имеем право на равное количество!

— Что скажете: кто за то, чтобы открыть хранилище? — крикнул Уги.

Он повернулся лицом к атлургам, обращаясь к самой значительной силе Утегата — людям. Оставалось лишь дать им небольшой толчок, и этот раунд будет за Кортм.

— Мы за то, чтобы открыть! Открывайте! Да! — толпа взревела сотнями голосов, словно гигантский зверь со множеством глоток.

Атлурги гикали и кричали, выказывая одобрение этой идее. Вверх выстреливали руки со сжатыми кулаками, словно они собирались на войну. На всей планете не было сейчас более внушительной силы, чем та, что собралась в этом зале.

— Хорошо! — зычно крикнул Корт, перекрывая шум толпы. Он тоже вскинул вверх руки, привлекая к себе внимание. — Тогда сегодня же мы откроем хранилище! И пусть это не решит всех проблем, но сегодня наша судьба — в наших руках!

Зал Кутх взорвался мощным криком. Атлурги как один вскидывали вверх сжатые кулаки в знак солидарности. Сейчас они думали, двигались и дышали, как единый организм. Воля этих людей была его кровью, их сила духа — его живыми клетками, а Корт — был его сердцем.

* Лурд — название домов, в которых живут атлурги. А также социальной ячейки, которой является каждая семья, проживающая в отдельно взятом доме.

Глава 2. Притяжение

— Что если нам отправить экспедицию к дальним горам? Корт говорил, что там большое поголовье коз, и даже орлы остались. Вероятно, там можно найти и семена гилены и шиннии*. — Дар указывал на три зубца, обозначавшие на карте горы.

Четверо мужчин склонились над разложенным на столе пергаментом. Утегат на нём обозначался крестиком в центре, а три зубца дальних гор были в самой вершине правого верхнего угла.

— Всё отлично, только вот кто согласится туда идти? Да это в десятках тар отсюда. Такая экспедиция — это дорога в один конец — причём во владения Руга. Только сумасшедший решится на такое. Прости, Корт, не в обиду тебе.

Гадрим потирал заросший жёсткой щетиной подбородок.

— Да уж, теперь идея о перераспределении воды и продовольствия не кажется такой уж плохой. — Уги хмурился.

Уже несколько недель они ломали голову над решением, которое должны предложить народу в ближайшее время. Пока в Утегате всё было спокойно. В городе снова появилась вода, и споры на время стихли. Но в этом затишье Карту уже чудился отдалённый шум надвигающейся бури.

— Рано сдаваться. Мы должны предложить выход, который устроил бы всех. И главное — позволил обойтись без жертв среди народа.

— Хорошо бы такой выход и правда был. Потому что иначе через пару месяцев, когда вода закончится, и люди начнут умирать, нам грозит бунт, — Уги лишь озвучил то, о чём и так всем было известно, но всё же эти слова прозвучали крайне мрачно.

— Я этого не допущу. Мы что-нибудь придумаем, — ответил Корт.

— Отлично. Тогда хорошо бы думать быстрее, потому что вчера я был в хранилище. И оттуда уже выбрано около четверти объёма.

Бурый полог отлетел в сторону, и в комнату просунулась голова молодого атлурга. Его ещё не допускали до внутренних совещаний, но парень рвался в бой, смотря на Корта широко раскрытыми глазами. Кажется, он считал его за некое подобие живого божества. Корт считал, что из молодого атлурга может выйти толк и держал его поближе к себе, на посылках.

Парень с выражением благоговения и ужаса осмотрел комнату с четырьмя атлургами, застывшими над картой. На его лице ясно читалось, что он только что застал сильнейших мира сего, в этот самый момент вершащих историю.

— Что такое, Мерут? — окликнул замершего в дверях парня Корт.

Тот словно очнулся от самого увлекательного в его жизни сна и вытянулся по стойке «смирно».

— Корт, началось.

Святылище Руга — самое обширное место поклонения в Утегате. Все божества имеют свои капища — большего или меньшего размера, часто посещаемые и заброшенные, крупные — на десятки человек, и совсем маленькие — рассчитанные на одновременное присутствие одного-двух атлургов. Но ни одно из них не сравнится с этим.

Святылище Руга имеет круглую форму. Круг — символ непрерывной линии жизни — от

рождения к смерти и снова к рождению. На смену одним поколениям приходят другие — таким образом, линия жизни народа длится в веках. Не прекращаясь ни на секунду, она лишь движется по кругу, повторяя саму себя.

Обычно зал пустует, напоминая об истинных владениях Руга — бесконечной пустыне. Только в центре, на массивном алтаре, вырубленном из единого куска красного камня, стоят три чаши, наполненные песком. Рядом лежит кинжал-аслур, полностью сделанный из прозрачного, как капля воды, тергеда, настолько чистого, что через его лезвие можно смотреть насквозь.

Атлург, желающий обратиться к богу, должен взять горсть песка из первой чаши и пересыпать во вторую в знак того, что пески являются главной стихией на планете, и что жизнь народа подчинена их течению. Затем просящий должен порезать ладонь аслуром и капнуть кровью в третью чашу, подтверждая, что вверяет жизнь Ругу.

Сегодня в святилище собралось много атлургов, что бывает только по особым событиям. Корт пробил себе дорогу вперёд и тут же наткнулся на Гвирна, стоящего в первом ряду. Атлург бросил на него безразличный взгляд и коротко кивнул. Карту показалось, Гвирн недоволен его появлением.

Освещение было приглушено. Солнечные лучи рассеянно гладили красный камень алтаря и золотили стены, искрящиеся, словно драгоценные жилы в недрах гор. Сам зал утопал в лёгкой полутьме, лениво струящейся через заполненное атлургами пространство. Только на двух людей, стоящих перед алтарём, падало чуть больше света.

Сегодня совершался обряд Нанесения Знаков. Сегодня народ принимал к себе ещё одного атлурга, который с этого дня станет полноценным членом Утегата.

Нергут — новый гурнас — был одет в церемониальную одежду: халат песочного цвета с бордовой вязью знаков по рукавам и подолу. Последний раз Корт видел его на Арагоне.

Рядом с ним стояла девушка и протягивала жрецу руки.

Юту было не узнать в длинном церемониальном балахоне. Слово в противоположность одежде гурнаса, он был тёмно-бордовым. Гораздо более богато, нежели халат Нергута, расшитый письменами наури. Балахон был длинным, доставая Юте до пят, и бесформенным, полностью скрывающим её фигуру. Только рукава были неестественно коротки, обнажая предплечья.

На алтаре, перед которым стояли Юта и Нергут, не было привычных чаш и ритуального кинжала. Вместо этого на нём были разложены ножи разного размера и формы, с тончайшими, отточенными как бритва, лезвиями. И ещё стояла чаша, наполненная красной пылью, настолько мелкой, что при малейшем дуновении она взвивалась в воздух бордовым туманом.

Гурнас взял правую руку девушки и повернул внутренней стороной к себе. Затем выбрал один из ножей, — с изогнутым полумесяцем лезвием. Он поднёс его к светлой, кажущейся полупрозрачной коже Юты, и начал быстро и умело водить по ней бритвенно-острым краем.

Капельки крови выступили из свежих ран, будто капли росы на лепестках цветка. Нергут два раза менял ножи, предназначавшиеся для разных узоров и степеней нажатия, и вскоре первый символ наури появился на предплечье Юты. Гурнас чуть повернул её руку, и тонкая струйка крови, словно красная нитка, протянулась от знака к запястью девушки.

Специальной лопаткой жрец зачерпнул из чаши красной пыли и присыпал символ. Затем начал аккуратно и методично втирать в свежий порез.

Корт помнил, что это больно. Но Юта ничем не выдавала своих ощущений. Она не

дрогнула, не пыталась инстинктивно отдернуть руку и не изменилась в лице. Она стояла прямо и спокойно, почти равнодушно наблюдая за действиями гурнаса.

Корт почувствовал за Юту странную гордость. В течение нескольких недель после того, как узнал, что она решилась на обряд Нанесения Знаков, он не мог понять причин. Это казалось странным: Юта была слишком самобытной, да и с народом её мало что связывало. Была ли причина в её матери, которая оказалась атлургом? Или же у неё на уме было что-то иное?

Сейчас, глядя на её прямую спину, спокойное выражение лица, уверенный, непоколебимый взгляд, Корт наконец понял, почему она делает это.

Юта уже была атлургом. А обряд Нанесения Знаков — всего лишь символический жест, подтверждающий это. Словно кто-то проводит ручкой по невидимым, но уже существующим на бумаге линиям. Линии её судьбы уже были написаны. Ей оставалось только следовать им.

Закончив втирать красную пыль, гурнас промокнул рану лоскутом ткани. Первый символ был закончен. Оставалось еще около двадцати. Через четыре-пять часов предплечья девушки будут испещрены символами наури. Ритуал закончится, и гурнас впервые назовёт её атлургом.

Корт скрестил на груди руки, готовясь простоять здесь до вечера. Он не смотрел на нож Нергута, скользящий по коже Юты, — только на её лицо.

Когда обряд Нанесения Знаков подошёл к концу, атлурги уже еле стояли на ногах. Обычно первые знаки наносятся ещё ребёнку. Сперва только несколько основных символов. Остальные добавляются позже, по несколько за раз, в течение всей жизни.

Но в случае Юты первые знаки наносились уже взрослому человеку, поэтому их было гораздо больше. Все символы, которые обычно атлург получает в течение жизни, были нанесены Юте за раз.

Но девушка ничем не выказывала усталости. Она стояла с прежним выражением лица. Корт мог только представить, какими усилиями ей даётся это спокойствие и неподвижность.

Прежде чем замотать тканью истерзанные предплечья, Нергут повернул руки Юты к атлургам, чтобы каждый мог увидеть её знаки. Они — то, чем отныне она отличается от других. То, что теперь будет её определять. Эти символы делают Юту частью народа, в то же время выделяя среди прочих атлургов.

Завершая обряд, гурнас вслух прочитал то, что отныне было высечено на её руках:

«Та, кто спустилась с небес, но не является птицей.

Та, кто покинула обитель Колоссов, но не является изгоем.

Та, кто не была рождена среди народа, но является атлургом.

Нашедшая путь домой.

Последняя жрица Богини Амальрис».

И наконец, её имя:

«Юталиэн — «Отмеченная судьбой».

Юта отдернула полог и вышла из дома. Коридор был пуст, но из соседнего доносились голоса. Они звучали взволнованно, на повышенных тонах. Эхо мячиком отскакивало от стен

и потолка, создавая причудливый узор интонаций, пока не удалилось в сторону центра города. Атлурги собирались на Утегатол.

Юта поправила полоску ткани, размотавшуюся у запястья. Её предплечья почти зажили. Она уже не смазывала раны заживляющей мазью, но ещё продолжала бинтовать их — обе руки, от запястий до локтей.

Юта направилась по коридору в сторону Зала Кутх, когда услышала шаги за спиной. Она инстинктивно обернулась и почему-то застыла на месте, наблюдая за приближающимся мужчиной. Сердце неровно скакнуло в груди.

За время, что прошло с их возвращения из Лиатраса — а это почти месяц — они с Кортм не обмолвились и парой фраз. Он совершенно очевидно избегал Юту, и девушка знала, в чём была причина.

Корт подошёл и тоже остановился. Оба молчали. Неловкая пауза затягивалась. Наконец Корт опустил глаза и указал на её забинтованные предплечья:

— Как твои руки? Заживают?

— Да, порядок.

Юта обхватила одну руку другой выше локтя. Получилось, будто она не то хотела закрыть от Корта пораненные предплечья, не то стеснялась забинтованных рук. Пытаясь снять нарастающую напряжённость, Юта выпалила:

— Я собираюсь вынести на Утегатол вопрос о новом походе в Вечный Город.

Корт опешил. Он выглядел так, будто только что очнулся от очень странного сна и ещё не до конца понял, проснулся ли он или всё ещё спит. Но мужчина быстро вернул себе самообладание.

— Это ещё зачем? — Кулаки крепко сжаты, цепкий взгляд исподлобья.

Юте стало не по себе, но теперь она — одна из атлургов. Она имеет право выносить вопросы на обсуждение народа. Собственно, это и было основной причиной, почему она захотела пройти обряд Нанесения Знаков. К тому же теперь она многое знает и понимает и может самостоятельно принимать решения. Она не нуждается в его поддержке или одобрении.

— Тебе прекрасно известно, что нам надо найти пропавший свиток — тот, который был у моей матери. А ещё я не могу игнорировать то, что жители Лиатраса находятся в двух шагах от гибели из-за песков. Да, мы передали всю информацию Кирли. Но нельзя пускать это дело на самотёк. Я должна убедиться, что ей удалось донести правду до людей. И что предпринимается всё, что необходимо, для их спасения.

Корт сделал к ней шаг, нависнув, как скала.

— А тебе прекрасно известно, что это слишком опасно. Или тебе показалось мало того, что было в прошлый раз? Решила с жизнью расстаться?!

Юта стиснула зубы и упёрла в него взгляд:

— Если ты не захочешь идти со мной, я пойму — это не твоя борьба и не твоё дело.

Она не совсем поняла, что случилось в следующую секунду. На её запястье словно сомкнулись железные кандалы, потревожив одну из ран. Одновременно с резкой болью её рвануло в сторону, и вот Корт уже запикивает её на кухню.

— Пусти! — крикнула Юта, выдёргивая руку. Бинт на запястье снова размотался, но девушка не обращала на это внимание. — Что ты себе позволяешь?! Я теперь такой же атлург, как и ты! Я имею на это полное право!

Корт отвернулся, пытаясь взять себя в руки. А когда заговорил, его голос был ровным и

тихим. От этого у Юты по коже побежали мурашки.

— Неужели ты не понимаешь, насколько это безрассудно? В прошлый раз мы еле унесли ноги, и соваться туда снова — просто самоубийство. Я не могу позволить тебе это сделать, — запелляционно закончил Корт.

«Ах так!» — злость вскипела в венах, словно молоко, оставленное без присмотра в солнечной печи.

— Да кто ты такой, чтобы приказывать мне! — закричала Юта. — Ты ещё не Канг, и это решение не тебе принимать! И вообще, ты за последние недели со мной и словом не перемолвился! Так не всё ли тебе равно, что я делаю и куда иду?!

На миг лицо Корта исказилось судорогой боли и ярости. Он стоял очень близко к Юте, почти вплотную, так что она видела, как полыхнули гневом его глаза, став иссиня черными, словно ураганное небо. Он с силой занёс руку. Юта инстинктивно зажмурилась, сжимаясь в комок, когда огромный кулак понёсся к её голове.

Она услышала глухой удар, от которого, как ей показалось, содрогнулась стена за спиной.

— Чёрт побери, Юта! Конечно, мне не всё равно!

С глухо колотящимся сердцем Юта открыла глаза. Корт тяжело дышал. Он отнял руку от стены. Костяшки были разбиты в кровь. Корт посмотрел на Юту, и вдруг его лицо изменилось. Тяжёлая волна гнева отхлынула, и он оказался в шоке от того, что только что сделал. Корт отшатнулся. Он отвернулся, не в силах смотреть Юте в глаза.

— Я прошу лишь об одном: дай мне время разобраться со всем. Сперва решить проблемы Утегата. Потом мы подумаем над твоими словами. Если ты вынесешь этот вопрос сегодня на Утегатол, атлургам придётся принять решение. Мне придётся принять решение. Всё, о чём я прошу — лишь немного времени.

От испуга и неожиданности Юту била крупная дрожь, которую она, как могла, пыталась скрыть. Поведение Корта поразило её, но это ничего не меняло. Даже если бы он её ударил, она бы не передумала.

— Прости, но это не может ждать. Я уже всё решила. Ты не сможешь меня переубедить.

— Вот как... — Голос Корта прозвучал как-то жалко. — Ну, тогда...

Он поколебался секунду, а затем выбежал наружу.

Несколько минут Юта простояла не двигаясь, ошеломлённая тем, что случилось. Потом она медленно повернулась и посмотрела на стену за спиной.

В том месте, куда ударил Корт, рядом с её головой, была выемка со следами свежей крови.

Корт шёл по коридору, плохо соображая, куда и зачем идет. Ноги сами вели его вперёд, в то время как мысли витали далеко, а сердце бешено брыкалось в груди.

Он не понимал, что только что произошло. Не мог до конца поверить, что сделал то, что сделал. И только саднящая боль в костяшках пальцев правой руки навязчиво шептала о том, что Корт был в двух шагах от того, чтобы ударить Юту.

Нет, не так. Он никогда не сделал бы этого: не поднял на неё руку. Ведь всё, чего он хотел — это защитить её, от всего и ото всех. Но вместо этого, похоже, единственным, кто представлял для неё сейчас угрозу, был он сам.

И снова он сбежал. От неё, от того, что сделал, от своих чувств. Он был просто жалок.

Снова и снова Корт старался понять, что произошло. С Ледой он никогда в жизни не вёл себя так и даже представить не мог, что сделал бы нечто подобное. Корт не знал, кого этот внезапный всплеск эмоций напугал больше — Юту или его самого. Потому что он не понимал, что с ним творится. Кроме того, что рядом с этой девушкой его обуревали такие эмоции, какие, как он думал, он вообще не мог испытывать и с какими не мог совладать.

Он говорил себе, что перестанет вести себя как безумец, как мальчишка. Но вместо этого в следующий раз выкидывал что-то ещё более безумное. После возвращения из Лиатраса Корт пытался перестать с ней общаться. Но он не мог избегать её вечно, тем более теперь, когда Юта стала атлургом. Он пытался делать вид, что между ними ничего не происходит. Хотя прекрасно знал, что это ложь.

Корт пытался подавить свои чувства. Думал, если не будет её видеть, то постепенно они перестанут его терзать. И он уже было поверил, что так и есть. Но стоило ему снова, всего один раз, оказаться с ней наедине, и вот чем всё обернулось.

Внезапно Корт обнаружил, что его окружает гул голосов. Ноги привели его в Зал Кутх, где вот-вот должен начаться Утегатол.

— Корт, сюда! Мы тебя ждали.

Это был Уги. Он уже занял место в первом ряду. Гвирн стоял возле Помоста Кангов спиной к Карту и переговаривался с членами Совета. Корт подошёл к Уги и перебрросился с ним парой слов. В голове звенело.

Корт постарался собраться: сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Перед глазами прояснилось. В мир стали возвращаться поблёкшие краски. И тут он увидел её.

Конечно, Юта пришла сюда, ведь она собиралась вынести вопрос на обсуждение. Она смотрела на Корта, но в её глазах не было упрёка. Наоборот, взгляд был виноватым. А когда Корт посмотрел в ответ, её высокие скулы залил лёгкий румянец, заигравший кирпичным оттенком на загорелой коже.

Правая рука нестерпимо зачесалась. Корт посмотрел вниз и увидел на крепко сжатом кулаке следы засыхающей крови. Он поспешно спрятал руку за спину и отвёл взгляд.

— Прошу тишины! С дозволения богов мы начинаем Утегатол! — пророкотал голос Ауслага. Он привёл Корта в чувства. — Корт, ты собрал нас для того, чтобы говорить с народом. Слово за тобой.

Корт постарался отрешиться от личных переживаний и вышел вперёд.

— Прошёл месяц с тех пор, как мы открыли водное хранилище, — без предисловий начал ругат. — Но, несмотря на то, что мы используем этот запас разумно и экономно, вода уходит слишком быстро. На прошлом Утегатоле я обещал вам придумать решение, не прибегая к мерам жёсткой экономии и перераспределения ресурсов. Я долго думал над этим. Рассматривал разные варианты и пришёл к одному выводу. Здесь и сейчас, с тем, что мы имеем, нам не решить наших проблем.

Народ заволновался при этих словах. Вопросы и возгласы негодования посыпались на Корта. Но он лишь поднял руки, призывая к тишине, и продолжил:

— Я размышлял о сути нынешнего кризиса. И понял, что на него можно посмотреть с разных сторон. С одной стороны, это проблема нехватки продовольствия. С другой — перенаселения. Первую проблему — нехватки воды и еды — нам никак не решить, потому что это от нас не зависит. Мы не можем заставить коз размножаться быстрее или давать больше молока. Без удобрений не можем вырастить больше ропса. А также не можем

заставить горные источники давать больше воды.

С другой стороны, у проблемы перенаселения есть одно верное решение. И если подумать, мы все его знаем.

Часть народа должна уйти из Утегата, чтобы на новом месте построить новый город. Мы снарядим отряд в дальние горы, туда, где никто не живёт. Я бывал там во время своих скитаний. Там нет поселений поблизости, а значит, все ресурсы будут нашими. Я видел собственными глазами большие поголовья коз. Там даже остались орлы.

Корт остановился, чтобы перевести дыхание, и тут же на него обрушилась лавина вопросов, предложений, ругани и даже, кажется, одобрения. Сложно было разобрать что-то конкретное в этом шуме, разразившемся под сводами Зала Кутх. Но тут раздался голос, который единственный мог возвыситься над всеми и утихомирить народ.

Конечно, Гвирн был здесь, стоял рядом с Советом, как будто был одним из них.

— И это твоё решение, Корт? — прозвучал его насмешливый голос. — Мне кажется, ты как-то неважно всё обдумал. Экономия ресурсов — это реальный план. — На слове «реальный» Гвирн сделал ударение. — То же, что предлагаешь ты... я даже не знаю, как это назвать. Бредом воспалённого воображения? Мне кажется смешным даже говорить о подобном.

Что же касается плана по сбору и перераспределению ресурсов, то за прошедший месяц я не сидел на месте. Мы с единомышленниками уже закончили перепись населения и разработали критерии, по которым будет выделяться продовольствие. А также составили примерный список тех лурдов, которые будут получать еду и воду в первую очередь. Желающие могут ознакомиться с нашим предложением после того, как Корт закончит.

Гвирн довольно улыбался, как будто только что нанёс оппоненту сокрушительный удар. Но ругат не обратил на его выпад никакого внимания.

— Перераспределение ресурсов может быть лишь временной мерой, поскольку она ничего не решает, — спокойно продолжил Корт. — У нас не увеличится ни количество воды, ни еды. Слабые атлурги начнут умирать — старики, женщины и дети.

По моим подсчётам мы потеряем до пятой части населения, если ситуация с приплодом стада и нехваткой воды останется такой же. Если же станет ещё хуже, жизнь всего Утегата окажется под угрозой. То, что я предлагаю, в случае удачи позволит избежать жертв. В крайнем случае мы потеряем не больше людей, чем от голода и жажды при режиме экономии.

Я понимаю, что на первый взгляд это решение может показаться радикальным. Но на самом деле это единственный выход, который реально позволит нам решить проблемы, избежав при этом гибели людей.

— Ну, насчёт этого я не был бы так уверен, — тут же вмешался Гвирн, — ведь многодневный переход по пустыне — это фактически самоубийство. То есть ты просто-напросто предлагаешь собрать часть народа и отправить на верную смерть. Что ж, ты прав, это действительно надёжно решит проблему перенаселения.

— Ты ошибаешься. Ты уверен в неудаче, потому что уже многие столетия никто не совершал таких переходов. Согласен, это будет трудно и опасно. Но это реально. Я говорю, как человек, который провёл в пустыне много месяцев.

Корт снова обратился к народу:

— Такой длительный переход, безусловно, опасен. И скажу вам честно, не все дойдут до конца. Потому пойдут лишь добровольцы. Самые сильные и выносливые. Те, кто готов

рисковать и даже пожертвовать собой, чтобы спасти своих родных: свои семьи, своих матерей, сестёр, жён и детей.

Мы — атлурги, и пора вспомнить, что это значит. Когда-то Руг провёл через пустыню первых из народа и научил нас выживать. С тех пор он покровительствует самым сильным и смелым. Он может отнять, но может и даровать жизнь.

А если и этих доводов для вас недостаточно, то я скажу следующее. Я уверен, что боги будут на нашей стороне, и сделаю для этого всё. Отряд добровольцев поведу лично я. В этом случае наши шансы не просто увеличатся, — они станут реальными.

По мере того, как Корт говорил, тон голосов сменялся с недовольного на изумлённый. Тихий шёпот постепенно перерос в грохот рушащейся лавины.

Гвирн пытался что-то возражать, но на этот раз атлурги не затихали при звуках его голоса. Они продолжали бушевать. Спорить и соглашаться не только с Кортом, но и друг с другом. Эхо голосов отражалось от высоких сводов, обрушиваясь вниз, многократно усиленное. Корт с трудом мог расслышать собственные мысли.

Неожиданно вперёд шагнул атлург из толпы. У него было крепкое телосложение, с которым резко контрастировало лицо, застывшее безжизненной маской, и ссутулившиеся плечи. Как будто из него выдернули стержень, и сильное, ещё молодое тело обвисло тряпичной куклой.

Он встал лицом к атлургам и сказал что-то, что за рёвом голосов Корт не расслышал. Мужчина повторил, уже громче. Корт видел, как внезапно и резко его спина выпрямилась, а кулаки крепко сжались. Третий раз атлург крикнул так громко и отчаянно, что наконец привлёк к себе внимание.

— Я пойду с Кортом! — Вот что он кричал.

А когда атлурги немного стихли и повернули к нему лица, повторил ещё несколько раз:

— Я пойду с Кортом. Я пойду с ним.

И вдруг он снова сдулся. Плечи поникли, а голос звучал приглушённо.

— Вы тут обсуждаете, как поступить, чтобы что-то выгадать для себя. Примериваетесь, за кем пойти, чтобы ваш лурд мог отдать поменьше, а получить побольше. Занимаетесь интриганством, строите теории, хорохоритесь друг перед другом. А между тем народ уже начал нести потери.

У меня умерла грудная дочь, потому что у её матери нет молока — ей самой нечего пить. Поэтому я готов стать первым добровольцем. Я лучше сам сгину в песках, чем допущу, чтобы умер еще кто-то из моих родных.

На долгую минуту в Зале воцарилось молчание. Несчастному отцу удалось пристыдить всех, и Корт не был исключением.

— Спасибо, — негромко сказал он спустя некоторое время. — Я с радостью разделю с тобой тяготы пути.

— Не надо благодарности, — с горечью проговорил атлург. — Я делаю это для своей семьи, даже если мне самому никогда не суждено будет вернуться.

Корт ничего не ответил, только кивнул.

— Он прав. Скоро такое начнёт происходить повсеместно. У меня тоже маленький ребёнок. Я пойду.

— И я.

— И я!

Количество атлургов, желающих стать добровольцами, быстро росло. И вскоре

стихийно организовавшийся отряд уже насчитывал несколько десятков человек.

Атлургов можно было назвать по-разному, но трусами они не были. А семейные ценности были здесь настолько сильны, что без преувеличения каждый мужчина, не раздумывая, мог пожертвовать собой ради родных и близких. Но среди добровольцев были не только мужчины. Вызвалось и несколько женщин — и этому Корт тоже не был удивлён.

Он с удовлетворением и благодарностью кивнул, принимая сразу всех желающих присоединиться. Корт не сомневался, что после сегодняшнего Утегатола ещё в течение, по меньшей мере, недели количество добровольцев будет расти.

Корт уже мог представить себе эту силу. Этих мужчин и женщин, объединённых общей целью, общей опасностью и общим возвышенным порывом. Он был горд за них. Горд за свой народ.

Его размышления прервал басовитый голос Ауслага:

— Что ж, если с этим покончено, есть ли у кого-то ещё вопросы, которые он хотел бы вынести на обсуждение?

Взгляд Корта моментально метнулся к Юте. Девушка неподвижно стояла в стороне, глядя в пол. Она молчала.

— Хорошо, — пророкотал глашатай. — Тогда на сегодня всё. И да пребудет с нами воля Руга!

Один поворот, другой, третий. Юта не боялась заблудиться, ведь уже не раз бывала тут. Настало утро следующего дня после Утегатола, и Юта не была уверена в том, что мужчина сейчас дома, но всё равно пришла. К своему удивлению, отёрнув полог, она увидела его, сидящим за столом лицом к внутренним покоям. Его крепкую, идеально ровную спину, обтянутую кофтой тонкой выделки.

Гвирн обернулся на звук.

— Юта? Рад, что ты зашла. Проходи.

На лице мужчины заиграла дежурная улыбка, но его глаза не улыбались. Гвирн был рассеян, приглашая Юту присесть. Его красивые золотые глаза не искали, как обычно, её взгляда, а смотрели в пустое пространство перед собой.

Юта понимала, что занимает сейчас мысли Гвирна. Она знала, что он был занят делами Утегата беспрестанно в последние недели. И что Гвирн болел за свой народ не меньше, чем Корт.

И всё же она эгоистично пришла к Гвирну со своими проблемами. Пришла, потому что не знала, куда ещё идти. К тому же за последние месяцы Юта так привыкла к его обществу, что, кажется, не могла сейчас оказаться ни в каком другом месте.

— Я не смогла, Гвирн. Я должна была сказать на Утегатоле о своих планах. Должна была рассказать, что мне снова надо уйти. Ведь это важно! Я знаю, что ты не согласен со мной. Понимаю, что у тебя и у народа сейчас другие приоритеты. Но пойми, дети Колоссов — это мой народ. И я хочу, нет, я просто обязана им помочь! — без предисловий начала Юта постоянно повторявшийся между ними спор.

— Я всё понимаю. И вовсе не считаю, что то, о чём ты говоришь, не важно.

Взгляд Гвирна потеплел и перестал блуждать по комнате, остановившись на Юте. Теперь он по-настоящему улыбался ей. Той особенной нежной улыбкой, которая, казалось,

предназначалась только ей.

— Но теперь твой народ — атлурги, — продолжал Гвирн. — Разве не лучше сейчас сосредоточиться на том, что находится у тебя перед глазами? Чем тщетно ломать голову о том, что ты не можешь изменить? По крайней мере, в данный момент?

Гвирн заглянул Юте в глаза и мягко взял за руку, стараясь не задеть забинтованных предплечий, чтобы не сделать больно.

— Да, наверное, — стусевалась девушка. Она вздохнула, отводя взгляд. — Это всё Корт, из-за него я ничего не предприняла.

— Что он сделал на этот раз? — хмыкнул Гвирн.

Юта замялась, слегка краснея:

— Ничего, забудь об этом. Я сама виновата. — Она вздохнула. — Ты прав. Просто проблемы Утегата сейчас важнее. Вот и всё.

— Это не так, — сказал Гвирн изменившимся голосом, и Юта невольно посмотрела на него. — Всё, что касается тебя, для меня имеет первостепенное значение. Что бы это ни было, я всегда тебя поддержу и встану на твою сторону.

— Спасибо, — промямлила Юта.

Она всегда терялась, когда Гвирн говорил подобные вещи. Юта попыталась высвободить руку, но Гвирн не отпустил, мягко, но уверенно удерживая в своей руке.

Его ладонь была тёплой. Неожиданно Юта начала различать малейшие перемены в движениях мужчины. Все её чувства словно многократно обострились. То, чего она никогда не заметила бы в других обстоятельствах, вдруг стало так явно, так громко, так ярко.

Юта слышала глубокое, чуть ускорившееся дыхание Гвирна над своим левым ухом, шорох его одежды и шарканье ног. И, будто дуновение ветра, ощутила быстрое лёгкое движение в её сторону.

Юта взглянула на Гвирна. И нашла его глаза прямо напротив своих. Тремя пальцами он аккуратно приподнял её подбородок. И легонько удерживал, так чтобы Юта не могла отвернуться.

Она понимала, что сейчас должно произойти. И даже понимала, что это было бы очень просто и естественно — поцеловать Гвирна. Но какая-то часть её продолжала с удивлением смотреть на происходящее.

Лицо Гвирна было так близко, что Юта ощущала его дыхание на своей коже. Она закрыла глаза, с бьющимся сердцем ожидая того, что будет дальше.

Вдруг мягкие пальцы отпустили её. Юта почувствовала, как Гвирн отстранился. Она открыла глаза и увидела, что в комнате стоит атлург. Он удивлённо рассматривал Юту и Гвирна. Юта не знала, в чём была причина удивления, — в том, каким перед ним предстал Гвирн — будущий предводитель народа — или же в том, — с кем он его застал. Под этим отстранённо-любопытным взглядом Юта покраснела с головы до пят.

Она посмотрела на Гвирна, ожидая, как он разрешит эту неловкую ситуацию. И, к своему удивлению, увидела на лице Гвирна недовольство.

— В чём дело? — нетерпеливо бросил мужчина. Он всё ещё не выпустил руку Юты и сидел достаточно близко к ней. Казалось, Гвирн готов продолжить то, на чём их прервали, в тот же момент, как атлург отвернётся, чтобы выйти.

— Корт... — парень замялся и как-то странно посмотрел на Юту.

Сердце девушки вдруг куда-то ухнуло.

— Что Корт? — недовольно поторопил атлурга Гвирн. Но Юта уже забыла о нём, во все

глаза глядя на отчего-то медлившего парня.

— На Корта напали. Ночью. Трое. Он ранен.

Секунду Юта пыталась осознать услышанное, а потом сорвалась с места и бросилась из комнаты.

* Названия водоносных растений.

Глава 3. То, что нас ранит

На одном дыхании Юта пробежала половину города. Она ворвалась в лурд, где жил Корт, ничего не соображая от страха и шума крови в ушах. В кухне собралось множество людей. Юта хотела было растолкать всех и броситься во внутренние покои — туда, где должен быть Корт. И только наткнувшись взглядом на прямую спину Леды, осознала неуместность своего порыва.

Отчего-то Юте стало стыдно перед Ледой. Она не знала, как обратиться к девушке, и мялась у входа. Но тут Леда обернулась и увидела Юту, замершую на пороге.

Девушка-атлург была бледной, с ввалившимися глазами и остро выступившими скулами. Она выглядела так, будто это её ранили прошлой ночью.

Но всё же Леда находила в себе силы улыбаться. Через их дом за утро прошло уже множество людей. Они хотели узнать из первых рук, что случилось, увидеть Корта или выразить соболезнования и надежду, что всё обойдётся. Некоторые из них приходили и уходили. Другие — оставались. С угрюмым видом они усаживались на откуда-то принесённые табуретки или толпились вдоль стен.

Лица, на которых застыло одно и то же выражение: сдержанная печаль и жалость, — не к Карту, — к ней — сменяли одно другое. Одинаковые слова — сожаления ли, поддержки — слились для Леды в непрерывный, ничего не значащий шум.

От мельтешения одинаковых лиц и слов у неё разболелась голова. Леде казалось, что это длится вечность. Должно быть, так и было. Она дико устала, ведь провела на ногах всю ночь, и ничего не хотела больше, чем остаться с Кортом наедине.

Потому, увидев среди однообразных выражений живую эмоцию боли на лице Юты, почувствовала к девушке нежность и благодарность. Хотя Леда и осознавала причину этой боли, ведь для неё не была секретом влюблённость Юты в её мужа. И всё же сейчас она ощущала к девушке скорее жалость, чем что-либо иное.

Именно поэтому она направилась к Юте, которая с широко раскрытыми глазами смотрела по сторонам, как будто не знала, что ей делать дальше.

— Леда, что случилось? — Увидев её, Юта всем телом подалась вперёд. В её глазах была паника. Казалось, Юта плохо понимала, где она и что происходит.

— Корт ранен, — через силу выдавила Леда улыбку.

Она аккуратно взяла Юту за локоть и повела от двери. Юта шла покорно, как коза на верёвке. Все её чувства были обращены к Леде, которая в этот момент казалась ей чуть ли не вершительницей её судьбы. Леда отвела Юту в сторонку и заговорила быстрым шёпотом, хотя в этом не было никакой необходимости, ведь подробности случившегося были и так всем известны.

— Вчера ночью, когда Корт возвращался домой, на него напали трое вооружённых людей. Его сильно ранили. Корт потерял много крови, прежде чем его нашли. Похоже, внутренние органы повреждены. — Нижняя губа Леды на секунду дрогнула, но тут же её лицо снова разгладилось. — С самого утра он то приходит в себя, то теряет сознание. — Леда поколебалась. — Но ты можешь его увидеть. Думаю, он хотел бы этого.

И решительным покровительственным шагом направилась к спальне, вход в которую был закрыт ещё одним, более лёгким пологом.

Сквозь полупрозрачную ткань Юта видела широкую низкую кровать и тело,

неподвижно лежащее на ней. Леда провела её за занавесь и оставила одну.

В комнате стоял резкий запах лекарственных снадобий. Приступок возле кровати был заставлен мисками и чашами с разноцветными мазями и настоями. На углу лежал бинт из широкого отреза серой ткани. Размотавшимся концом он доставал до пола.

Только рассмотрев комнату во всех деталях, как будто там было что-то очень важное, Юта посмотрела на Корта. Он выглядел так, будто спал. Только загорелая кожа как-то посерела, а черты лица заострились. Под глазами залегли глубокие чёрные тени, а кожа вокруг рта, наоборот, была очень бледной.

Мужчина был до груди укрыт одеялом, так что Юта не видела раны. Руки Корта неподвижно и как-то безжизненно лежали вдоль тела. На лбу выступили капли пота. Юта встала на колени возле кровати, взяла мокрую тряпку, лежавшую в тазу с водой, и стала обтирать лоб и щёки Корта.

Непрошенные слёзы брызнули из глаз. Юта прижалась лбом к руке Корта и судорожно всхлипывала, подавляя рвущиеся из груди рыдания. Она взяла его руку своей маленькой ладошкой и стала гладить, бормоча и приговаривая что-то. Смотреть Карту в лицо не было сил.

Вдруг его рука вздрогнула. От неожиданности перестав реветь, Юта посмотрела на Корта. Его лицо исказилось от усилия, и отяжелевшие веки бесконечно медленно поднялись. Не сразу, но Карту удалось сфокусировать взгляд на Юте. У него не было сил сказать что-то, но всё же взглядом он объяснялся с ней. Его глаза говорили то же, что Корт шептал, когда они были под завалами Зала Свитков. Юта слышала эти слова так отчётливо, словно мужчина произносил их вслух. Корт говорил ей:

— Не бойся. Всё будет хорошо.

Юта не помнила, кто и как вывел её наружу. А также, — как она дошла до дома. Она знала, что остаться с Карту было невозможно. Неизвестно как оказавшись в своей спальне, Юта упала на кровать и, уткнувшись в подушку, заплакала. Ей казалось, что у неё вырвали сердце, оставив ей только кусочек. И этот кровотокающий обрубок бесконечно болел и саднил в груди. А остальная, большая часть, осталась в той комнате с Карту.

Юта сидела в своей комнате, глядя на стену напротив. Со времени ранения Корта прошло три дня. И все эти дни она сидела на кровати, глядя на стену напротив. Она просто больше ничего не могла делать. Не могла ничем помочь.

Каждый день Юта приходила к Карту. Ровно один раз в день. Чаще — казалось неприличным. А потом возвращалась домой и садилась на кровать. Она просто ждала, когда сможет в следующий раз увидеть Корта.

Вчера и позавчера приходил Гвирн. Он говорил с ней. Гвирн убеждал Юту, что очень сожалеет о случившемся и что не имеет к этому никакого отношения. Юта верила ему. Но в конечном счёте это не имело никакого значения.

Каждый день Юта приходила в дом к Карту, и каждый день не было утешительных новостей. На третий день Леда сказала: внутреннее кровотечение остановилось. Юта почувствовала, словно вздохнула первый раз за прошедшие семьдесят два часа. Но отчего-то Леда не улыбалась.

— В чём дело? Это ведь хорошие новости? — сквозь нарастающую тревогу спросила Юта.

Она хотела улыбнуться, но вместо улыбки на губах появилась гримаса страха. Какое-то время Леда молчала, будто набиралась сил. Будто её язык отказывался говорить то, что она должна была сказать. Наконец девушка произнесла дрогнувшим голосом:

— Рана загноилась. Ему становится хуже.

Юта просто хотела бы знать, что может сделать что-то для Корта. Отправиться в пустыню искать чудодейственные травы. Или в Вечный Город за лекарствами. Или отдать свою жизнь взамен его. Но Юта понимала, что волшебных трав не существует, дойти до города и обратно она не успеет, а её жалкая жизнь ничего не стоит и никому не нужна.

Хотя, кажется, раньше атлурги приносили богам человеческие жертвы? Юта не была уверена, но, вроде бы, когда-то слышала о таком. Она могла бы принести себя в жертву. Если бы только у неё была надежда, что это даст Карту хоть один крохотный шанс.

Юта знала, что атлургам проще справляться с такими вещами — с болезнями и смертью близких. Потому что у них были их боги. Но у неё не было никого. Только он.

Хотя недавно Юта тоже стала атлургом, но по-прежнему не чувствовала себя частью народа. В отличие от Корта. Он считал себя атлургом. И был им. Когда-то давно, в другой жизни, на бесконечно далёком, ослепительно ярком плато, Корт рассказывал Юте о своей вере.

Юта же до сих пор не могла принять религии жителей песчаного народа. Налада, старуха жрица, рассказывала, что богов придумали потомки Детей Канора — древнего пранарода — чтобы выжить в пустыне и сохранить сакральные знания предков.

Да, Юта не верила в богов. Но всё же, всё же... может быть, что-то такое существует? Какие-то силы, невидимые, неслышимые, которые невозможно понять и осознать умом. Ведь Леда рассказывала, что в пустыне с Кортом что-то произошло. Что-то непонятное и мистическое. После чего его кожа стала горячей, словно прикосновение Тауриса. И он перестал бояться жара и света солнц.

Так может, что-нибудь такое всё же существует? Что-то, что атлурги в своём невежестве называют богами? Ведь, в конце концов, Корт верит в них. И каким-то образом получает от них силы. И даже, как говорят шёпотом атлурги, разговаривает в пустыне с Ругом. А если этот бог и правда реален и покровительствует Карту, разве он не поможет?

Второй раз за день Юта вышла из дома. Но она не пошла своим привычным маршрутом — по коридору налево к лурду Корта и Леды. Юта повернула направо и быстро зашагала узкими коридорами на восток. Мимо знакомых лурдов, мимо Зала Кутх, пребывающего в тишине и забвеньи до следующего собрания народа. Мимо небольшого рынка и дальше — туда, где в самой восточной части города находятся святилища богов.

Юта легко нашла вход в святилище Руга. Прошло чуть больше месяца с тех пор, как в этом самом зале проводился обряд её посвящения в атлурги. Но в отличие от прошлого раза, когда она была здесь, сегодня круглый обширный зал пустовал. Юта впервые увидела капище таким, каким оно представало для атлургов — величественным и молчаливым, напоенным запахом трав от ритуальных окуриваний и солнечным светом.

Юта знала, что в последние три дня многие атлурги приходили сюда, чтобы помолиться и принести Ругу жертвы за Корта. И теперь ей было стыдно. Ведь Юта уже давно могла обратиться к самому могущественному богу атлургов. Но из-за того, что не была религиозна, это попросту не приходило ей в голову.

Юта была рада, что не встретила здесь людей. Она впервые в жизни собиралась обратиться к божеству и испытывала неловкость и странный трепет.

Сегодня святилище было хорошо освещено, и три чаши, наполненные песком, жадно впитывали солнечный свет. Юта подошла ближе. Она знала и ритуал обращения к богу, и его значение. Но самой пройти через него — было как-то чудно и волнительно.

Юта взяла горсть теплого песка из первой чаши и пересыпала во вторую, тем самым подтверждая власть песков над планетой и всем живым на ней. Теперь она должна взять кинжал аслур, полностью выполненный из чистейшего тергеда, и, порезав руку, капнуть кровью в третью чашу. Для этого достаточно слегка порезать палец.

Юта взялась за гладкую рукоять аслура. В третьей чаше среди жёлтого песка чернели капли свернувшейся крови тех, кто обращался к богу до неё. Сердце неожиданно сильно застучало в груди. Это было первым реальным ощущением с тех пор, как Юта узнала о происшествии с Кортом.

Она покрепче схватилась за рукоять, будто боясь выронить кинжал, и раскрыла ладонь левой руки. Юта медленно и вдумчиво провела лезвием по коже, и из раскрывшейся цветком раны в чашу обильно полилась кровь.

Юта смотрела, как красная жидкость перетекает с ладони в сосуд, впитываясь в песок. И представляла, что одновременно с этим её жизнь переливается в Корта, наполняя его силами, исцеляя. В эти секунды Юта действительно вверяла свою жизнь Ругу. Она верила в него. Она готова была отдать ему всё, чтобы он выполнил её просьбу.

Всем сердцем, всей душой она стремилась к одному, молила об одном — чтобы Корт мог жить. Она хотела этого с такой силой, что казалось почти невозможным, чтобы это не произошло.

Когда вместо жёлтого песок стал бордовым, Юта очнулась. Она сжала кулак и с удивлением посмотрела вокруг, как будто заново осознавая, где находится.

Искрящиеся золотом стены святилища показались Юте осыпанными сияющими драгоценными камнями. А прозрачное лезвие ритуального кинжала, отражающего солнечные блики, было окутано таким ярким светом, словно внутри аслура сверкало собственное солнце.

Силы покинули Юту. Ноги подкосились. Она упала на пол и разрыдалась. До этого момента девушка не позволяла себе плакать. Ей казалось, что если она будет сильной, то эта сила как-то передастся Карту и поможет ему справиться.

Но теперь она не пыталась сдерживать слёз. Они свободно катились по щекам, обновляя, освобождая её. Юта упивалась этими слезами. Она глотала солёную влагу, бежавшую по щекам, и верила. Верила в то, что всё будет хорошо. Разве теперь, когда Юта вверила свою жизнь Ругу, он допустит, чтобы с Кортом случилось плохое? Ни за что. Этого просто не может быть.

В зал вошли двое атлургов. Но, увидев Юту, остановились у входа, тихонько переговариваясь. В конце концов, в проходящей на виду жизни атлургов тоже было кое-что святое. То, во что нельзя вмешиваться. И одной из таких вещей было общение с богами.

Приход людей привёл Юту в чувства. Она осторожно встала с пола и, не глядя по сторонам, вышла из святилища. Когда она проходила мимо двух ожидающих своей очереди атлургов, один из них заметил на губах девушки улыбку.

На душе было спокойно. Впервые за эти ужасные дни, полные кошмаров во сне и наяву, Юта чувствовала облегчение. Не торопясь она шла по улицам, наслаждаясь необычайно ярким светом, лившимся словно отовсюду.

Атлурги, проходившие мимо, все как один казались Юте красивыми, — стройные, высокие, статные. Их движения были исполнены благородства и спокойной уверенности. Казалось, все — мужчины и женщины — встречаясь с Ютой глазами, хотели улыбнуться ей. И только нежелание разрушать свой величественный образ сдерживало их.

Юта почти дошла до своего лурда, тихо улыбаясь чему-то внутри себя, как беременная женщина улыбается плоду, который носит под сердцем. Глядя себе под ноги, она чуть не врезалась в атлурга, шедшего ей наперерез. Казалось, девушка, в которую Юта влетела, была удивлена не меньше, чем она.

— Леда! — Лицо Юты светилось изнутри. Она не могла сдержать смущённой и глупой улыбки.

Но отчего-то Леда не улыбнулась в ответ, как делала обычно, даже в самые тяжёлые дни. Её лицо было мертвенно-бледным. Белые, словно обескровленные, губы искушены в кровь. Взгляд Леды тоже был направлен внутрь. Но в отличие от Юты, то, что она там видела, было темно и ужасно.

Леда резко дёрнулась, столкнувшись с Ютой. И казалось, не сразу узнала её.

— Юта, — произнесла девушка безжизненным голосом, с трудом заставляя губы шевелиться.

Юта ещё испытывала эйфорию от прикосновения к чему-то неизведанному и прекрасному. Она ещё не могла осознать, что кроме этого покоя и блаженства в мире существуют и другие вещи. Такие, как боль и страх. Она ещё не могла полностью вникнуть в состояние Леды и осознать его значение. Но где-то глубоко внутри, там, докуда сознание и разум не могли достать, что-то натянулось до предела и оборвалось.

— Леда, как Корт? Поправляется? — с детской наивностью и уверенностью спросила Юта.

— Юта... — Леда медлила и мялась. Её худая тонкая рука нервно теребила край кофты, на рукаве которой виднелось пятно засохшей крови. С нервическим блеском в глазах и в каждом движении она беспрестанно смотрела Юте за спину. Как будто та преграждала ей путь, не давая пройти.

— Юта, — в который раз начала Леда, пряча запавшие глаза от вопросительного взгляда, — завтра в час, когда Небесные Братья выйдут в зенит, будет проведена Церемония Милосердия.

Несколько секунд Юта молчала, не понимая смысла сказанного. Глупо-счастливая улыбка, словно приклеенная к её лицу, не хотела отставать. И только превращалась в какую-то отвратительную застывшую маску.

— Что ты имеешь в виду? — только и спросила Юта.

Наконец Леда подняла на неё взгляд. Лучше бы она этого не делала. Сила этого взгляда была такой, что Юта чуть не покачнулась, как будто её ударили в грудь. Боль, страх, отчаяние, бушевавшие в душе Леды, помимо воли заставляли осознать происходящее.

Подбородок Леды задрожал, но она не плакала. Единственным, что она сказала, было:

— Со вчерашнего утра он не приходит в сознание. Я просто больше не могу смотреть, как он умирает.

И Леда, словно призрак, заскользила по коридору мимо замершей Юты.

Когда девушка опомнилась, она обернулась вслед Леде, желая крикнуть, что это неправда, и Корт скоро поправится. Но даже воздух в коридоре уже перестал колебаться. Тот же тёплый нежный свет, что и пять минут назад, лился из осветительных окошек. Юте казалось, что он ослепляет её. Что Милосердные Братья обрушили на неё весь свой гнев, и через секунду она потеряет сознание. Она хотела этого — хотела просто забыться. Нет, она хотела умереть.

Юта стояла одна в коридоре, согнувшись, как будто её сейчас стошнит. Одной рукой она держалась за стену, а другой — стискивала кофту там, где помимо её желания всё ещё билось истекающее кровью, разорванное пополам сердце.

Настал Час Скорпиона — час, когда оба Солнца Нибелии поднимаются на максимальную высоту. И сливая воедино всю силу своего гнева и своего милосердия, даруют просящим Последнюю Милость.

В Утегате царило скорбное оживление. Весь город словно сдвинулся с места — каждая его клеточка пришла в движение. Люди по одному, по двое и семьями выходили из своих лурдов. Некоторые шли из Святилища Руга и с полей, засеянных белыми цветами. С тем чтобы единым потоком устремиться к южным коридорам, выходящим на поверхность.

Как и всегда, атлурги были спокойны, торжественны и молчаливы. Гордо, с осознанием неизбежности конца, которое с рождения живёт в каждом из народа, они шествовали по ярко освещённым улицам, чтобы отдать последнюю дань уважения человеку, который пришёл из другого мира, но по праву стал одним из них.

Атлурги собирались на Церемонию Милосердия, проводившуюся для Корта, который — как теперь думал каждый — мог бы стать прекрасным вождём для народа.

На сегодняшнюю церемонию, как на все церемонии для выдающихся представителей народа, собрался весь город. Пришли все мужчины и женщины. Дряхлых стариков, неспособных передвигаться самостоятельно, приносили родственники. Матери несли на руках малых детей вплоть до грудных младенцев. Все готовились в последний раз прикоснуться к человеку, чьей жизнью руководил Руг. И чью жизнь он решил забрать к себе так рано.

Весь город торжественно двигался по коридорам на Церемонию Милосердия. Кроме одного человека.

Юта, как и все дни до этого, сидела на кровати, уткнув взгляд в стену, словно ждала чего-то. Она не собиралась выходить из своей комнаты. Она знала, что там, снаружи, происходит что-то ужасное и непоправимое. И ей ни за что нельзя идти туда, потому что там её ожидает что-то настолько кошмарное, что она не способна ни осознать, ни пережить в здравом уме.

И только назойливые звуки приглушённых голосов и равномерный шорох множества ног, в унисон движущихся по коридорам, заставил Юту выйти из оцепенения и со страхом прислушаться к происходящему снаружи.

Она пыталась не слушать, закрывать уши и снова забыться в своём странном оцепенении. Но теперь это не получалось. Она знала, что *они там*. Идут по коридорам, чтобы совершить что-то ужасное. Шаркают ногами по крепкому, словно камень, песку,

шепчут что-то друг другу. Словно огромное чудище с тысячей рук и тысячей ног. И тысячей белых букетов в руках.

Юта больше не могла этого вынести. Этих звуков, и этого знания. Она выбежала из дома и побежала куда-то — туда, где не было этих людей, не было их сочувствующих взглядов и тихо шуршащих голосов. Туда, где она могла остаться одна. И забыть обо всём. И исчезнуть.

Юта долго бежала по коридорам. До тех пор, пока ей совсем перестали встречаться люди. Сердце скакало возле самого горла. Не сразу Юта узнала место, куда привели её ноги. Это был длинный, прямой и безлюдный коридор, медленно, но неумолимо уводивший девушку вниз, туда, откуда росли Красные Горы.

Юта не противилась. Она покорно дошла до самого конца улицы, заканчивавшейся тупиком. И так же покорно, без единой мысли, надавила на рычаг, приводивший в движение скрытые в толще стен механизмы. Массивная каменная дверь плавно скользнула в сторону, и Юта ступила в царство мрака и холода.

Она прошла в центр пещеры — к искусственному подземному озеру. Неяркий свет, едва пробивавшийся от свода, совсем не освещал замершую чёрную гладь. Юте казалось, что в котловане вовсе не вода, что там затаилась чёрная липкая бездна, готовая поглотить каждого, кто неосторожно приблизится к ней.

За спиной дверь с тихим скрежетом встала на место. Девушка не обернулась. Она не знала, как открыть дверь с этой стороны. Ведь в прошлый раз всё делал Гвирн. Но она и не собиралась обратно. Это место казалось идеальным, чтобы остаться в нём навсегда.

Юта подошла к чёрной бездне и остановилась на краю. Второй раз за два дня вверая свою жизнь каким-то неведомым силам, девушка опустилась на корточки. А затем, не находя в себе более сил, легла на холодный камень.

Она не собиралась подниматься. Она знала, что должна остаться здесь. Её одежда тут же пропиталась влагой, в волосах заблестели бисеринки росы. От каменного пола под одежду заползали щупальца ледяного холода. Под руками было влажно и скользко.

Мерзкая на ощупь слизь была повсюду. Пальцы и щека Юты буквально утопали в ней, но она не пыталась даже чуть-чуть приподнять голову. Утонуть в слизи, замёрзнуть, быть поглощённой чёрной бездной — теперь было всё равно. Уснуть и не проснуться — вот всё, чего она хотела.

Словно засыпая, Юта видела перед закрытыми глазами цветные картинки и образы из прошлого. Из памяти всплыло воспоминание о том, как она была в хранилище с Гвирном. Как нелепо поскользнулась в этой слизи и чуть не упала. Они говорили об уровне воды и чём-то ещё. Да, слизь повсюду. Будто глянец, покрывает пол и стены. Слизь, похожая на... На что же? Что она напоминает? Что в ней такого, что Юта никак не может избавиться от этих вертящихся по кругу воспоминаний?

Почти помимо воли в мозгу вспыхнула картинка: она поскользывается и падает на руки Гвирну. «Ты в порядке?», — спрашивает он. Юта смотрит себе под ноги, пытаясь понять, из-за чего упала, и наконец замечает, что весь пол покрыт каким-то налётом.

«Скользкая дрянь, — говорит она, освобождаясь из хватки атлурга. — Что это вообще?». Юта приседает на корточки, чтобы рассмотреть. Весь пол покрыт этим. «Должно быть, из-за постоянной сырости пол и стены пещеры поросли какой-то плесенью», — думает она.

Ей на ум приходит курс биологии в колледже. Им рассказывали, что плесень, растущая в тёмных влажных местах, стала основой первых антибиотиков, созданных на Нибелии. Когда-

то давно её даже специально выращивали в искусственных условиях. Конечно, это было задолго до создания химических аналогов.

Гвирн подходит к тёмному краю озера. «Ты хотела узнать, откуда здесь вся эта вода?», — спрашивает он.

Стоп. Не то.

Как будто записанные на плёнку, Юта перематывает воспоминания назад. «Плесень, растущая в тёмных влажных местах, стала основой первых антибиотиков, созданных на Нибелии».

«Основой первых антибиотиков».

Будто очнувшись от страшного сна, Юта приподнялась на локте. Ещё не вполне понимая своей догадки, она погрузила пальцы в холодную податливую жижу. В учебниках по биологии, которые она штудировала, будучи студенткой, были описаны и методы, какими давным-давно из плесени делали лекарство.

Силы разом вернулись в застывшее тело. Сердце, готовое было остановиться, начало биться с новой силой, бешено качая кровь в замёрзшие члены. Юта больше не чувствовала ни холода, ни голода, ни усталости, ни боли. Как и тогда, оскальзываясь на плесени, она поднялась с пола.

Ответ был у неё всё это время. Ей надо только вспомнить.

Только бы вспомнить.

Глава 4. Под взорами богов

Пустыня, как обычно, была равнодушна и безжизненна. Горячий сухой ветер монотонно срывал верхушки барханов, отчего издали создавалось впечатление, что они дымятся. Казалось, ты находишься на гигантской раскалённой сковороде и если останешься на ней слишком долго, то изжаришься заживо.

Но Юта знала, что это иллюзия. Жар и свет Братьев, от которых некуда спрятаться, действительно могут свести с ума. В пустыне всегда наступает момент, когда ты думаешь, что легче лечь и умереть, чем сделать ещё хоть один шаг. Но на самом деле со временем не становится хуже. Наоборот, ощущение, что ты печёшься заживо, отступает. И спустя дни ты привыкаешь.

Юта уже успела забыть, как это — ощущать себя дичью, засунутой в солнечную печь. Пот лил по спине непрерывными липкими ручьями. Одежда промокала и тут же высыхала от жары. Юта постоянно пила рогу. Этот травяной отвар помогает переносить жару и уменьшает жажду.

Она не останавливалась. На самом деле, от мысли о том, что она чуть не опоздала, разгорячённое тело пробирала холодная дрожь. Потому что ещё немного, и следы ног людей, нёсших носилки с Кортом, окончательно занесло бы песком. И тогда Юта до изнеможения могла бы метаться по бескрайней пустыне и так и не нашла бы Корта.

Девушка отошла от Утегата уже на добрых четверть тара, когда следы стали более частыми и беспорядочными. И тогда, подняв голову, Юта увидела впереди казавшееся безжизненным тело. Корта уже начало заносить песком.

С каким-то утробным звуком, словно вырвавшимся из самой глубины её существа, Юта кинулась к мужчине. Корт лежал неподвижно, его глаза были закрыты. Но поза мужчины отнюдь не была позой упокоенного в смерти человека. Корт лежал на боку. Одна его рука была выпростана из-под тела в сторону, другая загребала песок рядом с собой. Вокруг были видны беспорядочные следы. Но не следы ног, а глубокие борозды в песке, оставленные телом, пытавшимся ползти.

— Корт! Корт!

Юта бросилась к мужчине, перевернула на спину. Он не отзывался. Юта со страхом приложила голову к опавшей, но по-прежнему широкой груди. Её собственное сердце, чуть было не остановившееся, забило в унисон с тихим, но размеренным биением сердца Корта.

Юта чуть не расплакалась от облегчения, — успела. Она, как могла, укутала Корта в принесённый с собой хилт. Не теряя ни минуты, Юта влила в рот мужчине заранее приготовленный настой. Она надеялась, что сделала всё правильно, и эта мутноватая водичка, отдающая запахом плесени, действительно стала целебной.

Теперь оставалось самое сложное — оттащить Корта назад в Утегат.

Юта взяла его под мышки и попыталась приподнять, но добилась лишь того, что упала сама. Тогда она попробовала тянуть Корта за руку, но мужчина был слишком тяжёл. Промучившись минут пятнадцать, Юте удалось наконец сдвинуть огромное тело с места. Она присела и закинула тяжелые ноги Корта себе на плечи. Уперлась в песок ногами и, сделав невероятное усилие, сдвинула его сантиметров на десять.

После чрезмерного усилия Юта тяжело дышала. Пот заливал глаза. До этого момента ей ни разу не приходила мысль о том, как она будет тащить Корта обратно. Теперь же девушка

видела, что эта задача была почти непосильной. Но Юта не собиралась сдаваться. Она ни за что не бросит Корта здесь. Она скорее умрёт от обезвоживания и потери сил, чем оставит его. Давай же, первый шаг сделан. Осталась всего пара-тройка километров.

Казалось, что это длится вечность. Но Юта не могла ошибиться во времени с тех пор, как научилась ориентироваться по солнцам. С того момента, как она нашла Корта, прошло всего два часа.

Тыльной стороной ладони Юта утёрла со лба пот и посмотрела на проделанный путь. Следы от неподъёмного тела, которое она тащила, уходили назад метров на сто. Юта упала на колени рядом с Кортом, вновь начав теревить и уговаривать его. Если бы она только могла разбудить его, и он бы ей помог, ну хоть немного!

Но Корт находился в тяжёлом забытье. Его состояние ухудшалось с каждой минутой, а драгоценное время уходило. Юта старалась не думать о плохом. Но волны отчаяния всё чаще захлёстывали разум, по мере того, как силы покидали её.

Юта глубоко вздохнула и взяла себя в руки. После короткой передышки сердцебиение немного успокоилось. Она встала и снова «впряглась» в свою ношу. Песок хватал за лодыжки, не давая сделать шаг. Юта сцепила зубы и тянула.

Внезапно на западе, со стороны Утегата, поднялся столб клубящегося песка. Маленький ураган быстро приближался. Не прошло и десяти минут, как Юта увидела животное, несущееся ей навстречу белой стрелой.

Утагиру в мгновение ока оказался рядом. Зверь подбежал к неподвижному телу. Он лизал лицо Корта и тыкался мордой ему под руку, жалобно скуля. Юта опустилась рядом со зверем, обняла поросший густой шерстью загривок и зарыдала. Это были слёзы облегчения.

За следующие два часа они с Утагиру преодолели уже полкилометра. Зверь сам подал Юте решение. Он начал неуклюже рыть лапами песок под Кортом, а потом пихать туда морду, как будто хотел подлезть под мужчину. Юта быстро догадалась, чего хочет Утагиру. Не без труда, она заставила зверя лечь. Затем кое-как водрузила неподвижное тело ему на спину. Юта боялась, что ноша окажется слишком тяжёлой. Но саграл оказался необычайно силён. Без особых трудностей он поднялся на ноги.

Проблема была в другом. Когда Утагиру начинал двигаться, тело Корта соскальзывало, так что Юте постоянно приходилось поддерживать его. И всё равно они втроём без конца падали. После чего приходилось повторять всё сначала.

Наступило и прошло Время Куду, когда водные источники в горах наиболее полноводны. А за ним и Час Обмана, когда кажется, что Таурис вот-вот скроется за горизонтом, но вместо этого он вновь поднимается по широкой дуге в зенит. Был уже Час Змеи, когда Юта с Утагиру, оба обессиленные, достигли входа в подземный город.

Юта прикидывала, что Час Змеи по Лиатрасскому времени примерно равняется промежутку с двух до четырёх утра. Это было идеальное время. Когда-то давно Юту мучила бессонница, и она много гуляла по ночам. А потому знала, что это время — самое тихое в Утегате. Коридоры совершенно безлюдны, а мягкий рассеянный свет помогает скрыть две странные, гротескные фигуры, крадущиеся в ночи. Одну тонкую и невысокую, с хилтом, полностью скрывающим лицо. И другую, чуть ниже, принадлежащую жуткому зверю, несущему на своей спине бесформенный и, кажется, совершенно безжизненный куль.

Пропустив Утагиру с ношей внутрь лурда, Юта оглядела коридор и поплотнее запахла пол.

После нескольких неудачных попыток ей удалось водрузить Корта на кровать. Утагиру

пристроился рядом. Положив огромную голову на лапы, он молча наблюдал за действиями девушки. Да, ей удалось вернуть Корта домой. Но возвращение из мира мёртвых будет куда сложнее. Юта провела кончиками пальцев по щеке Корта и встала.

— Присмотри за ним, пока я буду на кухне, — сказала она Утагиру.

Зверь только печально поднял с лап голову и посмотрел на неё по-человечески умными глазами. Юта кивнула. Она знала: Корт в надёжных руках, точнее... лапах. Если его состояние изменится, зверь сразу даст знать.

Юта вышла на кухню и взяла с полки чехол с кинжалом-аслуром. Тем самым, который во время экскурсий по Утегату подарил ей Гвирн. Юта открыла печь, положила нож внутрь и отодвинула задвижку светового канала. По нему преломлённый свет попадает в печь и нагревает предметы, находящиеся внутри.

Минут через пятнадцать Юта прихваткой достала нож. Клинок не изменил цвет, как случилось бы со сталью, но Юта решила, что он прокалился достаточно. Она возилась у печи, когда из-за спины раздался тихий голос:

— Юта?

Девушка вздрогнула, чуть не выронив горячий предмет. Она повернулась на голос, пряча кинжал за спиной.

— Прости за вторжение. — Молчание. — Я подумала, что ты тоже не спишь.

Леда была похожа на призрак. Не только бледной кожей, обтянувшей исхудалое тело. Призрачной казалась она сама, будто её душа покинула тело и блуждает где-то далеко. Леда мялась у порога, не решаясь войти. На её лице, помимо печали и боли, застыло выражение вины.

Юта не двигалась, застигнутая врасплох. Пауза затягивалась. Леда начала вопросительно поглядывать на неё исподлобья. Немую сцену нарушил Утагиру, высунувшийся из спальни при звуках знакомого голоса.

— Утагиру, что ты здесь делаешь? — удивлённо подняла брови Леда.

Она присела на корточки, чтобы потрепать саграла по зашивку. И тут сквозь приподнятый Утагиру полог увидела тело, лежащее на кровати.

— Что это? — воскликнула девушка и бросилась в спальню.

Юта рванулась за ней, но так и остановилась на пороге, не зная, что сказать. Леда крепко зажала рот руками. Её глаза стали круглыми, как два блюда. Леда долго смотрела на Корта, который так же спокойно и неподвижно лежал на кровати. А затем перевела безумный взгляд на Юту:

— Что он здесь делает?

Голос Леды прозвучал мёртво, будто принадлежал не ей. Юта понимала её состояние. Во всём Утегате тяжелее всех было Леде. Ведь это она день и ночь ухаживала за Кортом, наблюдая, как он угасает. Это именно ей пришлось принимать решение о Церемонии Милосердия. И не успела она попрощаться с мужем, не успела смириться с тем, что его нет, как он вновь предстаёт перед ней, словно призрак. Всё это было больше, чем она могла осмыслить и вынести.

Юта наконец перестала стоять столбом и подошла к изумлённой девушке. Она обняла не сопротивляющуюся Леду за плечи и начала тихо, но настойчиво говорить:

— Это ещё не конец, Леда. Корт ещё жив. И я думаю, что могу его вылечить. Я нашла лекарство. Вот. — Юта подбежала к кровати и подняла чашку с мутной жидкостью. Леда так же пусто посмотрела на её руку. — Не сдавайся, Леда. Это ещё не конец, — повторила

Юта. — Вместе мы сможем его спасти.

И вдруг Леда разрыдалась. Она размазывала слёзы по щекам и закрывала лицо руками, не в силах остановиться. Юта сомневалась, что Леда плакала так хоть раз за то время, как с Кортотм случилась беда.

Юта снова подошла к ней и вывела на кухню.

— Лекарство поможет побороть инфекцию, — говорила Юта плачущей девушке. — Но это не всё. Надо ещё удалить отмершие ткани. Ты мне поможешь?

Юта не могла терять времени. Ей пришлось ещё несколько раз повторить вопрос, прежде чем Леда взяла себя в руки и кивнула. Она смотрела на Юту таким открытым и чистым взглядом, будто та была не иначе как божеством, явившимся в мир, чтобы дать ей надежду.

— Хорошо. Ты будешь его держать, — сказала Юта и твёрдо сомкнула пальцы на рукояти ножа.

Спустя час всё было кончено. Корт был перебинтован свежими бинтами и лежал на кровати, укрытый по грудь. Юта и Леда сидели на кухне напротив друг друга. У них в руках было по чашке с ароматным травяным отваром. Время близилось к утру.

Юта ещё раз напоила Корта лекарством. Она не знала точной дозировки, поэтому решила давать Кортоту антибиотик каждые два часа. Они с Ледой по очереди следили за его состоянием. Оно оставалось прежним, что, в общем-то, радовало — сейчас главное, чтобы не стало хуже.

— Юта, ты знаешь, что сильно рискуешь, принеся сюда Корта? — спросила Леда.

Её тонкие пальцы крутили чашку. Голос был спокоен. Леда вернула себе самообладание.

— Догадываюсь, — хмыкнула Юта. — Народу не понравится, что я вернула Корта.

Напряжение между девушками спало. Давно Юта не чувствовала себя рядом с Ледой так спокойно и расслабленно. Между ними словно рухнула какая-то стена. Хоть ничего и не было сказано, но обе девушки понимали, почему находятся здесь. Они обе любили Корта. И это было нормально. Главное — спасти его жизнь, а остальное пусть решают боги.

— Именно. Забрать того, кто уже был отдан Ругу... — Леда задумалась. — Я никогда о таком даже не слышала.

— А, плевать, — махнула Юта рукой. — Пусть делают, что хотят. В конце концов, я просто отдавала долг.

Леда вопросительно посмотрела на неё.

— Однажды Корт вырвал меня из объятий Руга. Я просто сделала то же для него.

Леда задумалась.

— А что, это может помочь оправдать тебя в глазах атлургов. Правда, ты не ругат, как Корт, да и Церемония Милосердия в твоём случае не проводилась. А значит, судить тебя всё равно будут строже.

— Да и атлургом я не была, — добавила Юта.

Девушки одновременно подскочили с места, когда залаял Утагиру. Они бросились в комнату и облегчённо выдохнули, поняв, из-за чего саграл поднял шум. За его лаем не было слышно, как Корт тихонько кашлял. Это было первым звуком, который он издал за дни

беспамятства.

К полудню жар спал. Рана стала выглядеть лучше. Юта знала, что её придётся чистить ещё не раз, но главное — антибиотик помогал. Уже днём мужчина вышел из опасного забытья и уснул обычным крепким сном.

А на следующее утро Корт открыл глаза.

Глава 5. Тени сгущаются

За несколько месяцев жизни в Утегате вещей у Юты скопилось едва ли на полный мешок. Что ей хотелось взять с собой? Да ничего. Мамин кулон, как всегда, висел между ключиц, а больше у Юты не было ценных вещей. Что ей нужно взять с собой? Хилт, нож, кое-какую одежду и аптечку из трав Юта уже собрала и, не глядя, побросала в заплечный мешок. А больше ей ничего и не понадобится. Всем остальным, по необходимости, обзаведётся на новом месте.

Юта бросила ещё один взгляд на полупустую комнату. Сборы завершены. Пора укладываться спать. Завтра утром Корт зайдёт за ней, чтобы отвести в соседнее поселение, которое станет ей новым домом.

Решение об изгнании было принято почти единогласно. Гвирн пытался заступаться, но Совет оказался непреклонен. Может, если бы Юта не была атлургом, её бы не наказали так строго. Но для атлурга её поступок — преступление. Пара членов Совета вообще выступала за то, чтобы отдать девушку Милосердным Братьям взамен той жертвы, что была у них отобрана. Так что Юте ещё повезло.

С момента, как она спасла Корта, прошло больше месяца. Поначалу Юта приходила навещать его каждый день. Но говорить в присутствии не отходящей от мужа ни на шаг Леды было неловко. Молчание тяготило обоих. И со временем Юта перестала навещать ругата.

Она просто была лишней. В конце концов, Леда — та, кто будет ухаживать за Кортом. Кто будет не спать подле него ночами, ловя каждый неровный вздох. Кто пройдёт с ним весь тяжкий путь от смерти к жизни. И Леда будет той, к кому он вернётся, когда поправится.

Это было уже слишком. Юта спасла Корта, но именно сейчас чувство, что она его потеряла, стало таким сильным, как никогда, — почти непереносимым. Она сомневалась, было бы ей тяжелее, если бы Корт умер.

Наверное, именно поэтому она так спокойно приняла решение об изгнании. У неё просто больше не было сил бороться. Уйти — это лучшее, что она могла сделать. Для них обоих.

Леда чистила ропс, когда Корт вернулся из мастерской. Его руки были покрыты красной пылью, волосы собраны в хвост на затылке. Корт не был там с тех пор, как они с Ютой вернулись из Города-за-Стеной.

Леда знала, почему Корт отправился в свою тайную комнату именно сегодня. Завтра в час Встречи Братьев он выведет Юту из Утегата, чтобы спустя неделю вернуться в город одному.

— Ужин готов. — Леда встала из-за стола и принялась убирать корзины с ропсом. На Корта она не смотрела.

Девушка накрывала на стол, пока Корт приводил себя в порядок. Похлёбка из змеи и вчерашняя ёкка — не так уж плохо, учитывая ситуацию с продовольствием в городе.

Леда вздрогнула, когда Корт поймал её за запястье.

— Что случилось? — мягко, но с тревогой в голосе спросил Корт.

— Ничего, — быстро ответила Леда и попыталась выдернуть руку.

— Не ври мне. Я всегда могу сказать, когда ты чем-то обеспокоена. Уже несколько дней ты ходишь сама не своя. Ты меня избегаешь и даже не смотришь в глаза. Думаешь, я этого не замечаю?

Леда долго молчала. Потом медленно и неестественно грузно для её стройного тела опустилась на табуретку. Этот разговор должен был состояться рано или поздно. Больше тянуть нет смысла.

— Я хотела поговорить с тобой. Точнее, сказать кое-что.

Заготовленная речь вдруг показалась по-детски глупой. Но за долгие бессонные ночи ничего лучше она не придумала. Не в силах дольше держать всё в себе, Леда затараторила, едва осознавая, что говорит:

— Я вижу, как она дорога тебе. И как ты дорог ей. Я знаю, что она сможет о тебе позаботиться. В конце концов, это она спасла тебя. Я ничего не смогла сделать. Я дала им... тебя... Так что это будет справедливо. Если ты захочешь быть с ней, я пойму и не стану тебя держать. Ты можешь уйти с ней в другое поселение и начать всё заново.

Слова срывались поспешно, лихорадочно, насакивали одно на другое. Леда не смотрела на Корта и не видела ничего вокруг. Сквозь шум крови в ушах она едва расслышала, как Корт тихо произнёс:

— Стой. Остановись.

Но Леда уже не могла остановиться.

— Я... я знаю, что ты её лю...

— Замолчи! — крикнул Корт и резко вскочил. В следующее мгновение он притянул Леду к себе. Он прижал её к груди так крепко, что она едва могла вздохнуть. — Просто молчи. Я скажу. Это всё моя вина.

Корт чувствовал гулкое сердцебиение Леды, так же как она — его. Их сердца словно ударялись друг о друга.

— Это всё моя вина, — повторил Корт. — Я знаю, что взвалил на тебя слишком много в последнее время. Город-за-Стеной, странные предсказания, — Корт помедлил, словно обдумывая, стоит ли продолжать, — Юта, во всех смыслах свалившаяся нам на головы. А ещё в Утегате начинается голод, и Гвирн поднимает народ против меня. Когда мы связали наши жизни, я обещал беречь и защищать тебя от всего и ото всех. Но вместо этого только заставляю проходить через всё новые испытания.

Леда слушала, не перебивая, но теперь отстранилась от Корта. Её взгляд стал чистым и ясным, как отполированный тергед.

— Ты не прав. Это вовсе не твоя вина. Мы все вовлечены в события, которые больше нашего понимания. Я давно знала, что буря приближается, и что ты окажешься в самом её сердце. Я всегда знала, что мой муж особенный. И что быть рядом с тобой не всегда будет просто. Но поддерживать тебя, чего бы мне это ни стоило — не только обязанность, возложенная на меня Ругом. Это моё решение.

И вот буря, что мерещилась мне во снах, уже здесь. Впереди нас ждут тёмные времена. Но ни теперь, ни в будущем, я никогда не отступлюсь от данных тебе перед богами клятв.

Корт взял лицо Леды в ладони. Он сказал, вкладывая в слова столько уверенности, сколько мог найти в своём сердце:

— А я всегда знал, что ты — та женщина, с которой я хочу провести свою жизнь. Я понимаю, что ты хотела сказать. И ответ: нет, этого никогда не будет. Я люблю тебя, и я никогда не смог бы поступить так с тобой. Мы справимся со всем, что нам уготовано, как

всегда, вместе.

Лицо Леды исказила судорога. Из глаз покатались слёзы. Она прижалась к Карту и зарыдала, как, наверное, не плакала никогда в жизни, даже когда он умирал. Тогда она должна была быть сильной. А сейчас можно быть слабой. Потому что Корт крепко сжимает в объятьях. Её Корт.

Час Обмана, когда Таурис подходит к земле так близко, что почти касается её раскалённым боком, заканчивался. Город стих. Коридоры призрачно мерцали в тусклом ночном свете. Корт прикрыл за собой полог и, как всегда, бесшумно направился к выходу.

Когда он уходил, Леда тихонько сопела, свернувшись калачиком у стены. Этим вечером они много говорили. Больше, чем за все прошедшие месяцы. Чем за всё время с тех пор, как он принёс Юту из пустыни, и она перевернула его жизнь с ног на голову. Кажется, он сумел немного успокоить Леду. Это хорошо. Тем более что Корт не понимал, как ему это удалось. Сам он покоя не чувствовал.

Пока взбирался по острым безжизненным камням, в голове было пусто, как в выскобленном дочиста котле. Корт поднимался машинально. Он даже не смотрел по сторонам, ведь каждый изгиб тропы, каждый камешек на ней были знакомы ему, как стены родного лурда. Всё, что Корт ощущал — была тяжесть в правой руке. Предмет, который он нёс, был тщательно завернут в чистую ткань.

К тому времени, как Корт поднялся на плато, Таурис уже начал карабкаться ввысь, стремясь взгромоздиться на небесный престол. Но Корта от него прятал мощный валун, дружеской рукой прикрывавший небольшой скальный уступ на самой вершине Красных Гор.

Корт бережно поставил свою ношу на один из выступов скалы, но ткань так и не снял. Ругат подошёл к самому краю обрыва. Отсюда до самого горизонта открывался захватывающий вид на испепелённую солнцем пустыню. Лишь в одном месте, на востоке, взгляд спотыкался о гигантскую стену, вздыбившуюся из песка.

Это был Лиатрас. Вечный Город, где мечты могли воплотиться в реальность, но с той же вероятностью могли рассыпаться пеплом, погребя тебя под собой. Его стены капканом держали внутри горожан. Жители Вечного Города даже не представляли, что снаружи тоже есть жизнь. А над всеми ними, словно зубцы короны, возвышались четыре столпа Лиатраса — четыре Солнечные Башни.

Капюшон хилта упал с головы. Чёрные волосы Корта слегка трепал ветер. Кулаки были плотно сжаты. Он так много лет смотрел на город. Столько часов провёл, вперив взгляд в его стены. Моля, заклиная, грозя и проклиная. С одним желанием, одной мечтой — остановить движение песков. Но они не останавливались. Ни на день, ни на час, ни на секунду. Каждое мгновенье они ползли и ползли вперёд, всё выше и выше взбираясь по стенам.

И сегодня Корт смотрел на то, как песок взвивается над Стеной и переливается через неё, словно вода. Он смотрел на конец Вечного Города.

Корт жил со страхом того, что это случится, много лет. Хранил ужасное знание и ничего не мог изменить. Он открыл для себя правду о том, что ждёт Лиатрас, очень давно. Тогда ещё можно было что-то предпринять, исправить. Но Корт был молод и отчасти поэтому не сумел справиться с задачей. Это и взрослому, опытному человеку, едва оказалось бы по плечу.

Все эти годы он ждал, когда это начнётся. До рези в глазах всматривался в пески, медленно ползущие по Стене. И иногда ему начинало казаться, что он видит их медленное и неумолимое движение.

Когда-то Лиатрас был и его городом. И хоть теперь Корта с ним ничего не связывало, но там всё ещё жили люди, которых он знал, помнил. Там жили люди, которых кто-то обрёл на страшную смерть.

Это ужасное знание и неспособность что-либо изменить разъедали Корта изнутри. Отравляли ядом, который парализовал волю и разум. С каждым годом наблюдений, с каждый метром подъёма песков, часть него будто отмирала. Он чувствовал пустоту в груди и горечь во рту. Как будто вместе со Стеной пески медленно поглощали и его самого.

Корт постоянно чувствовал эту отмершую часть внутри себя. Она, будто груз, тянула к земле, не давала двигаться, жить, дышать. Иногда ему казалось, что его внутренности постепенно превращаются в камень. Когда-нибудь этот камень заменит живую ткань его лёгких, желудка, сердца. И когда это случится, он станет живым изваянием, таким же, какие вырезает сам.

Корт подошёл к предмету, который ранее поставил на уступ скалы. Бережно снял ткань. Амальрис посмотрела на него загадочными каменными глазами.

Когда Корт начинал работу, то хотел сделать её женственной, таинственной и немного опасной. Недоступной, и оттого притягательной. Прекрасной и величественной, далёкой и недостижимой — именно такой, какой должна быть одна из наиболее почитаемых богинь древности.

Но Амальрис вышла совсем иной. Она получилась величественной, но в то же время хрупкой. Отстранённой, но в то же время тёплой, словно родной. Она смотрела на Корта строго, но эта строгость казалась напускной. Как будто она готова в любой момент рассмеяться. В конце концов, она получилась точно такой же, как в жизни. Амальрис. Юта.

Корт долго рассматривал своё творение, и чувства всё сильнее захлёстывали его. Он любил свою Амальрис. И ненавидел её. За то, что была так похожа и при каждом взгляде напоминала о ней. О той, кто никогда не станет его.

Корт не думал о завтрашнем дне, когда он выведет Юту из Утегата. Его волновало только сегодня. Песок, медленно просачивающийся в Вечный Город. Заполняющий его улицы, проникающий в каждый дом, вьющийся в воздухе. Вопросы без ответов. Ответы без вопросов. Нет, он не думал о завтрашнем дне.

Корт взял статуэтку и подошёл к краю обрыва. Во взгляде Амальрис сверкнул вопрос, но также — вызов. Корт разжал пальцы, и богиня полетела вниз.

Корт поднимался сюда всего пару часов назад, но казалось, что прошли дни. Он протянул Юте руку и помог пройти оставшиеся метры.

Юта сама захотела в последний раз побывать на плато. Это было единственным, что она сказала Карту с тех пор, как он зашёл за ней. Потом он взял её полупустую сумку, и они молча шли по коридорам только просыпающегося города. Так же молча они поднялись сюда.

Это время народ называет «Благословение Младшего Брата». Это один из самых красивых и самых коротких периодов в сутках. Всего два раза за день Таурис опускается к

горизонту, позволяя своему младшему брату выйти из-под его сияния. Атлурги говорят, что только в эти два кратких периода судьбы народа дозволено вершить Младшему Брату.

А правит он мудро и милосердно. К Младшему Брату часто обращаются роженицы перед разрешением бремени, а также осуждённые по навету. Они просят о милосердии и справедливости. Те, кто обращается к Аттриму, жаждут не силы, что привычно для атлургов, а покоя.

«Благословение Младшего Брата» хорошо для того, чтобы начинать дела за пределами города. Добытки камня поднимаются в горы, чтобы скрыться в тёмных зёвах пещер. Охотники и собиратели устанавливают ловушки и спускаются по обрывистым склонам Красных Гор в поисках трав и мелкой живности.

Именно это время Юта выбрала, чтобы покинуть Утегат. И это, без сомнения, была самая красивая пора для того, чтобы в последний раз взглянуть на пустыню с высоты Красных Гор.

Таурис полностью скрылся за горами, и Аттрим единственный освещал пустыню. Его мягкий золотистый свет убаюкивал пески, отражался миллионами искр на верхушках барханов, рассыпался в сотнях зеркал Солнечных Башен. Игриво сверкал на песчинках, что лёгкой дымкой вились над Стеной.

Юта знала о том, что это случилось. Что боги уже перевернули песчаные часы, отсчитывающие дни до гибели Вечного Города. Но своими глазами увидела это впервые.

Юта заметила, как под капюшоном хилта нахмурился Корт. Но у неё не было слов утешения. Ни утешения, ни оправдания, ни обнадеживания. Юта встала рядом и вложила руку в его горячую ладонь. Корт молча сомкнул пальцы.

Они не знали, сколько простояли так, рука в руке, глядя на конец Вечного Города. Никто из них не знал, о чём думает другой. Но это было не важно, ведь их сердца, как всегда, бились в унисон. И боль была у них одной на двоих.

Корт очнулся, лишь когда Таурис вынырнул из-за скалы, и поток невыносимо белого света в считанные минуты затопил пустыню.

— Нам пора, — сказал он, не в силах выпустить руку Юты из своей.

— Знаю, — только и ответила девушка, и её маленькая ладошка выскользнула из пальцев Корта.

В этот момент его сердце окаменело. И Корт знал, что уже ничто не сможет вернуть его к жизни.

Он подхватил сумку Юты и, не оглядываясь, начал спускаться.

— Корт, — вдруг позвал неуверенный голос. В нём было столько изумления, что атлург обернулся.

— В чём дело?

Но Юта молчала, глядя куда-то вдаль. Корт вернулся и снова встал рядом. Он собирался позвать девушку, но что-то было не так. Смутная тревога вдруг охватила Корта. Ещё не понимая в чём дело, он посмотрел туда же, куда смотрела Юта.

На юге, у самого горизонта, из-за края песков выступил гигантский тёмный диск.

Решение было спорным, но придумать что-то другое у Корта не было времени. Он окликнул хозяина лурда и, получив разрешение, вошёл.

Гвирн был один. Одетый в простую домашнюю одежду, с волосами, убранными в хвост, он выглядел гораздо моложе, чем обычно. Судя по лёгкому беспорядку на кухне, Корт застал атлурга за домашними делами.

Когда Гвирн увидел вошедшего, его изящные брови поползли вверх. Сказать, что он был удивлён, было бы сильным преуменьшением. В глубине души Корт ехидно порадовался такой реакции, но виду, конечно, не подал.

Гвирн, однако, необыкновенно быстро взял себя в руки. Корт буквально видел, как он просчитывает варианты, зачем ругат мог заявиться к нему домой.

— Корт, рад приветствовать. Проходи, присаживайся, — протянул Гвирн. А когда Корт расположился, продолжил: — Полагаю, причина твоего визита кроется в утренних новостях.

Конечно, Гвирн уже был в курсе того, что на горизонте появилось тёмное пятно.

— Отчасти, — ответил ругат. — Скажем так, это событие имеет к моему приходу прямое отношение, — и без дальнейших расшаркиваний добавил: — Юта.

Выражение лица Гвирна вмиг изменилось. Из безразлично-любопытного оно превратилось в сосредоточенно-серьёзное.

— Слушаю.

При всех недостатках Гвирна, Корт не мог не восхищаться его способностью мгновенно оценивать ситуацию.

— Как тебе известно, сегодня утром Юта должна была покинуть Утегат. Но в свете сегодняшнего происшествия я решил, что это неразумно. Я привёл её обратно.

— Где она?

Теперь Гвирн не просто был серьёзен, он хмурился, что Корт видел крайне редко.

— У себя. Я велел ей оставаться дома, пока не разберусь с ситуацией.

— Хорошо, — кивнул Гвирн и задумался. Корт ему не мешал.

— Могу предположить, ты пришёл сюда потому, что хочешь просить меня поговорить с Советом. Убедить их в том, что теперь, когда ваши разговоры о пророчестве оказались не пустыми словами, Юта может нам пригодиться.

Корт видел, как Гвирн соображает по ходу разговора. Как аккуратно подбирает слова, просчитывая свои дальнейшие ходы. Несомненно, он был прирождённым политиком. Корт не умел играть словами и смыслами. Всё, что ему оставалось, это подтвердить догадки Гвирна.

Корт мог бы и сам поговорить с Советом, но он не имел на них такого влияния, какое имел Гвирн. А действовать нужно быстро. К тому же, хоть Корт и не понимал почему, но Гвирн всегда поддерживал Юту. Все решения, которые он принимал, всегда были в её пользу. И если бы Корт мог позволить себе просто верить в то, что видит, он бы сказал, что Гвирн всегда действует в интересах девушки и сделает всё, чтобы она осталась.

В любом случае Корт считал, что Гвирн сейчас является единственным атлургом в Утегате, кто в этом деле встанет на его сторону.

— Я могу это сделать, — протянул Гвирн после нескольких минут раздумий, — но я хочу кое-что взамен.

Пришло время Корту хмуриться. Нет, он не думал, что Гвирн будет действовать абсолютно бескорыстно. Просто надеялся, что помощь Юте будет соответствовать планам Гвирна, хоть и не представлял, что это за планы.

— Я думал, это то, чего ты хочешь, — чтобы Юта осталась, — решил всё же попробовать отговориться Корт.

Гвирн неспешно кивнул. Нехорошая улыбка появилась на его лице.

— Ты прав. Но ты хочешь этого больше. И, в конце концов, это не я пришёл к тебе с просьбой.

Корт скрипнул зубами.

— Разве имеет значение, кто к кому пришёл? Это отвечает твоим интересам. Тебе нужно, чтобы Юта оставалась в Утегате.

Корт пошёл на небольшой блеф, сделав вид, что знает о планах Гвирна немножко больше, чем на самом деле.

— Как и тебе, — покивал Гвирн, — но убеждать Совет придётся именно мне. И даже если они пойдут на отмену или хотя бы отсрочку её приговора, именно я окажусь у них в долгу. Ты же не думаешь, что это справедливо, — Гвирн сделал большие наивные глаза, — что все риски и убытки понесу я один?

В такие моменты Корт искренне не понимал, как мог ещё несколько минут назад восхищаться этим человеком. Ведь то, как именно Гвирн сделал ударение на слове «справедливо», ясно говорило о том, что он передразнивает Корта с его извечным стремлением угодить всем сторонам. «Ну ты и ублюдок», — думал Корт. — «Наедине со мной даже не пытаешься делать вид, что печёшься о чём-то, кроме собственных интересов».

Действительно, сейчас маска «идеального правителя» слетела с лица Гвирна, обнажив его гнилую натуру. Он сидел, сложив пальцы на животе, и ехидно ухмылялся. Внезапно на краю сознания Корта промелькнула мысль, что, возможно, это тоже была всего лишь очередная маска. Но это означало бы, что Гвирн поистине гениальный актёр, а Карту не хотелось это признавать.

С трудом мужчина взял себя в руки.

— И чего же ты хочешь?

Гвирн наклонился вперёд и моментально ответил:

— Юту.

Корт опешил и на несколько мгновений потерял дар речи.

— Что это значит?!

Гвирн вздохнул и сложил руки под подбородком. Он пристально смотрел Карту в глаза.

— Ты же не думаешь, что это так просто — убедить Совет отменить только что принятое решение? Даже мне такое не под силу. Разве только... я скажу Совету, что хочу сделать Юту своей женой.

Корт не смог скрыть изумления.

— Зачем тебе это? — только и выдавил он.

Гвирн ответил, не задумываясь:

— Я её люблю. Я хочу сделать её своей.

Кулаки Корта непроизвольно сжались.

— Я тебе не верю. Ты не любишь никого, кроме себя.

Корт не хотел признаваться себе в том, что в своей ослеплённости не мог даже вообразить, что кто-то, кроме него, может также любить Юту.

— Может, это ты не любишь никого, кроме себя? — парировал Гвирн. — Мучаешь и Леду, и Юту. Не отпускаешь ни одну из них.

Ответ Гвирна прозвучал, как звонкая оплеуха. Давно Корта так не возвращали с небес на землю.

— Я всегда хотел защитить Юту. Только и всего, — медленно проговорил ругат.

— Не волнуйся. Я смогу позаботиться о ней даже лучше тебя. — Гвирн снова стал серьёзным. — С моими связями в Совете я смогу прикрыть бесшабашные поступки Юты. А с моим положением — обеспечить ей спокойную и безопасную жизнь даже во времена голода или смуты.

Если ты подумаешь головой, а не другими своими частями, то поймёшь, что я являюсь для неё лучшей кандидатурой. К тому же никто ничего не собирается делать насильно. Это только её выбор. Но, к твоему сведению, Юта тоже ко мне равнодушна.

— С чего ты взял, что... — внезапно закипел Корт, но был прерван.

— Это ясно доказывает то, что она позволила себя поцеловать. — Лишь вдоволь насладившись целым вихрем эмоций, отразившихся у Корта на лице, Гвирн закончил: — Развитие наших отношений тормозишь только ты. Я знаю, что у Юты есть к тебе чувства. Только слепой бы этого не увидел. Но я сумею занять твоё место в её сердце, если ты наконец отпустишь её и позволишь жить своей жизнью.

К тому же могу пообещать, что сделаю всё, чтобы со мной она перестала бегать в Город-за-Стеной и подвергать свою жизнь опасности.

Корт долго молчал. Не только потому, что условие Гвирна казалось невозможным, что всё существо Корта восставало против этого, кричало о том, что он не может даже всерьёз раздумывать об этом. Но ещё и потому, что слова Гвирна были правдой. Правдой, которую никто, кроме его злейшего врага, не мог бы сказать ему в глаза, а у самого Корта не хватало духу признаться себе в этом.

У Корта не было сил отпустить Юту. Так же, как и оставить Леду. И побороть свои чувства он тоже не мог. Пытался, но это ни к чему не привело. В конце концов Карту пришлось смириться с ними. Признать, что чувства сильнее него. А значит, если Юта останется в Утегате, замкнутый круг так и не будет разорван.

И если уж отпускать Юту, то делать это надо сейчас. Пока чувства Корта ещё не разрушили их жизни. А если говорить о том, кто сможет позаботиться о Юте, то тут Гвирн и вправду был лучшей кандидатурой. У него были связи, влияние, имя. Даже если он не станет Кангом, что в этом отношении даже лучше, всё равно сможет обеспечить девушке безопасность и достойную жизнь.

А уж в том, что Гвирн будет хорошо обращаться с Ютой, Корт не сомневался. В закрытом обществе атлургов довольно сложно что-то утаить, а репутация всегда играла для Гвирна решающую роль. Да и Юта не даст себя в обиду.

В любом случае Гвирн — единственный шанс Корта на то, чтобы Юта осталась. А в том, что это необходимо, Корт не сомневался. Ведь зная её натуру, она и в любом другом городе устроит тот же балаган. И неизвестно, чем это для неё закончится. Уж лучше так, даже если они не могут быть вместе. По крайней мере, в Утегате Корт всегда сможет приглядывать за ней.

Да, это казалось невозможным — отпустить её. Более того, отдать своему врагу, как разменный товар. Но был ли у Корта выход? Было ли ещё хоть что-то, что он мог сделать, не разрушив при этом её или свою жизни?

Это казалось невозможным, но Корт кивнул.

Глава 6. Разбитые вдребезги

Корт пришёл на Утегатол в сопровождении всех своих людей. По правую руку от него шёл Уги, Леда — чуть позади слева. Они проходили через толпу, как кулак сквозь песок, — атлурги обтекали их по сторонам, тут же смыкаясь за спиной. Кто-то выкрикивал приветствия, некоторые молча поднимали вверх руку или даже делали «агнури» — священный знак преклонения перед волей богов.

Зал Кутх был полностью готов к сбору атлургов. Под помостом Кангов, как повелось в отсутствие единого правителя, собрались члены Совета. Невидимые осветительные окошки были полностью открыты, и высокие фигуры атлургов, словно выбеленные солнцем статуи, купались в лучах света.

Гвирн уже пришёл. Он разговаривал с Ауслагом, ещё одним претендентом на место Канга. Хотя что-то подсказывало Карту, что пожилой атлург бросил попытки соперничать с Гвирном и принял его сторону.

Сейчас в Гвирне не осталось ничего от того простого юноши, которого Корт видел у него дома несколько дней назад. Одежда атлурга была роскошной. Белые просторные штаны и рубашка, расшитые золотым орнаментом, сидели идеально, выгодно подчёркивая крепкую фигуру. А с плеч до пола ниспадала безрукавка из змеиной кожи тончайшей выделки. Волосы красивыми волнами струились по плечам, кое-где заплетённые в косички. Именно таким Гвирн всегда представлял перед народом — величественным и слегка надменным, представителем одного из древнейших и богатейших родов Утегата, потомком Кангов, ведших народ много столетий назад.

Юта тоже была здесь, но держалась особняком. Гвирн выполнил своё обещание, и Совет неожиданно для всех сменил гнев на милость в отношении её приговора. Тем не менее, народ по-прежнему слегка сторонился Юты.

Члены Совета разместились по центру Помоста. Они всегда держались вместе, демонстрируя единство. Корт выбрал себе место по правую руку от них, Гвирн встал от Совета слева. Ругат скрестил на груди руки и принялся ждать начала Утегатола.

Первым взял слово член Совета по имени Радул. Поводом для сегодняшнего собрания стало появление небесного знамения. Атлурги должны решить, что оно означает. Радул закончил небольшую вступительную речь благословением народа.

Так как Гвирн не спешил говорить, Корт обратился к народу первым.

— «Настанет день, и небо будет ронять на землю огненные слёзы. Время повернёт вспять, отсчитывая дни до смерти всего живого. Придут неурожай, звери и птицы перестанут плодиться, а народ поднимется враждой друг на друга, брат на брата и муж на жену. Могучий Руг восстанет с края песков и поглотит Небесных Братьев. Придёт Великая Буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого.

Только истинный народ сможет спастись, когда...».

Это строки из пророчества, которое мы с Юталиэн отыскали в Городе-за-Стеной. Но когда я читал вам их в прошлый раз, мало кто поверил в их правдивость. Сегодня я снова прочёл вам отрывок из свитка Амальрис. Скажите, что теперь вы думаете о пророчестве?

Кажется ли оно вам таким же бессмысленным? Одним из сотен подобных? Очередным пыльным свитком с заветами давно забытой богини? Или вы готовы признать, что это может быть правдой?

Я верю, что сегодня настал один из важнейших дней в истории Утегата. Решающий день. День, когда народ должен определиться, куда ему двигаться дальше. Верить ли собственным богам? Хотя бы одному из них?

В этот день я хочу сказать вам следующее. То, что сегодня наблюдает своими глазами каждый из народа, дети Колоссов предугадали долгое время назад. Пусть они объясняют всё по-другому. Называют могучего Руга, явившего народу свой лик, «блуждающей планетой». Важно не то, что мы по-разному называем вещи, а то, что — видим одно и то же. Дети Колоссов живут в одном с нами мире, хоть и представляют его иначе. Они — такая же его часть. И я убежден, что без них, без их помощи нам не найти решений, которые так нужны народу.

Не только над атлургами, но и надо всем миром нависла опасность. Будь то голод, неурожай или угроза невиданной песчаной бури. Что-то тёмное надвигается, — невольно повторил Корт слова Леды. — Руг посылает народу испытания. И чтобы узнать, как спастись, мы должны снова идти в Город-за-Стеной, искать последнюю часть пророчества. И в этом мне снова нужна ваша помощь.

Слова Корта встретила полная тишина. Ругат медленно обвёл взглядом Зал Кутх. Под его высокими сводами липкими клочьями висело напряжение. Атлурги выжидали.

Гвирн тоже молчал. Его спина казалась настолько прямой, будто её нанизали на стальную ось позвоночника. Он смотрел куда-то в сторону и даже, кажется, не слушал.

Даже люди Корта молчали. Хоть он и обсудил с ними свою позицию, но разъяснить всё толком, а тем более убедить просто не было времени. Зал Кутх застыл в такой безмолвии, в каком могли пребывать только атлурги. Десятки мужчин, женщин, стариков и даже детей, не издавая ни звука, взирали на Корта. Все будто чего-то ждали.

Корт ощутил, как по венам медленно поползли ледяные иголки. Давно ему не приходилось вспоминать о том, что он — пришлый. Но в такие моменты атлурги почти пугали его. Их абсолютная тишина казалась какой-то гротескной, почти нечеловеческой.

Корт повысил голос, и, усиленный эхом, он прозвучал словно крик:

— Сегодня, в этот решающий для народа час, я хочу повиниться перед вами. Раньше я был бессилён. Я закрывал глаза на вещи, которые мне не нравились или пугали. Я не хотел принимать решений, которые возложили бы на меня лишнюю ответственность. Которые могли бы привести к жертвам. Я вёл себя так же, как Турраг, который довёл Утегат до глубокого кризиса. Если бы я нашёл смелость выступить против него раньше, взять на себя инициативу, возможно, всё не зашло бы так далеко. В конечном итоге я вёл себя как трус.

Но теперь всё это не имеет значения. Ни мои чувства, ни мои желания. Единственное, что важно — спасение людей. И сейчас я говорю не только об атлургах. — Впервые за время речи Корт посмотрел на Юту. — Над Лиатрасом или, как мы его называем, Городом-за-Стеной тоже нависла беда. Стены, которые были построены для защиты, больше не выдерживают натиска пустыни. Пески достигли верха Стены и в этот самый момент начинают заметать улицы города.

Жителям Лиатраса нужна помощь. Наша помощь.

Вмиг мёртвую тишину разорвали вопли многоголосой толпы. Так же, как атлурги застывали в молчании — словно один человек — так же они взрывались движением и криками. Корт не мог разобрать конкретных слов, но хорошо представлял, что кричат атлурги.

Он догадывался, какое впечатление произведёт его речь, но всё равно не собирался

отступать. Корт принял решение. То, что он сказал, было правдой, — для него больше не имели значения чувства, страхи и отговорки. Словно нарисованный красной линией среди серых мотивов, решений и слов, он видел свой долг.

Корт набрал в грудь воздуха, чтобы перекрыть шум толпы, и продолжил:

— Я хочу идти в Лиатрас не только затем, чтобы искать оставшуюся часть пророчества, но и для того, чтобы спасти людей. Мне доподлинно известно, что местные правители решили оставить их на произвол судьбы. И кроме нас больше некому им помочь.

Шум в Зале Кутх нарастал, и Корт тоже повышал голос, пытаясь докричаться до атлургов:

— Поэтому я хочу собрать жителей Лиатраса, всех, кого смогу убедить, и привести их сюда. То, что я понял — наши народы неразделимы. Это ясно показал наш с Юталиэн священный поход. Во время него мы обрели бесценные знания. Например, о том, что жрицы атлургов на протяжении столетий жили в стенах Лиатраса. Юта является тому подтверждением. Она — потомок одной из тех жриц.

Наши народы не смогут спастись по-раздельности. Поэтому атлурги должны помочь детям Колоссов вырваться из ловушки песков.

Корт мог бы добавить что-то ещё, но его голос просто стало невозможно расслышать. Гром криков стал оглушительным, прокатываясь по залу взад-вперёд словно ураган. Казалось, никто в зале не стоял на месте, никто не молчал. Волнение продолжало раскачивать Зал Кутх. Отдельные слова доносились до Корта, будто песчинки, сорванные ветром с верхушки бархана.

Сторонники Гвирна спорили с людьми Корта, размахивая руками, то и дело переходя в наступление. Члены Совета бросали бессмысленные призывы к порядку в толпу. Атлурги словно помешались. Никто не мог их вразумить.

Корт наблюдал истинное обличье народа, до боли сжимая кулаки. От мельтешения лиц и воплей в голове всё смешалось. Он не знал, как это остановить.

Внезапно от Совета вперёд шагнул человек. Он молча простёр к толпе поднятые руки и так застыл. Его высокая прямая фигура была наэлектризована напряжением, но вовсе не от страха перед толпой. Его светлые волосы и белое одеяние были словно окутаны светом. Как будто он не лился равномерно на всех вокруг, а, обходя остальных, освещал только его. Казалось, что от него самого исходит сияние почти божественное.

Первые на своего предводителя обратили внимание люди Гвирна. Они быстро успокоились, перестали спорить и развернулись к Помосту. Будто следуя их примеру, один за другим приходили в себя ряды атлургов. И вскоре в Зале остался лишь равномерный гул, уже не мешавший говорить.

Только дождавшись полного внимания народа, Гвирн опустил руки и заговорил:

— Очень хорошо, Корт. Ты говорил, как истинное дитя Колоссов. Я прекрасно понимаю, что ты хочешь помочь своему народу. Но я должен думать о своём. Мы каждый день ломаем голову над тем, что ещё придумать, чтобы обеспечить каждого атлурга водой и едой. Мы тратим многие месяцы на то, чтобы откопать и укрепить новый лурд. А ты предлагаешь взять и привести в Утегат ещё несколько сот, а может, и тысяч человек. Как ты себе это представляешь?

Гвирн говорил очень тихо и спокойно. И с каждым его словом атлурги всё больше успокаивались и стихали. Будто он пел им колыбельную и, усыпленные его голосом, атлурги впадали в оцепенение.

Но Корт хорошо понимал, что за этими тихими словами Гвирн спрятал свой главный довод. Словно обернул в мягкую ткань острое лезвие. Гвирн часто приводил его, но именно сегодня Корт действительно дал повод так думать.

Сейчас Гвирн обвинил его в том, что Корт не был атлургом, а только притворялся им все эти годы. На самом же деле всегда оставался одним из детей Колоссов. Гвирн сказал то, что сразу могло вывести Корта из игры, сделать отщепенцем в глазах атлургов, чуть ли не врагом.

Но самое странное было в том, что Корт и сам не мог сказать, что это было ложью. Умом он понимал, что слова Гвирна — всего лишь манипуляция. Искусное преувеличение и искажение реальности. Но то ли гипнотический голос наконец подействовал и на него, но сейчас Корт действительно не знал, что является правдой.

Именно это осознание вдруг успокоило Корта. Сердцебиение пришло в норму. Мышцы расслабились. Кулаки разжались.

— Я понимаю, почему ты так говоришь, Гвирн. Пожалуй, у тебя есть на это право.

Корт обращался к Гвирну, что делал крайне редко. Обычно Гвирн, пытаясь выступить посредником между Кортом и народом, лишь мешал ругату говорить с атлургами. Но именно сегодня он действительно стал рупором народа. И Корт думал лишь о том, что это естественно — пытаться достучаться до атлургов через Гвирна.

— Я уже многие годы являюсь атлургом, одним из народа. Моё сердце и мои устремления принадлежат Утегату. Никто не сможет отнять этого у меня. Но правда также и в том, что я родился и вырос в Городе-за-Стеной. И, наверное, во мне до сих пор живёт дитя Колоссов.

Именно поэтому я знаю, что говорю, когда называю наши народы неразделимыми. На самом деле мы ближе, чем большинство из нас считает.

Что касается нехватки воды, продовольствия и жилья, то я тоже каждый день ломаю голову над этими проблемами. И думаю, что могу предложить народу решение, которое всех устроит.

Я хочу привезти из Лиатраса не только людей, но и технологии. Именно они позволят детям Колоссов устроить жизнь в пустыне. В Городе-за-Стеной умеют добывать воду из специальных растений. Если мы посадим эти растения здесь, то обеспечим водой не только детей Колоссов, но и атлургов. И в будущем это может полностью решить проблему нехватки воды.

Что касается жилья, то я не планирую селить жителей Лиатраса в лурдах Утегата. Мы поселим их в Красных Горах.

При этих словах атлурги снова взорвались, но быстро успокоились, стоило Гвирну вновь поднять над головой руки.

— Дослушаем, что скажет Корт, — спокойно произнёс он.

Ругат скрипнул зубами, но продолжил:

— У детей Колоссов есть так называемая взрывчатка. Она может убрать со своего пути любое препятствие. С её помощью можно мгновенно сделать в горах проходы и пещеры. Если удастся забрать из Лиатраса взрывчатку, то мы сделаем много нового жилья. Мы сможем разместить в горах всех людей, которых приведём, и ещё останется место.

При определённом везении нам удастся захватить и разную технику. Машины, способные ездить по песку и проезжать в день по много таров. Машины, способные возводить стены и дома из камня. Много диковинных вещей, которые помогут нам выживать

и сделают нашу жизнь лучше.

Послушайте, я понимаю, что мои слова звучат чудно и нереально. Но за гигантской стеной живут такие же люди, как мы. И они тоже сумели выжить в пустыне и приспособиться. Просто сделали это иначе. То, о чём я говорю, — вовсе не выдумка больного воображения. Я жил там много лет, в огромных домах, высотой в половину Красных Гор, и видел всё это своими глазами.

Вы знаете меня много лет. Знаете, что я далеко не безумец. Наоборот, меня ведёт и мною руководит сам Руг. Я прошу вас ещё раз поверить мне. Поверить, что я смогу спасти оба наших народа.

В почти полной тишине, наступившей под конец выступления Корта, звонкими пощёчинами прозвучали несколько хлопков. Но никто не присоединился к ним. Они так и затухли, пройдясь эхом между стен Зала Кутх, словно круги на воде от случайно скатившегося камушка. Тем, кто хлопал, был Гвирн.

— Прекрасная речь, Корт. Возвышенная и вдохновенная. Слушая тебя, впору поверить, что и ты вправду принимаешь за истину то, что говоришь.

Но позволь прояснить кое-что. Атлурги не нуждаются в чьей-либо помощи. Сам Руг даровал нам жизнь и наши законы. Мы потомки тех, кто в одиночку выжил в пустыне. И с нынешней ситуацией справимся сами.

Тысячелетиями народ выживал сам по себе. Никто нам не помогал. И теперь нам никто не нужен. Нас не касается то, что происходит за Стеной. Народ не станет менять своего уклада жизни ради тех, кому до них никогда не было дела. Этот уклад заповедовал нам Руг. Так мы и будем жить.

Что касается того, чтобы спасти кого-то, то, как ты и говорил, дети Колоссов тоже прекрасно справлялись в одиночку. Нас с ними ничто не связывает. Народ сам за себя.

Гвирн говорил, обращаясь исключительно к народу. На Корта он не взглянул ни разу. Это и не требовалось. Атлурги безоговорочно поддерживали каждое его слово. Они одобрительно гикали и вскидывали в воздух сжатые кулаки. В сторону Корта уже никто не смотрел, как будто он стал невидимкой.

Но Гвирн этим не ограничился:

— Что касается пророчеств о конце света, то тут я должен признать скудность своих познаний. Да, с детства мой отец, достопочтенный Холден, учил меня понимать волю богов. Дни, месяцы и годы проводил я в Зале Свитков, преисполняясь их мудрости. Но всё же кто я такой, чтобы братья толковать знамения? Для этого у народа есть гурнас.

Гвирн смиренно опустил голову и шагнул в сторону. Из-за его спины, словно из ниоткуда, выплыл Регут — новый гурнас Утегата. Он был одет в традиционное облачение: халат светло-песочного цвета, полностью закрывающий ноги и руки, с тёмно-бордовыми вставками по вороту, отворотам рукавов и подолу.

Корт не питал ни приязни, ни уважения к этому человеку. Регут был ставленником Гвирна, имевшим к воле богов такое же отношение, как, к примеру, житель Лиатраса. Происходящее всё больше напоминало постановку. Корт чувствовал нарастающее отвращение, но, странно, не ощущал гнева.

Регут заговорил, приняв смиренную позу:

— Народ счёл меня достойным звания гурнаса совсем недавно. Но я всю жизнь занимался тем, что изучал свитки и силился постичь тайные послания богов, скрытые в них. Спустя годы моих вопрошаний и поисков, боги заговорили со мной. Они приоткрыли для

меня дверь к мудрости, и теперь я могу передать народу их волю.

В свитках Руга и других почитаемых богов ничего не говорится о конце света. Руг вышел из-за края песков не для того, чтобы наказать, а для того, чтобы испытать народ. Атлурги были избраны Ругом для жизни в пустыне. И теперь он хочет убедиться, что народ живёт по его заветам. Если теперь мы не посраим его, то Руг снова пошлёт козам приплод, полям — плодородие, а источникам — полноводие.

После смерти последнего Канга народ разделён. Наши раздоры и нашу нерешительность видят боги и гневаются на нас. Атлурги должны забыть о распрях и объединиться для того, чтобы выжить. Должны позаботиться о себе.

Всё, что нам послано сейчас — испытание. Мы должны вернуться к своим корням, к заветам Руга, чтобы пройти его. Если же сейчас мы начнём делать что-то, что никогда не делали, то Руг разгневается и погубит своих детей.

Таков смысл Знамения. Такова воля богов.

Народ выслушал гурнаса в почтительном молчании. Даже дети не прерывали тишины плачем, а вездесущие пылинки перестали крутиться в воздухе, рассевшись по выступам стен.

— Вы слышали слово вестника богов. — Корт вздрогнул от голоса, показавшегося чересчур громким в этой тишине. Теперь Регут отошёл в сторону, пропустив вперёд Гвирна. — Нет причин для паники и беспокойства. Народ должен сплотиться перед трудностями, вспомнить заветы богов, и с их помощью мы всё преодолеем.

Гвирн оборвал себя и снова отошёл в сторону.

«Сегодня он играет роль почтительного сына и атлурга», — подумалось Карту. У него не осталось сомнений в том, что всё, что он видит, — хорошо выверенный и спланированный спектакль. Главной декорацией к которому служит он сам.

На сцену вышел Ауслэг — Член Совета, до недавнего времени также претендовавший на власть.

— Совет принял решение, — пробасил он без предисловий. — Просьба Корта о новом походе отклоняется. — Эти слова были приняты одобрительными выкриками. — Мы отказываем Карту в помощи жителям Города-за-Стеной.

Также Совет пересмотрел прежнее решение об экономии воды и продовольствия в городе. Заново обсудив все аргументы и наши возможности, мы решили принять план Гвирна о перераспределении ресурсов.

К сожалению, из-за ошибочно принятого ранее решения об открытии хранилища, наши запасы воды сильно истощены. В связи с чем Совет вновь закрывает хранилище. Что касается списков на перераспределение, то они будут вывешены в Зале Кутх позднее. Гвирн любезно предложил Совету свою помощь, так что с дальнейшими вопросами обращайтесь к нему.

Ауслэг говорил ещё что-то, но Корт перестал слушать. Живот скрутило, словно он проглотил горсть ядовитых шипов. В голове билась одна мысль: он не смог. Не сумел сдвинуть с места эту махину под названием «Утегат». Слишком привычно и уютно атлургам было держаться за традиции и прошлое. Слишком страшно — сделать шаг вперёд.

Корт был глупцом, считая, что в одиночку сумеет что-то изменить. Ни ругат, ни даже сам Руг, явись он сейчас перед народом, не сумел бы убедить их свернуть с привычного пути.

Зал Кутх зашевелился. Вокруг Корта дымом песочного цвета клубились тела. Презрительные и враждебные взгляды пробивались к нему, будто сквозь толщу полупрозрачного тергеда. Атлурги с одобрительным гулом окружали Гвирна, при этом

обтекая Корта так, словно его не существовало. Корт ощущал себя неподвижным валуном, оказавшимся на пути песчаного оползня.

Постепенно зал пустел. С трудом двигаясь против потока, к Карту пробивались Леда, Уги и Дар. Они ничего не говорили. Просто встали рядом.

Через минуту подошёл Гадрим — один из самых старых и близких сторонников Корта. Рядом с ним мялся Мерут — молодой ученик ругата, буквально боготворивший его. Глаза парня смотрели в пол.

Гадрим хмурился. Долго, слишком долго он просто стоял и смотрел Карту в глаза. И этот взгляд говорил больше, чем любые слова.

— Прости, Корт, — наконец тяжело заговорил бывший соратник. — Я уважаю тебя как атлурга и как ругата. Я долгое время разделял твои взгляды и с чистым сердцем следовал за тобой. Но я не могу согласиться с тем, что ты сказал сегодня. Я всегда хотел лишь одного — заботиться о моём народе. Но твои идеи больше не соответствуют моим устремлениям. Здесь наши пути расходятся.

Корт посмотрел на Мерута, ожидая, что тот скажет. Но парень по-прежнему смотрел в сторону. Лишь густо покрасневшие шея и уши говорили о возможных сожалениях.

Корт собрал разбежавшиеся мысли и хмыкнул.

— Не надо ничего объяснять. Я слишком хорошо тебя знаю, старый друг. Каждый из нас волен идти своим путём. Ты свой выбрал, как и я.

И продолжил, повернувшись к Меруту:

— Не вини себя, парень. Я не виню.

— Спасибо, — промямлил тот в ответ.

Корт улыбнулся. По крайней мере, все, кто следовал за ним последний год, были людьми принципов. Их нельзя было купить пустыми обещаниями и красивыми словами. Они делали то, что велело им сердце.

От этой мысли слегка полегчало. Гадрим и Мерут ушли. Их осталось четверо.

Во время Утегатол Юта стояла в стороне. Со вчерашнего утра до начала собрания она не покидала своего лурда. Только за несколько часов до сбора атлургов к ней зашёл Гвирн, хотя она ждала не его. Атлург сообщил ей, что ему удалось договориться с Советом о том, чтобы Юта осталась в городе. Он не раскрыл деталей. Сказал только, что весь город стоит на ушах из-за появления знамения, и ему нужно готовиться к Утегатолу.

Юта всё понимала. Она не задавала вопросов. Кроме одного, самой себе: как Карту удалось повернуть это, и почему он лично не пришёл рассказать об успехе?

Многое прояснил Утегатол. Это было не просто поражение Корта. Это был полный разгром. Разгром его предложений, его идей, его репутации. Его как предводителя народа. Уже на середине у Юты разболелась голова. Боль обволакивала однотонным гулом голосов и простреливала вспышками выкриков. Отчего-то казалось, что болит всё тело.

Юта понимала, что Совет и Гвирн хотят как лучше для народа. Но всё равно не могла смотреть на то, как они буквально раздавили Корта. Вместе с волнами боли накатывала тошнота. Юта не могла поверить, что совсем недавно стала одной из этих людей. За что она уважала их? Почему захотела стать такой же?

Сейчас Юта хотела только одного — вернуться домой и забыть обо всём, как о

страшном сне. Не в этот дом — чужой, пустой и по-прежнему необжитый. А в тот — уютный, захламлённый и родной. От головной боли, криков и толкотни атлургов Юта почувствовала слабость. Она больше не хотела бороться. Хотела просто плыть по течению. И чтобы всё само собой вдруг стало легко и понятно.

Спустя целую вечность атлурги наконец утомонились. Шум сместился к одной стороне зала, где, кажется, был Гвирн. Юта не обращала на них внимания. Уже некоторое время она выискивала взглядом Корта.

Лишь когда нескончаемые потоки атлургов рассеялись, Юта смогла разглядеть его высокую тёмную фигуру. Возле Корта было непривычно пусто. Вместо толпы сторонников и простых атлургов рядом стояло лишь несколько человек. Вот ещё двое отделились и растворились в толпе. Корт ничего не говорил. Только как-то потерянно оглядывался по сторонам, как будто ждал, не присоединится ли к нему ещё кто-то.

Головная боль неожиданно отступила. Юта забыла и о ней, и о своём шатком и не вполне ясном положении, и даже о зловещем диске выступившей планеты. Ей хотелось только одного — подойти, поддержать, обнять, утешить.

Внезапно Корт обернулся, как будто почувствовав её взгляд. Юта с облегчением выдохнула и неуверенно улыбнулась. Всего мгновенье мужчина смотрел на неё, а потом отвернулся.

От этого жеста Юта запнулась на полушаге. Он что, не узнал её? Или не хочет, чтобы сейчас их видели вместе?

Корт сказал что-то своим спутникам, и они двинулись прочь из зала. Корт чуть помедлил, он повернулся к Леде. Между ними произошёл короткий разговор. Корт взял Леду за руку. Затем притянул к себе и очень нежно обнял. Жест был таким домашним и интимным, что Юта задохнулась. Корт провёл пальцами по щеке девушки-атлурга, а потом поцеловал.

Это не было краткое прикосновение губами, — печать, скрепляющая каждую пару. Это был настоящий, глубокий поцелуй. От которого тёплые волны бегут по телу, и начинает тянуть низ живота.

Юта почувствовала, что из неё вынули стержень, и она готова рухнуть на пол, как тряпичная кукла. Этого не происходило только потому, что всё тело одновременно сковало невидимыми цепями. Они больно впивались в кожу, во внутренности, в кости.

Мир вокруг закружился, но Юта не двигалась. Она висела в пустоте, подвешенная на холодных цепях, как муха в паутине. И что-то огромное и ужасное уже было рядом, дышало холодом в затылок, готовое выпить её душу.

Стены Зала Кутх, как в ускоренной съёмке, уплыли куда-то в стороны. И только картина Корта, нежно, но крепко обнимающего Леду, так же, как когда-то обнимал Юту, с болью впиалась ей в глаза. Юта хотела отвернуться, но ледяные цепи держали так, что она не могла пошевелить и пальцем. Всё, что Юта могла — это стоять и смотреть.

Поцелуй Корта и Леды всё длился и длился. Проходили секунды, минуты и часы. Или так ей казалось. Наконец мужчина отстранился. На какое-то мгновенье Корт замер, и Юте показалось, что он заколебался, как будто хотел обернуться, но остановил себя. Корт взял Леду за руку и, что-то нашептывая друг другу, они вышли из зала.

Глава 7. С закрытыми глазами

Корт ушёл из Утегата два дня назад. Ему надо было подумать. Когда он оставлял за спиной бурлящий муравейник подземного города, ругат чувствовал себя премерзко. Хотя ощущение спокойствия и понимания своего пути, снизошедшее на него во время Утегатола, никуда не делось.

Это были два разных Корта и два разных чувства. Одно, плававшее на поверхности, постоянно зудело и не давало уснуть по ночам. Чувство предательства, которое он совершил по отношению к одному из самых дорогих ему людей. Снова. Неужели это его крест — предавать тех, кого он любит из-за зыбкого и ненадёжного «это правильно»? Но что в этом правильного — заставлять страдать человека, который беззаветно доверился тебе?

Корт не мог думать обо всём этом, не мог думать о Юте без боли и злости, застилающих взор. Каждая мысль кровоточила. С каждым биением сердца края раны расходились всё сильнее. Это было слишком больно, слишком несправедливо, слишком неправильно.

Потому Корт делал всё, чтобы не думать.

Был и другой Корт и другое чувство. Оно покоилось где-то очень глубоко внутри и выскальзывало на поверхность проблесковым маячком надежды. Это чувство угнездилось на самом дне его существа и привносило покой в мятущиеся мысли. Давало направление. Напоминало о том, что у него есть цель.

Корт знал, что должен делать. Он не знал — как. Потому и отправился в пустыню. Ему надо было подумать. А может, наоборот, оставить мысли и переживания в Утегате и отдаться первобытным инстинктам.

На этот раз всё было иначе. Леда была предупреждена, и каждый вечер Утагиру носил ей записки от Корта. Он не стал уходить далеко, готовый в любой момент вернуться, если в Утегате что-то изменится. Он был нужен людям, которые, вопреки всему, всё же решили связать с ним свои судьбы. И они были нужны Карту.

Поэтому он кружил вокруг города на расстоянии нескольких тар. Достаточно далеко, чтобы не встречаться с людьми. Достаточно близко, чтобы быстро вернуться в случае необходимости.

Наступил Час Скорпиона. Вечер, по лиатрасским меркам где-то около восьми. Это был один из самых жарких часов в сутках. Время, когда оба светила Нибелии поднимаются в зенит.

Обычно в эти часы Корт устраивал себе лежанку под барханом. Рыл небольшую ямку, растягивал хилт на подпорках и ложился спать. Когда Таурис снова спускался с небесного помоста, Корт сворачивал лагерь и шёл дальше.

Но теперь у ругата не было необходимости идти вперёд. Поэтому он решил разбить более основательный лагерь и остаться в одном месте на несколько дней. Утагиру промышлял где-то охотой. О его передвижениях говорили облачка песчаной пыли, поднимавшиеся вдалеке то здесь, то там.

Корт вырыл себе основательную яму, вокруг которой теперь высились груды песка почти в человеческий рост. Он закончил растягивать полог из куска заранее приготовленной ткани и смахнул со лба пот. Таурис почти достиг пика небосвода, и Аттрим спешил присоединиться к Старшему Брату с другого конца неба.

В любой другой раз Корт завалился бы спать на несколько самых жарких часов. Но

сегодня это было необязательно, да и спать всё равно не хотелось. Корт уселся в своём ложе и сделал скупой поток воды. Он не был в пустыне с тех пор, как они с Ютой вернулись из Лиатраса. Вытеснив мысль о девушке подальше на задворки сознания, он стал думать о том, что произошло на Стене во время его сражения с Лэнсом.

То чувство слияния с чем-то огромным и непостижимым до сих пор преследовало Корта. Но с тех пор ни разу не повторилось. Тогда он был ранен и близок к гибели. Но что-то (или кто-то?) придало ему сил. Неужели это Руг тогда явил Карту свой истинный облик? Или же это была просто галлюцинация в лишённом кислорода мозгу? Корт должен был узнать ответ.

Он скинул хилт на песок и выбрался из-под полога. Босиком, лишь в одних холщовых штанах, Корт вытащил из ножен свой боевой нож и встал в стойку.

«Сосредоточение настоящего мастера выражается в чистоте броска». Этому учил всех новичков Мастер Боя Утегата, старый Нараторн. И только те, кто в совершенстве осваивал «слепой бросок», могли перейти на следующую ступень. На памяти Нараторна такое было только единожды.

Корт тренировал «слепой бросок» уже много лет. Сам Мастер признавал, что Корт давно овладел им в совершенстве. Но что-то мешало ему двинуться дальше. Техника «живой мишени» не давалась. Это была следующая ступень после «слепого броска», но разница между ними была принципиальна.

Суть «слепого броска» заключалась в том, чтобы с закрытыми глазами из любого положения попадать в одну точку. Смысл «живой мишени» был в том, чтобы с закрытыми глазами из любого положения поражать движущуюся цель. Для этого было мало пространственной ориентации и идеального ощущения своего тела. Для этого надо было чувствовать весь мир вокруг.

Нараторн говорил, что у Корта давно есть все необходимые навыки для освоения новой техники. Ему мешает только он сам. Разум Корта постоянно находится в движении и застилает внутренний взор. «Твои глаза видят, но ты слеп. Твои уши слышат, но ты глух. Твой внутренний взор обращён только на самого себя. Успокой свой разум и сможешь увидеть мир вокруг».

Корт проделал дыхательную практику и принялся слушать.

Солнца палили нещадно. Пот непрерывными ручьями лил по телу. Там, где пробегали липкие струйки, кожа зудела и чесалась. Неприкрытая голова Корта накалилась, как горшок в солнечной печи. Плечи обжигало так, словно на кожу лили раскалённое масло.

Корт понимал, что такими темпами добьётся лишь того, что потеряет сознание. И перепуганному Утагиру снова придётся укрывать его своим телом и плача лизать лицо, пока Корт не вернётся из небытия. Надо накрыть голову и спрятаться в тени. Но Корт продолжал стоять.

Спустя ещё некоторое время мир вокруг начал расползаться, как куски старой ткани. Корта мутило. Перед глазами плавали красные и бурые круги, застилая пустыню. Скользкий от пота нож так и норовил выскользнуть из руки. И Корт направил остатки воли и сознания на то, чтобы удержать его в пальцах. Это было глупо. Земля под ногами закачалась. Пустыня кувыркнулась несколько раз, вызвав очередной приступ тошноты, и Корт упал. Мир погрузился в спасительную темноту.

Как бывает, когда человек находится на грани сознания, Корт не знал ни кто он, ни где он. Он даже не знал, кто такой «он». Рациональные категории распались на причудливые и

бессмысленные образы. Ему казалось, что он парит в открытом космосе. Но тот космос не был чёрным и пустынным.

Он был бесконечно ярким и цветным. Он состоял из таких цветов, каких не мог увидеть человеческий глаз. Каких, возможно, вообще не существовало во Вселенной. И Корт или то, чем он был, подумал, что находится в какой-то другой, параллельной Вселенной. А перенесли его туда боги, которые на самом деле были существами из иного измерения.

Сознание возвращалось урывками. Сначала он ощутил шершавый песок под пальцами, горячий и мягкий. Если бы захотел, Корт мог бы прикоснуться к каждой песчинке. Не только к тем, что были на поверхности, но и ко всей толще песка, что покрывал каменную мантию планеты. Корт думал, что мог бы пересчитать их все, но это было бы таким долгим и нудным занятием, что он невольно улыбнулся этой глупой мысли.

Потом вернулось обоняние. Песок пах солнцем и солью, дикими травами, что когда-то росли на нём, и сухой кожей песчаных змей и ящериц. Ещё Корт ощущал запахи шерсти и пота от своего хилта, еле уловимый запах рук Леды, исходивший от старого куска ткани, служившего Карту подстилкой. Запахи дома и пустыни смешивались и переплетались, создавая непередаваемый флёр, лёгкой бахромой наброшенный на мир.

Дальше был слух. Корт слышал биение подземных источников и шуршание ящериц в своих норах. Ветер сдувал верхушки барханов и, будто шепча, песчинки скатывались вниз. Где-то вдалеке топали лапы Утагиру.

Последним вернулось зрение. Корт увидел неспешное перемещение песка и лёгкое движение воздуха. Увидел жар, поднимающийся от раскалённой земли и прохладу тени под пологом. Он видел, как из норы глубоко под землёй на поверхность выбралась маленькая бурая ящерка. Она повела головой с широко посаженными глазами и лизнула языком песок. Ящерка выбрала направление на северо-восток и резво побежала, шурша лапками по песку и оставляя за собой небольшой зигзаг следа.

Корт приподнялся на локте и метнул нож.

Затем он открыл глаза.

Корт поднялся и отряхнул штаны. Лёгкий ветерок уже забросал его горстями песка. Корт выбрал направление и зашагал прочь от своего убежища.

В двадцати шагах на песке он нашёл игольчатую ящерицу, пронзённую ножом. В этот момент Корт понял, что должен делать.

Спустя три дня после ухода, он вернулся домой.

Корт клялся себе, что этот раз точно будет последним. И что в этот раз он не проиграет. Глубоко вздохнув, он откинул уже знакомый полог.

На этот раз Гвирн был не один. Он и ещё трое атлургов что-то горячо обсуждали, собравшись вокруг стола. Как много раз делал и Корт со своими людьми. От воспоминаний в груди кольнуло. При виде Корта атлурги резко замолчали.

— Корт. Вот так сюрприз, — холодно отчеканил Гвирн. — Вот уж кого точно не ожидал увидеть. Теперь-то.

Мужчины заулыбались. Один закашлял в кулак, скрывая смехок.

— Гвирн. У меня есть к тебе предложение. Я хочу заключить сделку. Поверь, тебе понравится, — на этот раз мягко улыбнулся Корт. Он склонил голову набок в ожидании.

Гвирн мгновенно оценил его настрой и принял решение.

— Все. Выйдете. Мне с Кортом надо поговорить.

Не прошло и недели с прошлого Утегатола, как собрался новый. Обычно народ собирался на сход не чаще нескольких раз в год. Но в последние месяцы ничто не было обычным. Как и сейчас. Никто не знал, в чём причина, но все знали, что этот Утегатол собрали Гвирн с Кортом. Вместе. Это обещало быть чем-то особенным. Поэтому весь город растревоженным ульем снова гудел под сводами Зала Кутх.

На этот раз под Помостом Кангов не было ни Совета, ни глашатая. Перед народом бок-о-бок стояли двое.

Корт заговорил первым.

— Я знаю, что вы удивлены. И что я потерял ваше доверие. Но я всё же выступлю ещё раз, потому что то, что я скажу, изменит судьбу Утегата. Мы с Гвирном собрали сегодняшний Утегатол, потому что пришли к согласию относительно того, что будет лучше для народа.

Корт выдержал паузу. Нашёл взглядом Леду. Она стояла, заломив руки, как всегда, впереди, чтобы он мог её видеть. Леда не знала, что он хочет сказать. Как и никто другой. И у этого была причина.

— Сегодня я, Корт — изгой, ругат и атлург — отрекаюсь от борьбы за власть. Я всецело признаю Гвирна Кангом над собой и над народом.

Корт замолчал. В Зале царила ледяная тишина. Заговорил Гвирн.

— С выходом Корта из борьбы у меня не остаётся других соперников. А потому, если народ и Совет дадут согласие, я стану следующим Кангом Утегата.

Гвирн поднял руки. И, словно это была команда, атлурги разразились возгласами одобрения. После нескольких минут хаотических криков, один за другим в воздух начали взмывать кулаки. Очень скоро вся масса людей хором скандировала одно слово, вскинув вверх руки и топая ногами:

— Канг! Канг! Канг!

Это звучало, словно призыв к бою. Корта проняла дрожь. Да и Гвирна, несмотря на невозмутимый вид, должно быть, пробирал озноб. Стать предводителем такой силы — это могло стать мечтой и делом всей жизни. Сейчас Корт наконец-то понял это. За обладание такой мощью можно было убивать и умирать.

Спустя несколько минут Гвирн снова поднял руки. Атлурги затихли. После грохота сотен ног, казалось, зал до сих пор дрожит. В голове стоял гул.

— Братья! — крикнул Гвирн. — Пусть церемония назначения Кангом ещё не проведена, но ваша реакция означает для меня, что вы меня уже избрали. И потому, в качестве следующего Канга Утегата, я хочу озвучить своё первое решение. Вы позволите мне это сделать?

— Да!

— Говори!

— Ты наш Канг!

— Хорошо. — Гвирн улыбнулся одними уголками губ. — Тогда вот моё слово. В качестве жеста примирения, принимая капитуляцию Корта, я разрешаю ему собрать отряд

добровольцев, если таковые найдутся, и отправиться в Город-за-Стеной.

Также я даю согласие на то, чтобы Корт привёл оттуда людей и поселил их в горах. С тем условием, что они будут сами обеспечивать себя едой и водой. Не будут брать воду из источников и охотиться в горах. В остальном народу нет до этого дела.

Также, в качестве услуги лично Карту, памятуя о его заслугах перед народом, я разрешаю ему разместить людей в Утегате на первое время. Но не более нескольких десятков человек и сроком не более чем на несколько месяцев. Опять же, при условии, что они будут обеспечивать себя всем сами. Сейчас население Утегата невелико, и у нас есть свободные лурды.

После того, как эти люди разместятся в Красных Горах, Корт сможет привести ещё людей. Конечно, всё это не бесплатно. После того, как изгои устроятся на новом месте, они будут выплачивать нам дань в виде воды и продовольствия. Я считаю такое соглашение разумным. Надеюсь, вы примете это.

— У меня не было иного выбора. Простите.

Корт, Леда, Уги и Дар собрались за столом у Корта дома.

— Это спорное утверждение. Если бы ты посоветовался с нами перед тем, как принимать решение, возможно, мы бы что-то придумали.

Уги был мрачен. Ни он, ни Дар не одобрили того, что Корт сделал. Леда стояла у Корта за спиной и молча держала его за руку.

— Я знал, что вы ни за что не согласитесь с моим решением. Простите, что подвёл. Мне не быть Кангом. Я с самого начала сомневался, что справлюсь с этой задачей. И я не справился. Но, возможно, это и к лучшему. Я думаю, это не мой путь.

Согласитесь ли вы и дальше идти рядом со мной, уже совсем другой дорогой, или пойдёте своим путём — это ваше решение. Но даже если я останусь один, я сделаю то, что должен.

— Ты не останешься один, — мягко подала голос Леда и вышла из-за спины Корта.

Она выглядела печальной, но её взгляд был по-прежнему твёрд. Она всегда будет на стороне Корта и последует за ним, куда бы он ни шёл.

— Я пойду с тобой в Город-за-Стеной. — Леда гордо вскинула голову и посмотрела на сидящих мужчин. — Уги, Дар, вам решать, что вы будете делать дальше.

Нам больше не бороться вместе за власть в Утегате. Но я считаю, что город и его жители по-прежнему находятся в опасности. И сейчас, возможно, даже в большей, чем когда-либо.

Гвирн делает то же, что делал Турраг. Замалчивает проблемы. Преуменьшает масштаб бедствия. Да, мы не смогли переиграть его на его поле. Но это не значит, что мы не можем сражаться другими способами.

Если вы верите Карту так же, как я, то поймёте, что всё, что он говорил о пророчестве, правда. А значит, мы должны отправиться в Город-за-Стеной. Потому что, вероятно, это наш единственный шанс спасти народ от гибели.

После некоторого молчания заговорил Дар:

— Слушай, если бы мы изначально поставили на тебя, а не на Корта, у нас было бы гораздо больше шансов выиграть.

Мужчины переглянулись, а потом разразились хохотом.

— Я смотрю, вы веселитесь.

Никто не заметил, как в дом вошёл атлург. И это было удивительно, учитывая его комплекцию и рост. Мало кто в Утегате мог встать вровень с Кортм. Но этот человек всегда был одним из немногих, кто смотрел Кортм в глаза прямо.

Хохот мигом прервался. Атлурги напряглись.

На бесшумно проскользнувшем за полог мужчине была грязная рубаха, залатанная на рукавах. Цвет штанов было трудно определить. Одна штанина была разорвана снизу, как будто её пожевал саграл. Немытые волосы, скатавшиеся в тонкие верёвки, падали на глаза.

Леда судорожно вздохнула. Корт встал.

— Нагир. — Корт выступил чуть вперёд, наполовину загородив девушку. Но предпринимать ничего не стал. — Чем обязаны?

Тяжёлый взгляд тёмных, как стоячая вода, глаз обвёл присутствующих. Остановился на Леде.

— Хочу присоединиться к твоему отряду.

Корт опешил. Он знал, что Нагир никогда не сделал бы такого по собственной воле. Никогда не сделал ничего, чтобы помочь Кортм. Никогда бы добровольно не встал на его сторону.

— Не скажешь причину?

— Отчего же, скажу. — Нагир недобро уставился на Корта. — Из-за своей одержимости ты потерял контроль над ситуацией. Потерял одобрение народа и полностью проиграл Гвирну. И теперь, — желваки тяжело заходили под его тёмной кожей, — Леде придётся идти с тобой, потому что больше никто не захочет. Я хочу быть рядом, чтобы защитить её.

— Кто сказал, что мне нужна чья-то защита? — Леда выскочила вперёд, грациозная и злая, как дикая кошка. — В любом случае, для этого у меня есть муж.

Отчего-то её высокие скулы рдели.

Корт поймал себя на том, что испытывает чувство гордости и восхищения при взгляде на Леду. Ни одна девушка в мире не сравнится с девушкой-атлургом. Ей не нужна ничья помощь. Она сама постоит за себя. И за своего мужа. И за своих детей. Она будет сражаться с врагами наравне с мужчинами и скорее умрёт, чем проиграет.

И всё же это долг мужчины — ограждать и защищать. И если Корт не сможет отговорить её пойти с ним, — а в этом он сомневался, — то страховка с двух сторон лучше, чем с одной. Корт принял решение почти мгновенно.

— Я не смогу доверять тебе. Но ты это и так знаешь. А потому мои условия: ты должен беспрекословно подчиняться моим приказам. И ещё, за тобой всегда будет кто-то присматривать.

— Корт! — воскликнула Леда возмущённо.

Ругат лишь бросил в её сторону короткий взгляд.

— Если согласен, добро пожаловать. — Корт с ухмылкой смотрел в глаза своему заклятому врагу.

— Согласен, — только и ответил Нагир. Он снова посмотрел на Леду. — Как будете готовы выдвигаться, дайте знать.

— Корт, Руг тебя забирает, что на тебя нашло?! Почему ты согласился?! Это же Нагир! — вспыхнула Леда, как только полог за ушедшим атлургом перестал колыхаться.

— Именно поэтому, Леда. Потому что это Нагир.

Юта сидела напротив Гwirна за кухонным столом и теребила край рукава. Гwirн мягко улыбался ей и подолгу не отводил взгляд искристо-янтарных глаз. Юта смущалась и принималась поправлять выбившиеся из причёски пряди.

Она не была на свидании со старшей школы. Не то чтобы ей никто не нравился, или она совсем не проводила времени с парнями. Просто Юта рано поняла, что у неё в жизни другая страсть, и что ей она хочет посвящать всё своё время. После школы она поступила на заочное отделение факультета журналистики и уже работала на полную ставку в одном «жёлтом» журнале. С тех пор до дня убийства мэра её жизнь не останавливалась ни на минуту. И в этом бешеном круговороте просто не было времени на мужчин.

Поэтому Юта краснела и бледнела под пристальным взглядом Гwirна. Она не знала, о чём говорить, и даже облила своё красивое белое платье очень вкусным и очень редким супом из черепахи. Гwirн не обратил на это внимания. Весь вечер он был очарователен и галантен, и от этого Юта нервничала ещё больше.

После Утегатола, на котором Корт ясно дал понять, что их странные отношения окончены, она проплакала неделю. Но с того же самого вечера возле неё всё чаще начал появляться Гwirн. Они снова стали проводить вместе много времени. Их отношения принимали всё более романтический характер.

Юта не была против. Ей просто нужна была компания. И внимание красивого мужчины тоже не бывает лишним, когда у тебя депрессия из-за разбитого сердца. Поначалу в глубине души её скребло гаденькое ощущение, что она предаёт кого-то. То ли Корта, то ли себя — она не могла понять. Но со временем Юте удалось подавить это чувство. В конце концов, Корт был тем, кто принял решение. И, наверное даже, оно было правильным.

После случившегося Юта постаралась сосредоточиться на приготовлениях к новому походу в Лиатрас. Она записалась в отряд через Уги, как будто была рядовым атлургом. И вчера друг Корта сообщил ей, что через пару дней они готовы выдвинуться. Гwirн зашёл к Юте тем же вечером. Конечно, он знал о том, что скоро группа Корта уходит. И помпезно-официально пригласил Юту на свидание.

Девушка долго крутилась перед «каменным зеркалом», сооружая на голове целый лабиринт из косичек. И даже одолжила у одной знакомой праздничное платье.

И вот Юта сидела за столом, полным изысканных и редких блюд, и теребила мамин кулон, в полуха слушая вкрадчивый голос Гwirна.

Как-то незаметно он оказался совсем рядом и взял её руку в свою. Это заставило Юту очнуться и посмотреть мужчине в глаза.

— Юта, я знаю, что не смогу отговорить тебя от нового похода. Я понимаю, как это важно для тебя — узнать о своём прошлом, о своей матери. Поверь, я хотел бы пойти с тобой, чтобы помочь разрешить все загадки, — Гwirн вздохнул, — но новые обязанности не позволяют мне покинуть Утегат, особенно в такое время.

Это было что-то новое. Юта удивлённо и недоверчиво воззрилась на Гwirна. Он легко рассмеялся.

— Вижу, ты удивлена. — Гwirн нежно поправил прядь выбившихся из её причёски волос. — Но разве ты не знаешь, как дорога мне?

Гwirн чуть отстранился. Взгляд его тёплых глаз стал серьёзным.

— Я пригласил тебя на свидание не только для того, чтобы попрощаться перед уходом. У меня есть к тебе важный разговор.

В этот момент из обычного, простого в общении юноши Гвирн превратился в Канга.

— Я хочу взять с тебя обещание. — Гвирн немного помолчал, а потом решительно посмотрел на Юту. — Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Юта оцепенела. Кажется, Гвирн понял, что его заявление прозвучало слишком резко. Он виновато улыбнулся, вновь превращаясь из Канга в обычного человека.

— Конечно, я не жду от тебя ответа прямо сейчас. Но я хочу, чтобы ты знала о моих чувствах и о моих намерениях. — Немного подумав, Гвирн продолжил: — Я также знаю, что ты испытываешь чувства к Корту.

В этот момент Юте захотелось вскочить и горячо возразить Гвирну. Она была готова сгореть со стыда. Но всё, что Юта смогла сделать после того, как набрала полную грудь воздуха, — это несколько раз открыть и закрыть рот. Гвирн озвучил очевидное, и спорить с этим не было смысла.

Гвирн молча наблюдал за реакцией Юты. Он продолжил, когда убедился, что она ничего не скажет:

— Для меня это не является проблемой. Я понимаю, что вопрос чувств сложен. К сожалению, они не всегда находятся в нашей власти. Но я готов ждать столько, сколько потребуется, чтобы завоевать твоё сердце. Я только хочу, чтобы ты подумала над моими словами. И, может быть, когда ты вернёшься, ты согласишься строить со мной отношения.

Гвирн замолчал. Он выжидательно смотрел на Юту.

Внутри девушки бушевала буря. Эмоции стремительно сменяли друг друга: от непонимания и удивления — к смятению и замешательству. Ей казалось, она с трудом понимает, что Гвирн говорит.

Но другая её часть, наоборот, всё прекрасно осознавала и даже, кажется, была к этому готова. В конце концов, Гвирн никогда не скрывал своей симпатии. Однажды они даже почти поцеловались. И если учесть то, что теперь Гвирн является Кангом, то понятно, что это не просто игра. Его выбор серьёзен и обдуман. Хотя Юта и не могла взять в толк, почему она привлекла его, но сам по себе этот факт был совершенно очевиден. Атлурги не ходят вокруг да около. Они делают свой выбор раз и навсегда.

От этой мысли Юту прошиб озноб. Да, раз и навсегда. И это касается не только Гвирна, но и Корта. Он выбрал Леду, и он уже не изменит свой выбор. Наверное, именно это он и хотел сказать ей в тот вечер. Что им не быть вместе. Никогда.

К горлу подступил ком, и Юта с огромным трудом заставила себя сглотнуть его. Сейчас не время раскисать. Она посмотрела на красивого молодого человека напротив. Галантного и доброго. Того, кто всегда поддерживал её, несмотря ни на что. Того, кто столько добился в своём возрасте и всё же не потерял человечности и мягкости. В конце концов, того, кто всегда был ей симпатичен.

Юта медленно протянула руку и сжала длинные изящные пальцы Гвирна.

— Я согласна строить с тобой отношения, когда вернусь.

Она подалась вперёд. Её лицо приблизилось к лицу Гвирна. Юноша прикрыл глаза и коснулся губами её губ.

Гвирн целовал её мягко и осторожно. Его губы, в отличие от жёстких и сухих губ Корта, были мягкими и пухлыми. Их вкус был пряным и сладким. Кожа Корта вблизи пахла солнцем и чёрным перцем. А Гвирна — пряными травами и цветами.

Не было сумасшедшего напора, с которым прижимал её к себе Корт, словно хотел сломить её волю, сделать своей, заключить внутрь своего тела. Пальцы Корта сжимали её стальными тисками, комкали одежду и впивались в тело. В то время как руки Гвирна были ласковыми и нежными. Будто боялись лишней раз прикоснуться, отпугнуть. Как будто он касался крыльев бабочки — едва ощутимо, чтобы не поранить или не сломать.

Юта постаралась забыться в этом поцелуе. И хоть он не принёс облегчения, но оказался приятным. Юта подумала, что когда вернётся, то будет не против повторить.

Юта плыла по коридору, словно во сне. Мир вокруг казался каким-то невесомым, почти игрушечным. Всё вокруг было словно окутано лёгким туманом. Или туман был у неё в голове? Юта испытывала почти физическую лёгкость.

Умом она понимала, что всё это — лишь действие гормонов. Эндорфинов, адреналина или чего там ещё. Но мир не казался таким же, как полчаса назад. Это ещё не была влюбленность. Юта вообще не была уверена, что сможет когда-либо снова влюбиться. Но сейчас она думала, что стоит немного постараться, и она сможет приблизиться к этому — увидеть на горизонте или даже дотянуться рукой.

Тёмная фигура выплыла перед ней словно из ниоткуда. Юта почти влетела в неё, неприятно выдернутая из своего сказочного сна. Мощная аура вдруг захлестнула её. Юта задохнулась. Вместе с привычным ощущением силы и жара, исходящих от этого человека, в нос ударили запахи нагретого песка и пустынных трав.

Ощущения, которые она уже начала забывать, подхватили Юту, смели и одним рывком выбросили в голую степь реальности. От неожиданности и собственных чувств, ударивших в грудь тараном, Юта непроизвольно шагнула назад. Как будто собиралась развернуться и убежать.

Корт стоял посередине коридора в нерешительности. Поведение Юты явно застало его врасплох. Его чёрные брови хмурились, а выражение лица было нечитаемым. Но даже, несмотря на то, что Корт молчал, от ощущения его близкого присутствия, ореола силы, всегда окружающего его, жара, исходящего от его тела, Юте казалось, что она готова упасть в обморок.

На мгновение лицо Корта дрогнуло. Словно рябь на воде, по нему прошла мучительная судорога. В глазах мелькнуло то выражение, какое Юта видела всего однажды. В тот момент, когда их вытащили из-под завалов Зала Свитков, и их тела, прижатые друг к другу на протяжении многих часов, разделили.

Это длилось какую-то долю секунды. Затем Корт опустил голову и, буркнув «Извини», протиснулся мимо неё. Юта снова осталась одна. Только призраком Корта вился в коридоре запах пустыни.

Юта не помнила, как дошла до своего лурда. Осветительные окошки в доме были закрыты, и на пороге её встретила пурпурная тьма. На автомате Юта стала раздеваться. На землю полетело белое платье, серёжки и браслеты. Юта подошла к зеркалу, чтобы распустить волосы.

Отполированный до блеска камень с готовностью показал ей милое курносое личико. Во тьме кожа казалась неестественно белоснежной. Чёрные, подкрашенные ресницы

бросали на скулы пушистые тени. Красиво очерченные, тронутые красным пигментом губы атели, словно лепестки роз.

В темноте отражение казалось прекрасным. Эти высокие скулы, искрящиеся глаза, тонкая шея. Юта возненавидела их. Она вцепилась в тяжёлый отполированный камень и скинула на пол.

Он не разбился вдребезги, как случилось бы с обычным зеркалом. Он раскололся ровно на две части. Так же, как её сердце.

Гвирн стоял, склонив голову, крепко сцепив руки за спиной. Старик, сидевший за столом перед миской с ёжкой, смотрел на сына строго.

— Ну, как всё прошло? — спросил Холден.

— Хорошо. Она согласилась. Думаю, когда они вернутся, я сделаю её своей женой. Тогда пророчество сбудется.

Старик нахмурил брови, то ли в недовольстве, то ли просто припоминая.

— Повтори-ка, что именно там написано?

— Тот, кто женится на девушке, спустившейся с небес, проведёт народ через тёмное время. То есть, конечно же, станет Кангом.

— Тьфу, — сплюнул с отвращением старик, — ещё один изгой. Ты и так уже Канг, зачем тебе девчонка? — проворчал Холден, однако, особо не настаивая.

— Да, сейчас я Канг, но и этот слабак, Турраг, тоже был Кангом. И тоже думал, что ничто этого не изменит. Ещё рано сбрасывать Корта со счетов. Кто знает, что может случиться, когда он вернётся из похода? Я должен удостовериться, что не только люди, но и боги на моей стороне.

Старик медленно кивнул. Его лицо казалось бесстрастным, но Гвирн понял, что Холден доволен ответом. Гвирн не посмел улыбнуться в присутствии отца, но его сердце ликovalo. Наконец-то! Наконец-то его старания вознаграждены. Годы послушания воле богов и упорной работы приносят свои плоды. Всё шло просто прекрасно. И обещало стать ещё лучше.

Глава 8. В стенах

Тень от Стены накрыла приветливой ладонью. Измождённые переходом люди привалились к всегда остающемуся прохладным камню. Из-под низко надвинутых хилтов, словно из солнечных печей, валил жар. Пот пропитал одежду, покрыл тела едкой коркой. Руки и лица обгорели, волосы забились песком, ноги были стёрты в кровь. И всё же они дошли.

Их было всего шестеро: Корт, Леда, Уги, Дар, Нагир и Юта. Достаточно ли этого для того, чтобы спасти целый город? Возможно, и нет. Во всяком случае, не сразу и не сейчас. Но они положат начало.

«Мы будем продвигаться по одному шагу за раз. Я должен быть рад, что мы осилили переход и не забегать вперёд», — так говорил себе Корт. Так он пытался справиться с ношей, которую взвалил на себя и на пятерых людей, за жизни которых теперь отвечал. Могли ли они вообще хоть что-нибудь сделать? Ответа на этот вопрос у Корта не было.

Переход дался тяжело. Хотя тела атлургов и были приспособлены для обитания в пустыне, но народ веками не жил под открытым небом. Они отвыкли, ослабели, начали приспособливаться к совсем иным, гораздо более комфортным условиям.

Атлургам было трудно, хоть никто из них не подавал виду. Они лишь крепче стискивали зубы, бросая на размеренно шагающего Корта взгляды украдкой. Да, сейчас он был атлургом, ругатом. Но до этого он был всего лишь изнеженным чужаком. Чужаком, сумевшим выжить.

Корт тоже молчал. Лишь иногда позволял себе взять за руку Леду. Не для того, чтобы помочь перебраться через очередной бархан, каждый из которых теперь казался атлургам почти непреодолимой преградой. И не для того, чтобы провести между зыбучими песками или мимо незаметной уставшему глазу змеиной норы. А чтобы дать ту незаметную опору, на которую опирается не тело, — душа. Но телу тоже становится легче.

Сложнее всего пришлось с виду могучему Нагиру. Ему требовалось слишком много воды. Он уставал быстрее остальных и больше всех похудел. Корт знал, каково это: он обладал таким же мощным телосложением. Слишком много мышц, слишком большой вес и высокий рост, — в пустыне это были одни минусы.

Ещё, как бы Корт ни старался, он не мог не смотреть на Юту. Его глаза сами подмечали малейшие изменения, происходившие в ней каждый день.

Во время первого их похода в Вечный Город Корт со страхом наблюдал, как с каждым днём таяли её силы. Она словно истончалась, становилась невесомой и будто прозрачной. Словно мираж: протяни руку, и он растворится от прикосновения.

Но не теперь. Сейчас Корт с каким-то благоговейным чувством, новым для него самого, следил за тем, как Юта становилась сильнее. Будто призрак понемногу обретал плоть. С каждым днём она словно наполнялась жизнью, красками, обрастала какой-то новой аурой. Прекрасной и незнакомой.

Корт наблюдал, как похожа она становилась на атлургов. Нет, как она становилась атлургом. Очень быстро её кожа потемнела. Причём загар по оттенку был точно как у народа, а не как у него. Волосы отросли и выцвели. Теперь в них появились золотые и льняные нити, искрящиеся на солнце.

А ещё у Юты выгорела радужка глаз. Солнце будто выжгло из неё всю серость, всю тень. Её глаза стали изумрудными, словно светящимися изнутри, слишком яркими, так что

Корту было почти больно в них смотреть.

Эти перемены казались ему почти мистическими. И временами Корт как будто совсем переставал её узнавать. Если бы Юта не возвращала его к реальности своим совсем не изменившимся поведением. С обычным своим упрямством она лезла во все дела: пыталась стрелять ящериц и устраивать ловушки на змей. Путалась под ногами во время обустройства лагеря и сожгла до состояния головешек двух пескоедок.

Эти две её такие разные стороны приводили Корта в ступор. Как можно одновременно быть такой изящной и неуклюжей? Нечеловечески прекрасной и по-земному надоедливой? Быть такой независимой и непокорной и всё же бросать на Корта взгляды каждый раз, как в чём-то неуверена или хочет одобрения своим действиям?

Хотел бы Корт не обращать на неё внимания, как будто Юты вовсе не существовало. Но она была слишком шумной, слишком яркой, занимала слишком много места. Она была всюду, куда бы он ни посмотрел.

В таких мыслях и переживаниях прошёл для Корта переход. Помимо того, чтобы не дать Дару застрять в зыбучих песках, выхаживать Уги, которого укусила, слава богам, не слишком ядовитая змея, а также учить атлургов основам выживания под открытыми солнцами и смотреть, чтобы никто не потерял сознание от переутомления и солнечного удара.

Но теперь трудности перехода остались позади. Первый этап плана был завершён. Начинался второй. Менее сложный, но куда более судьбоносный.

Третий день атлурги без устали работали под Стеной. Двое замешивали раствор, двое поднимали наверх, и ещё двое проливали составом песчаный «язык». Корт не был уверен, что вышел точно туда, откуда они с Ютой спрыгнули в прошлый раз. Возможно, поднявшись на Стену, придётся искать строительный кран, по которому забирались наверх с той стороны. Если его не убрали после стычки с Серым Отрядом. Но Корт рассчитывал, что краг на месте. Вряд ли человеку в своём уме придёт в голову, что кто-то сумеет подняться на Стену со стороны пустыни.

Но это именно то, что они собирались сделать. Решение пришло легко и теперь казалось очевидным. Атлурги прольют песчаный язык, дотянувшийся до верха Стены, скрепляющим раствором. Тем самым, который используют при строительстве подземных городов. А когда он затвердеет, поднимутся по нему, как по отвесному склону.

Они работали без перерыва, давая себе лишь короткий отдых по несколько часов в сутки. Верх Стены казался недостижимым, а работа — нескончаемой. Но это не могло остановить атлургов, тысячелетиями выгрызавших свои города из тела пустыни. Только терпение и упорство позволило им выжить в песках. Всю свою жизнь они знали только тяжёлую работу, день за днем, с рождения до смерти. А потому для них не было ничего невозможного.

Спустя четыре дня песок был скреплён.

Атлурги поднимались медленно, неуверенно, словно желая отодвинуть то мгновенье, когда достигнут верха Стены. Им казалось, что при каждом шаге пустыня хватает их за лодыжки. Что их ноги, словно корнями, проросли в песок. Но миг, когда они покинут пустыню и вступят в пределы города, с каждым шагом становился всё неизбежнее.

В прошлый раз Корт с Ютой прокрались в город, как воры, чуть не погибнув под его стенами. Сейчас они входили не то как спасители, не то как завоеватели. Ни у кого не прося разрешения или помощи. На своих условиях.

Шестеро плечо к плечу встали на Стене. Зоркими глазами, привыкшими различать

орлов высоко в небе и ящерниц глубоко в норах, они оглядывали сверкающий город. Блеск стекла и металла был почти нестерпим. Жители песков шурили глаза, всматриваясь в даль. Их сердца лихорадочно бились. То, что для поколений атлургов казалось невозможным, для них стало реальностью.

Пустыня уже пришла в Вечный Город. За ней войдут атлурги.

Корт сидел на диване и вполуха слушал новости по Первому Городскому. На журнальном столике перед ним лежали кипы линованной бумаги с чертежами, набросанными от руки. Корт был погружён в раздумья. Он размеренно жевал огрызок карандаша и вносил правки в расчёты на отдельном листе. Когда кто-то громко произнёс его имя, Корт вздрогнул.

В комнату влетел довольный Уги. Широко улыбаясь белозубой на фоне бронзовой кожи улыбкой, он на ходу раскрыл пакет, который нёс в руке, и протянул Карту банку.

— Это оно?

Корт взял банку и прочёл этикетку: «Консерва говяжья длительного хранения». Корт удовлетворённо кивнул:

— Оно.

Уги забрал у Корта банку и присел на подлокотник дивана. Он задумался, а потом заговорил, будто сам с собой:

— Сегодня утром Юта звонила поставщику насчёт закупки. Она сказала, договориться не удалось. Так что придётся брать силой.

— Что? — брови Корта взлетели вверх. Он тут же забыл о своих расчётах. — Нет-нет, это Лиатрас, не Утегат. Здесь всё работает иначе. Ты не можешь просто взять силой то, что тебе хочется.

— Почему? — с искренним непониманием спросил Уги.

— Ну, потому что, — Корт тяжело вздохнул и почесал затылок, — так не делается. Это называется преступлением. В Лиатрасе есть законы, знаешь. И за их нарушение могут посадить в тюрьму.

Уги не перебивал, но по его выражению лица Корт догадался, что атлург или ничего не понял, или совершенно не проникся.

— А что такое тюрьма? И кто нас туда посадит?

— Ну, Силы Городской Охраны Порядка. Это люди, которые следят за тем, чтобы те самые законы не нарушались.

Уги важно кивнул.

— У нас тоже есть Совет Старейшин, который следит за тем, чтобы никто не нарушал Закон. Но я всё равно не понимаю, как они узнают, кто это сделал, и где мы живём? Ведь в Городе-за-Стеной так много людей и лурдов.

Корт открыл рот, чтобы ответить. И тут же закрыл в раздумьях.

— А ведь и правда... Они-то, может, и узнают, да вот только нас в городе к тому моменту уже не будет.

За одиннадцать дней, что они провели в Лиатрасе, Корт, сам того не замечая, снова начал думать о себе, как о лиатрасце и вести себя соответственно. Это неприятно поразило его. Как будто и не было тех шестнадцати лет, что он прожил среди атлургов, как атлург.

Возможно, причина резкой перемены была в том, что в прошлый раз они с Ютой жили в городе, как изгой. Им приходилось скрываться, по осколкам восстанавливая картину прошлого и пытаясь понять, что вообще происходит. Но на этот раз атлурги не прокрались в город как воры, а вошли как спасители. Теперь Корт прекрасно понимал, как здесь обстоят дела, и кому он противостоит. У него был план действий и крепкий тыл.

К тому же в этот раз Карту требовались навыки не выживания в пустыне, а жизни в Лиатрасе. Под напором необходимости Корт мгновенно перестроился. Ему пришлось забыть о том, что он атлург, и вспомнить своё прошлое лиатрасца.

Но правда состояла в том, что Корт был и тем, и другим. Несмотря на то, что он годами пытался думать и жить, как атлург, житель Лиатраса в нём никуда не делся. И Корт вдруг осознал, что в этом не только его слабость, его незаживающая рана, но и преимущество. Он понял это ещё в Утегате, когда ему в голову пришёл безумный план строительства нового города в пещерах. И сейчас Корт снова вспомнил об этом, когда сообразил, что мышление атлурга вкупе с навыками и знаниями городского жителя может вывести его игру на новый уровень.

Корт ещё раз взвесил риски.

— Хорошо, твоё предложение принимается. Перед самой отправкой каравана мы захватим этот склад. — Корт подумал ещё немного. — А заодно и цистерну с водой. Так будет проще, чем искать по складам жалкие остатки. Тем более, их всё равно не хватит. Я, правда, пока не представляю, как это сделать.

Корт покрутил головой по сторонам, как будто кого-то искал, а потом крикнул:

— Юта, ты дома?

В другой комнате зашуршали. Вскоре в дверях появилась загорелая девушка с копной каштановых волос, закрученных на затылке, и телефоном в руке. Сердце Корта, как всегда при её виде, стукнуло невпопад. Он нахмурился.

— Боюсь, мне придётся нагрузить тебя ещё одним заданием. Подними свои связи и узнай всё, что можно, о доставке воды из Водной Долины.

Юта возмутилась:

— Корт, да у меня и так времени ни на что нет! Мне ещё столько нужно сделать перед тем, как я смогу, наконец, собрать людей!

— Я знаю, — тепреливо, но непреклонно продолжил Корт. — Мы все загружены по уши, а у тебя самое сложное и ответственное дело. Поэтому, если бы мог, я бы обратился к кому-то другому. Но это можешь сделать только ты.

Юта посмотрела на измождённое лицо Корта с глазами, красными от хронического недосыпа. Ей стало стыдно за свои слова. Да, она занималась важным и непростым делом — собирала специалистов. Но оно не шло ни в какое сравнение с тем, над чем работал Корт. Юта вздохнула и произнесла:

— Прости. Конечно, я всё сделаю.

А про себя добавила: «Просто на оставшиеся дни придётся забыть слово «сон».

— Кстати, Нагир не давал о себе знать? — спросил Корт с видимым беспокойством. — Я совершенно потерял счёт времени. Они уже должны были вернуться.

— Не волнуйся, — хмыкнул Уги, — никуда он не денется. С ним Леда.

— Ладно. — Корт с силой потёр руками лицо. — Вот, это надо достать до уха. — Он протянул Уги листок с новым списком. — Атлург только наморщил лоб, читая незнакомые слова, и кивнул.

Они с Ютой ушли каждый по своим делам. У Юты вечером важная встреча, а Ути снова будет бегать по городу, выполняя поручения Корта.

Ругат остался один.

Те одиннадцать дней, что они провели в городе, словно утекли сквозь пальцы. Времени ни на что не хватало.

Корт изначально рассчитывал, что в городе придётся пробыть довольно долгое время. Как минимум несколько недель. Но теперь ему казалось, что уложиться в этот срок нереально. Столько всего ещё нужно сделать и организовать. Главное, собрать людей. Найти нужных и убедить помочь. Пока что они не могут увести с собой много лиатрасцев, ведь их придётся поселить в Утегате. По договору с Гвирном, они могут привести не более пары десятков человек. Поэтому Корт тщательно отбирал, кого взять, из числа специалистов, которые и будут строить город в пещерах.

Далее, надо найти спецтранспорт для передвижения по пустыне (благо, Корт знал, где он хранится). А также запастись продовольствием и водой. Ещё Карту нужны технологии Вечного Города. Нужна документация, материалы, инструменты, техника — всё, что можно достать. И, конечно, им нужна взрывчатка.

План Корта заключался в том, чтобы совместить технологии Утегата и Лиатраса. Взять всё лучшее от тех и других, и на основе их симбиоза создать что-то новое, более совершенное. Город будущего, каких ещё не видела эта планета.

На протяжении всех этих дней главная задача Корта состояла в том, чтобы представить и рассчитать, как может выглядеть такой город. Можно ли выращивать в пустыне водоносные растения, как это делают в Лиатрасе? Что для этого нужно? А продовольственные поля? Как это сделать? Для решения этих задач ему нужны специалисты. Надо привезти с собой образцы и технологии. Создать в пещерах условия. Что-то можно взять, как есть. Что-то придётся создавать с нуля.

Воду надо будет добывать с водоносных растений, потому что в пустыне воды не хватает даже атлургам. Еда тоже должна быть своя: поля со злаковыми, скотофермы. Всё это надо строить. В перспективе нужно укрытие, солнечные навесы. Оборудование для смешивания и создания питательной смеси для полей, а также система подачи.

Конечно, строительство такого города займёт не один месяц, а может, и не один год. Да и вывезти из Вечного Города всё, что необходимо, за один раз тоже не удастся. Но чем больше они смогут взять сейчас, тем проще будет потом.

Для того чтобы распределить нагрузку и время, Корт дал каждому из отряда своё задание.

Юта искала информацию на специалистов, которые понадобятся для строительства нового города. «Прощупывала почву», связывалась с разными людьми. Она уже начала встречаться с некоторыми из них, чтобы объяснить ситуацию и переманить на свою сторону. Её план был прост: собрать всех, кто им нужен, и отвести на Стену. Там они своими глазами смогут увидеть бедственное положение, в котором оказался город. А затем она сделает им своё предложение.

Атлурги тоже по-тихому выходили на улицу. Ути и Нагир занимались поставками. На первое время жителям нового города понадобятся вода и еда. Также атлурги собирали всё, что пригодится для строительства, по списку Корта. Леду Корт, хотя она была и не в восторге от этого, приставил к Нагиру. Она должна была помогать и присматривать за ним. Дар был на подхвате. Занимался обеспечением атлургов тем, что им нужно для работы,

помогал Карту по мелочам.

Также атлурги вместе с Кортом обходили заброшенные склады: смотрели, что можно взять из материалов и техники, которые были предназначены для нового Лиатраса. Они облюбовали одно из хранилищ, ближе к тому месту, откуда будут выбираться из города. И, как трудолюбивые муравьи, день за днём стаскивали туда всё, что удалось достать.

Сами жили в заброшенном доме, который нашла Юта. Точнее, дом был не заброшенный, а «законсервированный». И было это не простое жильё, а дом-музей учёного и изобретателя, основателя Водной Долины в том её виде, в каком она существует сейчас. А законсервирован он был потому, что когда-то предложенный активистами проект музея был сперва одобрен, но затем «встал», как это часто бывает. Но, тем не менее, государство оплачивало для него электроэнергию и воду. Как для музея. Потому что статус музея у дома уже был, только вот по факту музея не было.

В своё время Юта делала об этом репортаж. Таких зданий в городе всего несколько десятков. Это дома старой постройки. Они являются сборными. При переселении в новый город их разбирают, а затем собирают вновь. Таким образом, исторические места Лиатраса переезжают из старого города в новый, оставаясь неизменными.

Спустя два часа вернулись Леда с Нагиром. Первым, что услышал Корт после того, как хлопнула дверь, была ругань:

— Я же говорила тебе не высовываться! Корт же предупреждал о том, что у них по всему городу механические глаза, которые могут следить за тобой!

— Знаю я! — зарычал Нагир. — Ну не увидел я его! А с того места, где мы встали, вообще ничего нельзя было разглядеть! Надо было изначально подойти с другой стороны!

— Там было слишком много людей! Нас бы вмиг засекли! Ты слишком выделяешься!

— Ну извини, что я выделяюсь! В следующий раз иди с кем-нибудь другим!

— Я бы и рада, — прошипела Леда в ответ, — да вот только меня приставили к тебе!

Что-то больно кольнуло Корта, когда он услышал перепалку. Да, Нагир и Леда ругались, но в этом не было ожесточения или злобы. Кому-то они могли напомнить старую разругавшуюся супружескую пару. При этих мыслях Корт не мог не вспомнить о том, что когда-то очень давно Леда с Нагиром действительно были парой. Они любили друг друга и собирались пожениться. Их отношения казались идеальными. А может, такими и были. Пока не появился Корт...

С хрустом потянувшись, ругат поднялся с дивана. Он прошёл в коридор, где разгорелась перепалка и встал, сложив руки на груди.

— Я так понимаю, вы спалились?

— А? Что? — ответили ему хором.

— Говорю, вас засекли механические глаза?

— Да, из-за этого идиота. — Леда протиснулась мимо Корта и плюхнулась на диван в гостиной.

Корт почесал лоб, проходя за женой.

— Это плохо, но ничего не поделаешь. Всё равно сегодня вечером надо идти на тот склад. Нам нужна взрывчатка. Я отправлю с вами Уги для надёжности.

— А как же ты? — с беспокойством спросила Леда. — У тебя куда более важное дело.

— Возьму Дара, — отмахнулся Корт. — Там всё должно пройти спокойно. Насколько я смог узнать, здание не сильно охраняется, а у меня есть ключ-карта.

Леда задумалась:

— Хорошо. Но мы с Нагиром присоединимся, как только закончим.

Мрачный атлург, слушавший этот разговор из угла комнаты, хотел было что-то сказать, но Леда так на него посмотрела, что Нагир вмиг передумал. Только кивнул из-под нахмуренных бровей.

Между атлургами повисло неловкое молчание, что бывало уже не раз за эти дни. Леда украдкой взглянула на Нагира, который уставился в окно, и подошла к мужу.

— Корт, можно с тобой поговорить?

— Конечно, — кивнул ругат и вопросительно посмотрел на Леду.

Девушка взяла Корта за руку и повела на кухню, где они могли бы остаться одни. Леда села за стол, не смотря на мужа. Руки беспокойно двигались по столешнице. Поняв, что Корт это заметил, Леда убрала их под стол.

Она долго откладывала этот разговор, оправдывая себя тем, что они с Кортом слишком заняты. Сперва была подготовка к походу, затем сам переход отнял слишком много сил, чтобы думать о чём-то ещё. А теперь у них не было ни свободной минуты, чтобы спокойно сесть и поговорить.

Но чем дольше Леда откладывала, тем становилось тяжелее. Видят боги, она не хотела этого разговора. Не хотела делать то, что должна. Но решение уже принято. И теперь, чем дольше она тянет с его исполнением, тем труднее ей это сделать.

Леда не высыпалась уже много ночей подряд. Когда Корт начинал размеренно посапывать, она тихо выбиралась из-под его горячей руки и кружила по комнате. Она перечитала злополучный свиток столько раз, что уже давно запомнила его наизусть. Она перебирала аргументы за и против снова и снова. И каждый раз приходила к одному и тому же выводу: нет ничего важнее, чем Утегат. Чем выживание её народа. По сравнению с этим, её собственные чувства и переживания являются такими незначительными.

Но от этого понимания не становилось легче. И теперь, когда Леда наконец решилась на сам разговор, её бросило в дрожь. Мысли путались, а звуки не хотели складываться в слова.

— Корт, я давно хотела поговорить с тобой. Это касается Утегата. И это касается нас с тобой.

Корт нахмурился, быстро оценив состояние жены. Ещё никогда он не видел её настолько растерянной и испуганной. Корт сел на табуретку рядом и взял руку Леды в свою. Как можно более успокаивающим голосом он спросил:

— В чём дело, милая? Тебя что-то беспокоит?

Леда вздрогнула. Она не смотрела на Корта, но была настроена довести дело до конца. Сейчас или никогда она должна разорвать отношения с мужем.

— Корт, я...

Грохнула входная дверь. В дом влетел Дар, которого Корт посылал на разведку к одному из складов. Вихрем он пролетел через весь дом, застав Корта с Ледой на кухне.

— Корт, боюсь, у меня возникли проблемы.

Ругат тут же поднялся, бросая виноватый взгляд на Леду.

— Дорогая, это может подождать?

Леда выдавила улыбку:

— Конечно, иди.

Глава 9. Закрывать счёты

Заканчивался ослепительный вечер, когда оба светила Лиатраса поднимались в зенит. Атлурги называли это время Часом Скорпиона, а по меркам Вечного Города это был промежуток времени примерно с восьми до десяти вечера. Корт вышел из дома ближе к десяти. Ждать дольше не было смысла. Вряд ли кто-то оставался в Проектировочном Центре в такое время. А даже если и так, то у Корта была ключ-карта к проходной, так что он планировал беспрепятственно войти внутрь.

Корт накинул капюшон чёрной толстовки и влился в ручеёк редких прохожих, спешащих к автобусной остановке. Обычно даже в столь позднее время улицы Лиатраса остаются оживлёнными. Но не теперь.

Это бросилось Карту в глаза сразу, как он попал в город. На просторных улицах было разлито напряжение. Как вечером, так и днём людей было заметно меньше. Жители, словно чувствуя неладное, прятались по своим домам, хотя обстановка в городе пока оставалась стабильной.

После того, как они оказались в Лиатрасе, Корт каждый день просматривал новости. Всё началось не так давно, — около месяца назад. Первое время песок был только на окраинах, и в городе никто ничего не замечал. Да и сейчас это были только первые признаки надвигающегося бедствия. Городское правительство каждый день рассказывало людям о том, что скоро начнётся переселение. А для некоторых видов предприятий и производств эвакуация якобы уже началась.

Корт думал, что такая чудовищная ложь просто не могла остаться незамеченной. Но это оказалось не так. По большей части люди верили тому, что им говорили. Они ещё не поняли, что происходит, ведь вся информация, какой они располагали, исходила от официальных властей. А те давно позаботились о том, чтобы второго мнения в городе не было.

В общем, как понял Корт, пока ситуация ещё находилась под контролем властей. Народ с утра до ночи кормили новостями о том, что эвакуация уже идёт полным ходом. Дорога к выезду из города была перекрыта, так что никто не мог точно сказать, что там происходит. А население уверяли, что это для того, чтобы мог беспрепятственно ездить эвакуационный транспорт. Заводы, магазины, больницы и школы работали по-прежнему. Лишь некоторые предприятия начали закрываться.

Но, несмотря на недостаток информации, Корт всё же кое-что заметил. Например, из города постоянно вылетали коммерческие и частные шаттлы. Бывало, по несколько в день. Конечно, они ничего не доставляли, как это объясняли населению. Это крысы бежали с корабля.

Также Корт догадался, что водоносные и посевные поля уже начали страдать от песка. Они находятся на окраинах и никак не защищены. Поэтому их, вероятно, уже начало земетать. Именно с этим связана пропажа некоторых видов продовольствия в магазинах и ужесточение режима экономной подачи воды.

По той же причине закрываются производства, которым требуется большое количество воды. Но людям объясняют, что эти предприятия просто эвакуируют первыми. В своём стремлении как можно дольше держать людей в неведении власти дошли до того, что гоняют по городу технику. Корт не уставал поражаться циничности этих людей. Как долго они собираются врать? До какой степени готовы запустить ситуацию, лишь бы подольше

оставаться в безопасности?

Корт настолько погрузился в мысли, что почти проскочил мимо Дара. Тот вынырнул из-за угла Проектировочного Центра высокой бесшумной тенью: с капюшоном, как и у Корта, низко надвинутым на глаза, в бесформенной чёрной одежде, полностью скрывающей фигуру. Корт ни за что не узнал бы Дара, если бы не сверхъестественная плавность движений и тот факт, что даже он едва заметил его приближение.

Они переглянулись и молча двинулись в сторону проходной.

Этот этап в плане Корта был одним из самых рискованных, но и самых важных. До этого дня никто из атлургов не «светил» своего присутствия в городе, за исключением нескольких случайных эпизодов, когда они попадались на камеры наблюдения. Но посетить это здание Карту было необходимо.

Почти две недели он без перерыва работал над проектированием города в пещерах. Но ему критически не хватало специального оборудования. Именно за этим Корт и пришёл в Проектировочный Центр Института Планирования Лиатраса. Ему нужно было воспользоваться парой программ для того, чтобы провести расчёты и составить окончательный проект нового города.

Благодаря пропуску, Корт с Даром без проблем минули проходную и углубились в недра здания. Именно здесь Корт провёл почти треть жизни, ещё до изгнания. При каждом шаге ночными мотыльками вспархивали воспоминания о прошлой жизни. Вот здесь он каждое утро здоровался с лаборантами. Здесь обедал с коллегами. А в этом кабинете работала рыженькая Нелли, которая никогда не упускала возможности пофлиртовать с Кортом.

Знакомые запахи тёплого паркета, бумаги и кофе до сих пор витали в коридорах. От этого у Корта начала слегка кружиться голова, перед глазами как будто двоилось. Он одновременно видел перед собой пустынный тёмный коридор настоящего и живой, наполненный светом и людьми коридор из прошлого. Они накладывались друг на друга, но не до конца. Между ними словно оставалась щель. И эту прореху во времени не могли сшить никакие нити логики или воспоминаний. В неё, словно свет в чёрную дыру, проваливались шестнадцать лет жизни, не давая краям сомкнуться, заставляя прошлое и настоящее расплзаться всё дальше друг от друга.

Пока разум Корта пребывал в тисках прошлого, ноги безошибочно совершали поворот за поворотом. Они привели его в кабинет, где Корт когда-то работал. Помещение было очень большим. Здесь бок-о-бок трудилось порядка десяти специалистов-проектировщиков. У каждого был свой стол с компьютером и разной документацией. В конце кабинета — просторные окна, по стенам — полки с папками.

Корт постарался сбросить оцепенение и загнать воспоминания, всплывающие словно в калейдоскопе, подальше. Он закрыл дверь, быстро прошёл к окнам и выглянул наружу. Отсюда было видно прилегающую улицу, но вход в здание оставался вне поля зрения. Корт закрыл жалюзи.

— Тебе надо подняться выше. Иди на последний этаж и найди комнату, откуда видно вход, — обратился ругая к Дару. — Вот, возьми. — Он протянул ему рацию и ключ-карту.

Парень кивнул. У Дара орлиное зрение: он бьёт ящерицу с пятидесяти шагов. Поэтому Корт и взял его с собой — следить за периметром.

Как только за Даром закрылась дверь, Корт прошёл к одному из столов и включил компьютер. Достав все свои схемы и расчёты, он моментально погрузился в работу.

Корт не знал, сколько времени прошло. Может, час, может, два. Он вздрогнул, когда

рация заговорила:

— Корт, Нагир с Ледой подходят ко входу.

— Понял тебя. Пойду их встречу.

Когда двое атлургов зашли в комнату, первым делом Нагир грохнул о стол большой спортивной сумкой. Его лицо выражало довольство — что-то, чего Корт не видел уже очень давно.

— Вот, — гордо произнёс Нагир, — это ведь то, что ты просил?

Корт с любопытством заглянул в сумку и чуть не поседел.

— Вы что, с ума сошли?! Зачем вы притащили сюда взрывчатку?! Вы что, просто привезли её в сумке?! — Корт не мог поверить своим глазам. Он снова залез в сумку. А потом всё же выругался:

— Руг вас разбери! Разве я не объяснял много раз, насколько это опасно?! Одно неосторожное движение, и мы можем взлететь на воздух! А ты обращаешься с этим, как с мешком с картошкой!

Нагир не очень понял про картошку, но, кажется, обиделся.

— Но ты же сам сказал нам принести эту штуку! А теперь недоволен. Мы просто хотели убедиться, что это то, что нужно.

Леда закивала в знак согласия, заламывая руки. Она выглядела виновато и очаровательно. Корт отвернулся и ещё раз выругался вполголоса.

— Ох, притащили и притащили. Ладно, молодцы. Просто... будьте осорожнее с этим. Это не игрушки.

Двое атлургов снова не поняли сравнения, но, главное, Корт больше не злится.

— Чем тебе помочь? — спросила Леда.

— Идите к Дару, он... а, нет, забудьте. Просто сидите здесь и ничего не трогайте. Ничего! — повысил Корт голос, когда Нагир потянул руку к одному из компьютеров.

— Как дети малые, ей богу, — проворчал Корт себе под нос и, убедившись, что атлурги смиренно сидят в уголке, вернулся к работе.

Конечно, они сильно помогали ему в Лиатрасе. Но порой и ущерб от их действий было не меньше. К удивлению Корта, испуг и робость при виде большого технологичного города быстро прошли. Их сменили любопытство и желание всё посмотреть и потрогать. А ещё атлурги очень хотели помочь, отчего Карту становилось только хуже. Ей-богу, иногда они просто напоминали ему детей. И ещё чаще — детей со спичками без присмотра взрослых.

К счастью, Нагир с Ледой поняли, что Корт занят, и ему не надо мешать. Поэтому в следующие несколько часов вели себя тихо.

— Корт, вижу какое-то движение у входа, — снова включилась рация.

— Слушаю тебя, — моментально откликнулся ругат. Леда с Нагиром тоже подошли.

— Подъехала машина. Такая, не большая, но и не маленькая, — объяснял Дар. — Оттуда вышли два человека. Одеты одинаково. Они направились к зданию. О, зашли внутрь. Мне спуститься к вам?

Корт задумался.

— Нет, сиди на месте. Продолжай следить за входом. Мы сами справимся.

— Хорошо, — ответил Дар и отключился.

Корт выключил монитор компьютера и убрал следы своего пребывания. После чего атлурги погасили свет и спрятались недалеко от входа.

Через несколько минут по коридору прогремели шаги, а затем ключ в замке

повернулся несколько раз. Корт подумал, что, если им повезёт, это могут оказаться сотрудники Центра. Но может быть и охрана.

Им не повезло. Освещаемые лампами из коридора, в комнату зашли двое мужчин. На них была форма охранной организации, на поясах — рации. Они включили свет и осмотрелись.

— Кажется, где-то здесь? — спросил напарника высокий брюнет.

Второй достал из нагрудного кармана планшет и, сверившись со схемой, кивнул.

— Да, это должен быть один из этих компьютеров. Скачок напряжения был замечен в этом помещении.

Они начали обходить один стол за другим, пока не приблизились к тому, за которым работал Корт. Ругат не собирался ждать, когда они включат компьютер. Он подал знак атлургам, и те бесшумными тенями приблизились к охране. Одного взял на себя Корт, второго — Нагир. Они сработали быстро и синхронно — результат тех времён, когда они тренировались вместе.

Двое охранников не успели понять, что произошло, как потеряли сознание.

— Оттащим их в сторону, — скомандовал Корт, когда два тела растянулись на полу.

Они уложили мужчин вдоль стены. Корт снял с их поясов рации и дал Нагиру с Ледой, приказав внимательно слушать. Сам он тут же снова углубился в работу. Корт торопился. Он был уверен, что за этими двумя последуют другие. Время стремительно уходило, а он ещё не закончил работу.

Включившаяся рация заставила Корта вынырнуть из мира схем и цифр.

— Корт, к зданию подъехала ещё одна машина. Оттуда выходят люди. Пять, шесть, семь, восемь человек, — считал Дар.

— Чёрт! — выругался Корт. — Как они выглядят? Так же, как предыдущие?

— Нет. На них другая одежда. Они все в сером.

Сердце Корта моментально упало. В городе есть только одно боевое подразделение, члены которого ходят в сером. Он встречался с Серым Отрядом в своё прошлое пребывание в Лиатрасе. Они были элитной группой, хорошо подготовленной. И они были натасканы убивать. В тот раз Карту удалось разделаться с их главарём, но сам Серый Отряд, конечно, никуда не делся. Кому они подчиняются теперь? Почему сюда направили именно их? Какое у них задание?

Насколько Корт понял, Серый Отряд был чем-то вроде небольшой личной армии верхушки Лиатраса. Что касается их специализации... то точнее всего было бы определение «отряд ликвидации».

От этих мыслей Корта бросило в холод. Он не мог уйти прямо сейчас, ему осталось совсем чуть-чуть. Он должен дождаться окончания расчётов и скопировать данные. Но с Серым Отрядом нельзя шутить. Даже вчетвером атлургам не справиться с ними в прямом столкновении.

Узкая ладонь коснулась плеча, приводя в чувства, успокаивая.

Корт посмотрел на Леду. Она была серьёзна и собрана. Рядом с ней стоял Нагир. Рука атлурга легла на портупею, как только он увидел реакцию Корта.

— Они слишком опасны. Я не могу рисковать тобой. Вы должны уйти, — говорил Корт Леде, в то время как Нагир взялся за рацию.

— Спускайся, — сказал он Дару. — Тут сейчас будет жарко.

— Я же сказал, вам надо уходить. Ты должен вывести Леду, — поднял Корт голос. Но

Нагир лишь принялся перебирать ножи.

— Тебе лучше побыстрее придумать что-то, потому что она не уйдёт, — бросил Нагир. Корт снова попытался открыть рот, схватив Леду за руку. Но Нагир перебил: — Ты только теряешь драгоценное время. Мы, атлурги, не бежим как трусы при виде врага. Даже если его силы в разы превосходят наши. Тем более что, если мы тебя бросим — тебя убьют, и тогда весь наш поход окажется впустую.

Чувства Корта боролись с разумом. Все инстинкты кричали ему о том, что он должен во что бы то ни стало защитить самое ценное — Леду. Но разум упорно твердил, что Нагир прав. И в том, что его смерть будет бессмысленна, и в том, что Леда всё равно не уйдёт. Времени на терзания не было. Скрепя сердце, Корт принял решение.

— Перегораживайте дверь, — скомандовал он, когда Дар вошёл в зал. — Мне нужно время. Может, ещё минут десять. Надо задержать их.

Корт быстро осматривал помещение в поисках другого выхода. Метрах в двух справа и чуть снизу от окна он разглядел пожарную лестницу. Сойдёт. Но как в течение десяти минут сдерживать восемь вооруженных до зубов бойцов?

— А это не поможет? — Леда оказалась возле Корта, как всегда для него, неожиданно.

Он посмотрел на сумку, которую девушка держала в руках. Это было рискованно. Но в таких ситуациях самое нелепое решение, как правило, является самым верным.

— Поможет, — ухмыльнулся Корт, — если нас самих не угробит.

Он видел, как устанавливали взрывчатку на полигоне. Так что теоретически представлял, как это сделать.

За те десять минут, что Серый Отряд поднимался на этаж, прочёсывая здание, атлурги заминировали вход. Корт не знал точно, каким будет эффект от взрыва, но надеялся, что он, как минимум, дезориентирует противника. Он боялся, что взрывчатки окажется или слишком мало, или слишком много. Но, в любом случае, это лучше, чем ничего.

Атлурги успели наспех подготовиться. Они заббарикадировали вход, приготовили позиции для обороны за перевёрнутыми столами. Корт отдал Леде и Дару своё оружие. Сам он сидел за компьютером, который затащил под стол, и считал секунды до окончания расчётов.

По коридору загрохотали сапоги. Дверь содрогнулась от удара. Корт собрался. Если бы атлурги не заблокировали дверь с этой стороны, её бы уже вышибли. За первым ударом последовало ещё несколько. Дверь трещала. Как только она с грохотом провалилась внутрь, Корт подал знак, и Нагир нажал на кнопку.

Рвануло так, что сотряслось всё здание. Корта подбросило на полу. Уши заложило, в голове стоял звон. Казалось, черепная коробка вот-вот расколется. По комнате плыли густые клубы дыма вместе с пылью от штукатурки. Корт закашлялся. Когда ему удалось открыть глаза, то он понял, что весь засыпан извёсткой и какими-то обломками. Ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки.

— Все живы? — прохрипел Корт в ту сторону, где прятались атлурги. — Леда? Леда!

— Жива, — раздался слабый голос.

— Живы, — ответили Дар и Нагир.

Придерживая голову рукой, слегка дезориентированный, Корт осторожно поднялся. Ему казалось, что он всё ещё слышит грохот взрыва, но на самом деле в зале стояла тишина. Пыль застилала глаза, но Корт смог понять, что разрушения оказались гораздо масштабнее, чем он предполагал. Взрывом разнесло полкомнаты.

Мужчина проверил, не пострадал ли его компьютер, укрытый под столом. К счастью, он работал. Корт рукавом протёр монитор и проверил прогресс в скачивании файлов. Затем наощупь начал пробираться к атлургам. Дорогу перегораживала не только мебель, но и куски перекрытий, — местами рухнул потолок.

Кое-как, иногда ползком, Корт выбрался к атлургам. Первым делом он осмотрел Леду. Щёку девушки рассекала длинная царапина, но в остальном она не пострадала. Дару повезло меньше: осколком ему пропороло руку, кровь пропитала рукав. Леда уже перевязала рану. Кровотечение понемногу останавливалось. К счастью, это была не ведущая рука, так что Дар готовился сражаться. За стеной из пыли и обломков уже слышались голоса преследователей.

Атлурги выбрали позицию поудобнее, укрывшись за рухнувшими перекрытиями и перевёрнутыми столами. Они были надёжно защищены и контролировали единственный проход, ведущий от двери в глубь зала. Корт убедился, что всё в порядке, и пополз обратно.

Он наблюдал, как бесконечно медленно сохраняются файлы, когда Серый Отряд пришёл в себя и начал наступление. Раздались первые выстрелы. Этаж был всё ещё затянут пылевым облаком, так что нападавшим приходилось действовать вслепую. Вот первая серая фигура сунулась в проём и тут же получила нож в плечо. Раздался сдавленный крик, после чего силуэт убрался обратно.

Некоторое время противники выжидали. Пыль понемногу оседала. Корт снова начал ожесточённо стучать по клавиатуре, внося последние данные. Он понимал, что как только воздух немного очистится, Серый Отряд начнёт полноценный штурм. Корт постарался выкинуть лишние мысли из головы и сосредоточиться на том, что делает.

Воздух прорезал гром автоматной очереди. Уши снова заложило. Только после этого Корт оторвался от работы и понял, что в зале немного прояснилось. Теперь стрельба раздавалась часто, но пока атлурги успешно оборонялись. Корт запустил последнюю программу и улучил время сходить к своим.

Он осторожно пробирался между нагромождениями бетонных конструкций, рухнувших с потолка, и мебелью, которую взрывом раметало по всему залу. Корт уже видел позицию атлургов, но не мог подобраться ближе — он оказался в зоне обстрела. Леда с Даром сидели за огромной бетонной плитой. Нагир — чуть правее и ближе ко входу, за несколькими столами, составленными вместе.

На некоторое время перестрелка стихла. Корт увидел, как в руке Леды блеснуло лезвие. Девушка резко поднялась во весь рост, изготовившись метнуть нож. Корта будто окатили ушатом ледяной воды. В отличие от девушки, он-то понимал, что противник не ушёл с позиции, а всего лишь выжидает. Но Корт был слишком далеко, чтобы что-то сделать. Он хотел крикнуть: «Спрячься!», хотя и понимал, что этот окрик не успеет за скоростью пули.

Корт и правда не успел издать и звука, как огромная чёрная тень налетела на Леду и повалила на пол. В ту же секунду раздался оглушающий грохот. Бетон крошился и разлетался по комнате. В то место, где только что стояла Леда, прилетело не менее пары десятков пуль. Всё укрытие было изрешечено. Леда и Нагир, прижимающий её к полу своим телом, оказались с ног до головы засыпаны извёсткой.

Сердце Корта пропустило несколько ударов. А к тому времени, как снова забилося, всё уже кончилось. В голове толпилось столько мыслей, что какое-то время Корт не мог вымолвить ни слова. Затем наконец отмер:

— Живы?

— Да! Да, — раздалось в ответ хриплое и виноватое.

— Дура! — Услышал Корт короткий гневный возглас.

Учитывая, что то же крутилось и у него на языке, Корт понял, что не может сердиться ни на Нагира, ни на Леду. Времени осознать произошедшее всё равно нет. Страх и нервную дрожь придётся отложить на потом. Как и длинную эмоциональную лекцию по технике безопасности при бое с противником, располагающим огнестрельным оружием.

— Не высовывайтесь! Если вас поубивают, то никто не выберется, — рявкнул Корт и, убедившись, что пока все живы, пополз обратно к компьютеру.

Бой, то затухая, то снова оживляясь, шёл уже минут двадцать, когда Корт закончил. Он сохранил все данные на флэшку. Осталось выбраться.

Корт не стал сразу идти к атлургам, чтобы сообщить, что пора уходить. Он знал, что у них осталось мало метательных ножей, минут на пять вялотекущего боя. А если противник начнёт наступление, то и вовсе на полминуты. К счастью, никто из атлургов не был ранен. После выходки Леды они осторожничали. У Серого Отряда были ранены трое. Двое из них выведены из боя.

Времени оставалось в обрез. В ближайшие минуты Корт ожидал наступления. Также он знал, что атлурги не смогут его отбить. Поэтому, не теряя времени, Корт стал пробираться к окну, чтобы проверить путь к отступлению.

Эта половина этажа была полностью разрушена. Удивительно, как не завалило место, где прятались при взрыве атлурги. В какой-то момент Корту пришлось буквально протискиваться в щель, чтобы двигаться дальше. А потом он уткнулся в завал, перекрывший выход. Путь к отступлению был закрыт.

Сперва Корт не мог поверить, что не сумеет найти проход. Потом тяжёлой удушливой волной накатило отчаянье. Вперёд дороги нет, назад тоже. Они не смогут прорваться через Серый Отряд. Не без потерь. А он не может терять людей и не будет рисковать Ледой. Корт не знал, что делать.

Потом пришла злая решимость, на грани с одержимостью. Они выберутся отсюда. Все вместе. Корт вернулся к завалу и начал простукивать бетон. Нашёл слабое место, привалился плечом. Мышцы вздувались от напряжения. Он стиснул зубы до головной боли, но плита не двигалась. Корт был чрезвычайно силён, но эта задача казалась невыполнимой. По крайней мере, в одиночку.

Корт вернулся к атлургам.

— Корт, дела плохи. У нас ничего не осталось, — прошептал Дар, как только ругань пробралась к ним. Он указал на три ножа, разложенные на полу.

Корт кивнул.

— Я закончил, можно уходить. Только есть проблема — выход завалило. Я пробовал сдвинуть бетонную плиту, загородившую проход, но одному мне не справиться. — Хмуря брови, Корт смотрел на Нагира.

У того под кожей задвигались желваки при мысли о совместной работе с тем, кого он так сильно и так долго ненавидел. Но Нагир не был безумцем. Он понимал, что от этого зависят жизни их всех, в том числе и Леды. Он кивнул.

Быстро двигаясь цепочкой за Кортом, атлурги покинули укрытие. Дар замыкал, готовясь при необходимости прикрыть. Их лучшим союзником было время. Те несколько минут, пока серые не поймут, что их противник ушёл с позиции.

Корт с Нагиром, оба внушительных размеров, едва сумели протиснуться к завалу вдвоём. Корт указал слабое место.

— На счёт три.

Ничего не говоря, Нагир снова кивнул. В конце зала, там, откуда они ушли, слышались автоматные очереди. Мужчины одновременно навалились на бетонную загородку. Ничего не произошло.

Корт с Нагиром раз за разом брались за преграду. Они не говорили друг с другом, но оба понимали, что отступить не вправо. Пот пропитал одежду. Казалось, что жилы сейчас порвутся, как перетянутая тетива. Рёв автоматов слышался всё ближе. Серый Отряд шёл по следу.

Двое атлургов продолжали давить. Корт терял силы и надежду. Он представлял себе лицо Леды. Её большие золотые глаза, полные отчаянной решимости; нежные губы, сомкнутые в жёсткую линию; её гибкое сильное тело, бросающееся на врага в неравной схватке.

— Ты что, уснул?! — вдруг прогрохотало над ухом. — А ну, навались!

Корт посмотрел на Нагира. Его глаза блестели. Зубы были оскалены в злой улыбке. Нагир, как никогда, казался полон жизни и даже весел. Корт впервые за долгие годы видел, как атлург улыбается. Видел прежнего Нагира.

Перед глазами тут же всплыли воспоминания о времени, проведённом вместе. Как Нагир впервые учил его обращаться с кинжалом-аслуром и метать нож. Полуночные разговоры, прерываемые громopodobным хохотом атлурга, и на утро злые взгляды соседей, которым они не давали уснуть. Незабываемое выражение лица Нагира, когда Корт впервые знакомил его с Утагиру.

Все эти непрощенные воспоминания поднялись, словно солдаты на бой. Голос Нагира отдавался барабанной дробью в ушах. Его глаза призывали снова, как прежде, встать плечом к плечу. Внезапно Корт почувствовал такой прилив сил, как будто был готов поднять на своих плечах все Красные Горы. Он ответил Нагиру таким же взглядом, полным злости последнего смертного боя.

— Навались! — повторил Корт слова Нагира.

Больше им не требовалось координировать движения счётом на три. Двое налегли на преграду, как один. Нагир зарычал, и Корт ещё увеличил усилие. Вдруг что-то сдвинулось у них под плечами. Неподъёмная глыба подалась вперёд, и двое атлургов от неожиданности провалились в пустоту. Более тяжёлый и неповоротливый Нагир упал, нелепо взмахнув руками, и Корт захохотал. Нагир не разозлился. Он смотрел на него снизу вверх с улыбкой.

Спустя десять минут атлурги благополучно выбрались из Проектировочного Центра.

Глава 10. И взревел пробудившийся зверь

Четверо ввалились в дом — раненные, грязные, все серые от пыли, с штукатуркой в волосах. Адреналин от сражения ещё бурлил в крови. Они долго не могли успокоиться и подняли кипеж по всему дому. Юта с Уги тоже включились в беспорядочное движение.

Юта по одному хватала атлургов, пытаясь оказать медицинскую помощь. Дар, размахивая руками, описывал сражение. Нагир бросился перебирать запасы оружия: тяжёлые метательные ножи, кинжалы-аслуры для ближнего боя. И даже пересчитал все стрелы для двух имевшихся у них луков. Корт, даже не приняв душ, перекачивал документы с флэшки на компьютер. Леда грела на плите тушонку — эта еда очень нравилась атлургам. Это было одним из немногих, что они признали съедобным в Лиатрасе.

Лишь спустя два часа все немного успокоились, привели себя в порядок и поели. Корт наскоро просмотрел полученные в Центре данные и остался удовлетворён. Уже поздней ночью он собрал экстренный совет.

Хорошей новостью было то, что Корт по большей части закончил расчёты. Плохой — то, что их обнаружили. Теперь, что бы они ни сделали, Серый Отряд будет у них на хвосте.

— Три дня, — заключил Корт. — Через три дня мы должны всё закончить и покинуть город.

— Три дня?! — взвилась Юта. — Но я только начала встречаться с людьми! У меня ещё работы непочатый край! Мне нужна по крайней мере неделя!

Она только вышла из душа, и с её вьющихся крупными кудрями волос капала вода. Это отвлекало.

— Три дня, — отрезал Корт, стараясь не смотреть на девушку. Но тут же понял, что отреагировал слишком резко, и смягчил тон: — Я знаю, что ты делаешь самую сложную часть работы, и что тебе нужно гораздо больше времени. Но мы не можем рисковать. Я не хочу повторения прошлого раза. — И Корт очень выразительно посмотрел на Юту.

Это была история, которую знали только они двое, так что только Юта могла понять, что Корт имеет в виду. Конечно, он рассказывал Леде и своим соратникам о том, что их преследовали, и им даже пришлось сражаться. Но подробностей не знал никто. Упоминание о «прошлом разе» тянуло за собой целую вереницу воспоминаний. Начиная от Юты, плачущей на полу своей квартиры, до сражения у Налады, где Юту пытались похитить, и Корт чуть не сошёл с ума, думая, что потерял её; и, наконец, поцелуя сквозь слёзы, после которого всё окончательно запуталось и в то же время стало ясно, как день.

Корт знал, что Юта тоже вспомнила тот поцелуй. Она смутилась и отвернулась. В комнате на минуту повисло неловкое молчание. Все ощущали, что между этими двоими произошёл какой-то незримый диалог, обмен чем-то, чего другие не знали и не понимали. Чем-то интимным, принадлежащим только им двоим, о чём не стоит спрашивать и упоминать.

Молчание прервал грохот перевёрнутого стула. Нагир со злостью вскочил с места. Он не сводил с Корта прожигающего взгляда. От понимания, возникшего между ними в Проектировочном Центре, не осталось и следа. Перемирие было окончено. Атлурги вопросительно смотрели на Нагира.

— Раз всё решено, нечего сидеть болтовню разводить. У нас ещё много дел. Надо ехать забрать эти... эту штуку, которая разносит всё в клочья.

— Взрывчатку, — рассеянно подсказал Дар.

Нагир смотрел на Леду. Видимо, он хотел, чтобы девушка поехала с ним. Но она не заметила его пристального взгляда, уставившись в пространство перед собой.

Корт мысленно ругал себя последними словами за то, что всё же прокололся и дал своему особому отношению к Юте проявиться, да ещё и у всех на глазах. Он постарался сменить тему.

— Надо ехать в ангары с машинами. Сегодня ночью надо перегнать их к себе на склад. Уги, Дар, пойдёте со мной. Я покажу, как ими управлять. Уги выедет из города первым, ночью. На следующий день будем выводить по Стене людей. Нагир с Ледой, отправляйтесь за взрывчаткой. Юта, составь список тех, кто точно готов уйти с нами. И тех, кто ещё, по твоему мнению, нам жизненно необходим. Я просмотрю его, как вернусь, и мы решим, что делать с людьми. Нам надо закончить всё за три дня. Если Серый Отряд нас обнаружит, то просто так выбраться из города нам не удастся.

Скрестив на груди руки, Корт наблюдал, как одна за другой за ворота выезжают четыре гигантские машины. Эти грузовики были предназначены для переброски материалов и техники на место постройки нового города. Они были специально спроектированы для передвижения по пустыне. Сейчас машины были под завязку набиты продовольствием и материалами. Замыкала колонну цистерна с водой, которую атлурги перехватили по дороге из Водной Долины прошлой ночью.

Самым сложным, как ни странно, оказалось открыть ворота. Корт не думал, что это может стать проблемой, вспоминая, как эти ворота отворились перед ним, когда его вышвыривали из города. Но приводной механизм открытия створок управлялся из отдельного штаба в городе. Атлурги долго искали к нему доступ, но так и не смогли найти ни отвечающих за это людей, ни местонахождение самого штаба. Так что Карту пришлось придумывать, как взломать механизм.

Но вот всё было готово: материалы и продовольствие собраны и уже отправлены из города, проект с расчётами закончен, а люди оповещены о выходе завтра утром. Всего удалось убедить пойти с собой двадцать три человека. Это было очень много, учитывая, что все они были специалистами высочайшего класса. Корт до сих пор не понимал, как Юта смогла собрать этих людей за такой короткий срок. У неё несомненно был талант к убеждению. План отвести их на Стену, чтобы они своими глазами увидели уровень песка, а потом ещё и познакомить с атлургами — жителями пустыни — сработал безотказно.

После того, как за машинами закрылись створки ворот, Корт отправился домой. Ночью им предстоят сборы. На следующий день в пять утра они встретят людей и начнётся очередная «самая сложная» часть плана: перевести всех этих неподготовленных людей через пустыню.

Корт паковал свой дорожный мешок, когда к нему подошла Леда.

— Корт, мы можем поговорить? Это не займёт много времени.

Это было плохое время для разговора. Леда понимала это. Корт был очень занят. Все были на взводе. Надо было думать о деле. Леда не хотела нагружать мужа ещё сильнее. Она понимала, что сейчас худший момент для того, чтобы волновать его.

Но она видела, как Корт смотрел на Юту. Видела ту незримую для глаз связь между

ними. Она была очень прочна. Возможно, поэтому Юта была *той самой*. В решающие моменты она сможет поддержать Корта лучше, чем смогла бы Леда. Сможет предложить ему что-то, чего не может дать она. Леда и сама до конца не понимала, что это за связь. Но, возможно, в этом всё дело. В том, что она не понимала. Но, по крайней мере, она не была слепа. Она видела это «нечто». Огромное, сложное и непостижимое для человеческого разума. Доступное только богам. Судьбу.

Когда для народа наступят по-настоящему смутные, тёмные времена, Корт станет тем, кто спасёт их. И рядом с ним будет стоять Юта. Леда видела это ясно, как день. Это видение посещало её не раз, ещё до того, как они узнали о пророчестве. И если у Леды нет сил помочь Карту в его предназначении, то, по крайней мере, она найдёт в себе силы сделать то, что требуется. Она сделает всё, чтобы Корт и Юта были вместе.

Леда знала, что после признания Корт будет в растерянности. Что ему будет больно. Но ещё она видела, что он растерян и страдает каждый день от невозможности быть с «девушкой, спустившейся с небес». А потому хорошее ли это время для разговора или нет, но оно должно когда-то наступить. Пусть наступит сейчас.

Леда снова, как в прошлый раз, провела Корта на кухню. Она не стала садиться. И даже почти не переживала. Она просто перегорела.

— Корт, я приняла важное решение. Ты скажешь, что это долгий разговор, но я сделаю его коротким. Я не собираюсь обсуждать это с тобой. Я знаю, что о многом прошу, но ты должен пообещать, что примешь моё решение. Это касается не только нас с тобой, но и всего народа.

Корт заметно напрягся. Он весь собрался, съёжился, словно перед схваткой. У него в глазах мелькало сомнение.

— Мне не нравится такое начало, — угрюмо сказал ругат. — Если хочешь что-то сказать — говори, у нас не должно быть секретов друг от друга. Но потом мы обсудим это, как делаем всегда.

Леда слабо улыбнулась. Корт уже боролся с ней. Он ещё не знал, что она хочет сказать, но уже спорил. Он почувствовал что-то.

— Ты можешь не давать мне обещания. Можешь спорить и не соглашаться. Но это только всё усложнит. И сделает труднее для меня. А потому, если ты любишь меня и хочешь мне добра, ты дашь мне это обещание. Мне это нужно.

Брови Корта сомкнулись на переносице, а взгляд стал темнее чёрной воды в озере-хранилище под Красными Горами. Леда воспользовалась запрещённым приёмом. Они оба знали это. Нельзя шантажировать любовью. Но Корт также понимал: если уж Леда пошла на это, случилось что-то чрезвычайное. У неё не осталось выхода. Ей это нужно.

Корт медленно кивнул.

— Хорошо. Я обещаю, что приму твоё решение. Теперь, скажи наконец, в чём дело.

Леда шумно выдохнула. Она не скрывала облегчения. Девушка твёрдо посмотрела мужу в глаза.

— Корт, я ухо...

— Корт! А, простите. — На кухню засунула голову Юта.

Она протягивала телефон, но, увидев Корта с Ледой, смутилась. Леда усталос улыбнулась.

— Что-то важное?

Юта нахмурила брови и кивнула.

— Звонит один из техников. Он говорит, что у него есть несколько специалистов по системам снабжения Водной Долины. Они тоже готовы пойти с нами. Мы можем взять ещё людей? Может, ты поговоришь с ним? Он на связи.

Юта склонила голову в ожидании. Корт помотрел на Леду, рука уже тянула к телефону. Девушка-атлург спокойно улыбнулась и кивнула. Она лучше, чем кто-либо понимала: долг превыше всего.

Они собрались под Стеной, когда город ещё спал. Тридцать один человек, включая пятерых атлургов. Уги ещё вчера уехал из города во главе каравана техники. Люди, которых удалось собрать Юте, напряжённо ожидали сигнала атлургов. Корт внимательно осмотрел каждого, прежде чем вывести их из-под солнечных навесов. Шляпы, капюшоны, солнечные очки, — Корт понимал, что ничто из этого не поможет лиатрасцам в пустыне. Для того, кто всю жизнь провёл под защитой навесов, даже десять минут под солнцами — уже пытка.

Но другого выбора не было. Эти люди готовы были рискнуть, хотя сомнение читалось на лицах каждого. Они нервно хватались за свои сумки и рюкзаки, поглядывая на хмурых, но уверенных в себе атлургов. Наконец Корт решил, что всё готово и можно переводить отряд за Стену.

Леда и Дар первыми отправились наверх, чтобы там встречать людей. Корт, Нагир и Юта помогали переселенцам снизу. К половине седьмого утра все оказались на Стене.

Солнца палили нещадно. Таурис как раз завершил очередной цикл и сейчас величественно поднимался по небосклону, чтобы вскоре занять свой трон. Младший Брат тоже не спешил пожалеть путников и рассыпал горячие лучи по спинам и головам людей. Песок лёгким облаком вился по кромке Стены. Ветер то и дело перебрасывал его на эту сторону, а затем увлекал вниз, в город. Весь верх Стены был усыпан песчаными холмиками.

Непривычные к прямым солнечным лучам лиатрасцы обливались ручьями пота и то и дело прикладывались к воде. Пока никто не жаловался, но тяжёлые вздохи уже раздавались тут и там. Корт начинал нервничать. Он много раз прокручивал в голове, как будет вести людей через пески. Но только теперь, когда они были готовы, Корт по-настоящему испугался. Он всегда предполагал, что не все могут дойти до Утегата. Но теперь вдруг подумал: а что если не дойдёт почти никто? Что если он просто убьёт этих людей?

— Ну и чего стоим? Все здесь, пора в путь.

Корту не надо было поворачивать голову, чтобы понять, что Нагир стоит рядом. Атлург тоже не смотрел на Корта. Его взор был обращён на необъятное блюдо пустыни. В его голосе не было злобы или привычной ненависти. После стычки с Серым Отрядом в Проектировочном Центре в их отношениях будто что-то сдвинулось. Не вернулось назад, к прошлому, и не пошло вперёд, развиваясь. А как будто сдвинулось вбок. Не стало лучше или хуже, просто изменилось.

Но даже за это небольшое изменение Корт был благодарен. Он скосил глаза на Нагира и немного встряхнулся.

— Спускаться будем там же, где поднимались: по укреплённому участку. Так будет проще и безопаснее. Леда, Дар, Юта будете идти впереди и указывать дорогу. Мы с Нагиром будем замыкать.

Медленно отряд начал движение. Тонкой цепочкой люди растянулись по Стене. Им

предстояло пройти поверху около километра.

Они оставили позади несколько сот метров, когда что-то привлекло внимание Корта внизу, со стороны города. Прыгнувший в глаза солнечный зайчик. Он исчез так же внезапно, как появился.

Корт всем нутром почувствовал неладное. Сердце забилося быстрее, нагоняя кровь, как перед схваткой.

И вдруг он понял. Он знал, что произошло, ещё до того, как гигантское тело Стены содрогнулось. Корт испытал нечто подобное, когда рухнул свод в Зале Свитков, погребя их с Ютой под обломками. Он ощутил дрожь пространства каждой клеткой тела ещё до того, как её могли воспринять органы чувств.

Правители города нашли их. И решили во что бы то ни стало не выпускать за Стену.

На этот раз Корт ничего не мог сделать. Леда с Ютой были слишком далеко, — он не мог добежать, защитить, укрыть. Он не был уверен, что через секунду мир не канет в небытие. Время для Корта замедлилось. Сердце стучало в разы быстрее, чем тянулись одна за другой секунды.

Наконец реальность догнала ощущения Корта. Воздух разорвал грохот, вой и скрежет взламываемого изнутри камня. Толща Стены содрогнулась. Казалось, что само пространство разрывается на части. Что кто-то встряхивает мир, словно хозяйка — покрывало.

После звука пришла взрывная волна. Поверхность Стены вздыбило. На глазах она начала покрываться трещинами. Вал разрушений распространялся во все стороны. Это было похоже на землетрясение и ураган одновременно. Корта отбросило в сторону. Он приземлился на четвереньки и вцепился в Стену, которую трясло, будто тростинку во время бури.

Казавшийся нерушимым массив Стены не выдержал и стал разрушаться. Кусок Стены длиной метров в тридцать сперва вздыбился, лопнув в нескольких местах, а потом начал оседать вниз.

Рокот рушащегося камня отдавался эхом от зданий, расположенных в сотнях метров. Чудовищный зверь ревел и требовал жертв. Человеческих жертв. На той части Стены, что рухнула в пропасть, были люди. Они кричали. Они пытались бежать. Ничто не помогло. Вместе со Стеной они рухнули вниз, в месиво из камня и арматуры. И пыль укрыла следы трапезы каменнозубого чудища.

Но Корт не смотрел вниз, в зияющий провал. Он не смотрел на людей, тщетно пытавшихся спастись. Он не пытался бежать сам — потому что безотказным внутренним чутьём знал: он в безопасности. Корт выискивал взглядом две небольшие тонкие фигуры: одну пониже, с россыпью каштановых волос, и другую повыше, с короной золотых косичек. Он не знал, дышал ли он, билось ли его сердце, пока взгляд не нашёл двух девушек.

Леда с Ютой шли впереди колонны, поэтому когда Стена обвалилась, были в безопасности. Но увидев, что случилось, обе, не раздумывая, бросились назад.

Возле самого обрыва были люди. Молодой мужчина стоял, глядя в образовавшийся провал, очевидно, в состоянии шока. Леда подошла к нему и, что-то сказав, начала медленно уводить.

Юта подбежала к девушке, лежавшей без движения на самом краю. Вероятно, та ударилась головой и потеряла сознание. Юта начала теревить её. Девушка пришла в себя и медленно села. Юта помогла ей подняться и передала вернувшейся Леде. На секунду Юта застыла на краю обрыва. И в этот момент Корт ощутил, как что-то заворчалось в утробе зверя. Он ещё не был готов отпустить своих жертв. Он требовал ещё.

Кусок Стены, на котором стояла Юта, стал обваливаться. Опора ушла из-под ног, Юта вскрикнула и начала падать. Но в последний момент уцепилась за прут арматуры, торчавший из Стены. Она повисла над пропастью на одной руке.

— Юта! — Голос Корта сорвался, прозвучав беспомощным криком раненого зверя.

Их разделяла пропасть, вечность. Корт ничего не мог сделать. Только бессильно смотреть, как медленно разжимаются её тонкие пальцы.

Но один человек всё же услышал его крик. И интуитивно понял, что происходит. Как всегда между ними, без слов.

Леда уводила раненую девушку. Но, услышав крик Корта, резко развернулась и без раздумий прыгнула — безумным, диким, прекрасным прыжком.

Юта висела ниже края обрыва, из последних сил цепляясь за железный прут. Леда мгновенно оценила ситуацию. Она действовала так быстро, что со стороны могло показаться, что всё это — хорошо спланированная и много раз отрепетированная сцена. Не было ни одного лишнего движения, ни доли секунды раздумий, которые могли стоить Юте жизни.

Леда нашла под обрывом небольшой уступ. Она ловко спустилась на него, придерживаясь рукой за край. Извернувшись под невообразимым углом, она схватила Юту за руку.

Корт всегда знал, что его жена сильная, но никогда не подозревал насколько. Он не мог представить, что у Леды хватит сил одной рукой вытащить из пропасти человека. Но сантиметр за сантиметром, Леда вытянула Юту наверх. Они обе стояли на крохотной площадке, тяжело дыша и держась за край Стены. По руке Юты текла кровь.

Корт наблюдал за этой сценой, не помня себя. Он как будто растворился, перестал существовать. Его душа находилась сейчас там, на крохотном выступе Стены. Наконец он позволил себе чуть расслабиться и глубоко вздохнуть. И в этот миг спасительный уступ дрогнул и обвалился.

Сердце Корта рухнуло в пропасть вместе с ним. Но быстрее, чем жуткие картинки промелькнули в его голове, оказалась реакция Леды. Так быстро, что Корт не уловил движение взглядом, Леда схватила Юту и вытолкнула наверх. С силой, просто невообразимой для такого хрупкого телосложения, она буквально забросила Юту на Стену.

Это было всё. Всё, что успела сделать Леда. Она даже не пыталась спастись сама. Это было просто невозможно. Выше сил не только человека, но даже богов. Последнее, что Корт увидел, была её высоко вскинутая голова, когда потоки камня увлекали Леду вниз.

Юта больно ударилась о каменную поверхность и на секунду оказалась дезориентирована. Но придя в себя, тут же поняла, что произошло. Ей не надо было смотреть по сторонам, чтобы понять, что Леды нет рядом. Юта до конца не понимала, как осталась жива. То, что она понимала — Леда зачем-то пожертвовала ради неё своей жизнью.

Юта находилась в шоке. Всё потеряло смысл. Тело била крупная дрожь. Расцарапанная о край арматуры ладонь болела. Ясность зрения туманили слёзы. Усилием воли Юта поднялась на четвереньки и посмотрела в пропасть. За клубами пыли ничего не было видно. Только зияла кровоточащей раной гигантская брешь. Это было падение Стены.

Ощувив на себе тяжёлый взгляд, Юта подняла голову. На той стороне обрыва стоял Корт. Его фигура была неподвижна. Только ветер трепал полы белоснежного хилта. Юта не видела выражения лица Корта с такого расстояния, но ей показалось, что его кулаки крепко

сжаты. Через минуту, тянущуюся бесконечно долго, Корт двинулся. На секунду Юте показалось, что сейчас он сделает шаг вперёд и последует за женой. Но, пошатнувшись, Корт отступил от края, а затем исчез в облаке пыли.

В последний миг Юте почудилось, что она увидела, как блеснули беспощадным холодным блеском его сапфировые глаза.

— Есть результаты? — Голос «главы» звучал ровно. Он мог принадлежать человеку лет шестидесяти, уверенному в себе и привыкшему повелевать.

— Простите, господин. Тело девушки пока не обнаружено. Мы достали из завалов пять человек, четверых мужчин и женщину. Но её внешность не совпадает с фотографией.

— Кулон... На ней был какой-нибудь кулон? — с едва заметным раздражением в голосе спросил первый мужчина.

— Нет, господин.

— Ладно, иди. Продолжайте поиски.

По комнате прозвучали шаги, после чего хлопнула дверь. Какое-то время Корт ничего не слышал. Когда голос «главы» раздался снова, он звучал уже из другой части помещения.

— Жаль, что Лэнс погиб. Он тоже не блестал умом, но всё же пользы от него было больше. Эх, где в наше время найти толкового и преданного человека?

— Хороший исполнитель всегда на вес золота. Я давно говорю тебе, что этот городишко мелковат. А все толковые люди уже и так работают на тебя. Тебе надо убираться отсюда и лететь в центральные области. Где-нибудь на Кентарионе для такого человека, как ты, откроется море возможностей. Не понимаю, почему ты до сих пор сидишь в этой печке.

Глава усмехнулся.

— Тебе не понять. Для таких, как ты, имеют значение лишь деньги и власть. Сиюминутные выгоды. Я же смотрю дальше. Я хочу оставить что-то после себя. Войти в историю.

Хриплый голос, принадлежавший второму мужчине, рассмеялся.

— Ладно, ладно, может, ты и прав, и такому идеалисту, как ты, самое место на планетесковородке, где ровным счётом ничего нет. Хотя я всё равно не понимаю, что в ней такого особенного, что ты готов чуть ли не погибнуть вместе с ней?

— Я верю, что эта планета ещё сможет всех удивить. Но для этого мне нужен этот чёртов ключ, — раздражение снова пробилось в спокойном голосе.

— И что же, он у какой-то девчонки, которую к тому же, вероятно, уколошили твои люди?

— Эти идиоты... — процедил глава. — Если бы только я раньше узнал о том, что для спасения понадобится не только ключ, но и её знания... Но я не намерен отчаиваться. Эти жрицы слишком хитры и изворотливы, чтобы так просто умереть.

— Точно? — усмехнулся второй мужчина. — Кажется, в своё время ты истребил их немало.

— И был неправ. Я потратил жизнь на то, чтобы избавиться от них. Вместо этого мне стоило бы попытаться их использовать.

Что ж, этот раунд остался за ними. Они сумели улизнуть из города. Но я снова найду их. И теперь, когда я знаю ценность девчонки, я не дам ей ускользнуть из моих рук.

После этого разговор перешёл на незначительные темы, и вскоре Корт перестал слушать. Эта информация многое меняла. Им нужна Юта для того, чтобы попасть в Город Богов? Она обладает какими-то тайными знаниями? Но она не говорила Карту ничего такого. Впрочем, она не обязана рассказывать ему обо всём.

В конце концов, Корт был рад, что решил пока не убивать командира Серого Отряда, а последить за ним. Потому что тот привёл его к некоему «главе». Корт мог только догадываться о том, что это за человек и какой властью обладает. Добраться до него будет непросто. Но и его черёд придёт. После остальных.

Часть 2. Предназначение Глава 1. Просто дышать

С трудом волоча тяжёлую корзину двумя руками, Юта спиной отодвинула полог и вошла в лурд. В небольшой кухне сидело шестеро лиатрасцев. Мужчины были небриты и угрюмы. Когда Юта прошла внутрь, они жадно впились глазами в её ношу.

— Вот. — Юта ухнула корзину на пол и вытерла лоб рукавом. — Здесь на два дня.

— На наш лурд? — спросил молодой парень.

Юта покачала головой:

— На всех.

Мужчина лет пятидесяти встал и заглянул в корзину.

— Мне кажется или стало меньше? — раздражение ясно читалось в голосе.

Ещё один лиатрасец, кажется, они с первым работали вместе, подошёл ближе.

— Да уж, они что ни день уменьшают наш пай. А ведь это наши припасы. Нам обещали, что мы будем безбедно жить на них, пока будем строить город. — Мужчина посмотрел на Юту с нескрываемым недовольством. Лиатрасцы давно пожалели, что согласились на уговоры девушки. Но теперь пути назад не было.

— Я поговорю с ним, — устало ответила Юта. — Ситуация в городе тяжёлая. Скорее всего, Совет урезает пай для всех.

— Ага, как же, — проворчал первый лиатрасец. — Ты уж постарайся. В конце концов, это мы делимся с ними нашей едой и водой. А в итоге сами же и голодаем.

— Хорошо. — Юта слишком устала, чтобы с кем-то спорить. — Я сделаю, что смогу. Распределите это между всеми. Я вернусь вечером вместе с Уги. Мы принесём воду.

Юта быстро вышла из лурда, чтобы не слышать новые упрёки в свой адрес. Самым неприятным было то, что лиатрасцы были правы. Не так всё должно было быть. Не то она им обещала.

Со Стены в Утегат вернулось всего девятнадцать человек. Шестнадцать лиатрасцев: остальные либо погибли на Стене, либо оказались по ту сторону разлома и сумели вернуться в город. И всего трое атлургов: она, Дар и Уги, который выехал из города заранее. Леда погибла, а Корт исчез после взрыва. Так же, как и Нагир. С тех пор никто о них ничего не слышал.

Сейчас, вспоминая всё произошедшее, казалось глупым надеяться провернуть такой план и остаться незамеченными. Так или иначе столкновение с теневыми правителями города было неизбежно. А значит, атлурги должны были просчитать угрозу и вероятность потерь. Но с другой стороны, а был ли у них иной выбор, кроме как попробовать?

Мысли обо всём этом вызывали только головную боль и не давали никаких ответов. Поэтому Юта старалась не думать. Совсем. И, может, это даже удалось бы, если бы не лиатрасцы, каждый день служившие напоминанием и упрёком.

Прибывших из Города-за-Стеной разместили в Утегате, как и было уговорено. Поселили на окраине, по четыре-пять человек на лурд. Но без Корта всё сразу пошло не так. Начать строительство города в пещерах было невозможно, ведь ругат был единственным, кто имел полное представление о том, как это сделать. Остальные лиатрасцы были узкими специалистами. Прошло уже несколько недель, а дело стояло на месте.

Враждебно настроенные к любым чужакам атлурги не желали принимать новых поселенцев. Напряжение между двумя народами росло. В итоге Уги решил, что лучше убрать

лиатрасцев с глаз атлургов, чтобы не провоцировать последних. И теперь жители Города-за-Стеной вообще не выходили из своих лурдов.

Они роптали на ситуацию и винили во всём Юту. При этом даже до конца не понимали, в каком положении оказались. Юта не спешила объяснять им, чем могут закончиться разногласия с народом. А среди атлургов тут и там уже слышались разговоры о том, чтобы чужаки уходили туда, откуда пришли.

Чтобы хоть как-то уладить ситуацию, Юта заключила соглашение с Гвирном. Безопасность и стены Утегата для лиатрасцев в обмен на часть продовольствия и воды, привезённых из города. Всю еду сгрузили на общие склады, откуда распределяли паями на всех жителей Утегата. Но все понимали, что это решение временное. И если Корт не вернётся из города к тому времени, как припасы закончатся, одним богам известно, что будет. Потому что это лишь вопрос времени, когда атлурги открыто ополчатся на лиатрасцев. И тогда никто не сможет их защитить. Их просто выдворят из Утегата. А если кто-то будет противиться, то и перережут одной тихой ночью.

Юта постоянно пыталась найти решение вопроса, но у неё был выход только на Гвирна. Среди атлургов она и сама по сути была чужой. Уги делал, что мог. Но сейчас, когда у власти был Гвирн, а Корт пропал, никто не думал его слушать. Ведь Уги был правой рукой Корта, а план Корта провалился. (По крайней мере, так всё представил Гвирн.) Всё, чем был занят Уги, — пытался сохранить остатки репутации Корта. Даже Дар отстранился от ситуации, так как всё равно ничем не мог помочь.

Побродив по городу и собравшись с мыслями, Юта отправилась искать Гвирна. Она нашла его в одном из коридоров вместе с двумя членами Совета. Увидев приближающуюся девушку, Гвирн понизил голос и поспешил закончить разговор. Юта напомнила себе, что атлург теперь является правителем города. А значит, у него появилось много секретов, которые надо держать в тайне от посторонних. А Юта, несомненно, являлась именно таковой.

Это проявилось особенно явно с тех пор, как она вернулась из Лиатраса. Сразу после событий на Стене и исчезновения Корта Юте пришлось в некотором роде занять его место: в Утегате она была единственной, кто отстаивал права лиатрасцев. Это поставило их с Гвирном по разные стороны. И хоть, по словам мужчины, лично к ней его отношение не изменилось, но интересы двух народов неизбежно встали между ними.

Члены Совета «одарили» Юту высокомерными взглядами, прежде чем удалиться. Но Гвирн словно не заметил этого. Он широко улыбнулся и жестом пригласил Юту подойти ближе. Она ответила бледной улыбкой и приготовилась к непростому разговору.

— Вижу, ты чем-то обеспокоена, красавица?

Юта приняла тон разговора и выдавила из себя более широкую улыбку.

— Ты же знаешь, когда за тобой оказываются люди, за которых приходится отвечать, беспокойство становится твоим постоянным спутником.

— Я бы предложил тебе в спутники более приятную кандидатуру. Но я тебя понял, давай сперва о делах.

Несмотря на сложности, появившиеся в их отношениях, Юта была благодарна Гвирну за прямолинейность и желание помочь. Только благодаря его доброй воле она могла сделать что-то для людей.

— Сегодня я заметила, что пай снова стал меньше, — сказала Юта. — Боюсь, моим людям придётся тяжело. Они не привыкли к ограничениям. В Городе-за-Стеной в любое

время можно достать всё, что пожелаешь. Они не знают, что такое голод.

Гвирн покивал и тяжело вздохнул. Он мягко приобнял Юту за плечи и притянул ближе, как бы собираясь рассказать нечто секретное.

— Ситуация в городе тяжёлая, но тебе об этом и так известно. А с пропажей Корта и появлением новых... — Гвирн пожевал губами, подбирая слово, — поселенцев мы не знаем, на что рассчитывать. Я просто пытаюсь быть более рачительным.

— Но ведь пока проблем с продовольствием нет, — мягко возразила Юта. — Того, что мы привезли, должно хватить на несколько месяцев.

Гвирн снова покивал.

— Но как правитель Утегата, я должен думать о том, что будет после. Когда запасы кончатся, если к тому времени Корт не вернётся и не уведёт своих людей... — Гвирн многозначительно замолчал. Юта знала, что он имеет в виду. Молодой атлург снова вздохнул. — Мне жаль, что всё это легло на твои плечи. Если бы Корт не витал постоянно в облаках, а был более ответственен, всё могло бы устроиться иначе.

При упоминании имени Корта Юта ощутила, как проваливается в ледяную бездну. Погружается всё глубже и глубже в отчаяние и безысходность. Воздуха не хватало. Она начала задыхаться. Так происходило с ней часто последнее время. Были вещи, о которых она просто не могла думать.

Огромным усилием воли Юта не позволила этому ощущению взять над собой верх.

— Я знаю, что ты думаешь о нашем походе. Но каждый из нас сам принимал решение. Все, кто ушёл с Кортом из Утегата, верили, что поступают правильно. Просто... — Юта замолчала.

— Просто вы тоже оказались мечтателями, — закончил за неё новый Канг. — Я могу понять это, и ни в чём вас не виню. Но хочу напомнить: я всегда предупреждал, что опасные фантазии Корта ничем хорошим не кончатся. И ладно бы это касалось его одного. Но теперь из-за этого не стало Леды. Мы не были с ней близки, это так. Но я уважал её, и многие в городе её любили и прислушивались к её мнению. Возможно, Утегату было бы легче пережить трудные времена, если бы она была с нами.

Юта сглотнула. Она всё ещё не была готова говорить о Леде. Никому в городе она не рассказывала о том, что случилось на Стене. О том, что девушка спасла её, погибнув при этом сама. К счастью, Гвирн не стал останавливаться на этой теме.

— Я не знаю, что в нынешнем положении могу сделать для твоего народа, — нахмурившись, произнёс Гвирн. — Сейчас я бессилен. Атлурги требуют изгнать их из города. Поход Корта ничего не решил, наоборот, только добавил проблем. Вместо того чтобы думать, как накормить своих людей, я ещё должен кормить лиатрасцев. Знаю, что они привезли свою еду. Но когда они проедят свои запасы, что тогда? Новый город не строится. Когда они всё съедят, то сядут на шею Утегату.

Сейчас я могу сдерживать народ от каких-то нежелательных действий. Но только до тех пор, пока чужаки делятся с нами продовольствием и водой. Когда это закончится, я не знаю, что будет.

Юта опустила голову. Она тем более не видела выхода из сложившейся ситуации. Она была бессильна.

Некоторое время Юта с Гвирном шли молча, каждый думая о своём. Потом Гвирн медленно остановился. Он повернулся к Юте всем телом, рассматривая её лицо в задумчивости. Какой-то странный блеск заиграл в его глазах.

— Разве что есть одно решение... — протянул атлург, глядя на девушку немного отстранённо, но в то же время пристально.

Юта сглотнула. Какой-то червячок сомнений, страха, а может, даже предчувствия заскрёб внутри.

— Какое? — спросила Юта, почти не желая услышать ответ.

— Если бы ты стала моей женой, это решило бы многие проблемы, — отчётливо произнёс Гвирн, наблюдая за реакцией Юты. — Этим мы бы объединили наши народы. Если бы это случилось, мне было бы проще убедить атлургов. Со временем мы могли бы провести церемонию посвящения для всех лиатрасцев, так же, как сделали с тобой. Да, это прибавит проблем мне и ртов для Утегата. Но, по крайней мере, мы сможем избежать...

— «Нежелательных последствий»? — невесело подсказала Юта.

— Именно.

Гвирн был абсолютно серьёзен. Он смотрел на Юту выжидательно, но девушка молчала. Стали ли его слова шоком для неё или Юта ждала чего-то подобного? Она и сама не смогла бы ответить. В любом случае, она оказалась не готова к этому вопросу.

Гвирн неожиданно смягчился. Из жёсткого и практичного правителя он снова стал Гвирном, которого Юта помнила с первой встречи. Тем Гвирном, что водил её на экскурсии по Утегату и ненавязчиво ухаживал, предоставляя опору и поддержку тогда, когда Юта в этом нуждалась. Даже его всегда напряжённые плечи слегка расслабились.

Гвирн шагнул чуть ближе и взял руки Юты в свои.

— Прости, если напугал тебя своими словами. Я не хотел, чтобы так получилось. На самом деле я давно обдумывал, как сделать тебе предложение. Но сперва ты ушла с Кортом в Город-за-Стеной, а после возвращения... всё пошло не так.

Но я хочу, чтобы ты знала: моё предложение не является сиюминутным политическим ходом. Оно давно обдумано. Я делаю его, потому что люблю тебя и хочу, чтобы ты была со мной. Надеюсь, что ты будешь принимать решение, в первую очередь основываясь на своих чувствах ко мне. Я знаю, что сейчас они не взаимны. Но обещаю тебе сделать всё, чтобы со временем это изменилось. Прошу: подумай над моими словами.

После разговора с Гвирном Юта бесцельно бродила по городу до вечера. Она опомнилась, лишь наткнувшись в Зале Кутх на Дара. Только тут Юта вспомнила, что они с Уги должны занести лиатрасцам дневную норму воды. Дар вызвался помочь. После того, как дело было сделано, все трое зашли в хранилище продовольствия, чтобы оценить запасы, привезённые из Лиатраса.

Вдоль стены длинного тёмного помещения были выложены консервы. Они высились несколькими горами выше человеческого роста. Металлические банки загадочно и чужеродно поблёскивали. Среди аккуратно увязанных снопов ропса, корзин, заполненных бурдюками с козьим молоком, и развешанных по стенам вяленых тушек ящериц и змей, они выглядели такими же чужаками, как лиатрасцы среди атлургов.

Помимо консервов в отдельном хранилище лежал запас круп и сухих паёв, которые выдаются рабочим во время строительства очередного Лиатраса. А снаружи, перед входом в Утегат, инопланетным объектом на фоне бесконечного жёлтого песка высилась цистерна с водой. Правда, по мере того, как шло время, она всё больше приобретала вид местного

жителя. Атлурги накрыли её плетёным навесом от солнца, а колёса и часть бака уже замело песком.

Запас выглядел внушительно. Он, без сомнения, стал бы крепким подспорьем при строительстве города в пещерах, если бы, как и предполагалось, расходовался несколькими десятками человек. Но, растянутый на несколько сотен атлургов, он заметно таял с каждым днём.

Уги стоял нахмуренный и смотрел в пустоту. Дар пытался подсчитать количество банок. Юта понимала, что от этого мало толку.

— Может, нам всё же попробовать самим пробить пещеры в горах? — в который раз озвучила Юта предложение.

Уги только покачал головой. Они много раз обсуждали эту идею. И всегда приходили к одному и тому же: без инженерных знаний Корта, не умея использовать взрывчатку, они только обрушат уже имеющиеся в горах ходы, да ещё и похоронят под ними людей. К тому же мало построить город. План Корта заключался в том, чтобы самим производить воду и продовольствие. Но никто, кроме него, не представлял, как это сделать.

— Тогда, может, обучить людей охотиться и помогать в полях? Так они смогут приносить хоть какую-то пользу, и атлурги...

— Что? Смягчатся и позволят сесть им на шею за работу, которую и так делают сами? — Уги невесело усмехнулся. Он не стал продолжать. Юта провела довольно времени среди атлургов, чтобы понимать абсурдность такого предложения.

Дар молча наблюдал за разговором. Ему было нечего добавить. Все возможные идеи были давно обсуждены и отвергнуты. Он присел на мешок с ропсом.

— Нам нужен Корт. Без него мы не просто не можем ничего сделать, — без него всё это бессмысленно. Проблема не только в том, что нам самим нечего есть. Главная проблема в том, что тяжёлые времена, согласно вашему пророчеству, только надвигаются. И без сильного и разумного правителя нам всем придёт конец. Гвирн не тот человек, что выведет народ из кризиса.

Юта почти до крови закусил губу.

— Вообще-то, сегодня, когда я разговаривала с Гвирном, он предложил мне кое-что.

Мужчины выжидательно повернули к ней головы, но Юта колебалась. Ведь озвученное вслух, всё произошедшее становилось пугающе реальным.

— И что же? — подтолкнул Юту Уги.

— Ну... он предложил мне замужество. Честно говоря, Гвирн давно признавался мне в чувствах. Он говорит, что если я выйду за него сейчас, это может спасти ситуацию. Это поможет ему справиться с негодованием атлургов. Мы сможем объединить народы.

Юта замолчала и всё же прокусила губу до крови. Сердце отчего-то скакало в груди. Юта ждала реакции атлургов, как будто именно от неё зависело её собственное решение.

Уги нахмурился сильнее. Дар сплюнул на пол. Очевидно, обоим не понравился такой поворот событий. Уги процедил сквозь зубы:

— Не верю я ему. Вот не верю и всё. У этого мальчишки, возомнившего себя Кангом, на уме только личная выгода. Всё, чего он хочет — это власть.

— Я много думала об этом. Если это и так, то я не знаю, в чём здесь его выгода, — ответила Юта.

Она прокручивала ситуацию вдоль и поперёк. И всё, что получалось; все действия и слова Гвирна с первой их встречи говорили только об одном — у него правда есть чувства к

Юте. Он хочет только, как лучше для неё.

Уги глубоко задумался. А потом, так же хмурясь, произнёс:

— В таком случае, возможно, тебе придётся принять его предложение. Если ты не хочешь, чтобы твои люди погибли.

Слова Гwirна словно окатили Юту холодной водой. Хоть она сама и подводила к такому ответу.

— Но... — замялась Юта.

Она не знала, как продолжить. Не знала, что хочет сказать. Ведь в доводах Гwirна и в её собственных рассуждениях всё было так правильно и логично.

— Мне кажется, я знаю, о чём ты думаешь, — заговорил Уги. — Но есть ли у тебя выбор? Да и где сам Корт? С твоих слов мы знаем только, что он жив. По крайней мере, был жив, когда ты его видела. Больше ничего. Мы не знаем ни где он, ни что с ним, — закончил Уги зло.

— Я думаю, что знаю, — протянула Юта.

Мужчины вопросительно посмотрели на неё.

— Он будет мстить за смерть Леды. Поэтому он остался в городе. Я знаю, потому что видела это в его глазах.

Внезапно в горле встал ком. Юта не смогла продолжить. Она отвернулась, пытаясь заставить себя дышать. Болезненный вдох — затем выдох. Ещё раз. И ещё.

Атлурги переглянулись.

— Пожалуй, на сегодня хватит, — заключил Уги. — Постарайся отдохнуть, — обратился он к Юте. — Завтра вернёмся к делам.

Выходя из хранилища вслед за атлургами, Юта думала о том, что, кажется, окружающие знают об их с Кортом чувствах гораздо больше, чем она могла предположить.

Глава 2. Последняя связь

Юта вернулась в свой лурд уже поздней ночью. Последнее время перед сном она часто ходила в горы. Не на плато Корта, нет. Она просто бесцельно поднималась по тропам или карабкалась по скалам, не разбирая дороги. Это помогало отвлечься, ни о чём не думать. Ей казалось, она начала понимать Корта. Почему он уходил в пустыню на недели. Когда тебе приходится думать о том, как бы не подвернуть ногу на острых скалах и так рассчитать силы и запас воды, чтобы не упасть в обморок от солнечного удара — да, что-то меняется. Ни на что другое не остаётся ни времени, ни сил. Разум проясняется. Тени прошлого и настоящего понемногу отступают.

Но, к сожалению, ненадолго. Юта не могла позволить себе уйти из Утегата даже на несколько дней. Потому что даже от простого её присутствия, вероятно, зависели жизни. А как только она возвращалась домой, демоны, терзавшие её, возвращались вместе с ней.

Каждый вечер, после дня борьбы и решения проблем Юта без сил падала на кровать, не в состоянии даже плакать. В течение дня она не допускала мыслей о Кorte, иначе они просто парализовали бы её. Но по ночам это всё, о чём она могла думать. Пустота в груди заполняла всё её существо, и она подолгу лежала без сна, всматриваясь во тьму.

Поначалу она плакала. По утрам все подушки были промокшими от слёз, а глаза — красными и опухшими. Но теперь у неё не осталось сил даже на слёзы. Юте казалось, что даже если она захочет поплакать, то не сможет выдавить ни слезинки.

Она думала, что со временем станет легче. Но это было не так. Дыра в груди, где когда-то билось её сердце, разрасталась лишь сильнее. Ей казалось, ещё немного, и она поглотит её целиком. Никогда больше не будет прежней Юты. Останется лишь тень с её бледным, печальным лицом.

Она пробовала думать о Гвирне, о его предложении. Даже пыталась представить, как выходит за него замуж, как живёт с ним. Но эти картинки постоянно застилало лицо Корта. Когда он смотрел на неё, когда говорил с ней. Каким он предстал перед Ютой в последний раз на Стене, и в ту ночь, когда Корт поцеловал её. Она не могла думать ни о чём другом. Только о том, где он, как переживает случившееся, и что ей теперь делать, без него.

Его лицо было единственным, что она видела каждый раз, как закрывала глаза. И чем больше проходило времени с расставания, тем эти видения становились навязчивее.словно его призрак шёл за ней по пятам и днём и ночью.

Юта тяжело вздохнула и повернулась на бок. Как вдруг тьма в углу комнаты зашевелилась. Юта чуть не вскрикнула от испуга. Она отчётливо ощущала чьё-то присутствие.

С колотящимся сердцем девушка села в постели.

— Кто здесь? — тихо спросила она темноту. — Утагиру, это ты?

В ответ — тишина.

Юта медленно встала. Наощупь приоткрыла потолочное окошко. И во второй раз чуть не вскрикнула от неожиданности. Сперва увидев в углу комнаты силуэт сидящего на полу человека. Затем — осознав, кто этот человек.

Сперва она замерла, парализованная нахлынувшими эмоциями. А затем, не соображая, что делает, бросилась к нему. Юта обнимала крепкие плечи, гладила жёсткие чёрные волосы, уткнувшись в горячую шею. Слёзы бесконтрольно текли у неё по щекам. Она

чувствовала, что наконец-то, впервые за долгие недели, снова может дышать.

Медленно крепкая мозолистая ладонь опустилась ей на спину. Это простое прикосновение заставило Юту очнуться. Она словно поняла, что это не сон и не очередное видение. Утирая заплаканное лицо, Юта отстранилась, чтобы посмотреть на Корта.

Родное лицо было так близко. Тёмная кожа, иссушенная солнцем, немного грубые, но мужественные черты лица: орлиный нос, широкие скулы, — всё было так прекрасно и так знакомо. Но взгляд синих, словно горный хрусталь, глаз был обращён не на Юту, а куда-то внутрь себя. Юта вдруг засомневалась, понимает ли Корт, где находится? И как он тут очутился в таком состоянии?

Юта думала, что боялась, когда взор Корта становился холодным, словно лезвие тергеда. Она думала, что испугалась, когда увидела выражение глаз Корта на Стене, перед тем, как он исчез. Но это всё было ничем по сравнению с испугом, который Юта испытала сейчас.

— Корт! Корт! — Юта начала трясти мужчину, пытаясь привести в чувства.

Наконец Корт посмотрел на неё. Его взгляд начал проясняться.

— Юта?

— Корт! Слава богам! — выдохнула Юта с облегчением. — Ты вернулся!

Но мужчина лишь нахмурился и покачал головой.

— Нет, — протянул он медленно. Казалось, человеческая речь даётся ему с трудом. — Я пришёл, потому что... — Корт хмурился, силясь собрать слова в связное предложение. Он начал заново: — Я пришёл, чтобы... — Корт пожевал губами, но так и не смог закончить.

Юта попыталась сделать это за него.

— Ты пришёл, чтобы начать строить город в пещерах?

Корт отрицательно мотнул головой.

— Чтобы помочь людям? Чтобы договориться с Гвирном по поводу лиатрасцев? — гадала девушка.

— Я пришёл, чтобы увидеть тебя, — наконец закончил Корт. Он выглядел удивлённым, будто сам только что осознал сказанное.

Юта почувствовала, как в груди расплывается тепло. Дыра, зиявшая там долгие недели, словно вмиг затянулась. Но девушка заставила себя думать о деле. Ей надо узнать намерения Корта относительно людей. Надо что-то решить со строительством города. Остальное — потом.

— Но ты останешься? Ты же поможешь? Мы ждали тебя всё это время. Ты виделся с Уги? Они с Даром пытаются как-то удержать ситуацию. Но мы не могли начать строительство без тебя. Нам надо...

Корт резко закрыл рот Юты рукой. Он яростно замотал головой. Девушка замерла.

— Перестань, прошу. Я пришёл не за этим. Я ни с кем не виделся, кроме тебя. И ни с кем не увижусь. Я заночую в пустыне, а завтра утром снова отправлюсь в Лиатрас, — с трудом, делая паузы между словами, проговорил ругат.

Он устало потёр лицо руками. И Юта вдруг увидела. Только сейчас — измождённое лицо, заросшее чёрной бородой. Тёмные впадины под глазами, острые кости, выступающие под грязной, превратившейся в лохмотья одеждой. Юта пригляделась и вдруг поняла, что на КORTE одето то же, что в их последний день в городе.

Она опешила. Слова застряли в горле. Неожиданная радость сменилась волной боли. Не своей собственной, — его.

Поддавшись порыву, Юта снова крепко обняла мужчину.

— Прости меня, Корт. Прости, прости меня. Прости, — повторяла она без конца. А Корт медленно гладил её по худой спине.

Так они просидели несколько часов. Без слов, лишь крепко обнимая друг друга, боясь отпустить. Как будто стоит им разжать объятия, и в руках останется лишь пустота. Как будто они существуют только в миг, когда касаются друг друга.

— Вообще-то, я хотел кое-что рассказать тебе, — произнёс Корт тихо. Юта отстранилась и села на пол напротив мужчины.

— Я не был уверен в том, что должен беспокоить тебя этим. Но, — Корт вздохнул.

Юта взяла его за руку.

— Пожалуйста, скажи.

Корт смотрел на их руки. Он колебался. Но всё же заговорил:

— В городе я кое-что узнал. Это касается твоего кулона.

Юта непроизвольно потянулась к шее. Корт проследил за ней взглядом.

— Я подслушал разговор одного человека. Очень могущественного человека. Похоже, что он стоит в верхушке той организации, что управляет городом. Это он устроил обрушение Стены. Он говорил о том, что твой кулон — это ключ.

— Ключ? Ключ к чему?

Корт мотнул головой.

— Этого он не сказал. Но это ещё не всё. Я мало что понял из разговора, но тот человек говорил, чтобы спастись нужны какие-то тайные знания жриц.

Корт замолчал, ожидая реакции Юты. Она была растеряна.

— Не понимаю, о чём речь. Я рассказала тебе всё, что знаю. У меня нет никаких тайных знаний. Вообще никаких знаний жриц, ты же знаешь.

Корт еле заметно выдохнул и прикрыл глаза.

— Это всё? — осторожно спросила Юта.

Мужчина кивнул. Юта надолго погрузилась в раздумья. Затем спросила:

— Что собираешься делать дальше?

— Как я и сказал, вернусь в город.

— А как же мы?

Корт опустил глаза.

— Прости, но я не могу остаться.

— Тогда я пойду с тобой, — неожиданно для себя заявила Юта. — Я поговорю с Уги, — затараторила она, — он позаботится о людях. В городе мы сумеем выяснить ещё что-нибудь. Может, узнаем, что должен открывать мой кулон, если это и правда ключ.

— Нет, — отрезал Корт. — Я пришёл не за этим. Я не возьму тебя с собой.

— Но ты не можешь запретить мне! — вспыхнула Юта. — Посмотри, пришедшая планета с каждым днём застилает небо всё сильнее. Если пророчество верно, а до сих пор у нас не было повода в этом усомниться, то вскоре начнётся страшная буря. Мы должны найти оставшуюся часть пророчества. Только так мы узнаем, как нам спастись!

Но Корт остался непреклонен. Они спорили ещё какое-то время, после чего Корт, раздражённый, ушёл. Они даже не попрощались. Эта перепалка вызвала у Юты воспоминания о том, как они без конца спорили в самом начале знакомства.

Ложась отдохнуть на пару часов, Юта улыбнулась своим мыслям. Завтра утром она присоединится к Карту и отправится вместе с ним в Лиатрас.

Корт не ложился. Он сидел под барханом под наскоро натянутым пологом и рассеянно гладил Утагиру по белому брюху. Довольный зверь раскинул вверх все четыре лапы. Из его пасти доносились звуки, подозрительно напоминающие кошачье мурчание.

Впервые за очень долгое время Корт чувствовал нечто похожее на умиротворение. Он пришёл к Юте, почти не осознавая, что делает. Всё это время он жил, как во сне. В кошмарном сне. Юта оставалась его единственной связью с реальностью. Одно то, что он увиделся с ней, придало Карту сил сражаться дальше. Закончить начатое. Он был благодарен за несколько часов, проведённые рядом с ней, хоть и понимал, что это не должно повториться.

Корт услышал шаги приближающегося человека минут за пять до того, как увидел силуэт вдалеке. Он знал, что это не Юта. Но кто мог найти его здесь?

— Гвирн. — Лицо Корта скривилось в открытой неприязни.

— Я тоже крайне рад тебя видеть, — ухмыльнулся атлург.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросил Корт, возвращаясь к своему занятию. Он ковырял кинжалом-аслуром песок.

— Тебя видели в коридорах города, — был ответ.

Всё это время Утагиру крутился вокруг Корта. Он бегал по стоянке, то принохиваясь к песку, то подбегая к ругату, чтобы подсунуть ему под руку огромную голову. Но когда Гвирн приблизился, зверь тут же сел рядом с Кортом. Внимательные жёлтые глаза наблюдали за чужим человеком.

Гвирн осмотрел обоих и спокойно произнёс:

— Я знаю, зачем ты пришел. Не делай этого.

— Не понимаю, о чём ты, — ответил Корт, не глядя на противника.

— Прекрасно понимаешь, — чуть обозлённо произнёс Гвирн. — Ты пришёл за ней. Чтобы снова втянуть её в свои дела. Тебе мало гибели Леды, её ты тоже хочешь утянуть за собой на дно?

Лицо Корта на мгновение застыло каменной маской. Но спустя несколько секунд снова расслабилось.

— Я не собираюсь ни во что её втягивать. Я просто пришёл поговорить. Юта имеет право знать о том, что я нашёл.

— О, ты можешь врать мне, но ради Руга, не ври себе! Ты же не веришь в то, что узнав что-то важное, она оставит это. И оставит тебя, вновь увидев здесь. Знаешь, она только начала оправляться от того, что случилось. Вскоре она привыкнет жить без тебя. Она уже дала согласие выйти за меня замуж. — После этих слов Гвирн выдержал небольшую паузу, но Корт не проявил к словам атлурга никакого интереса.

— Без тебя ей лучше, — продолжил Гвирн, не дождавшись ответа. — С тобой её ждут только страдания и смерть. И хорошо, если это будет твоя смерть, а не её. Ты приносишь только беды и к тому же не сможешь защитить её в одиночку. Я же смогу дать ей всё, чего она будет лишена с тобой. Дом, уверенность в завтрашнем дне, спокойствие и защиту. А это, в конце концов, всё, что ей нужно. Я сделаю её счастливой. Но ты должен отступить. Отпусти её, дай жить своей жизнью.

Корт смотрел в сторону, надеясь скрыть от чересчур проницательного Гвирна своё

состояние. Когда атлург говорил, его слова больно хлестали сознание Корта, впиваясь в разум тысячами отравленных игл. Один вопрос крутился у Корта в голове: а сможет ли он отпустить её? Это оказалось труднее, чем он думал. На самом деле, это было труднее всего. После смерти Леды Корт думал, что, если он потеряет ещё и Юту, то не выдержит этого. Но в конце концов, Гвирн был прав: лучше погибнуть самому, отказавшись от последнего, что ещё держит на земле, заставляет дышать и двигаться, чем погубить её.

— Я не собираюсь мешать вам, — выдавил Корт. — В конце концов, я дал слово. Я не возьму Юту с собой.

Гвирн зло ухмыльнулся.

— Как будто она будет спрашивать разрешение. Она просто увяжется за тобой, и всё. Или ты именно этого и ждёшь?

— Я вовсе не... — начал вскипать Корт.

— Хорошо. Тогда уходи. Прямо сейчас. Не жди утра. Не жди, пока Таурис опустится. Не жди, пока она придёт. Просто уходи.

Корт отвернулся. Он безуспешно боролся со своими эмоциями. Впрочем, пусть Гвирн видит. Теперь уже всё равно.

— Хорошо, я уйду, — тихо произнёс Корт. — Я не возьму её с собой, можешь не беспокоиться.

— Надеюсь на остатки твоего благоразумия, — бросил Гвирн и зашагал обратно в сторону Утегата.

Юта спала неглубоким, беспокойным сном. Ещё до наступления Встречи Братьев её разбудил шорох, донёсшийся от входа в лурд. Едва открыв глаза, Юта тут же вспомнила вчерашний визит Корта. Может, это он пришёл за ней?

Юта спустила босые ноги на пол и направилась ко входу. Но вместо Корта она нашла Утагиру, запутавшегося в пологе. Юта помогла зверю попасть в дом и подумала о том, что это странно. Разве не должен Утагиру быть с Кортом, которого не видел столько времени? На душе стало тревожно.

— Утагиру, где Корт? Почему ты не с ним? — спрашивала Юта зверя.

Саграл вёл себя необычно. Он взволнованно бегал по дому, то и дело подбегая к Юте, то тычась ей в руку мордой, то заглядывая в глаза. Волнение зверя передалось девушке. Юта наспех накинула кофту поверх одежды, в которой спала, и вышла из дома. Увидев, что она собирается, Утагиру стрелой выбежал наружу и умчался по коридору. Выйдя из лурда, Юта заколебалась. Ей пришлось в голову сперва зайти к Корту домой. Он говорил, что заночует в пустыне, но всё же Юта решила проверить.

Быстро она добежала до лурда Корта. Внутри царило запустение. Пыль покрывала стол и аккуратно убранную перед уходом в Лиатрас куханную утварь. В углу стояла корзина с засохшим ропсом. Пахло запустением и кислым молоком. Юта немного постояла в тишине. Опустевший лурд производил гнетущее впечатление. Дом, когда-то наполненный теплом и уютom, осиротел. Теперь он был наполнен лишь болезненными воспоминаниями и безмолвными призраками.

Пока Юта стояла посередине кухни, замороженная глухой тишиной, её нашёл Утагиру. Зверь явно хотел чего-то от неё. Он беспрестанно кружил по помещению, вздымая облачка

пыли. Когда Утагиру крутился в дальнем углу, то задел кухонный приступок хвостом. Юта заметила, как что-то выпало из щели между стеной и солнечной печью.

Это оказался пергамент, сложенный вчетверо. Юта подняла его и с интересом развернула. На пожелтевшей бумаге загадочным шифром чернели символы наури. Без сомнения, перед ней был не просто пергамент. Это был свиток из тех, что содержат древние знания, относящиеся к богам. Юта видела их достаточно, чтобы понять это. Но что один из них делает у Корта дома?

Вместе со свитком был сложен ещё один лист бумаги. Он был написан современным языком. Сверив оба пергамента, было несложно понять, что современный текст является переводом с древнего.

Юта присела за стол и прочла перевод.

Пророчество Тургаса,
бога-покровителя воинов и сражений

Придут смутные дни. Странные дни. Многое повернётся и станет не тем, чем было. Чёрное — белым, день — ночью, союзник — врагом, смерть — жизнью. Многие будут искать ответов, но не будут их находить. Народу будут даны знамения. И да прочтёт их тот, кто верен заветам Тургаса.

В эти дни с небес спустится дева. Не будет она изгоем, и не будет одной из народа. Но тот, кто сделает её своей женой, проведёт народ через тёмное время.

Мужайтесь, сильные духом! Ибо слабый сгинет и растащат его кости песчаные звери. Но тем, кто следует тропой Тургаса, будут дарованы аслур, сплетённый из солнечного света, и лук с тетивой из жил саграла. Берите их и смело сражайтесь с врагами, зримыми и незримыми. Самым достойным да будет дарована победа.

Таково слово Тургаса, сильнейшего из богов, услышанное и записанное верным последователем его, чьё имя недостойно быть начертанным в свитке сём.

На этом текст заканчивался. Юта с недоумением смотрела на бумагу. Она перечитала свиток ещё дважды, и только после этого до неё начал доходить смысл.

В пророчестве говорится о ней?

Сразу множество мыслей роем ворвалось в голову. Что это значит? Как такое возможно? Как этот свиток оказался у Корта? Почему он спрятал его? Почему ничего не рассказал Юте? Что означает часть про женитьбу?

Вопросов было слишком много. Голова шла кругом, как после детской карусели. Некоторое время Юта сидела за столом, глядя на текст. Она прочитала его столько раз, что слова начали терять значение, но смысл так и не прояснился.

В какой-то момент Юту привёл в чувства Утагиру. Саграл протяжно заскулил, переминаясь с лапы на лапу у выхода из лурда. Юта решила отложить решение загадки на потом. Сперва она хотела положить свитки на место, но, подумав, забрала с собой. Корт вряд ли вернётся сюда, а оставлять такие вещи для посторонних не стоит. Юта убрала оба пергамента в карман и покинула лурд.

Убедившись, что девушка следует за ним, Утагиру перешёл на бег лёгкой рысью. С его огромными лапами, он быстро удалялся, и Юте составило труда поспевать за ним.

Минув коридоры Утегата, саграл выбежал на поверхность. Юта не была подготовлена

для прогулки по пустыне, но она не колеблясь последовала за Утагиру. По мере того, как они продвигались всё дальше, сердце Юты наполнялось тревогой сильнее. Она уже не сомневалась, что поведение Утагиру связано с Кортм. И только отбрасывала одно пугающее предположение за другим.

Спустя минут пятнадцать Утагиру остановился вдалеке. Он принюхивался к воздуху и песку, поджидая, когда Юта догонит. Ещё не дойдя до места, где бегал саграл, девушка знала: зверь привёл её на стоянку Корта. Она видела этих стоянок достаточно. Несмотря на то, что Корт почти не оставлял следов, да и место было уже прилично замечено песком, сомнений у Юты не было. Корт был здесь ещё несколько часов назад. А после собрал вещи и ушёл. И Юта понятия не имела, куда.

— Утагиру, — девушка жалобно позвала зверя. Только на него теперь была надежда. — Где Корт, Утагиру? Отведи меня к нему.

Едва Юта успела договорить, как саграл сорвался с места. Юта знала Утагиру довольно давно. И всё равно, удивительный обитатель песков постоянно находил способы поразить её. Иногда Юте казалось, что ум Утагиру едва ли уступает человеческому, — такую сообразительность он выказывал.

Юта устремилась за зверем по барханам. Большую часть времени она видела лишь его белую спину вдалеке. Но иногда, словно вспомнив, что Юта всего лишь человек, Утагиру останавливался и дожидался девушку. После чего они снова спешили вперёд, не давая себе времени даже на небольшую передышку.

Юта не знала, сколько длилась гонка. Сердце билось у самого горла. В голове мутилось, перед глазами то и дело плясали чёрные мушки. Наконец впереди показалась человеческая фигура.

Когда саграл поравнялся с Кортм, мужчина рассеянно потянулся к белоснежной макушке. Но Утагиру не дался. Он был чем-то обеспокоен. То и дело останавливался и оглядывался назад. Корт обернулся и замер. Но тут же сорвался с места и побежал к девушке, с трудом переставлявшей ноги.

Как только Корт подошёл, силы покинули Юту. Но ругат был уже рядом. Он подхватил девушку на руки и аккуратно опустил на песок.

— Глупая, что ты тут делаешь? — спросил Корт с нежностью в голосе. — Посмотри на себя: что на тебе надето?

Корт едва заметно улыбнулся.

— Я не думала, что ты уйдёшь так далеко. — Юта обеими руками вцепилась в одежду Корта. Несмотря на явные признаки солнечного удара, её голос звучал твёрдо.

На это мужчина только покачал головой.

— Пусти-ка.

Аккуратно отцепив от себя девушку, повисшую на нём как коала на дереве, Корт снял через голову хилт. Просторная накидка почти полностью укрыла тоненькую фигуру. Из заплочного мешка Корт достал бурдюк с водой.

— Пей. — Он поднёс флягу к пересохшим губам Юты. — Я отведу тебя обратно.

Но вместо того, чтобы выпить, Юта замотала головой, отвернувшись от протянутой бутылки.

— Я не вернусь. Я пойду с тобой.

Корт нахмурился, но на душе у него стало тепло. Разве не в точности это предсказывал Гвирн? Разве он сам уже не слышал эти слова в своём воображении? Наверное, ещё до того,

как пришёл в Утегат. По-своему Юта была чрезвычайно предсказуема. В этом было что-то родное и уютное. И что ему теперь делать?

— Пей. А то сознание потеряешь.

Снова мотание головой, едва виднеющейся из-под капюшона хилта.

— Нет, пока не пообещаешь больше не сбегать от меня.

— Юта, — со вздохом начал Корт, но девушка оборвала его.

— Тебе всё равно не удастся уйти. Утагиру всегда найдёт тебя и приведёт меня. Правда, Утагиру?

Услышав, что его зовут, молодой саграл боком подбежал к людям. Юта могла поклясться, что зверь улыбался. Он лизнул в лицо Корта, затем толкнулся мордой в руки Юты. После чего громко чихнул и унёсся прочь.

С этим аргументом спорить было невозможно.

Глава 3. В эпицентре

Юта сидела на кухне в полной темноте. Шторы, как и всегда, были наглухо задернуты. Единственным источником света был телефон, который лежал на столе перед девушкой. Этот телефон принадлежал не ей, и сейчас он казался единственной возможностью сделать что-то, как-то помочь. Юта не видела почти ничего вокруг. Но это было не нужно. Она слушала.

Дверь в комнату была приоткрыта. Юта сидела так, чтобы в слабом свете, пробивающемся в комнату с улицы, видеть фигуру, расплывчатую на полу. Юта видела только очертания тела. Она не могла рассмотреть, как поднимается и опадает его грудь. Всё, что она могла — внимательно слушать тихое дыхание. И думать о том, что больше так продолжаться не может.

Корт с Ютой пришли в город неделю назад. Мужчина привёл её в какой-то заброшенный дом, где обосновался раньше. Он притащил туда генератор, кое-какие продукты из магазина. Энергии хватало на то, чтобы готовить и даже изредка принять душ.

Больше ничего не происходило. Юта целыми днями сидела дома — читала книги, готовила скудные ужины из магазинных консервов. Иногда удавалось послушать радио. Это была её единственная связь с внешним миром.

Корт, наоборот, сутками пропадал в городе. Юта не знала, чем он занимается. Корт почти не говорил с ней, хоть она и пыталась расспросить. Юта пыталась узнать о делах и планах мужчины, что ещё он узнал об организации или пророчестве. Предлагала помощь, уговаривала заняться расследованием прошлого своей матери.

В ответ Корт отмалчивался. Он не желал ничего слышать. Выходить на улицу он тоже не разрешал, так что Юта оказалась заперта в четырёх стенах. Она гадала, где Корт пропадает дни и ночи напролёт. Что у него на уме, и как ей пробиться через стену, которую он выстроил между ними.

Но хуже всего было другое: не молчание и отгороженность Корта, не оказаться запертой в четырёх стенах и быть неспособной помочь ему. Самым страшным были ночи, когда он приходил домой, шатаясь, как пьяный, ничего не видя перед собой. Он ничего не говорил и не позволял приближаться к себе. Но от него не пахло спиртным. От него пахло кровью. Обычно Корт сразу шёл в душ, а иногда просто запирался на кухне и сидел там в темноте всю ночь. Из-за двери не доносилось ни звука. Иногда на следующий день она находила в ванной одежду со следами крови, хотя на КORTE не было ни царапины.

Но последней каплей стала прошлая ночь. Корт не появлялся дольше обычного. Юта беспокоилась и не могла уснуть. Она ёрзала в постели, искомкав одеяло, когда услышала за дверью какой-то шум. Девушка насторожилась. Обычно Корт отпирал дверь своим ключом, а больше придти сюда никто не мог. Разве что организация узнала о том, где они прячутся. Но если бы это произошло, они вряд ли стали бы устраивать возню за дверью, а просто вышибли её.

Девушка поднялась с постели и босиком подошла к двери. Станный шорох повторился, но в нём не было ничего угрожающего. Не было похоже и на то, чтобы кто-то пытался вскрыть замок или выломать дверь.

Юта постояла, прислонившись к двери, ещё с минуту, а затем решила. Она тихонько закрыла дверь на цепочку, после чего быстро приоткрыла её. То, что девушка увидела,

поразило её сильнее, чем если бы она увидела людей организации с пистолетами, пытающимися проникнуть в квартиру.

За дверью стоял Корт. Точнее, он тяжело привалился к стене рядом, потому что стоять мужчина, по видимости, не мог. Его одежда и даже слипшиеся чёрные волосы были в крови. Куртка на локте порвана, а штаны на коленях заляпаны в грязи. Мужчина с трудом поднял грязное, в ссадинах лицо. Он посмотрел Юте в глаза. От этого взгляда она задохнулась, как будто Корт вонзил ей в грудь острый нож. Несколько мгновений Юта не могла пошевелиться.

Опомнившись, она подбежала к Карту и помогла опереться на себя. Неизвестно, как он сумел добраться до квартиры, потому что стоять Корт не мог. Войдя внутрь, Юта всё же не удержала мужчину, и они оба повалились на пол. Ей повезло, что она оказалась сверху, иначе тяжёлое тело раздавило бы её. Девушка неловко попыталась подняться, бормоча, что сейчас принесёт воду и бинты. Но мужчина вдруг судорожно схватил её одной рукой, прижимая к себе, не давая пошевелиться. Юта замерла, боясь дышать. Мужчина молчал. Он смотрел ей в лицо. В его глазах было столько страдания, и горя, и какой-то мольбы, словно он без слов просил её о чём-то. Нет, просто умолял, кричал. И ещё ей почудилось, что под слоем боли и отчаяния, в сокровенной глубине была скрыта...

Но вдруг, так же внезапно, Корт отпустил её, почти оттолкнул от себя. Веки в изнеможении дрогнули и закрылись. Девушка подскочила и ринулась на кухню собирать аптечку, а когда вернулась Корт уже спал крепким измождённым сном. Юта понаблюдала, как медленно поднимается и опадает его грудь. Она не надеялась затащить Корта на кровать, — она не смогла удержать его, даже когда он помогал ей. Так что Юта принесла подушку, а затем укутала Корта покрывалом.

Теперь Юта сидела на кухне и через приоткрытую дверь смотрела на силуэт спящего на полу мужчины. Она думала о том, что больше так продолжаться не может.

Юта встала и, тихонько прикрыв за собой дверь, вышла из дома.

Выйдя на улицу, Юта поглубже натянула капюшон толстовки и взглянула на небо. Сквозь солнечный навес она видела лишь краешек Аттрима, быстро скрывающийся за ближайшим небоскрёбом. Тауриса вовсе не было видно за домами. Зато с другой стороны, закрывая заметную часть неба, неподвижно стояла угрожающая тень.

Планета, появление которой предсказал Бабли, надвинулась на Нибелию неожиданно быстро. С каждым днём она подходила всё ближе, отнимая у Милосердных Братьев по кусочку неба. Уже бывали часы, когда зловещая тень перекрывала то одно, то другое светило. С каждым ударом часов, с каждым биением сердца Юта ощущала, как время уходит. Время, оставшееся им для того, чтобы спасти себя и людей от гибели. Час, предсказанный в пророчестве Амальрис, приближался.

Юта повернулась в другую сторону и зашпешила по тротуарам. Ветер цепкими пальцами норовил сорвать с неё капюшон толстовки, так что Юте приходилось всё время придерживать его одной рукой. С тех пор как они с Кортом пришли в город, ветер тоже заметно окреп. Как верный союзник, он усиливался по мере того, как планета подходила к Нибелии. Они стали постоянными атрибутами жизни Лиатраса — закрывающее небо тёмное пятно, словно чернила, пролившиеся на белёсый небосвод, и нескончаемый ветер,

бросающий в лицо горсти песка.

Песок теперь был повсюду. Он покрывал тротуары и дорожные магистрали, заметал в открытые двери домов и забивался в одежду. Не делая различий, жёлтым покрывалом укутывал здания администрации и детские сады, магазины и жилые дома, заводские корпуса и больницы. Он стал приметой нового времени. Приметой разрушений и хаоса, в которые неумолимо погружался город.

Юта вывернула на одну из магистралей, ведущих к центру города. Было позднее утро, около одиннадцати часов. Атлурги называют это время «Прощание Братьев». В эти часы солнца начинают расходиться от зенита в разные стороны. Испепеляющая жара чуть отступает. Раньше в это время улицы города были полны народом. Из дверей учебных заведений вываливали студенты, ищущие, где бы перекусить. Работники выходили из офисов, чтобы отправиться по делам. Чуть остывший воздух наполнялся гулом голосов и шумом машин.

Но сейчас на улице едва можно было увидеть случайного прохожего. Люди прятались по домам, ощущая надвигающуюся беду. Машины замерли на стоянках, магазины и учреждения работали по несколько часов в день.

Снова завернув в узкие проулки, Юта почувствовала себя свободнее. Она не знала, работают ли в нынешней ситуации камеры наружного наблюдения, но всё равно, как учил Корт, инстинктивно стремилась избегать открытых пространств и больших скоплений людей.

Поэтому Юта на секунду замерла, увидев впереди небольшое столпотворение. Человек десять-пятнадцать собралось на тротуаре перед входом в какое-то учреждение. Юта быстро перешла на другую сторону улицы. До неё долетели отрывистые выкрики: «Верните людям зарплаты!» и «Мы требуем переселение!».

Так происходило по всему городу. Коллективы небольших контор и огромных заводов выходили на забастовки. Это в том случае, если они ещё не потеряли работу. Градообразующие предприятия закрывались вместе с мелкими лавчонками. Работа многих заводов была просто невозможна. В городе не было воды.

Также с каждым днём всё явственнее ощущалась нехватка продовольствия. Полки магазинов опустели. Воду можно было купить только у перекупщиков по бешеной цене. Электричество подавалось с перебоями. А в некоторых районах, например, там, где поселился Корт, его и вовсе не было.

Городские службы не работали. По всему городу то тут, то там вспыхивали беспорядки. В один из таких дней митингующие захватили здание мэрии и администрации. Но они оказались пусты. Руководство города разбежалось. Те, кто ещё не улетел с планеты, скрывались за высокими стенами частных особняков элитного района.

Город погибал. И не было на всём свете таких сил, которые могли бы это остановить.

Через полчаса Юта достигла места назначения. Привычным жестом она распахнула двери городского архива и вошла внутрь. К счастью, архив работал. Юту встретила высокая пожилая женщина, строгая и величественная. Юта сомневалась, что здесь теперь бывают посетители, но двери архива оставались открытыми, и единственная его работница, несмотря ни на что, продолжала нести свою службу. Тихой тенью она скользила между безмолвными стеллажами, словно королева в королевстве без подданных.

Она приняла у Юты запрос и вскоре без лишних слов вынесла ворох старых газет. По привычке забравшись в самый укромный дальний угол, Юта погрузилась в чтение. Она

беспрестанно хмурилась и выписывала что-то в блокнот. По мере того, как перед внутренним взором журналистки оживало прошлое, она становилась всё мрачнее. Девушка до боли закусывала губу и с усилием запускала пальцы в волосы, будто собиралась выдрать клочок. Картина, которая вырисовывалась перед ней, была до того зловещей и ужасной, что в какой-то момент у Юты не хватило сил читать дальше. Она отшвырнула от себя очередную статью и опустила голову на руки.

Юта была права. Она догадывалась о том, что происходит. О том, чем занимается в городе Корт. Но получить подтверждение своим догадкам оказалось гораздо тяжелее, чем она думала. Тот ад, через который проходил Корт — тогда и сейчас — сомкнулся вокруг неё удушающей тьмой. Юта была опустошена, она боялась. За себя и за него. Ей казалось, что она проваливается в кроличью нору отчаяния и безнадёжности.

Статьи, которые просматривала Юта, были заметками из газет шестнадцатилетней давности. Того времени, когда в городе шумело дело Корта. В другой стопке лежали газеты последних недель, когда Корт был в Лиатрасе один. Из этого периода Юту интересовали некрологи. Она выписала имена всех людей, умерших или убитых (что теперь было не редкостью) за последний месяц, и сопоставила их с теми, что фигурировали в газетах шестнадцать лет назад.

Юта нашла четыре совпадения. Четыре имени оказались связаны с делом Корта. Двое были адвокатами обвинения, один — бывший начальник Корта, и ещё полицейский, якобы задержавший его на месте преступления.

У Юты не было сомнений. Это был Корт. Точнее, это был лютый зверь, вырвавшийся из тёмных глубин души Корта. Этот зверь жаждал расплаты. Он жаждал покарать виновных в его страданиях и бедах. Он жаждал отмщения и крови.

Юта вновь и вновь перечитывала истории жизни этих людей. Сперва она не видела явной логики в выборе Кортом своих целей. Просто разные люди, так или иначе оказавшиеся вовлечёнными в дело Корта. Очередные подонки, купленные организацией. Но затем Юта наткнулась на газетную вырезку тех лет. Этот выпуск «Голоса Лиатраса» вышел уже после того, как Корт был изгнан из города, иными словами, как был приведён в исполнение его страшный «смертный приговор».

В этой статье содержался список лиц, которые были представлены к благодарности мэром города. Имена шли по порядку: два адвоката, быстро и ловко состряпавшие обвинение, на основе которого был вынесен приговор. Начальник Корта, давший показания о том, что мужчина завидовал своему коллеге, продвинувшемуся по службе дальше и без сомнения более талантливому. Затем шла фамилия полицейского, отважно, рискуя собственной жизнью, задержавшего «убийцу» на месте преступления. Была в списке представленных к награде и ещё одна фамилия — судьи, который в рекордно короткие сроки провёл дело Корта и вынес приговор.

Юта быстро нашла в телефонной книге его адрес и выписала на листок.

Она ещё сама не понимала, что собирается делать. Но оставить всё, как есть, было невозможно. Каждый день, что Корт проводил в саморазрушении, Юта теряла надежду и волю. Она жила словно в каком-то забытьи. Всё время одна, прикованная к тёмной необжитой квартире с вечно зашторенными окнами. Она проводила время в мыслях и переживаниях о Корте. Не способная помочь, отлучённая от какой-либо деятельности, Юта чувствовала, как теряет себя. Как разрушаются все её представления о справедливости и добре, мечты и надежды.

Она понимала, что оставить всё, как есть, означает потерять всё.

В этот день Юта долго не возвращалась домой. Она кружила по кварталам, тс приближаясь, то отдаляясь от дома. Иногда она терялась, не беспокоясь об этом, и инстинкты снова выводили её на знакомые улицы. Юта ни о чём не думала. Она просто вдыхала полной грудью посвежевший воздух, с любопытством смотрела по сторонам, пинала песок под ногами. Только двух вещей она избегала, — смотреть на небо и заглядывать внутрь себя.

Юта не знала, сколько времени прошло. Что-то начало смутно тревожить её. Она шла, глядя под ноги, и считала количество тротуарных плиток, которые проходила за один шаг. Но подспудное беспокойство не покидало, заставляя вынырнуть в окружающий мир.

Юта осмотрелась, пытаясь найти табличку с названием улицы, но ничего не смогла разглядеть. Мимо неё торопливым шагом прошли мужчина с женщиной. Испуганный голос женщины звучал у Юты в ушах, но она не делала усилий, чтобы разобрать слова. Когда они поравнялись с Ютой, она обратила внимание на обеспокоенный взгляд женщины. Он был устремлён куда-то вверх. Юта машинально подняла голову к небу.

Первые несколько секунд она не понимала, что видит. Небо было темно. Юта огляделась по сторонам. На улице царил полумрак. Она так долго не выходила из дома, что не представляла, насколько сильное влияние приблизившаяся планета уже оказывает на Нибелию. Юта взглянула на часы. Было около восьми вечера. Раньше это время дня Юта любила больше всего. В эти часы Аттрим и Таурис находились по разные стороны небосвода. Закатный Аттрим окрашивался в золотисто-розовый, и мир словно погружался в лёгкую дымку.

Сейчас Аттрим тоже находился низко над горизонтом. Само светило не было видно, а его свет был слишком тусклым. Таурис же, только высунувшись из-за края небоскрёбов, оказался перекрыт новым небесным телом, ставшим временным спутником Нибелии. Мир погрузился в полутьму. Для Лиатраса это было чем-то совершенно новым, непривычным, и потому пугающим.

Это заставило Юту очнуться от своего сомнамбулического состояния. Наконец ей удалось разглядеть табличку с названием улицы. Она по-прежнему ни о чём не думала, но всё её состояние переменилось. Юта не принимала никаких решений, — сердце само собой отчаянно заколотилось в груди. Из состояния полусна Юта в момент перешла в состояние лихорадочного сосредоточения. Она решительно зашагала в сторону дома, гадая, очнулся ли Корт.

Когда Юта вошла в квартиру, мужчины там не оказалось. Подушка и покрывало, которым Юта накрыла Корта вчера ночью, лежали на диване. На кухне Юта обнаружила вскрытую банку консервов. Похоже, Корт даже не разогрел еду. Вчерашняя грязная окровавленная одежда валялась в мусорном ведре.

Юту охватило нехорошее предчувствие. Куда так торопился Корт, что даже не дал себе времени оправиться от вчерашней ночи? В каком болезненно-лихорадочном, полубредовом состоянии он находится всё это время? И долго ли ещё так протянет?

Юта похолодела. Краски сошли с лица. Дрожащими руками она вытащила из тумбочки телефон, который спрятала перед выходом из дома. В течение нескольких часов Юта заставляла себя не думать и не чувствовать. Но стоило ей вернуться в реальность, как поток сдерживаемых эмоций захлестнул её. Несмотря на то, что она торопилась, тело не слушалось. На ватных ногах Юта вышла из дома, забыв запереть за собой дверь.

Судья жил в элитном благоустроенном квартале, в частном доме. Дома здесь не жались друг к другу, как в более бедных городских районах. На тихих улочках дышалось свободнее. Из-за заборов кое-где даже высывались небольшие зелёные кустики.

Юта быстро проскочила квартал, почти не встретив людей. Она нашла нужный адрес и, немного поколебавшись, просто толкнула калитку. Та податливо открылась, чуть скрипнув. Юта помрачнела и осторожна вошла. Во дворе было светло и просторно. Девушка поднялась на крыльцо, колеблясь, оттягивая момент истины. Она была уверена, что дверь также не заперта. Сердце прыгало у само горла. Крепко стиснув в кармане толстовки своё единственное оружие, Юта вошла в дом.

Она прислушалась. Тихо. Вдруг за дверью в комнату раздался громкий, звенящий напряжением голос мужчины. Этот высокий тревожный звук заставил тело Юты броситься вперёд. На раздумья не было времени. Проскочив прихожую, Юта ворвалась в просторную комнату.

Два лица повернулись на звук шагов. Расширенными от страха и волнения глазами Юта разглядывала картину, открывшуюся перед ней. Посередине комнаты стоял Корт. Чёрные волосы падали мужчине на лицо. Из-под них, как моллюски из раковин, выглядывали красные прищуренные глаза. Они смотрели на вошедшую девушку с нечеловеческой злобой. Юта чуть не отшатнулась от этого взгляда. Лицо Корта было темно. Он напоминал оцетинившегося цепного пса, готового броситься на любого, кто попадётся на глаза. Юта едва узнавала его.

Корт, кажется, не понимал, кто перед ним. Он уставился на Юту тупым злобным взглядом, в котором сквозило нетерпение и досада от того, что его прервали. Он вдруг пошатнулся, но тут же вернул себе равновесие. Рука Корта была вытянута куда-то в сторону. Юта перевела взгляд и поняла, что Корт сжимает пистолет. Оружие было направлено на ещё одного человека, находившегося в комнате.

Это был невысокий, худой, нескладный мужчина. На вид ему было лет шестьдесят. Редкие седые волосы были зачёсаны набок в тщетной попытке скрыть большую залысину. Спиной мужчина вжимался в комод. Очки в золотой оправе сползли ему на нос оттого, что мужчину била крупная дрожь. Трясущейся рукой он беспрестанно поправлял их. Его маленькие сальные глазки бегали от лица Корта к руке с пистолетом и обратно. Мужчина, очевидно, находился в состоянии шока и ужаса.

— Не надо... Помогите, — тихо всхлипнул судья, как будто у него не осталось ни сил, ни воли, чтобы крикнуть.

Корт быстро взглянул на него, затем снова на Юту. Его рука твёрдо направляла пистолет на судью.

— Корт, — едва слышно прошептала Юта, словно боялась спугнуть дикого зверя. Она не обращалась к мужчине, скорее констатировала факт, что человек, стоящий перед ней, действительно был Кортом.

Но этот тихий стон привёл Корта в чувство. Его взгляд начал проясняться. Юта видела, как в него возвращается осознанность, понимание того, что происходит и кто перед ним.

Воспользовавшись моментом, Юта рванулась вперёд. Она быстро перебежала комнату и встала перед судьёй, закрыв его собой.

Тяжело налитыми глазами Корт проследил за ней. Двигались только его глаза и слегка поворачивалась голова. Фигура Корта оставалась неподвижна. Вытянутая вперёд рука с пистолетом не шевелилась, словно существовала отдельно от Корта.

К тому моменту как Юта встала перед судьёй, Корт немного пришёл в себя. Он узнал её. Юта поняла это по тому, как ещё сильнее нахмурились его брови, а во взгляде появилось страдание, с которым в последнее время он смотрел на неё.

— Какого... — пришипел-прорычал Корт, как будто человеческая речь с трудом давалась ему.

Рука с пистолетом теперь была направлена на Юту, но девушка заметила, как едва уловимым движением Корт снял палец с курка. Юта перевела дыхание. Она не сводила с Корта напряжённого взгляда, словно между ними происходил поединок, в котором отвести глаза означало проиграть. Медленно и чётко Юта произнесла:

— Корт, хватит. Пора положить этому конец.

Ругат молчал. Он по-прежнему не двигался и смотрел на Юту исподлобья. Она могла только надеяться, что Корт понимает её слова.

— Ты должен остановиться. Я понимаю, почему ты это делаешь. Понимаю, что эти люди твои враги и, наверное, ты имеешь право на месть. Но ты должен остановиться. Не ради них, а ради себя. Потому что рано или поздно тебе попадётся невиновный. Да и сколько ещё человек ты должен убить, прежде чем насытишь свою жажду мести? Где эта черта? И где черта, за которой ты станешь не лучше них?

Корт криво и горько усмехнулся. Юта обрадовалась. По крайней мере, он её слушал.

— Что ты понимаешь в том, что я чувствую? — зло проговорил Корт. Было видно, что слова даются ему с трудом. — Ты думаешь, что знаешь меня? — Он снова усмехнулся. — Ты ничего не знаешь. Хочешь знать, почему я это делаю? Потому что я уже такой же, как они. И я никогда не был другим. Всё, что я когда-либо делал — это разрушал. Я думал, что начал новую жизнь в Утегате. Думал, что изменился. Но единственное, к чему привели все мои переживания, скитания, действия — ещё одна смерть. Это я убил её. Убил Леду.

Было бы неправдой сказать, что слова Корта не причинили Юте боль. Но она не собиралась с ним спорить. Юта понимала, что Корт верит в то, что говорит. Она пришла сюда не затем, чтобы уговаривать его. Она пришла, чтобы его остановить. Юта тряхнула головой.

— В любом случае, это должно прекратиться. Тебе придётся выбрать: я или твоя месть. И я не имею в виду, что больше не смогу быть рядом с тобой, если ты не остановишься. Потому что это не правда. Я уже видела тебя всяким, видела, как ты делаешь всякое. И до сих пор мне удавалось оправдывать тебя. Возможно, я сама уже пересекла черту и не вижу разницы между добром и злом. Или мне просто стало всё равно. Но я не думаю, что смогу оставить тебя, что бы ты ни сделал.

Я имею в виду, что тебе придётся убить меня, если ты хочешь убить этого человека. — Юта слегка обернулась, указывая на мужчину у себя за спиной. Она чувствовала его прерывистое, со свистом дыхание у себя на затылке. Но в остальном судья не издавал ни звука. Наверное, ему казалось, что про него забудут, если он будет вести себя как можно тише.

Пару секунд Корт сверлил Юту взглядом. Но затем всё же опустил оружие, как бы признавая, что она победила.

— Ты знаешь, я бы никогда этого не сделал. Но это не выход.

— Да, ты прав, это не выход. И если ты думаешь, что просто вернёшься сюда позже, когда меня здесь не будет, и закончишь начатое, то знай: я не позволю тебе это сделать. Если ты убьёшь этого человека или ещё кого-то, то я сдамся организации.

Юта вытащила из кармана руку, в которой всё это время сжимала своё единственное оружие — чёрный телефон.

Теперь уже она вытянула руку в сторону Корта, показывая ему экран. На экране была набрана эсэмэс с их координатами. Юта держала палец на кнопке отправить.

— Что ты делаешь? Чей это номер? — спросил Корт взволнованно.

— Это номер одного из членов организации. Этот телефон я нашла в машине тех, кто пытался меня убить в кафе. Я спрятала телефон у друзей, а потом забыла про него.

Юта говорила и была абсолютно спокойна. Дрожь вдруг прекратилась. Сердце мощно и ровно билось в груди. Лихорадочное волнение последних часов, дней и даже недель вдруг отпустило. Юта почувствовала себя освобождённой. Легко и твёрдо она закончила:

— Они будут здесь через несколько минут.

— Ты не сделаешь этого, — неуверенно проговорил Корт. — Это погубит всё, ради чего мы работали. Ты погубишь себя.

— Да, но что мне остаётся? Смотреть, как медленно и неумолимо убивает себя единственный дорогой человек, который остался у меня на свете? Ты думаешь, есть что-то, чего бы я не сделала, чтобы спасти тебя? — спросила Юта.

— Меня?! — Корт вдруг разразился неестественным истерическим хохотом. Он прервался так же внезапно, как и начался. — Но меня не нужно спасать! Ты спасаешь этого человека — убийцу!

— Ты ошибаешься, — спокойно ответила Юта. — Ты близок к той черте, за которой уже не будет тебя прежнего, если ещё не переступил её. Ты готов перечеркнуть всё, что сделал хорошего для народа и для меня. Всё, чем ты был. Ты готов погубить человека, которого любила Леда. Думаешь, этого она хотела? Думаешь, она не умоляла бы тебя остановиться?

— Не смей... говорить о том, чего бы она хотела! — зашипел Корт, когда Юта затронула запретную тему. — Ты не можешь этого знать!

Юта твёрдо выдержала полный злобы взгляд.

— Ошибаешься, могу. Знаешь, откуда? Потому что я тоже тебя люблю.

Корт онемел. Его зрачки расширились. Он хотел что-то сказать, но то ли не мог подобрать слов, то ли слишком растерялся. Он долго молча смотрел на Юту непроницаемым взглядом, а затем поднял пистолет и взвёл курок.

Ужасающий грохот оглушил Юту. Барабанные перепонки разрывались от грома выстрелов. Юта словно оказалась в эпицентре взрыва. На неё сыпалась штукатурка, щепки от мебели больно царапали кожу. Она ничего не видела и не понимала. Девушка закрыла уши руками и прижала голову. Несколько секунд вокруг рушился мир.

Затем всё стихло. В ушах громко звенело. Испуганно Юта обернулась и увидела выбоины от выстрелов в стене вокруг себя. Комод, возле которого стояли они с судьёй, был расстрелян в щепки. Расширенными от страха глазами Юта посмотрела на Корта.

Его глаза снова обрели синеву прозрачного сапфира. Холодным стальным взглядом Корт посмотрел на Юту, отбросил в сторону пистолет и вышел из дома.

Юта слышала, как хлопнула за ним входная дверь. Затем всё погрузилось в тишину. Судья дрожал крупной дрожью. Он всё ещё закрывал голову руками.

Ноги Юты подкосились, она рухнула на пол. Рукой она хваталась за сердце, как будто Корт прострелил его. Непрошенные горькие слёзы брызнули из глаз. Не заботясь о том, что она всё ещё находится в чужом доме, Юта тяжело разрыдалась.

Она не дала Корту убить человека. Заставила остановиться. Но почему ей всё равно казалось, что она его потеряла?

Спустя пять минут после того, как Юта, всхлипывая, вышла из дома судьи, к двери подошёл высокий мужчина. Накидка с капюшоном скрывала его с головы до ног. Движения незнакомца были плавными, обманчиво медлительными.

Дверь оставалась открыта. Чудом избежавший смерти судья ещё не оправился от шока. Он только-только отлепился от стены, на которую облакачивался, так как его не держали ноги. Невидящим взглядом судья осматривал разрушения. Его мысли метались. Мужчина пытался сообразить, должен ли он сперва позвонить в полицию или же куратору из организации. Но вместо этого мужчина пошёл на кухню. Сначала ему надо выпить.

Судья не услышал, как кто-то вошёл в дом. Он был поглощён эмоциями: страхом, гневом, недоумением. Он ничего не видел и не слышал вокруг. Судья ничего не замечал до тех пор, пока его горла не коснулось холодное и острое. Вялое тщедушное тело обхватила крепкая рука.

— Кто были эти люди? — тихо проговорил незнакомый голос в самое ухо.

Кадык мужчины судорожно дёрнулся, и лезвие ножа слегка прорезало тонкую кожу. Судья снова задрожал. Его только что перенёсшее огромный стресс сознание не желало воспринимать факт новой угрозы жизни.

— Эти люди? — вяло переспросил он.

— Да. Мужчина и женщина, что только что вышли отсюда.

— Я не знаю, кто они, — безжизненно, на автомате, ответил судья.

— Чего они хотели?

— Он ничего не сказал, — всхлипывающим, обиженным голосом отвечал судья. — Он нёс какой-то бред о деле, которое я вёл шестнадцать лет назад. О том убийце, которого я приговорил к изгнанию. Я ничего не знаю, — вдруг почти вскрикнул судья. — Он сумасшедший! Просто сумасшедший!

— Что ещё он говорил? — терпеливо выпрашивал незнакомец.

— Я не знаю! Он просто бредил! Я ничего больше не знаю! Тот человек просто какой-то псих! Я ни в чём не виноват! — вдруг невпопад закричал судья, сорвавшись на визг.

— Хорошо, хорошо, успокойся. Всё хорошо, — мерно проговорил глубокий баюкающий голос.

Хватка на теле ослабла, и судья почувствовал, как давление холодного лезвия ушло. Он хотел повернуться, чтобы посмотреть на того, кто стоял сзади. Длинный острый клинок пронзил его сердце. Высокий незнакомец совершил медленное плавное движение, и тело судьи осело у него на руках.

Незнакомец убедился в отсутствии пульса на сонной артерии, аккуратно положил тело на пол и поднялся. Он вытер свой кинжал кухонным полотенцем и неспешно прошёл по всей квартире. В комнате он поднял с пола чёрный пистолет и положил в карман. Убедившись, что ничего интересного здесь больше нет, мужчина запер за собой дверь и вышел.

Глава 4. Неожиданный гость

Прошло три дня с того момента, как Юта не дала Карту убить судью. Когда тем вечером она, сама не своя от страха и смущения, вернулась домой, Корта там не оказалось. Юта прождала до поздней ночи и уснула на диване, с дорожками от слёз на щеках. Корт вернулся лишь на следующий день. Не глядя на Юту, он прошёл на кухню и стал греметь кастрюлями. Юта украдкой присматривалась к ругату. Она боялась обнаружить новые следы ночных походов. Боялась, что Корт не послушает её и вернётся в дом судьи, чтобы закончить начатое. Но мужчина выглядел вполне нормально: ни грязи и крови, ни шатающейся походки, ни пустоты во взгляде. В конце концов Юта решила, что, возможно, Корт просто гулял всю ночь.

С этого дня мужчина перестал пропадать. Вместо этого он засел дома, днями напролёт занимаясь чтением книг. Выходил только, чтобы достать еды или воды. С Ютой не разговаривал и даже не смотрел в её сторону. И теперь девушка гадала, собирается ли Корт вообще делать хоть что-то. Без сомнения, это было лучше, чем наблюдать, как он изводит себя день за днём, теряя человеческий облик. Но и нынешнее видимое спокойствие тоже не могло обмануть Юту. Потому что она знала, что за этим кроется. И в любой момент ожидала новой бури.

Но сейчас Корт был дома. И Юта радовалась тому, что не нужно переживать, вернётся ли он этой ночью живым. Радовалась присутствию другого человека. Несмотря на отчуждённость Корта, ей было тепло и уютно в его присутствии. Рядом с ним она чувствовала себя дома.

Юта тушила жаркое из консервированной свинины и горошка. Когда Корт стал проводить время дома, Юта начала готовить. Она делала большие порции и демонстративно оставляла на столе. Корт всё съедал. Юте надо было обсудить с мужчиной быстро таявшие запасы еды, но она не решалась заговорить с ним. Поэтому Юта придумала оставить на столе записку. Она обдумывала содержание, когда в комнате раздался звон стекла.

Юта выскочила из кухни с листком бумаги в руках. Она была так напугана, что не сразу нашла взглядом Корта. По полу гостиной, раздавив маленький журнальный стол, катались два тела. Чёрные волосы мелькали вперемежку с белым. Какой-то чужой высокий мужчина подмял Корта под себя, и Юта с ужасом увидела в его руке длинный кривой кинжал-аслур.

Корт перехватил руку незнакомца и захватил его в клинч. Он почувствовал на себе взгляд Юты и сдавленно крикнул:

— Беги! Уходи!

Юта застыла на месте. Она не могла сообразить, чем помочь Карту. Как будто прочитав её мысли и поняв, что Юта не собирается бежать, Корт снова крикнул:

— Под хилтом, в ножнах!

Юта сорвалась с места. В несколько секунд она нашла аслур Корта и выдернула из ножен. Не думая об опасности, Юта протиснулась мимо двух тел и сунула кинжал Карту в руки. Незнакомец отпрянул, Корт перешёл в атаку.

Молниями сверкали в полутьме аслуры. Оба мужчины сражались виртуозно. Юта не успевала следить за стремительными движениями. Руки мелькали быстрее, чем она могла понять, что происходит. Только ей начинало казаться, что Корт побеждает, как тут же чужак изворачивался и переходил в наступление. Но как только она думала, что Корт в опасности,

как ругат наносил неожиданный удар, и уже незнакомцу приходилось отступать.

Сердце Юты то ликовало, то переставало биться от страха. Никто из противников не уступал другому в мастерстве. Мужчины тяжело дышали. Смертельный танец затягивался.

Корт в полной мере осознавал мастерство противника. Не в состоянии найти его слабых сторон, ругат осторожничал. Пятясь назад, Корт споткнулся о ножку раздавленного стола. На секунду он потерял равновесие, и чужак воспользовался этим. Время вдруг замедлило ход. Незнакомец вскинул руку с аслуром. Юта отчётливо видела, что Корт не сумеет защититься от этого удара.

Юта прыгнула вперёд, отталкивая Корта, не заботясь о том, что сама попадает под удар. Но Корт успел сгрести её одной рукой и увлёл за собой на пол. Кинжал лишь полоснул её по руке, оставив длинный порез. Корт попытался отбросить девушку в сторону, но длинная жилистая рука схватила её сзади. Юта старалась вывернуться, но чужак крепко держал её за горло. Он занёс аслур для удара.

Яркий блеск в полумраке. Корт, не помня себя, бросился на врага, но тот вдруг отскочил в сторону. Корт ошалело посмотрел на Юту, готовый увидеть неподвижное тело в крови, но Юта была цела. Она неловко сидела на полу, держась за горло и хватая ртом воздух. Корт ощутил прилив бешенства. Налитыми кровью глазами он смотрел на чужака. Сейчас он разорвёт его на части голыми руками, вырвет сердце и заставит сожрать.

Но незнакомец больше не пытался нападать. Прорезав воздух громоподобным голосом, он крикнул:

— Что это?!

Корт опешил и на секунду замешкался. Мужчина тем временем вытягивал в сторону Юты руку. Он смотрел на девушку и снова гневно крикнул:

— Откуда это у тебя?

Корт наконец пришёл в себя. Он изготовился прыгнуть на противника, как вдруг маленькая рука с силой вцепилась ему в рубашку. Корт с недоумением оглянулся на Юту. Она смотрела на чужака. Точнее, на то, что было у него в руке.

— Вы знаете, что это? — хриплым, но недрогнувшим голосом спросила Юта.

— А ты знаешь, что это? — ответил вопросом на вопрос мужчина.

— Какого черта?! — вмешался в неожиданно начавшийся разговор Корт. — Юта! Этот человек пытался тебя убить! Какого Руга ты с ним говоришь?

— Он не один из организации, — спокойно ответила девушка.

— Отку... — начал Корт.

— Посмотри, он сражается кинжалом-аслуром. Если он из организации, почему он один, и почему у него нет огнестрельного оружия?

— Кто ты? — сильно изменившимся голосом спросил мужчина у Юты.

— Я — Юталиэн Дэл. А вы кто?

Корта сильно раздражал начавшийся между этими двумя диалог. Он всё ещё горел жаром схватки. В его голове продолжали крутиться картинки того, как он режет мерзавца на лоскуты.

— Я — Джар. Хранитель.

Незнакомец выжидательно смотрел на Юту, но реакции на его слова не последовало. Тогда он спросил:

— Ты — дочь Риги?

Юта кивнула. Одну руку она сжала в кулачок и неосознанно прижала к сердцу.

Неожиданно мужчина широко улыбнулся.

— Я узнал тебя. Ты как две капли воды похожа на отца.

Спустя десять минут они сидели в гостиной. Юта с Кортом на диване, Джар вольготнее расположился в кресле. Все трое держали в руках чашки с чаем, — поставить их было некуда. Журнальный столик был уничтожен и кучкой сложен в углу.

Напряжение немного спало, хотя Корт всё ещё смотрел на чужака исподлобья и сидел вплотную к Юте, как будто приклеился к ней.

Джар был высоким худощавым мужчиной неопределённых пожилых лет. Длинные седые волосы были завязаны в хвост. Лицо обрамляла короткая щетина. Длинная накидка полностью скрывала тело. У Джара были пронизательные карие глаза, выражение которых вмиг менялось от угрожающего к дружелюбному и обратно. Когда мужчина улыбался, его крепкие белые зубы сверкали, как у кинозвезды, а в уголках глаз собирались гусиные лапки морщинок. В остальном его лицо было гладким, как у двадцатилетнего юноши.

Юта с любопытством рассматривала нового знакомого. Он спокойно дал насмотреться на себя и, отхлебнув чая, произнёс:

— До сих пор не могу поверить, что передо мной последняя жрица. — Он довольно улыбнулся и покачал головой. — Последняя хранительница пророчества. Наше спасение!

Юта недоумённо переглянулась с Кортом.

— Значит, ты знаешь про пророчество?

Джар немного напрягся. Его поза чуть переменялась. Корт тоже собрался. Он внимательно следил за подозрительным типом.

— Я же сказал, что я — Хранитель, — напирая на последнее слово, отчеканил мужчина.

Юта казалась ещё более растерянной.

— Но я не знаю, что это значит... — и тут же, сообразив, быстро добавила: — Я не успела пройти посвящение. Мама погибла до того, как смогла рассказать мне обо всём этом. У меня есть лишь какие-то обрывочные знания, которые мы с Кортом смогли найти за последний год.

Джар нахмурился, задумчиво почёсывая бороду. Его фигура снова расслабилась.

— Тогда давай начнём сначала. Я — Джар, твой Хранитель. И я расскажу тебе всё, что знаю.

История, рассказанная Джаром, Хранителем

Когда-то давно в песчаных гатах существовал культ загадочной богини. Имя ей было Амальрис, и стихия её была Тьма. Культ этой богини был тайным. В него были посвящены лишь её жрицы. Много веков народ жил в почитании Амальрис и в уважении к её жрицам.

Но несколько столетий назад разразилась большая война между кланами атлургов. Кто-то оклеветал жриц. Их стали притеснять. Оставаться в песчаных городах стало небезопасно.

Тогда гурнас решил спрятать их в далёком Городе-за-Стеной. Им казалось, что там у них больше шансов затеряться и сохранить свои знания до времени. Для этого гурнас выбрал первого Хранителя. Именно этот человек впервые добрался из города атлургов в Лиатрас.

Хранитель организовал бегство жриц и помог им спрятаться в Вечном Городе. Он

нашёл им жильё и работу, обучил всему. Научил красить волосы и отбеливать кожу. Носить линзы, меняющие цвет глаз. Помог адаптироваться.

Юта, уже некоторое время ёрзавшая на диване, не выдержала и прервала Джара:

— Так кто такие Хранители? Чем они занимаются?

— И много ли знают? — закончил за неё с улыбкой Джар.

— Предназначение Хранителей — охранять жриц и их тайны. В каждое поколение жриц существует всего один Хранитель. Мне передал это звание мой отец. Но оно не обязательно наследственное. Иногда Хранители берут в ученики людей со стороны.

Проще говоря, Хранитель — это человек, который стоит на стороне народа, хоть и живёт в Вечном Городе. Мы не располагаем знаниями жриц, — ответил Джар на невысказанный вопрос Юты. — Хранить тайны богини — ваше предназначение. Наше — всего лишь охранять вас и помогать во всём.

Джар немного подумал и вернулся к рассказу.

— На протяжении долгих столетий в Лиатрасе было безопасно. Пока пятнадцать лет назад правители города не узнали о жрицах. Возможно, кто-то предал их. Возможно, кто-то из жриц доверил свою тайну не тому человеку. В конце концов, жрицы тоже люди. У них есть семьи, близкие люди. А всю жизнь хранить ото всех такие тайны совсем не просто.

Тогда для нас и начался настоящий кошмар. Жриц находили одну за другой. Как бы я ни прятал их, организация рано или поздно дотянулась до всех. Возможно, одна из жриц предала сестёр. И правителям стали известны имена каждой из них. Я до сих пор не знаю правды.

Мы всегда знали о том, что городом правит тайная секта потомков народа. В них всегда было что-то зловещее. Но мы не понимали, чего они хотят, почему прячутся, куда ведут или к чему готовят город. Лишь пятнадцать лет назад их жуткие планы начали потихоньку раскрываться.

— Чего они хотят? — снова вклинилась Юта в рассказ. Она раскраснелась от волнения и без остановки теребила мамин кулон. После недолгой схватки её длинные волосы растрепались и волнами спадали по плечам, щекоча татуировки Корта.

— Учитывая, что они знают о пророчестве, возможно, они просто хотят спастись.

— Но почему они обрекли всех жителей города на гибель?! — воскликнула Юта с наивным отчаянием.

Джар не нашёлся с ответом. Он развёл руками.

— Потому что им плевать на всех, кроме себя. Жизни людей для них ничего не значат, — мрачно проговорил Корт.

Но больше, чем слова, его тихий, скорбный голос ответил Юте на вопрос. Был ли на свете хоть кто-то, кто потерял из-за организации больше, чем он? Да, Юта потеряла родителей. И Бабли. И тоже, как и Корт, потеряла дом и прежнюю жизнь. Но Корт потерял гораздо больше. Он потерял любовь, надежду и веру в себя и людей.

Помолчали. Корт напряжённо смотрел в пространство перед собой. Джар тоже задумался. Внезапно Хранитель встрепенулся.

— Но ещё не всё потеряно. — Мужчина выпрямился. Он завозился под своей бесформенной накидкой, а затем выпростал руку с кожаным тубусом.

— Не думал, что снова смогу передать его кому-то. — Джар усмехнулся, и Юта не поняла, чего в этом было больше, — радости или горечи. Он протянул тубус Юте, и ей показалось, что крепкая рука по-старчески дрогнула. — Вот. Его передала мне твоя мать,

Рига, когда поняла, что ей не уйти от преследователей.

Джар чуть помедлил, прежде чем выпустить тубус из рук. Как только Юта ощутила тепло кожи, нагретой телом Джара, её пробрала дрожь волнения. Руки вдруг перестали слушаться. Карту пришлось легонько толкнуть её плечом, ободряя. Только после этого, пытаясь скрыть дрожь, Юта откупорила футляр и осторожно, как величайшую драгоценность, извлекла из него свиток.

Знакомые символы привычно струились по странице. Некоторые из них Юта даже могла узнать, ведь она не раз и не два видела пророчество. Но видеть — не значит понимать.

Юта вопросительно посмотрела на Джара. Кажется, он понял её проблему. Ведь если девушка не успела пройти посвящение, то и языка наури знать не может. Джар вмиг помрачнел. Его взгляд заволокло словно грозовой тучей.

— Я не знаю языка наури. Я не могу прочесть его, — с еле заметной дрожью в голосе ответил Хранитель. По мере того, как Джар осознавал ситуацию, его лоб прорезали глубокие морщины.

Корт вскинул брови в удивлении, и это не укрылось от мужчины.

— Никто из Хранителей никогда не знал, — объяснил он. — Жрицы единственные в этом городе, кто может прочесть пророчество. Это было сделано для сохранности знаний.

Корт ухмыльнулся и протянул руку. Джар молниеносно накрыл свиток ладонью. Это было неосознанное, инстинктивное движение человека, привыкшего всю жизнь охранять тайны. Наученного сперва действовать, а затем думать. К тому же, между двумя мужчинами ещё присутствовало недоверие. Юта быстро вмешалась:

— Джар, ты можешь полностью доверять Карту. Он знает то же, что и я. Мы выяснили всё вместе. И Корт единственный, кто может прочесть, что там сказано.

Некоторое время Джар не двигался. Он сверлил Корта взглядом и, видимо, раздумывал о том, что ему делать. Но в конце концов решился. С явной неохотой Хранитель убрал руку, и Корт смог забрать свиток.

Мужчина аккуратно развернул пергамент на коленях. Юта жадно впиалась глазами в символы, как будто могла постичь их смысл. Несколько секунд Корт молчал, водя глазами по строкам. Затем прокашлялся и громко прочитал:

— «Настанет день, и небо будет ронять на землю огненные слёзы. Время повернёт вспять, отсчитывая дни до смерти всего живого. Придут неурожаи, звери и птицы перестанут плодиться, а народ поднимется враждой друг на друга, брат на брата и муж на жену. Могучий Руг восстанет с края песков и поглотит Небесных Братьев. Придёт Великая Буря, которая продлится сорок дней и сорок ночей, и не останется на земле ничего живого.

Только истинный народ сможет спастись, когда, — Корт чуть запнулся, — вернётся туда, откуда пришёл. Потери обернутся находками. Тьма — светом. Кровь обернётся водой.

Великая Амальрис соберёт детей Канора вместе и укажет истинный путь».

— Что это значит? — взволнованно спросила Юта. Она придвинулась к самому краю дивана.

— Я думаю, речь идёт о Городе Богов, — ответил Джар. Его брови хмурились. Он усиленно о чём-то размышлял.

Корт не вмешивался в разговор. Между этими двумя сразу установилась какая-то невидимая связь, и Корт с раздражением ощущал себя третьим лишним.

— О Городе Богов? Но разве это не мифическое место из сказок атлургов? — удивлённо вскинула Юта брови.

— Может, и нет, — рассеянно ответил Джар. Он отвечал на вопросы автоматически. Было видно, что Хранитель думает о чём-то своём. — Теперь всё становится на места. Теперь ясно, зачем организации понадобились жрицы!

Юта и Корт молчали, ожидая продолжения. Видя их недоумённые лица, Джар принялся разъяснять:

— Они ищут Город Богов. Однажды я укрывал у себя двух жриц и случайно услышал то, что не предназначалось для моих ушей. Они говорили о том, что кулон жриц, — Джар кивнул на грудь Юты, — на самом деле является ключом к Затерянному Городу. Более того, как я понял из их слов, вход в него может открыть только жрица Амальрис.

Джар горько усмехнулся.

— Дураки. Они и не подозревают, что убив всех жриц, отрезали для себя путь к спасению.

Юте понадобилось время, чтобы переварить услышанное. Она долго двигала бровями и что-то бормотала, видимо, даже не осознавая, что Корт с Джаром её слышат. Наконец девушка испытующе посмотрела на своего Хранителя и проговорила:

— Предположим, что это так. И спасение в том, чтобы вернуться в Город Богов. Но тут не сказано, как его найти.

Джар устало покачал головой. Он как-то весь сдулся, как будто возраст разом взял своё.

— Прости, но об этом я ничего не знаю. Я лишь храню жриц. Жрицы хранят знания.

Юта хотела что-то сказать. Хотела предложить какое-то решение, выход. Больше всего на свете она хотела ободрить мужчин, сказать, что не всё потеряно, что она знает, что делать дальше. Но она не могла ничего предложить. У неё не было ответов. Это был тупик. И все трое понимали это.

Корт поднялся, выведя Юту из раздумий. Он не смотрел ни на девушку, ни на Джара.

— Вечереет. Нам всем надо отдохнуть.

— Надо уходить отсюда, — возразил Джар. — Если я смог вас найти, то найдёт и организация. — Он глянул на Корта. — Ты изрядно наследил.

— Сперва мы отдохнём, потом всё остальное, — непреклонным голосом ответил Корт. — Твою царاپину надо промыть и перевязать, — ругат кивнул на руку Юты, которую ранил Джар. За разговорами Юта совершенно забыла про неё, — кровь давно перестала идти. — Потом мы подумаем, что делать дальше.

— Пришли. — Джар остановился и указал на здание впереди.

Корт с сомнением осмотрел дом. Это была недостроенная многоэтажка в одном из новых районов на окраине города. Голая бетонная коробка поднималась на высоту шести этажей. Крыши не было. Провалы окон зияли чернотой и неприветливостью. От серых стен несло запусением и пылью.

Корт обернулся на Юту и нахмурился. Джар тоже оглянулся на девушку и слегка пожав плечами произнёс:

— Пока ничего другого нет. Пересидите здесь пару ночей, а я за это время найду что-нибудь получше.

Корт открыл рот, чтобы возразить, но Юта решительно прошагала мимо мужчин ко входу. Корт вздохнул и поплёлся следом.

Внутри строение было не более приветливым, чем снаружи. Строительный мусор валялся кучами под ногами. Затхлый воздух забивал нос. При каждом шаге в воздух вздымались облака удушливой пыли. Юта расчихалась.

— Тут не помешало бы прибраться, — пробурчала девушка себе под нос, пока они поднимались по лестнице вверх.

Корт быстро обежал постройку и решил расположиться на пятом этаже. Перекрытие последнего, шестого этажа, служило здесь крышей. А из окна можно было наблюдать за грунтовой дорогой, подходящей к дому.

— Плохое место, — проворчал Корт, как бы ни к кому не обращаясь, — выход легко заблокировать. К тому же дом напротив перекрывает обзор. Можно подойти незамеченным.

— Всё равно это лучше, чем оставаться на прошлом месте, — равнодушно заметил Джар. — Ты сильно наследил. Удивляюсь, как мне удалось добраться до вас раньше организации.

Юта закатила глаза. Ну почему мужчины всё время спорят друг с другом?

— Джар прав, — встала она на сторону Хранителя. — К тому же это всего лишь на пару дней. Если так безопаснее, то я не против.

— Ладно, — махнул Корт на них рукой, — будем обустриваться.

На этот раз оба заплечных мешка Корта и Юты были набиты битком. Джара тоже заставили нести поклажу, хоть он и сопротивлялся. По словам Хранителя, его руки должны быть свободны на случай, если придётся защищать Юту. На что Корт просто всучил ему рюкзак.

Корт не знал, где придётся ночевать, поэтому кроме того, что обычно составляло его скарб, захватил также электрическую плитку, запасы провизии и воды, одеяла, некоторую кухонную утварь. И очень сокрушался, что пришлось оставить тяжёлый аккумулятор, который раньше давал им электричество для готовки.

Действительно, в бетонном коробе, который на время стал им домом, электричества не было, так что ужинать пришлось холодными консервами. А вместо чая была вода из бутылки с сухим печеньем.

Джар отлучился на время «по срочным делам», но обещал к ночи вернуться, чтобы сменить Корта в дозоре. Мужчины собирались караулить всю ночь. Очевидно, что охранять они собирались её. Вот и сейчас Корт сидел у окна, наблюдая за дорогой.

Юта свернулась на одеяле у стены. Бетонный пол холодил, несмотря на жаркий воздух. Девушка подтянула к себе колени и положила на них голову. За окном, через голову Корта, она видела небо, — бледно-голубое и лиловое. С тех пор, как из-за края песков вышла новая планета и стала частично заслонять то одно, то другое солнце, небо обрело цвет. Оно больше не было однотонно-белёсым. Теперь небо разукрашивалось в пастельные тона голубого, розового, золотого цвета. Будто на молочно-белый холст пролился стакан с водой от акварельных красок.

Юта посмотрела на чернеющий на фоне неба профиль Корта. Словно грубо обтёсанный скульптором профиль героя древности. Мужчина почувствовал её взгляд и вопросительно обернулся, но ничего не сказал. Лишь задержал на Юте взгляд дольше обычного. Его глаза скользнули по её распущенным волосам и съёжившейся фигуре.

В хаосе последних дней Юта совсем потерялась. Она не понимала, что происходит вокруг: с этим миром, с ней, с ними с Кортом. И даже перестала задумываться. Всё было так сложно и так странно, что Юта бросила попытки разобраться хоть в чём-нибудь.

Ощущение реальности ускользало. Юте казалось, что все события происходят не с ней, а с кем-то другим. Может быть, с героиней какой-то книги или фильма. А она просто зритель. Сидит в тепле и уюте глубокого кресла у себя дома и с интересом наблюдает.

Единственное, что оставалось реальным в круговерти дней и событий, — был Корт. Он был живым и настоящим, из плоти и крови, а не эфемерной картинкой на воображаемом экране её жизни. Рядом с ним звуки были громче и острее, цвета обретали глубину, а ощущения становились грубо-материальными и принадлежали ей, а не персонажу, за которым она с любопытством следила.

— Джар идёт, — сказал Корт, не поворачиваясь.

Хранитель принёс ещё одеял и — о чудо! — горячий чай в термосе. Кажется, несмотря на свою непреклонность, он чувствовал себя виноватым за то, что Юте с Кортом придётся провести несколько дней в таких условиях.

— Я разузнал насчёт одного заброшенного дома неподалёку, — сказал Джар, пока Юта разливала чай. — Завтра надо будет съездить на место проверить, что там и как.

— Мне надо самому посмотреть, — нахмурился Корт. Он не стеснялся демонстрировать, что не доверяет Хранителю в том, что касается безопасности.

Джар пожал плечами.

— Не возражаю. Тогда я сам присмотрю за Юталиэн в твоё отсутствие.

Юта закатила глаза.

— Слушайте, перестаньте вести себя так, будто я...

Корт и Джар вскочили одновременно. Может быть, ругат на долю секунды раньше. Корт задел термос, и он опрокинулся. Бурая жидкость потекла по бетону.

Сердце Юты успело пропустить несколько ударов, как всё задвигалось. Корт рванул к ремню с португеей. В обеих руках Джара блеснуло по кинжалу-аслуру. Юта вскочила на ноги. Ей не надо было говорить, что их нашли. Она видела это по злой решимости во взгляде Корта.

— Надо спуститься вниз, — сказал Джар.

Корт прислушивался. Он метнул нож прежде, чем из проёма появилась человеческая фигура. Мужчина вскрикнул и скрылся обратно, зажимая плечо.

— Поздно, — констатировал Корт.

Они с Джаром не сговариваясь задвинули Юту себе за спину и встали плечом к плечу. Спрятаться в пустом помещении было негде. Бежать некуда.

Корт снова метнул нож, но на этот раз он отскочил от высокого щита. Прикрываясь защитой, из дверного проёма серой волной хлынули люди. Сплошная стена из щитов колыхалась подобно водной глади. Блестящая поверхность отражала солнечные блики и бросала в глаза троим загнанным людям.

Юта до крови прикусила губу и схватила Корта за кофту сзади. Она ждала уже знакомого грохота автоматных очередей, понимая, что это будет последним, что она услышит. Трое замерли, но звуков выстрелов по-прежнему не было.

Бойцы организации наступали уверенно и бесшумно. Лица за шлемами были неразличимы. Со всех сторон посыпались удары ножей и дубинок. Юта удивилась. Такой тактики она раньше не видела. Может, это не люди правителей? Но тогда кто же?

Сперва «серые» пытались достать Корта с Джаром с расстояния, но это оказалось бесполезно. В какой-то момент Корт сам сократил дистанцию и нанёс быстрый удар. Аслур скользнул по защите бойца и ушёл в сторону. Завязалась схватка.

Юта видела не очень много из-за спин своих защитников. Но она быстро поняла, что в рукопашной схватке мастерство Корта и Джара во много раз превосходило бойцов организации. Они валялись направо и налево. Пол был уже изрядно забрызган кровью. Зато их было много. Очень много. Почему же они не стреляют?

Корт как будто слышал мысли Юты. Он крикнул:

— Они хотят взять её живой, поэтому не стреляют. Боятся задеть.

— Это наш шанс, — тут же ответил Джар. — Надо попытаться пробиться вниз. На узкой лестнице у нас будет преимущество.

— Хорошо! Поднажмём!

Мужчины с остервенением бросились на врагов. Они рубили с такой силой и мощью, что ряды бойцов организации дрогнули. Руки Джара мелькали, как крылья мельницы, на концах которой сверкали две смертоносные молнии.

Корт сам двигался, словно молния. Кажется, он ни на шаг не отходил от Юты, но в то же время то и дело врубался в ряды противников. Его стиль был узнаваем. Он не раз поражал Юту своей красотой и силой. Когда плавные и изящные движения, скорее похожие на танец, в мгновение ока переходили в смертоносный вихрь. Стремительный и непредсказуемый. Не оставляющий противнику ни шанса.

В какой-то момент серые просто испугались. Юта поняла это по беспорядочному отступлению. Они бросали раненых бойцов, даже не пытаясь вытащить их. Корт с Джаром продолжали медленно давить. Они вышли на лестничную площадку и продолжили теснить «Серый отряд» вниз по ступеням.

Юта видела мокрую от пота спину и затылок Корта. Джар тяжело дышал. Должно быть, сражение давалось ему не легко. Юта вообще удивлялась, насколько Хранитель проворен и силён. Хотя с виду казался худым, почти тощим, и никакой особенной силы не обнаруживал.

Оскальзываясь в крови, Юта медленно спускалась по ступеням вслед за мужчинами. В какой-то момент, поняв, что они просто бессмысленно теряют людей, бойцы организации отступили. Схватив Юту за руку Корт поспешно потащил её вниз. Ругат сжимал её пальцы с такой силой, что они занемели, но Корт, очевидно, не чувствовал этого.

Им удалось добраться до третьего этажа, когда противники перегруппировались и снова начали наступать. Было похоже, что в бой вступили другие, свежие бойцы. Прорываться дальше стало невозможно.

— Сюда! — Корт втолкнул Юту на третий этаж.

Мужчины уже давно не разговаривали между собой. Сил больше не было.

— Окружить! Разделить их! — доносились до Юты приказы.

Она видела, как тяжело опускаются и поднимаются плечи Корта. Движения Джара уже не были так стремительны и точны. Он экономил силы, рассчитывал удары, и всё равно всё чаще они не достигали цели. Юта оглянулась в поисках выхода или хоть какой-то помощи. Но здесь их положение было даже хуже, чем на пятом этаже. Пол был частично не достроен. Между перекрытиями зияли провалы. Отступить было решительно некуда.

Корт с Джаром тоже видели это. В движениях Корта появилось какое-то отчаяние. Будто вера в свои силы покинула его. Его стиль боя стал более прямолинейным. Он тоже экономил силы и медлил, возможно, раздумывая.

Серым удалось обступить их с трёх сторон. У Юты в голове было пусто, как в бездонной пропасти. Только звучал в ушах лязг металла. Да ещё хриплое дыхание Корта, словно метроном, отсчитывало для неё секунды жизни.

Юта не думала о том, что с ней будет, если её схватят или убьют. Все её мысли и чувства прерывались на том, что может погибнуть Корт. После этого не было ничего. На этом мир заканчивал своё существование. Если бы она могла закрыть Корта своим телом, как щитом! Но из этого ничего не выйдет — её просто схватят, а мужчин убьют.

Корт обернулся, чтобы посмотреть на неё. И Юта поняла. Корт не хотел взглянуть, как у неё дела или что-то сказать. Он просто хотел *посмотреть ей в глаза*. И Юта осознала, что очень скоро всё будет кончено.

Чуть отвлёкшись на этот короткий взгляд, Корт пропустил удар. Он сумел увести руку противника вниз, но нож вошёл ему в бедро. Корт взревел. Джар среагировал. Змейёй скользнул «серому» под руку, и тот упал. Из ноги Корта торчала рукоять ножа. Кровь моментально залила штанину, отчего та почернела и разбухла. Корт вернул себе равновесие и молча продолжил сражаться.

С этого момента ход боя переменился. Возможно, из-за шока и адреналина Корт не чувствовал боли, но нога стала отказывать. Мужчина сильно хромал. Во время очередного выпада раненая нога подвела его и подвернулась. Корт чуть не завалился набок, чудом отбив удар. Его стали оттеснять от Джара с Ютой. Мельком глянув на Корта, Джар задвинул Юту себе за спину.

— Нет! Помоги ему! — крикнула Юта с отчаянием.

Хранитель не ответил. Воздух выходил у него из лёгких с хрипами. Юта не отводила обезумевшего взгляда от Корта.

Двое бойцов прижали его к провалу. Они сражались на самом краю.

— Не делай глупостей! Ему не помочь! — прохрипел Джар.

— Ты должен помочь ему! Должен! А иначе я...

Юта не договорила. Ужасный крик разорвал воздух, когда, отбиваясь от противников, нога Корта снова подвернулась. Он сделал шаг назад, но там уже разинул чёрную пасть провал в полу. Корт не удержал равновесия и, лишь раз взмахнув руками, рухнул вниз.

Крик всё продолжался. Джар обернулся. По тому, как он смотрел на неё, Юта поняла: кричал не Корт. Кричала она. Без единой мысли в голове, Юта выскочила из-за спины Джара и ринулась к провалу. Увидеть. Увидеть его во что бы то ни стало. Ей наперерез кинулись два бойца. Те самые, из-за которых Корт упал.

Нет! Увидеть его! Но ей не дали добежать до края и заглянуть вниз. Ей не хватило совсем чуть-чуть. Не замечая ничего кругом, Юта продолжала рваться вперёд. Голову пронзила боль. Её оглушило. Мир быстро схлопывался. Заваливаясь набок, уже теряя сознание, Юта увидела высокую худую фигуру в длинной накидке, выпрыгивающую из окна.

Глава 5. В плену боли

Юта очнулась рывком — от боли. Это было похоже на возвращение из небытия — глухого и липкого, державшего её разум цепкими пальцами. Юта с трудом открыла опухшие глаза и посмотрела вверх. Она была подвешена за руки на длинный крюк, свисавший с потолка, словно туша для разделки.

Руки были туго перетянуты верёвкой. Грубая бечёвка врезалась в тонкие запястья, обдирая кожу. Как будто в них каждую секунду вонзались раскалённые ножи. Боль пульсировала и растекалась по рукам вниз. Терпеть было почти невозможно. Кончиками пальцев ног Юта едва могла касаться пола. Не достаточно, чтобы опереться. Не достаточно, чтобы снять хоть часть нагрузки с рук. Это было пыткой.

Другие источники боли — тупая боль в голове, мешавшая думать, и боль затёкшего тела, ходившая вверх-вниз волнами — ощущались приглушённо, как через ватное одеяло.

Юта разлепила потрескавшиеся от жажды губы и простонала:

— Есть тут кто-нибудь? От... отпустите меня.

На глаза наворачивались слёзы. Юта попыталась развернуться вокруг собственной оси и осмотреться. От этого движения запястья ожгло так, словно их прижгли раскалённой кочергой. По предплечью потекла кровь.

Зрение наконец прояснилось. Юта находилась в небольшой комнате без окон и мебели. Выкрашенные белой краской стены и тяжёлая железная дверь напротив. С потолка на длинном шнуре свисала одинокая тусклая лампочка.

Юта была одна, и единственным звуком было её собственное прерывистое дыхание. Юта подумала про Корта. Эта мысль пришла сама собой, как утренний свет, — первое, что видишь после пробуждения. Она была естественна, как биение сердца, как ток крови по жилам.

И тут же новая боль охватила всё тело, распространяясь из груди. Боль воспоминания о том, что случилось прежде, чем её схватили. Юта задохнулась. Слёзы хлынули из глаз, прочерчивая на грязных щеках серебряные дорожки. Физическая боль смешивалась с душевной, словно две могучие реки встретились, чтобы объединить свои воды. Подхваченную их водоворотом, Юту крутило и швыряло об острые скалы. Затем мутные воды утянули её в глубину, и Юта отключилась.

Снова очнулась она от того, что кто-то бил её по щекам. Юта чувствовала это и хотела открыть глаза, но тело не слушалось. Она пребывала на грани сознания и забытья. Потом в лицо плеснули холодной водой. Это не было неприятно. Наоборот, иссушенными от жажды губами Юта потянулась к влаге. Это заставило её тело содрогнуться и наконец прийти в себя.

— Хочешь пить? — спросил мужской голос. — Дай ей.

Чьи-то руки поднесли к губам чашку. Проливая половину на себя, Юта жадно глотала холодную сладкую воду.

Шаги зазвучали по комнате, отдаваясь эхом от стен. Или это так гудело у неё в голове? Тот же сильный голос сказал:

— Оставь нас.

Дверь хлопнула. Кто-то вышел. Юта с усилием раскрыла слипшиеся от слёз веки.

— Кто вы? Где Корт? — прохрипела она, не узнавая собственный голос.

— Твои друзья мертвы, — ответил мужчина. — Здесь только мы. Ты и я, Юталиэн.

Юта напряглась, стараясь сосредоточить взгляд на человеке, стоявшем перед ней.

Это был немолодой мужчина с мощным широким телосложением. В том возрасте, когда человек уже набрался опыта и мудрости, знаний и уверенности в себе, но ещё достаточно крепок и здоров. Когда наивность и глупость молодости уже остались в прошлом, но силы и желание что-то делать ещё не ушли.

Лицо мужчины было бледным, никогда не знавшим солнечного света. Полностью седые, серебрёные временем волосы были пострижены коротко и стояли на голове ёжиком.

На нём был дорогой костюм от «Братьев Брит» и золотые часы, усеянные бриллиантами. Вживую Юта видела такие всего однажды, когда присутствовала на пресс-конференции руководителя лиатрасского банка. На указательном пальце правой руки блестел массивный золотой перстень.

Но наибольшее впечатление производила аура, исходившая от старика, — аура человека, облечённого большой властью. Она окружала его словно аромат дорогих духов, словно напряжение в воздухе перед грозой. Юте приходилось встречаться со многими «сильными мира сего». Но такого мощного запаха власти она не ощущала ещё никогда.

Все эти детали промелькнули перед цепким журналистским взором по привычке, без какого-либо усилия. Соображать Юта была не способна. К этому моменту у неё затекло и болело не только всё тело от кончиков пальцев до кончиков волос, но и само сознание, и даже вяло текущие мысли.

— Кто вы? — повторила вопрос Юта, просто потому что ничего другого не приходило в голову. По сути ей было всё равно.

— Меня зовут Вандегрид Амарис Лефтвангер. Я тот, кто правит этим городом.

С усилием Юта посмотрела ему в глаза, — серые, со странным блеском в глубине. Будто на дне колодца поблёскивает осколок стекла.

— Чего вы хотите? — спросила журналистка.

Вандегрид посмотрел на неё долгим холодным взглядом, который Юта с трудом выдержала.

— Мне нужны твои знания, Юталиэн. Мне нужно, чтобы ты отвела меня в Город Богов.

— Я понятия не имею, как попасть в Город Богов, — с мрачным злорадством ответила девушка. — Вы попусту тратите время. Лучше сразу убейте меня.

Вандегрид изменился в лице. Его взгляд вдруг стал пустым, мёртвым. Он шагнул к ней. Юта напряглась. Он поднял руку и нежно погладил её по щеке.

— Раньше я бы так и сделал, — тихо, почти ласково ответил истинный правитель города. — Но я убил всех жриц. Насколько мне известно, ты осталась последней. А потому только ты можешь дать то, что мне нужно. И ты мне это дашь.

Правитель перевёл взгляд Юте на грудь. Его глаза резко сузились, в них появилось хищное торжество. Он медленно провёл рукой по её скуле, опустил ниже, тронул шею, тонкие ключицы. Юта отвернулась. Пальцы Вандегрида были холодными, словно кожа змеи. От каждого прикосновения её прошибало, как током.

Он запустил пальцы за край футболки и вытащил кулон.

— Не трогайте! — закричала Юта, когда до неё дошло, что происходит.

Вандегрид никак не отреагировал. Он смотрел на кулон вождедеющим взглядом, как будто видел перед собой самую желанную в мире женщину. Он любовно гладил кулон пальцами, а потом вдруг дёрнул цепочку. Она оборвалась. Мамина подвеска осталась в его

пальцах.

— Нет! — снова беспомощно крикнула Юта. — Отдайте!

Она понимала, что это бесполезно, и от этого непрошенные слёзы навернулись на глаза. Юта задыхалась, как будто вместе с кулоном от неё оторвали часть её самой.

Древняя подвеска никогда не была для неё просто красивым аксессуаром. Она всегда была для Юты памятью о матери, словно девушка носила с собой её частицу. Так было долгие годы. Но за последнее время кулон превратился для Юты ещё в нечто гораздо большее. С ним было связано столько воспоминаний — как хороших, так и плохих. Как она хваталась за него на парковке, где пряталась от убийц мэра. Как забыла его дома, когда они с Баббли бежали. И потом вернулась — так безрассудно — и тем самым, вероятно, привела убийц к другу.

Как она ненавидела кулон после. И только Корт уговорил её снова надеть украшение. Он тогда сказал что-то о том, что он теперь — часть неё самой, что он оберегает её. И во время всех последующих невзгод, потерь и горестей он был с ней.

Мамин кулон. Он был связан с Ютой невидимой пуповиной. И теперь, когда его отобрали, Юта ощущала, будто у неё вырвали кусочек её души. — Отдайте... — Горькие слёзы душили. Юта с новой силой ощутила верёвки, терновыми лозами опутавшие запястья.

Вандегрид словно прочитал её мысли. Вероятно, потому, что страдание ясно отражалось у неё на лице.

— Я могу прекратить твою боль. Только скажи, как попасть в Город Богов.

— Я же сказала, что не знаю этого, ты, мразь, — неожиданно для самой себя с отвращением выплюнула Юта.

Она постаралась вздёрнуть подбородок, насколько это было возможно в её положении. Крупная капля скатилась вниз по щеке. Юта попыталась вложить в слова всю ненависть, какую испытывала к этому человеку:

— Ты убил мою мать до того, как я успела пройти посвящение. Так что мы вместе умрём здесь, на этой планете. — Юта натужно рассмеялась. Смех быстро перешёл в кашель.

Вандегрид пристально смотрел на неё. В этом взгляде Юта ощущала новую боль, которую этот человек способен причинить ей. Он неожиданно улыбнулся — только губами.

— Ты мне нравишься. Ты ошибаешься в том, что ничего не знаешь. Ты настоящая жрица. О, да. Я вижу это в твоём непокорном взгляде. Ты гораздо ценнее, чем предполагаешь. Я думаю, ты укажешь мне дорогу к Вечному Городу. Да, да. Ты приведёшь меня к нему.

Вандегрид будто говорил сам с собой. Он начал расхаживать по комнате взад-вперёд. И в этом нервном движении, в его странных словах Юта уловила нотку безумия.

— Да, да, ты поможешь мне. — Он по-прежнему не обращался к Юте.

Правитель города подошёл к железной двери и постучал в неё. В комнату вошёл высокий человек, с кривым сломанным носом и жестоким взглядом. Юта похолодела.

— Это Джазир, мой верный пёс. Не такой сообразительный, каким был Лэнс. Да, тот самый, которого убил твой друг, прошлый глава Серого Отряда. Зато Джазир безоговорочно предан мне. Джазир, голос! — внезапно скомандовал Вандегрид.

— Слушаю, господин.

— Видишь? — Правитель рассмеялся. — Верный пёс.

Юту стало подташнивать. То ли от боли, то ли от этой отвратительной сцены.

Джазир был очень высокого роста, под два метра. При этом мускулист и широк в плечах. Он не сутулился, как многие высокие люди. Наоборот, держался прямо и надменно.

Из-за этого казалось, что это не человек, а просто гигант.

Но поразил Юту не его рост. На плоском лице со свороченным набок носом не отражалось ни одной живой эмоции. Как будто смотришь на бездушную куклу с лицом человека. Лишь маленькие тёмные глазки полыхали какой-то жестокой злобой. Казалось, Джазир люто ненавидит всё, на что только падает его взгляд.

Вандегрид тем временем отдавал приказы:

— Развяжи её и отведи в комнату для гостей. Не вздумай обидеть! Мы должны подобающим образом обращаться с той, кто станет нашей союзницей.

Джазир равнодушно окинул Юту взглядом, от которого она содрогнулась, как будто оказалась нагой на холодном ветру.

«Верный пёс» отточенным движением вытащил из ножен огромный нож. Он резко взмахнул им у Юты над головой. Девушка ахнула и мешком свалилась на пол. Новая волна боли пришла неожиданно и обидно. Юту замутило и вдруг стошнило прямо Джазире на сапоги.

Он длинно выругался. Вандегрид расхохотался громким ухающим смехом. Кажется, эта картина от души его позабавила. Новый глава Серого Отряда закинул Юту на плечо и, как обмякшую тряпку, поволок куда-то по коридорам. Уже за поворотом Юта снова слышала странный «совиный» смех.

Глава Серого Отряда оставил Юту одну, одарив её перед выходом жутким оскалом, как бы говорившим: «Наш глава добрый человек. Вот если бы меня поставили заниматься тобой, ты бы узнала, что такое настоящая боль. Впрочем, всё ещё впереди».

Под этим взглядом Юта забилась в угол кровати, на которую Джазир швырнул её, как мешок с картошкой. Её новая комната была небольшой, но вполне благообразной. Тут была кровать, стол со стулом и даже обои в мелкий цветочек. Напротив кровати была прибита полка с книгами. В дальнем углу стояло оцинкованное ведро. Окон, впрочем, не было и здесь. Что ясно давало понять, что эта комната — лишь более комфортабельная разновидность тюремной камеры.

Рядом с оцинкованным ведром Юта разглядела таз с водой, видимо, для умывания. Но сил встать не было. Юта всё ещё не чувствовала своего тела. Всё, чего ей хотелось — это свернуться эмбрионом и перестать существовать. Привычным жестом она протянула руку к груди. Неосознанно, как делала всегда в трудную минуту. Ощущение тёплой бронзы, нагретой её телом, изгиб узоров под пальцами всегда приносили успокоение. Как будто это мама касалась её, утешая.

Но теперь её оберега не было с ней. И это усилило ощущение беды и физического страдания. Саднящая боль в запястьях долго не давала забыться, но в конце концов Юте удалось провалиться в зыбкий, полный жутких картин сон.

Когда Юта очнулась, то совершенно потерялась во времени. Она не могла сказать, сколько времени провела в забытьи. Она то выплывала из него, напуганная страшными видениями, то снова погружалась в тьму кошмаров. Ей снился то Корт, срывающийся с обрыва, то какие-то жуткие железные щипцы, терзавшие её тело, то неизвестно откуда взявшиеся воспоминания о том дне, когда ей сообщили, что родители мертвы.

Юта с трудом села. Она хотела пойти умыться, когда заметила на столе воду и поднос с

едой. Несколько бутербродов, апельсиновый сок, фрукты. Юта не помнила, когда нормально ела в последний раз, но от вида еды её затошнило. Она взяла бутылку с водой и залпом выпила половину.

Осторожно держась за стену — всё тело ныло и крутило от перенесённого напряжения — Юта сумела дойти до таза с водой. Неуклюже она смыла кровь с запястий и предплечий. Раны саднили, но холодная вода приятно остужала горящую кожу. Именно сейчас ей отчего-то вспомнилось, как Корт однажды перебинтовывал её пораненную руку. Юта осмотрелась, но в комнате не было ни полотенец, ни простыней. На кровати лежал только голый матрас. Она оторвала от края своей футболки две полоски ткани и кое-как, шипя от боли, замотала раны.

После чего легла на кровать и, заставляя себя ни о чём не думать, стала смотреть в потолок.

Через неопределённый промежуток времени — Юта не могла сказать, сколько пролежала: двадцать минут или два часа — щёлкнул дверной замок. Юта подскочила и села. В комнату вошёл правитель города. Такой же элегантный и «дорогой», каким Юта видела его в прошлый раз. Аура силы и власти смешивалась с тончайшим ароматом духов.

Вандегрид медленно осмотрелся. Его взгляд упал на таз с покрасневшей от крови водой, на нетронутую еду. Он покачал головой.

— Не любишь бутерброды? Я скажу, чтобы принесли что-нибудь другое. Что ты хочешь?

— Не трудитесь, — ошетибилась Юта. — Я не стану вам помогать. К тому же, как я уже сказала, я ничего не знаю.

Вандегрид пропустил её слова мимо ушей, словно Юта вообще ничего не сказала. Он прошёл в комнату и сел на единственный стул.

— Итак, поговорим.

Вандегрид Амарис Лефтваангер был не чужд сострадания. Если оно могло принести ему то, что ему было нужно. Он сложил пальцы в замок и посмотрел на жрицу, сидевшую перед ним. Она походила на испуганного, взъерошенного щенка. Сперва он хотел хорошенько напугать её или даже сломить болью, но быстро передумал. Не одна и не две жрицы умерли в его подвалах, так ничего и не сказав. Уже позже он узнал о том, что они, вероятно, и не знали того, что он требовал. Умные и вёрткие хранительницы тайн Амальрис разделили знания между собой именно на тот случай, если кто-то из них будет пойман. Так что ни одна из них не знала всего. Только объединив их знания воедино, можно было увидеть картину целиком.

Но сейчас Вандегрид уже знал всё, что нужно для того, чтобы спастись от надвигающейся бури. Не только спастись, но и возвыситься на небывалую высоту. Не знал он только одного. Как попасть в Канор — Город Богов. Спокойным оценивающим взглядом он рассматривал ту, кто даст ему это знание.

Вандегрид не сомневался в этом ни на секунду, несмотря на слова девчонки. Потому что он был обречён на успех. Сколько поколений правителей до него тщетно бились в закрытую дверь. Но, кроме единичных успехов, не добились ничего. Лишь он, он один, смог найти и уничтожить всех жриц. Раскрыть их тайны и вставить в общую картину недостающие части мозаики.

Поэтому Вандегрид не боялся. Это трусы бежали с планеты, словно крысы с тонущего

корабля. Они были слабаками и глупцами и не заслуживали ничего, кроме забвения. Все его соратники, все эти уважаемые фамилии, все те, чьи предки строили когда-то первый Лиатрас, сверкающий и неприступный Град на Холме, все они сейчас разбегались, как тараканы. Бросая все свои «дворцы», имущество и состояния. Всё, что построили, чего достигли их великие предки.

Вандегрид лишь смеялся, когда ему докладывали об очередном древнем семействе, покидающем Нибелию. Тот, кто не готов рисковать, никогда ничего не добьётся. Он был готов рискнуть жизнью ради знаний и власти.

Вандегрид собирался стать правителем нового народа, поистине могущественного. Стать настоящим властелином этой планеты. Всю жизнь ему не давало покоя знание, что кроме Вечного Города на этой планете есть что-то ещё. Знание, что за этими стенами, в пустыне тоже есть жизнь. Есть города и другой народ. Пустыня всегда манила его. Он мечтал увидеть её истинное величие. Он не хотел владеть лишь клочком земли, огороженным стенами. Он хотел владеть всем тем, что находится там, снаружи. Владеть всем.

Он собирался стать королём на этой планете.

Вандегрид не заметил, как задумался. Последнее всемя это случилось с ним нередко, когда его цель оказалась близка, как никогда. Склонив голову, он посмотрел на маленькую жрицу. Она напомнила ему ощерившегося зверька, пойманного в капкан. Только два глаза редкого изумрудного цвета сверкали на бледном лице непокорно. Красивые глаза.

— Тебе известно, что правители Вечного Города являются прямыми потомками детей Канора? — спросил Вандегрид.

Юная жрица отрицательно мотнула головой. Правитель Лиатраса цокнул языком.

— Я расскажу тебе всё, что ты захочешь знать. Дам тебе все недостающие знания. Просто спроси, и я отвечу.

Она настороженно смотрела из-под падавших на глаза каштановых кудрей. И молчала.

— Ну, хорошо. — Вандегрид устроился поудобнее, насколько это было возможно на жёстком стуле. — Я расскажу тебе кое-что.

История Нибелии,
рассказанная Вандегридом, правителем Лиатраса

Когда-то на Нибелии существовал всего один город под названием Канор. В нём жил один народ. Мы не знаем, как они называли себя. Мы зовём их Детьми Канора. Они жили и властвовали на планете на протяжении многих тысяч лет. Дети Канора были могущественны, как боги. Они владели различными технологиями. Ходят слухи о том, что они владели некими знаниями и умениями, не доступными пониманию обычного человека.

Но в их обществе произошёл раскол. Единый народ разделился. Дети Канора покинули свою колыбель и разбрелись в разные стороны. Одна часть взяла с собой немногие технологии — обрывки тех знаний, которыми когда-то владела, и ушла строить Лиатрас. Другая — взяла эфемерные мифы и сказки и затерялась в песках.

С тех самых пор два народа живут каждый сам по себе. Те, кто называли себя атлургами, обрекли себя на жалкое существование в пустыне. Они живут, как дикари. Охотятся и воюют примитивными орудиями. Умирают от болезней, от которых во всех цивилизованных мирах давно найдены лекарства. Верят в свои сказки и не желают ничего менять.

Меня удивляет, как они вообще до сих пор не вымерли. Ещё мой дед говорил, что их численность всё время уменьшается, и скоро им придёт конец. Так или иначе, эти дикари обречены. Двум народам нет места на этой планете. Нет места в Городе Богов. Спасётся только один из нас.

Но я отвлёкся. С разделения народов прошло так много времени, что глупые обитатели песков забыли о своих корнях. Они забыли свою историю и вычеркнули нас из памяти.

Но мы! Мы никогда не теряли знаний и всегда следили за атлургами. Среди нас сохранилась преемственность, шедшая от тех самых Первых Изгоев, ушедших из Города Богов. Мы помним свою историю и легенды Детей Канора.

Мы всегда знали о предначертанном Великом Затмении. А также о том, что только жрицы Амальрис владеют информацией о том, как его пережить. Мои предки, те, кто правил Лиатрасом за столетия до меня, всегда пытались найти жриц и завладеть их знанием. Но только столетие назад наши старания дали результат. Мы узнали, что несколько последних жриц перебралось в город, и искали их с тех пор.

И лишь мне, двести семьдесят восьмому потомственному правителю Лиатраса, удалось довести начатое моими предками до конца. На эпоху моего правления выпало самое сложное, но и великое время. Двадцать лет назад мы узнали о том, что планета, которую Дети Канора называли Ассаим — «рок», — снова приближается к Нибелии.

Я активизировал поиски, и они наконец увенчались успехом. Теперь у меня есть все части мозаики, кроме одной. Ты поможешь мне завершить картину и вернуться в Первый Город. Только тогда я стану настоящим правителем этой планеты. Ведь истинный Правитель Нибелии — лишь тот, кто правит из Города Богов.

Мои предки много столетий искали дорогу домой. Но она была сокрыта от нас. Жрицы Амальрис — единственные на свете, кто обладает этим знанием. А так как других не осталось, то ты — последняя, кто может указать нам путь. Наш последний шанс.

Юта слушала и не верила своим ушам. Этот человек так спокойно говорил об убийстве множества людей, в том числе её родителей. Он как будто не понимал, что совершил что-то плохое, что это преступление. И чем дальше Юта вникала в смысл его слов, тем больше убеждалась в том, что для Вандегрида вообще не существует таких понятий, как «добро» и «зло». Для него «добро» — то, что соответствует его интересам. В противном случае, это — «зло».

Каково это: быть потомственным правителем города, когда линия правления не прерывалась тысячи лет? Должно быть, он ощущает себя королём в этом городе. Может, даже богом. А если это так, то есть ли ему дело до простых смертных? Тем более, когда его цель так велика и так близка.

Юту замутило. Как будто она очень долго кружилась, и земля и небо менялись местами. И теперь она не понимала, где одно, а где другое. Где точка отсчёта, и как ей снова поймать горизонт. Пытаясь придти в себя, Юта замотала головой. Её точка отсчёта — это Корт и Бабли. То, как они жили и во что верили. Её собственные убеждения, которым она следовала всю жизнь. И память о покойных родителях.

Комната остановилась. Юта посмотрела в серые глаза и твёрдо признала:

— Если бы я и знала, то ни за что не сказала бы вам. Но... я действительно ничего об этом не знаю. Я не успела пройти посвящение, потому что вы убили мою мать и вообще всех жриц. Ваша жажда власти была так велика, что ослепила вас. И теперь вы заплатите за

всё, что сделали.

Вандегрид нахмурился. Юта ждала, что надменный правитель расствирепеет. Что он ударит её или вызовет своего «цепного пса», и они снова начнут мучить её. Но Вандегрид даже не смотрел на Юту. Только сложенные домиком пальцы сжались в кулаки на столе.

— Если бы я только знал, — горько процедил он, — я бы не совершил столько ошибок. Но жрицы были слишком упрямы. От них ничего невозможно было добиться. Ни силой, ни уговорами, ни обещаниями. Лишь одна из них оказалась настолько разумной, чтобы пойти на сотрудничество. Но и её знаний было недостаточно. Хотя она всё равно оказалась полезна — навела меня на других. И вот теперь мы здесь. Ты и я. Последняя жрица и будущий правитель всей Нибелии. Если мы объединим усилия, то достигнем воистину невозможного, великих вершин!

Юта опешила. Этот человек как будто вообще не слушал, что она говорила.

— Но я уже повторила десять раз, что я...

Он прервал её:

— Ты и сама можешь не догадываться о том, что знаешь. Жрицы всегда были слишком хитры. Но не для меня. Сейчас у меня в руках находятся все свитки Амальрис, все части пророчества. Поверь, за столетия мы собрали немалую библиотеку обо всём, что касается богини и её культа. И нигде, ни в одной свитке даже мельком не упоминается о дороге к Городу Богов.

Всю жизнь это не давало мне покоя. Загадка, разгадка которой повернёт колесо истории. В свитках так или иначе говорится обо всём, что касается появления Ассаима, последующей бури и спасения в Каноре. Но только не о том, как найти к нему дорогу. Но разве это имеет какой-то смысл? Как можно тщательнейшим образом записать всё, что касается спасения в Городе Богов, и ни разу не упомянуть того, как найти к нему дорогу? Неужели жрицы или их наставники были так беспечны, что просто забыли об этом?

И тут я понял. Этого знания нет ни в одной свитке, потому что оно никогда не записывалось. Оно не должно было быть записано. Оно всегда передавалось изустно. Из поколения в поколение, от матери — к дочери.

Он вдруг вскочил и схватил Юту за локоть.

— Я верю, что ещё не всё потеряно. Ты и сама можешь не догадываться о том, что знаешь. Я хочу, чтобы ты хорошенько подумала, вспомнила обо всём, что говорила тебе мать. Обо всём странном и выходящем за рамки привычного. Обо всём, что тогда казалось тебе не имевшем смысла. Вспомни. Ты должна вспомнить. В твоих воспоминаниях скрыт ответ.

Правитель ушёл. Только после этого Юта смогла собраться с мыслями. Всё же было в этом человеке что-то странное, ненормальное. То, как лихорадочно блестели его глаза во время рассказа. Как он пропускал мимо ушей всё, что говорила Юта, как будто всегда разговаривал только сам с собой. И то, как рассказывал ей о своих невероятных планах.

Юта поёжилась. Безумие вкупе со всевластием — поистине страшная смесь. Хотя нет, это не безумие. Ещё не оно. Это — фанатизм. Но, возможно, так даже хуже. Это значит, что Вандегрид видит лишь то, что желает видеть. Воспринимает мир через призму той единственной идеи, что подчинила его разум. И эта идея — беспредельная власть.

Человек, слепо верящий во что-то, считающий, что только это верно, чрезвычайно опасен. Для него не существует морали. Всё, что угодно — любая низость, подлость и даже преступление может быть оправдано с точки зрения его высшей цели. Если она —

абсолютное благо, то для его достижения нет запретных средств.

Юта поняла, что Вандегрид пугает её. Не только тем, что он способен сделать с ней, если она пойдёт против его воли; но и тем, что он может сделать с собственным народом и даже с атлургами, если доберётся до них. Отчаяние поднималось внутри тошнотворной волной. Всё было потеряно, всё проиграно, всё кончено. У неё ничего не осталось. Всё отобрал этот человек. Сперва семью, друзей, дом, надежды и мечты. Затем и новый дом, оставшиеся устремления и веру. И наконец последнее, что у неё осталось — её любимого, Корта.

Юта судорожно схватила пустоту там, где полагалось быть маминому кулону. Ощущение одиночества, словно падение в бездну, вдруг стало нестерпимо реальным.

Юта обхватила себя руками и начала раскачиваться взад-вперёд. Она была близка к срыву, как дома, куда она вернулась впервые после смерти Бабли. Тогда она поранила руки о стекло, и Корт успокаивал её. Но теперь некому было её успокоить. И если сейчас она сорвётся, то больше не сможет подняться. Юта понимала это, но у неё не было сил удержаться. Она медленно скатывалась вниз. И там, на самом дне, её ждали только мрак и безумие.

Баюкая себя, как в детстве делала мама, Юта стала напевать слова детской считалочки. Они пришли произвольно, из того далёкого времени, когда мама была жива, а она сама находилась в тепле, уюте и безопасности.

Кто считает: раз, два, три —
В закатном пламени гори,
Скажет кто: четыре, пять, шесть —
Хвост ящерицы должен съесть,
Посчитай: семь, восемь, девять —
Качает ветер дитя в колыбели,
Десять всему исчисляет предел —
Ты тот, кто последним остаться сумел.

Юта повторяла знакомые с детства слова снова и снова. Это была считалочка, но мама пела её, словно колыбельную. Позже, когда Юта выросла, она узнала, что никто из девочек во дворе не знал этой считалки. Она была странной, словно не из этого мира. Как выглядит закатное зарево? А хвост ящерицы, которую никто из них никогда не видел?

Теперь-то Юта хорошо знала, как выглядит ящерица. И даже какова она на вкус. Стоп. Юта резко замерла и выпрямилась. Глаза сфокусировались. В них вернулось понимание. Что там говорил Вандегрид?

Глава 6. Свет надежды

Прошло ещё несколько дней. Юту кормили и приносили свежую воду для умывания. Она спала, ела и лежала, уставившись в потолок. Старая побелка посерела и растрескалась от времени. Юта внимательно рассматривала трещины. Это помогало ей не замечать трещин в собственном сердце. Ей даже почти удалось окружить своё сознание высоким барьером, за который не могли пробиться чувства. Только одно кололо её разум острым ножом — страх.

Юта ни при каких обстоятельствах не собиралась рассказывать Вандегриду то, что ей открылось. Но если она продолжит молчать, как долго он ещё станет уговаривать её? Прежде чем поступит так же, как поступал со всеми жрицами до неё, — начнёт пытаться? Ком ледяного ужаса застыл у Юты в животе, когда она позволяла этим мыслям завладеть собой. Лишь огромным усилием она прогоняла непрошенные мысли, и ледяной ком постепенно таял.

Юта не знала, что было хуже: ждать, вздрагивая каждый раз, когда дверь отворялась, и кто-то из охраны приносил еду; или пребывать в состоянии безвременья и бездействия, без мыслей и без чувств, словно она уже мертва. А это то, что ждало её в любом случае — вопрос только в том, когда.

Щелчок дверного замка заставил Юту мучительно вздрогнуть всем телом, как будто оно тяжело пробуждалось от глубокого кошмарного сна. В комнату кто-то вошёл. Юта не удостоила мужчину взглядом. Ей было достаточно знать, что это не правитель города или его «верный пёс».

— Вставай, — прозвучал повелительный голос. Юта вцепилась в края матраса. Она не привыкла, чтобы охранники с ней разговаривали.

— Зачем? — спросила девушка, сама не своя от страха и дурных предчувствий. Тело стало тяжёлым, как колода, не слушалось. Она опустила босые ноги на пол.

— Тебя переводят. Шевелись, — поторапливал охранник.

Юта хотела натянуть ботинки, но мужчина схватил её за локоть и потащил за дверь. От неожиданности Юта только охнула. Сердце колотилось у самого горла. Зачем? Куда её ведут? Неужели в подвалы, где до неё мучили других жриц? Но... так скоро...

Они прошли через длинный коридор со множеством дверей. Суровый охранник буквально волочил Юту, от страха не способную идти самостоятельно. В конце показалась запертая дверь. Охранник достал ключ-карту, провёл. Щёлкнул замок.

С той стороны двери был пост охраны. Они быстро миновали его. Юта обернулась, чтобы посмотреть, и чуть не застыла на месте от удивления. Один из охранников лежал на столе лицом вниз. Ноги второго торчали из двери.

— Что это? — пискнула Юта.

Её молчаливый конвоир бросил на Юту злой взгляд и с новой силой потащил за собой. Они минули длинный холл, снова спустились вниз. Когда Юта увидела широкие двери выхода, а за ними — дневной свет, у неё защемило сердце. Теперь она понимала, как чувствуют себя заключённые, впервые за долгое время оказавшиеся на воле. Этот свет за дверьми — обычный дневной свет — казался ей самым возжеланным, что было на земле. Ничего ей не хотелось больше, чем вдохнуть полной грудью свежий воздух и поднять слезящиеся от солнца глаза к небу. Даже если после этого её будет ждать новое заточение.

На пути к выходу их ждал ещё один пост охраны. И на этот раз охранник был в

сознании. Конвоир Юты молча вёл её к дверям. Когда они уже почти миновали сторожа, тот резко окликнул их:

— Куда это ты тащишь её? Это трофей господина.

Мужчина, который вёл Юту, остановился как вкопанный. Но его голос, когда он обернулся, звучал непринуждённо:

— Я в курсе, идиот. Господин переводит её во второе крыло, поближе к себе.

— Аа, — неуверенно протянул первый. — Но мне не приходило никаких распоряжений.

— Наверное, «распоряжения» ещё не дошли. Бизли вообще не любит торопиться.

Мужчины дружно захохотали.

— Но если господин пожелает навестить свою гостью, а её не будет на месте, он сильно рассердится. А я не намерен брать вину на себя, — закончил конвоир Юты.

— Вот же ты скользкий ублюдок, — со злой усмешкой ответил охранник. — Ладно, проходи.

Юта едва помнила, как они преодолели последние метры, и она наконец оказалась на улице. Тёплый от солнца бетон грел ступни, и это было самым лучшим чувством на свете. Но Юте не дали им насладиться. Не останавливаясь, конвоир потащил её дальше, вдоль здания и за угол, потом ещё раз.

Когда он резко остановился, Юта чуть не врезалась мужчине в спину.

— Всё, дело сделано. Дальше сам.

Он выпустил её руку. Юта потёрла покрасневшие от сильной хватки запястья и шагнула вперёд, чтобы посмотреть, что происходит. Взгляд упёрся в высокую худую фигуру, укутанную в бесформенную накидку. Взгляд суровых карих глаз дрогнул при виде девушки. Облегчение, тревога, страх, надежда — всё смешалось в единый вихрь эмоций. На мгновенье мужчина позволил чистой радости пробиться через грозную маску. Но тут же, без видимого перехода, снова нахмурил кустистые брови, осматривая Юту с головы до ног.

— Не ранена?

— Джар! — воскликнула Юта, позволив себе поверить в происходящее. Поверить в то, что она спасена.

Юта чуть не кинулась Хранителю на грудь, но в последний момент смутилась и остановилась. Пожилой мужчина по-отечески обнял её за плечи и обратился к тому, кто вывел Юту из застенков.

— Спасибо, Таир.

Тот нервно хмыкнул:

— Мне пора сматываться отсюда. Нас видели, когда я её выводил. Так что теперь мне остаётся податься в бега и молиться, чтобы меня не нашли. Надеюсь, мой долг уплачен?

Джар кивнул:

— Полностью. Удачи.

— И тебе.

«Охранник» натянул кепку и поспешил прочь. Юта смотрела на Джара во все глаза. Видя удивление Юты, Джар сказал:

— Это мой город, девочка. Я всю жизнь занимался тем, что следил за организацией. Выяснял про них всё, что мог. Так что у меня есть здесь пара связей.

Джар укутал её в длинную накидку, навряд ли той, что носил сам. «Откуда он их только берёт?» — промелькнуло в голове. А затем без церемоний схватил за руку и повёл вдоль стены здания, в сторону видневшегося вдали забора.

Потом они много петляли между строениями, стараясь находиться в тени. Только у самого выхода до Юты дошло, что они держатся «слепых зон» — избегают камер. Юта и не подозревала, что здание, где её держали, было лишь одним из многих таких же. Целый городок без конца и края. И, конечно, всё здесь принадлежало организации.

Они вышли через один из запасных въездов. Джар быстро проволоч Юту мимо будки охраны, но девушка успела заметить тело, грузно лежавшее на полу. Мёртв ли этот человек или только усыплён, узнать Юте не довелось.

Юта и Джар шли через пустой город. Транспорт больше не ходил, поэтому до места пришлось добираться пешком. Идти было далеко, с Джаром они не разговаривали, поэтому Юте не оставалось ничего, кроме как глазеть по сторонам.

Юта давно вот так не ходила по городу. Для неё всё было внове: видеть, как ветер закручивает песчаные вихри, слушать тишину когда-то шумного города, с недоумением осознавать, что ты единственный прохожий на улице. И, конечно, непрерывно, всем своим существом ощущать, как огромное чёрное око наблюдает за тобой с небес. Куда бы ты ни шёл, что бы ни делал, оно всегда здесь: висит на небосклоне неподвижное, тяжёлое, зловещее. Предвестник скорой гибели всего живого.

Песка стало значительно больше. Они шли по нему, как по толстому мягкому ковру. Ощущение было странное. Не то же самое, что в пустыне, где ноги всегда утопают в его зыбких объятых. Но и не то же, что в городе, где всё застлано асфальтом, и ты просто идёшь, не задумываясь об этом и не борясь за каждый шаг. Теперь это было чем-то средним. Всё ещё можно было идти довольно уверенно, но при каждом шаге под ногами хрустели и вздымались в воздух песчинки. Это только сильнее напоминало о том, в каком положении находится город: между пустыней и цивилизацией, между жизнью и смертью.

Юта шла, задумавшись, глядя себе под ноги, когда Джар вдруг схватил её за локоть и задвинул себе за спину. Юта подняла глаза. Впереди, по противоположной стороне улице шла небольшая группка молодых людей. Юта присмотрелась к ним. Там были только мужчины. Все коротко стриженные, по-спортивному одетые и... у некоторых в руках были биты.

Когда они заметили Джара с Ютой, их громкие разговоры и хохот стихли. Они замедлили шаг и теперь приближались, не сводя хищных взглядов с двоих прохожих. Юта в панике осмотрела улицу в поисках какого-нибудь проулка или открытого магазина, где можно было бы укрыться. Ничего. Свернуть некуда. Все магазины наглухо заперты. Окна некоторых заколочены, на дверях массивные замки.

Нехорошо скалясь, группка парней начала переходить дорогу. Один, шедший впереди, поигрывал битой. Юта запаниковала. Джар остановился и прикрыл её одной рукой. Другой он медленно отвёл в сторону полы своей безмерной накидки. Юта вскинула брови.

На поясе у старого Хранителя поблёскивал целый арсенал из боевых и метательных ножей, нескольких аслуров и одного пистолета. Джар не торопясь положил на него руку. Ухмылки миглом слетели с лиц парней. Они остановились, быстро пошептались между собой. После чего плавно завернули обратно, на другую сторону улицы, и продолжили свой путь, больше не обращая внимания на старика и девушку.

Юта громко выдохнула. Джар некоторое время последил за ними взглядом. Потом

опустил полу накидки и кивнул Юте:

— Пошли.

— Что это было? Что происходит? — Юта была шокирована. Никогда в жизни она не сталкивалась ни с чем подобным.

Город всегда был безопасен. Одно-два убийства в год могли переполошить его на недели. Ни ограблений, ни нападений почти не случалось. Лиатрас жил замкнутым сообществом, в котором что бы ты ни совершил, ты всегда окажешься на виду.

— Добро пожаловать в новый мир, — буркнул Джар. — Люди лишились работы, многие голодают. В отсутствие власти в городе воцарилась анархия. Люди начали сбиваться в группы, пытаясь помочь себе. Сперва занимались в основном мародёрством. Но теперь всё чаще случаются грабежи, изнасилования и даже убийства. Выходить на улицу больше не безопасно.

Юта поёжилась. Она слишком долго просидела в четырёх стенах — сперва с Кортом, затем в плену у Вандегрида — и совершенно не представляла, что творится в городе. Теперь, когда она увидела всё своими глазами — разруху, хаос, запустение — это было словно удар под дых. Города, в котором она прожила всю жизнь и который любила, больше не существовало. Он был уничтожен. А то, что она видела перед собой, было лишь предсмертными конвульсиями. Город дышал и двигался по привычке, ещё не понимая, что ему нанесены смертельные раны, и он делает последний вздох.

До места назначения шли в молчании. И ощущение тяжести и необратимости происходящего шло за ними след в след.

Они зашли, как показалось Юте, на самую окраину города. Долго плутали глухими переулками. Но когда Юта думала, что дальше забраться уже невозможно, Джар её удивил. Он остановился посреди улицы, внимательно осмотрелся, чтобы убедиться, что за ними никто не наблюдает. Потом опустился на корточки и отодвинул крышку люка в асфальте.

— Вперёд. — Джар кивнул на чернеющий лаз под ногами. Юта посмотрела на него с удивлением. Но Хранитель был абсолютно серьёзен, он не шутил.

Юта начала спускаться по металлическим скобам, служившим лестницей. Джар последовал за ней, задвинув за собой люк. Они спустились в длинный широкий тоннель. Здесь было сухо и темно, и каждый звук отдавался гулким эхом. Джар включил фонарь и двинулся вперёд.

— Это старая канализация, — пояснил мужчина. — Давно не используется. Про неё мало кто знает. Лучшего убежища, чем это, не найти.

Они долго петляли в темноте, и всё, что Юта видела — был круг света от фонаря Хранителя. Она давно потеряла счёт поворотам и не представляла, что находится над ними.

Наконец Джар остановился. Он зажёл несколько керосиновых ламп, развешанных по стенам. И Юта смогла в полной мере оценить его тайное убежище.

Это было просторное помещение с кирпичными стенами и высоким арочным потолком. С двух сторон виднелись проходы в два широких коридора, уводящих в темноту. Больше всего комната напоминала рукотворную пещеру. Свет керосиновых ламп был тусклым, по углам шевелились тени. Из-за примыкающих тоннелей, зияющих чернотой, ощущение было неуютное. Казалось, небольшое жилое пространство со всех сторон осаждает тьма — неприветливая, гнетущая, таящая угрозы.

И всё же это была жилая комната. В углу стояла раскладушка с кипой одеял. Рядом — гора консервов и бутылей с водой. У длинной стены, расположенной между двумя выходами,

был стол, заваленный бумагами. На стене над ним были развешаны фотографии разных людей. Некоторые из них перечёркнуты красным фломастером. Среди фотографий Юта разглядела знакомое лицо, — судьи, которого она не дала убить Карту. Оно тоже было зачёркнуто красным. Юта поёжилась, как будто из тоннеля повеяло холодным сквозняком. И решила ни о чём не спрашивать.

В коробках вдоль стен лежали груды мобильных телефонов, какие-то непонятные устройства, компьютерные платы, провода и много чего ещё. И, конечно, здесь было море оружия. В основном кинжалы-аслуры, но и стальные ножи тоже. Было и огнестрельное оружие: пистолеты, пара снайперских винтовок и даже, как догадалась Юта, самодельная взрывчатка.

Джар заметил, что Юта рассматривает его арсенал.

— Я собирал всё это много лет, — с гордостью поделился Хранитель. — Раньше найти в городе оружие было почти невозможно. Я приносил сюда всё, что только мог достать.

— Вы все эти годы скрывались здесь от организации?

Джар кивнул.

— У меня здесь много «квартир». Даже если меня найдут, я легко смогу выбраться по одному из ходов. За долгие годы я изучил километры и километры тоннелей, так что знаю наизусть, куда ведёт каждый из них. А ещё для непрошенных гостей у меня заготовлены ловушки и разные «сюрпризы». Даже если бы им удалось меня заблокировать, я бы не дался живым. Подорвал здесь всё, и уж точно прихватил с собой пару десятков ублюдков.

Юта стояла, крепко сцепив руки. Уже некоторое время она не слушала. Уже пора? Юта долго не решалась задать мучивший её вопрос. Все прошедшие дни она отгоняла его, как назойливую муху. И теперь боялась заговорить об этом. Боялась, что всё случившееся в том заброшенном здании обретёт плоть и окажется реальным. Боялась услышать правду. Что, если она окажется ужасна настолько, что Юта не сможет её перенести?

Хранитель догадался, что с Ютой что-то происходит.

— Ты голодна? — участливо спросил мужчина. — Я сделаю тебе что-нибудь поесть. Правда, электричества тут нету, поэтому всё будет холодное, но...

— Джар, что с Кортотом? — выпалила Юта, плохо соображая, что говорит. — Это правда, что он... Правитель сказал мне, что он мёртв.

Юта еле выговорила последние слова. Язык словно одеревенел, не поворачивался. И теперь она стояла, холодея от ужаса. Почти проклиная себя за то, что задала этот вопрос. Ведь если бы она не спросила...

— Я думаю, что он жив.

— Что? Ты думаешь? Ну, то есть, ты не уверен? Почему ты так считаешь? Ты видел его?

Юта оборвала себя, краснея, когда заметила, что Джар смотрит на неё с улыбкой.

— После того, как... тебя схватили, — Эти слова дались Хранителю с трудом. Он снова стал мрачным. Вспоминать тот день для него было мучительно, — Серый Отряд тут же убрался отсюда. Я был неподалёку и наблюдал за ними. Я знал, что они не причинят тебе вреда, потому что ты нужна им живой. Но Корт... Корт — другое дело. После того, как они ушли, я вернулся на место, но не нашёл там никого. Если бы «Серые» убили Корта, то не стали бы забирать тело, и я бы его нашёл. Но и с собой они точно его не уводили. Ты была единственной пленной. Так что... я понятия не имею, как, но почти уверен, что Корт выбрался.

У Юты вырвался вздох облегчения. Она почти рассмеялась от внезапного ощущения

счастья. Мир снова показался ей звонким и прекрасным. Она не чувствовала себя так хорошо с тех пор, как ей удалось вернуть Корта «с того света» в Утегате. Он был жив, и всё остальное не имело значения. Ни надвигающийся конец света, ни опасность, ни отсутствие решений больше не казались Юте чем-то страшным. По сравнению с возможностью потерять его, всё остальное было лишь небольшими трудностями.

Тиски, сжимавшие сердце Юты, отпустили. Только сейчас она поняла, что все эти дни жила, как в страшном сне. Её душа боялась очнуться от этого сна. Она будто дышала лишь половиной лёгких, и только половина её сердца билась, обливаясь кровью.

Теперь Юта снова жила. Она могла дышать, чувствовать, думать. Энергия снова вливалась в неё мощной струёй, как сквозь прорванную плотину. Она больше не чувствовала ни усталости, ни голода. Юта снова хотела бороться. И она знала, как.

Быстро девушка пересказала Джару то, что узнала от Вандегрида. А также то, что вспомнила позже — про мамину считалку. Юта по-прежнему не понимала, что это значит. Но была уверена, что это и есть ответ. Ответ на вопрос: «Как попасть в Город Богов?».

На всём протяжении рассказа Джар ходил взад-вперёд, заложив за спиной руки. Он хмурился. Гулкое эхо его шагов падало, словно капли воды с потолка. Неожиданно он остановился и посмотрел Юте в глаза своим острым взглядом.

— Мы должны вернуть кулон.

При одной только мысли о нём у Юты перехватило дыхание.

— Но как? — Она сжала в кулак воздух на том месте, где всегда висел мамин подарок.

Джар некоторое время раздумывал, глядя на девушку. А потом будто решился:

— Есть один способ. Скоро у Вандегрида будет большой приём. Там соберутся все, кто ещё остался на планете. Самые приближённые к нему люди. По моим сведениям, кулон будет там. Насколько я понял характер Вандегрида, он захочет похвастаться своим приобретением. В этот день кулон будет защищён не так хорошо, как обычно. Это единственный шанс.

Юта кивнула.

— Но как же Корт? Мы должны сперва найти Корта.

Джар усмехнулся.

— За это можешь не беспокоиться. Я наблюдал за ним некоторое время. Видел, как он работает. Одна вещь, которую я про него понял: если он только жив, он сам найдёт тебя.

Некоторое время Юта раздумывала над словами Хранителя. Она хмурилась и явно боролась с собой, но в итоге согласилась:

— Хорошо. И как мы туда попадём?

— Мы? — Джар вытаращился на неё со смесью ужаса и изумления. — Ни о каком «мы» речи не идёт. Ты остаёшься здесь и точка.

— Вот уж дудки. — Юта скрестила на груди руки. — Я достаточно просидела взаперти. А итог? Меня всё равно схватили, а вы с Кортом чуть не погибли. К тому же, я тебе понадоблюсь. Сделать такое в одиночку будет крайне трудно. А шанс у нас, как ты сказал, всего один. Поверь, гораздо больше проку будет, если мы будем действовать сообща, а не поодиночке. — На этих словах Юта подмигнула. — Потому что сидеть под замком и ждать я больше не собираюсь.

В следующие несколько секунд на лице Хранителя отразилось столько эмоций, что Юта чуть не прыснула от смеха. Замешательство сменялось гневом, гнев — страхом, страх — раздражением, смешанным с чем-то похожим на восхищение. Когда Джар наконец взял себя

в руки, он произнёс, качая головой:

— Как же ты похожа на мать. Даже страшно. Ты настоящая жрица Амальрис.

— Почему в последнее время мне все говорят об этом? — пробурчала Юта себе под нос.

И уже громче спросила: — Это значит, ты возьмёшь меня с собой?

— Это мы ещё посмотрим. Для начала мне нужен хоть какой-то план. Приём уже завтра, а у меня нет ни карты места, ни схемы расположения охраны и камер. Ничего. — Джар развёл руками и присел на край стола. — Времени было слишком мало. Я был занят твоим вызволением и не успел подготовиться. Я не знаю, как тайно попасть туда.

Юта задумалась.

— А тайно и не надо. Всё это время организация охотилась на нас. Пришло время нам поохотиться на них. Уверена, им ни за что не придёт в голову, что мы можем оказаться прямо у них под носом. Как известно, прятаться лучше всего на самом видном месте. Не найдётся ли у тебя связей, которые помогут нам получить приглашения на приём?

Джар замотал головой, как будто хотел стряхнуть наваждение:

— Это безумие. Чистой воды самоубийство. Я уверен, что Вандегрид поднял на ноги весь город. Все ищут тебя, а ты хочешь прямо к нему заявиться?

Юта не смутилась ни на секунду.

— Я замаскируюсь. Меня никто не узнает. Поверь, за годы журналистской работы мне не раз приходилось менять внешность. Так, что меня даже ближайшие коллеги не узнавали. Сейчас самым безопасным местом для меня может быть — под самым носом у Вандегрида. Никому не придёт в голову меня там искать. А узнать меня в лицо могут только сам Вандегрид, да ещё его жуткий «пёс», глава «Серого Отряда». Так что мне нужно просто не попадаться им на глаза.

Джар не выглядел убеждённым, но Юта видела, что он начал колебаться. Она решила настоять:

— Лучшего случая у нас не будет. Без меня тебе не справиться. Я могу заняться охраной, пока ты будешь искать кулон.

Джар поднял бровь:

— Заняться охраной?

— Женские чары ещё никто не отменял. — Юта хитро улыбнулась. — Но вот другой вопрос: где до завтрашнего вечера мне достать платье?

Юта видела, что старый Хранитель почти готов сдаться. Он быстро что-то соображал.

— Я, конечно, не фея, но знаю один закрытый бутик на улице Льена. Наверняка, там что-нибудь найдётся, — наконец произнёс он со вздохом.

— Но ты же сказал, что он закрыт.

— Да, и что с того? — удивился Джар. — Я взломаю дверь. Электричества в городе всё равно нет, так что сигнализация не сработает.

Юта закатила глаза.

— Вы с Кортон два сапога пара. А можно ничего не взламывать?

Джар задумался.

— За время, что нам осталось — нет.

Юта притворно вздохнула.

— В этом новом мире честному человеку, видимо, делать нечего. А что ты говорил насчёт еды? Я голодна, как саграл после неудачной охоты.

Глава 7. Авантюристы

Корт быстро шёл по улице, стараясь держаться возле домов. При необходимости он прятался за остановками и брошенными машинами. Улицы города сейчас были далеки от кристальной чистоты. Они были засыпаны песком и мусором, стеклом от разбитых витрин и разным хламом, который мародёры повывтаскивали из магазинов, да так и бросили.

Но обстановка хаоса была Карту на руку. Он бесшумно ступал по песку, крался по переулкам, чувствуя себя почти так же свободно, как в пустыне. Высотные здания заменяли ему горы, улицы и перекрёстки — знакомые барханы. Работающие камеры наблюдения он обходил так же, как зыбучие пески, а людей — будь то немногие стражи порядка или бандиты — как ядовитых змей и скорпионов.

С того самого дня, как Корт вернулся сюда мстить, город стал его охотничьими угодьями. И с каждым днём, что приносил в Лиатрас новый слой песка, с каждой отключенной электростанцией, с каждой замершей на дороге машиной, Корт ощущал себя всё вольготнее.

Песок мягко стелился под ногами, не потревоженный его шагами. Корт скользил через город, как саграл сквозь пустыню, не замеченный тем, за кем следовал.

Корт держался на приличном расстоянии от высокого мужчины, закутанного в плащ с капюшоном. Тот шёл спокойно и уверенно, будто хозяин у себя во дворе. Мужчина свернул за угол и скрылся в подъезде одного из домов.

Корт остановился на углу и проводил его взглядом. Только когда высокая фигура скрылась из виду, Корт позволил себе тяжело привалиться к стене дома. Трясущейся рукой он нашарил в кармане пузырёк с таблетками. Высыпал на ладонь сразу горсть и, морщась, проглотил.

Когда бойцы организации схватили Юту, то потеряли к Карту интерес. Наверное, решили, что он разбился при падении, так что ему удалось выбраться из здания. Но падение не прошло бесследно. У Корта была сломана ключица, а из ноги торчала двухвершковая рукоять ножа. Он почти не помнил, что было дальше. Иногда сознание включалось, как электрическая лампочка, и он обнаруживал себя бредущим по улицам. Теряя сознание от боли и потери крови, Корт как-то сумел добраться до укрытия.

Когда сознание вернулось, ругат лежал на полу заброшенной аптеки. Окровавленный нож валялся рядом, а нога была перемотана какими-то тряпками. К счастью, кровь остановилась. Очевидно, он сделал это сам, потому что дверь аптеки была заперта, а больше там никого не было.

С тех пор Корт так и прятался в аптеке. Мародёрам она была не интересна, а Корта снабжала всеми необходимыми медикаментами. Рану он зашил сам. По всей видимости, жизненно важные артерии задеты не были. А ключица, хоть и зверски болела, но медицинского вмешательства не требовала.

Так что на изрядном количестве обезболивающих Корт вполне мог ходить. С точки зрения выздоровления вряд ли это было хорошей идеей, но Карту было наплевать. Уже на третий день он выбрался из своего убежища с тем, чтобы найти одного человека.

Некоторое время Корт позволил себе отдохнуть, привалившись к стене. Он перенёс вес тела на левую, здоровую, ногу. Ругат стоял с закрытыми глазами, пока боль не начала отступать, и краски не вернулись на бледное лицо. Ничто не должно отвлекать его. Ничто не

должно мешать думать и действовать.

Только когда ядерная смесь медикаментов полностью подействовала, Корт встряхнулся. Попробовал правую ногу, пошевелил плечом. При движении боль от сломанной ключицы всё ещё простреливала тело, но это было терпимо.

Корт поправил пистолет за поясом и вошёл в дом.

Квартиру он вскрыл отмычкой. За дверью стояла тишина. Корт выдернул пистолет из-за пояса, выставил перед собой и толкнул дверь. В прихожей было темно, но даже в темноте Корт заметил, что это место больше похоже на склад разного хлама, чем на жилой дом. Свободной рукой Корт достал аслур. Поместив руку с пистолетом на ту, в которой был нож, Корт рывком вошёл в гостиную. И замер.

С середины комнаты на него смотрело дуло пистолета и два прищуренных из-под низко надвинутого капюшона глаза.

Несколько секунд никто не двигался. Царило гробовое молчание. Корт позволил себе сделать шаг в комнату и вбок от двери. Мужчина напротив сделал зеркальное движение. Так они стояли: глаза — в глаза, дуло — в дуло. Пока мужчина напротив не выдохнул низким хриплым голосом, полным ненависти:

— Корт.

— Нагир, — эхом повторил ругат, и его противник скинул капюшон.

Корт присвистнул.

Длинные, всегда неопрятные волосы Нагира были коротко острижены, лицо гладко выбрито. Так он выглядел моложе лет на десять. К тому же Нагир был одет в чистую новую одежду: синие джинсы и белую рубашку. В нём не было ничего от того жалкого, потерянного человека, каким Корт его помнил. Разве что плечи ещё немного ссутулились, да в тёмных глазах по-прежнему плескалась ненависть.

— Ты выглядишь иначе, — сказал Корт. — Как житель Лиатраса.

Он сделал шаг в сторону. И тут же Нагир — в противоположную. Они словно кружили вокруг невидимой оси, меняя положение, но оставаясь на одном расстоянии друг от друга.

— Я... как это называется? Ассимилировался. — Нагир начал ухмыляться. — А вот ты выглядишь по-прежнему. Таким же убийцей.

Корт поцокал языком и покачал головой. Если Нагир рассчитывал, что Корт разозлится и сделает неверный шаг, он прогадал. Корт слишком хорошо знал все его замашки. К тому же он пришёл сюда не с тем, чтобы драться.

Нагир мгновенно понял это. Гадкая ухмылка сползла с его лица, как краска под дождём, обнажив чистую, неприкрытую ненависть.

— Зачем явился? — рявкнул Нагир, и Корт напрягся, готовый к любому действию со стороны атлурга. — Решил покончить жизнь самоубийством?

— Нет, — ответил Корт и опустил пистолет. — Я знаю, что ты работаешь на организацию. Я хочу заключить с ними соглашение.

— А мне какое до этого дело? — прорычал Нагир, но в его голосе Корт услышал нотки удивления и любопытства. — Зачем мне тебе помогать?

— Затем, что ты получишь то, чего больше всего желаешь. Отмщение.

Для описания особняка Вандегрида лучше всего подошло бы слово «дворец». Частная

территория, на которой он был расположен, занимала, наверное, несколько десятков городских кварталов. Чтобы добраться до него, нужно было миновать высокий забор, больше похожий на крепостную стену с башнями и часовыми, а потом ещё минут десять ехать по внутренним «улицам».

Джар говорил, что это место называется «Крепость». Это был город в городе. Помимо дома Вандегрида и его приближённых, тут были частная школа, сад, несколько магазинов, офисных зданий, в одном из которых работал реальный глава города. Ещё тут располагалась база «Серого Отряда».

Во время заточения Юту тоже держали где-то здесь. Конечно, не в «цивильной» части, — Юта помнила городок из одинаковых бетонных коробок в несколько этажей. Наверняка, тут была и своя тюрьма и, кто знает, что ещё.

Но сейчас Юта стояла в совершенно иной части «Крепости» и созерцала особняк Вандегрида со смесью ужаса и восхищения. Дом был монументален и роскошен. Он нависал над Ютой, грандиозный, помпезный. Взгляд запутывался в переплетениях резных колонн, эркеров с изящными балконами, пилястр и арочных окон.

Юта ощущала себя чужой в этом величественном и изысканном месте. Она нервно одёрнула голубое платье, на оттенок темнее глаз. Точнее, линз, которые она надела. На голове у неё красовался парик из хитрой блондинистой причёски. Помимо этого сегодня утром Юта потратила несколько часов перед зеркалом, используя грим и косметику. Она изменила черты лица и сдобрила толстым слоем несвойственного ей макияжа. Когда утром Джар наткнулся на неё на кухне в доме, где они обосновались на ночь, то схватился за сердце. Правда потом долго уверял Юту, что он её узнал, а удивила его её неземная красота.

Юта не была так уверена в своей внешности. Но дело было сделано. Теперь ей оставалось только надеяться на то, что её не узнают. Юта глубоко вдохнула и вошла в высокие двери.

Гостей встречал солидный мужчина средних лет. Он проверял приглашения и сверялся со списком. Юта вынула из сумочки своё и дождалась, пока другие гости пройдут.

— Добро пожаловать, госпожа. Прошу ваше приглашение. — Распорядитель лучезарно улыбался.

Чуть подрагивающей рукой Юта отдала ему карточку. Она искала глазами Джара. Хранитель должен был прийти раньше и дожидаться её среди гостей, но его нигде не было видно. Распорядитель продолжал просматривать списки гостей. Наконец он поднял голову.

— Простите, но вашего имени нет в списке. — Он смотрел на Юту, склонив голову, всё ещё улыбаясь, и она похолодела.

— Проверьте ещё раз, — пискнула девушка. — Я приглашена.

Она не представляла, что происходит и что делать дальше. Распорядитель с приклеенной к лицу улыбкой ещё раз пробежал глазами по списку.

— Прошу прощения, но вашего имени нет.

— Должно быть, здесь какая-то ошибка, — выпалила Юта. — Вот же моё приглашение.

Она беспомощно протянула мужчине листок. Все её внутренности тряслись от страха. Что ей делать? Настаивать на своём? Но тогда она рискует привлечь к себе ненужное внимание. Или уйти? И, вероятно, распрощаться с шансом снова увидеть свой кулон.

Юта боялась, что мужчина сейчас просто выгонит её, но вместо этого он сказал:

— Прошу подождать одну минуту. Мы проясним это недоразумение.

Он направился вглубь зала. Юта запаниковала. Кого он хочет позвать? Какого-нибудь

главу охраны, который станет выяснять, кто она такая? Или самого Вандегрида, хозяина вечеринки? Юта заледенела от ужаса. Она была готова рвануть к дверям, но боялась, что с той стороны её будет ждать охрана. Мысли метались, загнанные в угол.

— Эта девушка со мной, — раздался глубокий мягкий голос.

Высокий мужчина перехватил распорядителя, когда тот готов был затеряться в толпе. Он мягко взял его под локоть и повёл обратно.

— Моя спутница задержалась. Простите за эту неразбериху.

— Прошу прощения, господин. Госпожа. — Распорядитель низко поклонился и жестом пригласил войти.

Юта стояла на месте, как приклеенная. Неожиданный спаситель взял её за руку и уверенно поволок в зал.

Юта не могла поверить своим глазам. В шикарном фраке, с зачёсанными в хвост волосами, элегантный и роскошный...

— Корт... Как... Как ты здесь оказался? Что ты тут делаешь? Что всё это значит? Как..

Юта бросилась ему на грудь, готовая разрыдаться.

— Ну, ну, всё хорошо. Сейчас не время. — Корт аккуратно поднял её лицо за подбородок.

Его глаза, обычно льдисто-синие, сейчас лучились теплом, как нагретый солнцем синий бархат. Стоило Юте заглянуть в них, оказаться так близко к Карту, как все мысли улетучились из головы. Покой и тихая радость объяли её, словно одеялом. Посреди этого чуждого места, в самом сердце логова врага, было так странно ощущать это всеобъемлющее спокойствие. Корт улыбался ей глазами. Маленькие морщинки расходились от них по загорелому, продублённому ветром и солнцем лицу.

Но в следующий миг серьёзное выражение снова опустилось на него. Корт осмотрелся по сторонам.

— Идём. Найдём более тихое место. — Он повёл Юту в дальнюю, немногочисленную часть зала.

Зал для приёмов был огромен и полностью соответствовал тому впечатлению монументальности и шика, какое особняк производил снаружи. Сводчатый потолок уводил взгляд далеко ввысь. С потолка спускались тяжёлые хрустальные люстры. Лепнина и искусная роспись тянулись вдоль стен. По внутреннему периметру зала свод подпирали ряды тяжёлых мраморных колонн, создавая дополнительные галереи для желающих уединиться. У дальней стены располагались две массивные лестницы с красными коврами.

Помимо этого, зал был украшен по случаю последнего приёма. Вдоль стен стояли длинные столы с закусками. Шоколадные фонтаны конкурировали с огромными башнями из диковинных блюд. Официанты сновали между гостями, разнося шампанское и другие напитки. Середина зала была отдана танцующим.

Помещение было полно людьми. Юта и не представляла, что в Лиатрасе столько богатых семей, относящих себя к элите. Особенно сильно это контрастировало с запустением и хаосом, царившим в городе. А Юта-то думала, что все богатеи уже сбежали с планеты.

Корт остановился за одной из колонн, выведя Юту из задумчивости. Он положил руки ей на плечи и заглянул в глаза.

— Юта, с тобой всё в порядке? Они... не причинили тебе вреда?

У Юты зачесались запястья, но она как могла уверенно мотнула головой.

— Хорошо. Я знаю, где держат кулон.

— Но... откуда? Корт, как ты вообще оказался здесь? Ты не думаешь, что это слишком опасно? Тебя могут узнать!

— Не беспокойся об этом, я осторожен. А оказался я здесь, видимо, так же, как и ты. Сейчас это неважно. Мы должны придумать, как добраться до кулона.

Немного помедлив, Юта кивнула. Всё происходящее начало казаться ей немного странным. Это роскошное место, все эти люди, Корт, больше похожий на сказочного принца. Было в нём что-то необычное. Корт был удивительно спокоен. Он почти не удивился, увидев её здесь. И как только узнал? У Юты был миллион вопросов, но она благоразумно решила отложить их на потом. Сейчас главное — дело, ради которого они пришли.

— Корт, я узнала кое-что важное. — В двух словах Юта пересказала свою историю.

Корт внимательно слушал, хмуря брови. Кроме этого маленького жеста, выражение его лица было нечитаемым. Взгляд сапфирово-синих глаз снова стал колким. Он блуждал где-то за спиной Юты. Вдруг Корт схватил её за руку и быстро потащил на середину зала, между танцующими парами.

— Что? Что случилось? — Юта оборачивалась и крутила головой, пытаясь понять, что произошло.

Корт блеснул глазами куда-то в сторону.

— Всё хорошо. Мы должны сливаться с толпой. Не будем привлекать внимание.

Он притянул Юту за талию. Крепко прижав её одной рукой, Корт начал довольно умело вальсировать по залу. У Юты кружилась голова. От его близости сердце пропускало удары. Несмотря на то, что Корт давно жил в городе, от него едва уловимо пахло пустыней, дикими травами и дублёной кожей. Юта чувствовала его жаркое дыхание у своего виска. Она позволила себе раствориться в этих ощущениях.

Юта крепче прижалась к Карту, и его дыхание на секунду сбилось. Она слышала смех пары, танцующей неподалёку. Ленивым затуманенным взглядом Юта скользила по незнакомым лицам. Женщина снова засмеялась, и Юта подумала, что этот смех кажется знакомым.

Она быстро нашла женщину взглядом и споткнулась на следующем такте. Ноги подкашивались. Юта чувствовала себя оглушённой. Корт подхватил её. Он тут же понял, в чём дело. Стараясь не привлекать к ним внимание, плавно и одновременно стремительно Корт вывел Юту из круговорота тел.

Она привалилась к столу, комкая скатерть. Юта хватала ртом воздух, как будто только что получила удар под дых. Потрясённо она впиалась глазами в Корта.

— Ты знал. Ты знал, что она здесь. Ты видел её.

Корт кивнул. Очень тихо он сказал:

— Я не хотел, чтобы ты знала.

— А ты? Как давно ты знал, что она работает на них? — перебила Юта.

Корт опустил глаза.

— Уже некоторое время.

Юта не винила его. Он пытался её защитить. Она схватила бокал с проплывающего мимо подноса в руках официанта. Большим глотком Юта осушила его весь.

— Это она. Это Кирли предала нас в прошлый раз в городе. Мы рассказали ей всё. Должно быть, в то время она уже работала на Организацию. — Юта чуть подумала. — Она

предоставила нам квартиру. Убежище. На самом деле это была ловушка.

Юта вопросительно посмотрела на Корта, словно ей требовалось подтверждение. Словно она всё ещё не верила, что это может быть правдой.

Корт только кивнул. Он смотрел на Юту с состраданием.

— Вероятнее всего, она работала на Организацию с самого начала. Когда ты с ней познакомилась, она уже была куплена ими.

— Пост главного редактора одной из крупнейших газет города...

Корт снова кивнул на её догадку.

— Все эти годы я верила ей. Я думала, мы подруги. Кирли была мне, как старшая сестра. После Бабли, она была самым близким человеком.

— Мне жаль. — Корт взял её за руку. — Тяжелее всего, когда предают самые близкие люди.

Юта сжала его пальцы. В животе что-то неприятно ворочалось, как будто она проглотила скорпиона. Юта подавила приступ отвращения и взяла себя в руки.

— Сейчас это не имеет значения. Мы должны сделать дело. Надо отыскать Джара и решить, как будем действовать.

Хранитель нашёлся возле стола с сырными закусками. Он не меньше Юты удивился, увидев Корта. Седые брови сшиблись на переносице, взгляд карих глаз стал пронизательным, он ощупывал Корта рентгеном. Было видно, что у Хранителя на языке крутится много вопросов, но он смолчал.

Джар успел разведать обстановку. Он сообщил, что охрана стоит в начале коридора на втором этаже. Вероятнее всего, где-то там хранится кулон. Корт кивнул.

— Я знаю точное место. Он спрятан в кабинете Вандегрида, в самом конце коридора.

— Откуда тебе это известно? — Джар, в отличие от Юты, не выглядел удивлённым. Он выглядел мрачным и напряжённым.

— Мне удалось подслушать один разговор.

Хранитель прищурился. Юта могла поклясться, что он собирался сказать что-то другое, но он лишь выдохнул и спросил:

— Ты уверен, что этой информации можно доверять?

— Уверен, — ответил Корт, но Юте показалось, что на долю секунды он заколебался. — В любом случае, лучших зацепок у нас нет. Джар, оставайся здесь, следи за охраной. Если кто-то пойдёт в ту сторону, позвони мне на телефон и сбрось. Я буду знать, что приближается опасность. Мы с Ютой проберёмся в кабинет.

— Хорошо, я займу позицию и буду наблюдать. Но не лучше ли Юте остаться со мной?

— Я пойду, — быстро встала девушка, пока двое мужчин не решили всё за неё.

— Как ни странно, вдвоём у нас больше шансов сделать всё незаметно, — сказал Корт, окинув Юту оценивающим взглядом.

— И как мы пройдем мимо охраны? — спросила девушка.

— Операция «автобус», — мгновенно отреагировал Корт.

Юта тут же смекнула, о чём речь. Она кивнула.

— Что такое «автобус»? — подозрительно спросил Джар.

— Сейчас увидишь.

Корт с Ютой переглянулись и, не сговариваясь, зашагали к лестнице. Когда они были уже у первой ступеньки, Юта вдруг ахнула и начала весьма правдоподобно падать. Джар подавил желание броситься на помощь. Конечно, Корт не дал Юте упасть. Он подхватил её

на руки так уверенно, как будто делал это уже много раз. После чего понёс девушку «в обмороке» наверх.

К ним приблизился охранник.

— Какие-то проблемы, господин?

— Прошу прощения за беспокойство. Видите ли, моя жена плохо переносит шампанское. Сколько раз я ей говорил: «Один бокал и всё!». Но нет же, она так упряма! Женщины! — Корт обречённо покачал головой. — Никакой управы на них нет. И вот результат! Мне бы уложить её где-нибудь на полчаса.

Охранник осмотрел несчастного мужа с перебравшей женой. Корт поудобнее перехватил сползающую Юту, помогая себе коленом.

— Хорошо, идёте, — сжалился охранник. Должно быть, он тоже был женат.

Он проводил Корта до одной из комнат и открыл дверь.

— Можете отдохнуть здесь, пока вашей жене не станет лучше. — На этих словах он понимающе усмехнулся и закрыл за ними дверь.

Юта встала на ноги.

— Это было грубо. Я думала, я упала в обморок от жары или от аллергии на еду, на худой конец.

Корт широко улыбнулся:

— Но жена-пьянчужка вызовет у среднестатистического мужчины куда больше сочувствия. Я должен был действовать наверняка.

Юта ударила его в плечо кулачком и прислушалась. Охранник ушёл. Они выглянули наружу и перебежали к дверям в конце коридора.

Кабинет правителя города был скорее строгим, чем роскошным. Огромных размеров рабочий стол, два кресла, диван с журнальным столиком. Стены до самого потолка занимали стеллажи с книгами. Кабинет был выдержан в тёплых тонах корицы и грецкого ореха. Зелёные абажуры ламп создавали в помещении камерную, уютную атмосферу.

Корт тихонько прикрыл за собой дверь. Юта осмотрелась, соображая, где может быть спрятана её подвеска. Корт подошёл к столу:

— Сюда.

Юта встала рядом. Корт один за другим выдвигал ящики стола. В одном из них лежала шкатулка. Она была сделана из кости и украшена драгоценными камнями. Среди бриллиантов и рубинов осколками звёздного света блестели грани тергеда. Такая шкатулка сама по себе могла стоять, как половина этого особняка. Корт глянул на Юту и откинул крышку. На дне, укутанный в бархат, уютно дремал её кулон.

Юта закусила губу. Корт протягивал ей шкатулку, оставляя за ней право забрать то, что ей принадлежало. Юта коснулась кулона, и словно древняя магия заструилась по пальцам. Она уверенно взяла подвеску в руку. Неожиданно Юта ощутила себя «голой», — ей нестерпимо захотелось надеть кулон на шею. Но сейчас нельзя было этого делать. Поэтому она передала ключ от Города Богов Карту, чтобы до времени он спрятал его в кармане пиджака.

Они направлялись к выходу, когда телефон Корта коротко завибрировал.

— Это Джар. Кто-то идёт, — быстрым шёпотом сказал Корт.

Юта в панике огляделась. Спрятаться в комнате было негде. Ни дверей, ведущих в другие помещения, ни шкафов здесь не было. Кабинет был полностью открыт для взгляда. Юта оглянулась на Корта. Так же, как и она, ругат лихорадочно шарил глазами по комнате.

Шаги раздалились за самой дверью.

Корт схватил Юту и бросил на диван. Он подмял её тело под себя, начал лихорадочно покрывать поцелуями шею, ключицы. Юта ахнула. Она была настолько оглушена, что даже не сопротивлялась. Корт озверело начал рвать на ней платье. Тонкие бретельки слетели с плеч, одна лопнула. Корт запустил свободную руку под юбку.

Сердце Юты билось о рёбра со скоростью поезда, несущегося к обрыву. Она чувствовала тело Корта везде, где её кожа была оголена его сильными руками. Он вдавливал её в диван с такой силой, как будто желал вобрать её тело в себя. Его руки и губы пылали, оставляя дорожки из пепла там, где он касался её. Юта горела вместе с ним. Её руки нашли его шею там, где она не была закрыта одеждой. Юта хваталась за Корта с таким отчаянием, как будто он был единственным, что держало её от падения в пропасть.

Дверь открылась с громким щелчком. Мужчина в вечернем костюме замер на входе. С момента, как Корт с Ютой оказались на диване, прошли какие-то секунды.

Двое оторвались друг от друга и с непониманием уставились на вошедшего. Взгляд Корта прояснился. Он отскочил от Юты и испуганно уставился на мужчину. Юта быстро одёрнула юбку. Одной рукой она придерживала сползающий корсет.

— Я... мы... — мямлила Юта.

— Вы кто такие? Откуда у вас ключ от этого кабинета? — рявкнул вошедший.

Юта затараторила, глотая слова:

— Дядя давно дал мне ключ от кабинета, на всякий случай. Вы ведь не расскажете ему об этом, правда? Прошу вас, он убьёт меня! — Испуганно и умоляюще Юта смотрела на стоящего в дверях человека.

Мужчина хмурясь осматривал сцену, неожиданно представшую перед ним. Очевидно, он обдумывал, что делать.

— А это кто? — спросил он, указывая на Корта.

Юта недоумённо оглянулась на атлурга.

— Это? Это один из партнёров отца, я даже имени его не знаю, — фыркнула девушка, оправляя одежду. — Умоляю, не говорите дяде об этом! Он собирается выдать меня за этого полоумного идиота, сынка Рочестеров. Если он узнает, то убьёт меня!

Мужчина вскинул бровь. На его лице явственно читалось: «О, времена! О, нравы!». Он покачал головой и обречённо выдохнул:

— Ладно, не скажу. А теперь одевайтесь и выметайтесь отсюда, пока вас не застучал ваш дядя.

Корт с Ютой так и сделали. Благодаря милосердного посетителя и одновременно пытаюсь привести в порядок одежду, они выскочили из кабинета. А спустя несколько минут и из особняка.

По дороге домой они хохотали, а Юта на ходу танцевала вальс с плюшевой ламой, выброшенной кем-то на улицу.

Глава 8. Плохая примета

Адреналин от дерзкой кражи, которую они только что совершили, потихоньку выветривался. Они не пошли в убежище Джара в старой канализации. Вместо этого укрылись в одном из заброшенных домов. Пока это было безопасно, поскольку Корт вселился туда только утром. На следующий день они собирались найти новое пристанище, — нигде нельзя оставаться надолго. Но мужчины расценили, что это будет лучше, чем вести Юту туда, где нет ни удобств, ни даже электричества.

Дом был небольшим, всего две комнаты: гостиная и спальня, но с хорошей мебелью и дорогой техникой. Почти все вещи были на местах, как будто хозяин уехал, взяв с собой один чемодан. Корт знал, что этот дом принадлежал пилоту одного из частных шаттлов, и что тот не собирался возвращаться: он отправился в эвакуацию вместе с хозяевами.

Корт, Юта и Джар расположились в гостиной. Они обсудили всё, что произошло с каждым из них за время, что Юта была в плену.

— Итак, — заключил Джар, — кулон у нас. И Юта думает, что знает ключ к местонахождению Города Богов.

— Это считалка, верно? — спросил Корт. — Не могла бы ты прочесть?

Юта скороговоркой повторила заученные с детства слова. Она стояла у зеркала, спиной к комнате. Корт наблюдал за ней в отражении. Юта была занята тем, что снимала парик. Освобождённые, её русые волосы густыми волнами упали на спину и голые плечи. У Корта перехватило дыхание. Так она была ещё прекраснее, чем на приёме.

— Только вот я понятия не имею, что это значит. — Юта принялась смывать с лица косметику. — Думаю, — неуверенно продолжила девушка, — единственный, кто сможет в этом разобраться — это Корт.

— Почему я? — Корт развёл руками. — Ведь это тайна жриц Амальрис.

— Верно. Жрицы знают пророчество и могут открыть Город Богов. Но ты знаешь пустыню. Только ты сможешь отгадать эту «загадку». Ты должен повести людей.

Юта смотрела на Корта через зеркало. Он спешно отвёл глаза. Прокашлялся.

— Хорошо, я сделаю это.

— Вот так просто?! — изумилась Юта. — И не будешь спорить и возражать?

Корт нахмурился. Сейчас он был крайне серьёзен.

— Думаю, время для этого вышло. Надо спасти людей. И если, кроме меня, некому провести их через пустыню, что ж, я это сделаю.

Юта отчего-то порозовела. Но, возможно, это было следствием того, что она только что оттирала лицо от грима. Девушка прошла в комнату и опустилась на диван. Как была, в небесно-голубом платье с порванной лямкой.

— Значит, ты, Корт, сможешь провести атлургов? — переспросил Джар. Он стоял у окна и смотрел куда-то вверх.

Корт с Ютой переглянулись.

— Не только атлургов, — сказала Юта, — и жителей Лиатраса тоже.

Хранитель обернулся и присвистнул.

— Не думал, что вы всё ещё думаете об этом. После того, что случилось в прошлый раз. Я имею в виду, по вашим рассказам... — Он вдруг прикусил язык, взглянув на Корта.

Ругат отчаянно сжимал кулаки. С такой силой, что ногти впились в ладони, а на

предплечьях вздулись синие вены. Они переплетались с символами наури, образуя причудливый узор. С явным усилием Корт заставил себя говорить:

— В этот раз у нас больше шансов. В городе хаос. Система городских камер не работает. Я это точно знаю, — ответил Корт на вопросительный взгляд Джара. — Я уверен, что половина людей Организации смылась. У них больше нет таких возможностей следить за нами, какие были раньше. Разве что шпионы. Но в таком городе, как Лиатрас, это всё равно, что ничего.

Найти нас теперь не легче, чем песчинку в песочнице. Уйти тоже будет проще. Нам больше не нужно по одному поднимать людей на Стену. Мы проведём их через разлом. Что касается безопасности выхода, то теперь мы знаем, чего ожидать. Я лично буду следить за проходом, сколько понадобится времени, чтобы убедиться, что люди Вандегрида не устроят сюрпризов.

Юта кивнула.

— Это должно сработать. Вот только не представляю, как нам собрать людей. Это ведь не несколько десятков человек.

Корт подошёл к радиоприёмнику, который стоял на тумбочке рядом с телевизором. Повернул ручку. После нескольких секунд помех и шума из динамика разнёсся голос.

— Радио до сих пор работает? — воскликнула Юта. — Я думала, оно отключилось одновременно с телевидением.

— Всё верно, — ответил Джар. — Все, кроме одной радиостанции. У них есть свои солнечные панели. Электричества хватает, чтобы выходить в эфир. Они последние, кто ещё ведёт вещание. Несколько раз в день они передают сводки новостей. Что ты предлагаешь? — обратился он к Карту.

— Мы пустим сообщение по радио, — ответил ругат.

— Но это самоубийство! — воскликнула Юта. — Так мы прямым текстом объявим Вандегриду, что мы собираемся делать, и как нас найти.

— Не беспокойся. — Корт загадочно улыбнулся. — Есть у меня на этот счёт одна идея.

Пока кровь бурлила в жилах, есть не хотелось. Но постепенно адреналин улетучился, дальнейший план действий был обговорен, и Юта ощутила зверский голод, ведь она ничего не ела с самого утра. Джар есть отказался. Оказывается, он не просто так околачивался возле фуршетных столов. Корт буркнул что-то насчёт того, что поесть было бы неплохо. На Юту он не смотрел и теперь, когда разговоры о делах были окончены, даже с трудом ей отвечал.

Юта тоже чувствовала неловкость. То, что произошло между ними в особняке, не было просто спектаклем. На какие-то секунды, растянувшиеся для них на часы, они потерялись друг в друге. До этого момента их чувства как будто много месяцев медленно кипели под крышкой, и вдруг кто-то выкрутил ручку нагрева на полную. И они забурлили, вскипели и неистовым потоком выплеснулись наружу.

Юта была удивлена и смущена собственной реакцией. Ещё ей было немного стыдно. За то, насколько она позволила себе отдалиться моменту, не заботясь ни о чём, насколько искренней была тогда, когда им полагалось просто играть.

Юта знала, что Корт чувствует то же. Она видела его волнение по лёгкой дрожи пальцев, по тому, как Корт избегал смотреть в её сторону, по напряжённым валунам плеч. В

любом случае, думать обо всём этом было решительно невозможно. Не тогда, когда Корт был так близко и казалось, что между ними до сих пор тянутся невидимые электрические нити, и каждый из них может чувствовать то же, что чувствует другой.

Юта разогрела еду, и они молча поели. Корт сел в противоположном углу, так далеко от Юты, насколько было возможно. Джар заглянул на кухню. Хмурым взглядом он осмотрел Корта и сказал:

— Присмотри за Ютой. Мне надо выйти.

После чего испарился.

Корт отложил пустую тарелку и быстро вышел из кухни. Юта почистила посуду салфетками, перебрала запас еды, посидела у окна. Больше делать на кухне было нечего.

Но и идти в гостиную к Карту она не могла. Поэтому Юта взяла ножницы и приличных размеров зеркало из спальни и направилась в ванную. Её волосы сильно отросли, кудри беспорядочно вились, — от былой стрижки не осталось и следа. Но Юта давно не обращала на это внимание. Только напоминающие сухую солому кончики волос слегка раздражали. Ими-то Юта и собиралась заняться.

Она миновала гостиную, где сидел Корт. Он не поднял на неё глаз и продолжил заниматься своим делом. Корт чистил оружие, разложив на столе детали. Юта часто заставляла его за этим занятием, когда мужчина пытался успокоить нервы перед, а иногда после какого-то важного дела.

Юта крутилась между двумя зеркалами, пытаясь рассмотреть себя со спины. Свободной рукой она взяла ножницы и принялась отстригать лишнее. Делать это в маленьком пространстве было весьма неудобно. Юта вывернулась под непонятным углом. Стараясь поднять зеркало в руках повыше, она ударилась локтём о сушилку для полотенец. Острая боль прошла по нервам, рука на несколько секунд онемела, и Юта выпустила зеркало из пальцев. Оно упало на кафельный пол и разбилось вдребезги.

— Чёрт! — тихонько выругалась Юта и опустилась на колени. Она принялась собирать осколки и неосторожно поранила палец.

В этот момент в ванную ворвался Корт, готовый защитить Юту от любого врага. Он быстро осмотрел комнатку в поисках угрозы и, не найдя таковой, уставился на Юту, сидящую на полу и держащую палец во рту.

Корт закатил глаза и быстро опустился на пол.

— Ты можешь ничего не громить или хотя бы не причинять себе при этом вреда? — скептически приподняв бровь, спросил мужчина.

— Я... — Юта задумалась и с обидой прошипела: — Не могу.

— Дай сюда. — Корт вытащил палец у Юты изо рта и оценил глубину пореза. — Ничего страшного. Обойдётся без швов.

Ругат схватил полотенце и обернул палец Юты, чтобы остановить кровь. Это, уже ставшее привычным для Корта действие, напомнило ей другие похожие случаи. Как она плакала на полу своей квартиры после гибели Бабли и не заметила, как поранилась об осколки валявшегося на полу стекла. Или как обожглась о горшок с ёжкой. Корт тогда приготовил какую-то мазь на травах, и она сразу сняла боль. Всё время он оказывался рядом, когда был нужен. Даже в таких мелочах.

От этих мыслей щёки Юты вспыхнули румянцем. Неловкость вернулась, и девушка смущённо потупила взгляд. А когда подняла его вновь, Корт пристально смотрел на неё. Но что-то в его взгляде изменилось.

Юта не могла оторваться от этого взгляда, словно человек, много дней бродивший по пустыне без глотка воды, вдруг окунувшийся в чистый прозрачный источник. Юта тонула в его глубоких синих глазах. Их взгляд стал таким открытым, таким беззащитным. Как в тот день, когда они чуть не погибли под обломками Зала Свитков. Или тогда, когда Корт пришёл к ней после гибели Леды.

Вся неловкость, царившая между ними последний час, куда-то испарилась. Юта схватила Корта за руки, желая этим прикосновением выразить всё, что творилось у неё на душе. Корт ответил на это пожатием.

Они заговорили одновременно:

— Корт, насчёт того, что случилось сегодня...

— Юта, я хочу поговорить.

— Я так боялась, что ты погиб.

— Если бы они сделали что-то с тобой, я бы... я бы не смог...

Слова звучали странно и неуместно. Оба поняли это в тот же момент, как произнесли их. Они замолчали. Но тишина больше не тяготила их, потому что она не была пустой. Она была наполнена чувствами, эмоциями, красками, звуками их дыхания, энергией взглядов.

Корт аккуратно поднёс ладони Юты к лицу. Поцеловал одну, другую. Юта чувствовала жар и влагу его губ. От этого дыхание участилось. Корт смотрел на неё без улыбки, внимательно и сосредоточенно. Он молчал. И с каждой секундой этого молчания пульс у Юты ускорялся всё сильнее. Корт на секунду зажмурился, а открыв глаза, выпалил:

— Выходи за меня.

Это было так, словно Юту толкнули с обрыва. Голова вдруг закружилась, как будто она была пьяна. Ей казалось, что она сейчас упадёт в обморок, провалится сквозь землю, что потолок сейчас рухнет. Всё вокруг вращалось и падало. Всё, кроме него. Он был единственным, кто оставался неизменным и неподвижным, а мир крутился вокруг.

Когда головокружение немного успокоилось, Юта обнаружила, что Корт смотрит на неё в ожидании. Внимательно наблюдая за малейшими изменениями в её лице, заглядывая в глаза, в самую душу.

Юта хотела ответить. Она хотела прошептать, сказать, крикнуть: «Да!», но от волнения горло сжало судорогой. Больше всего на свете она хотела дать согласие мужчине, который был единственной любовью её жизни. Неужели после всего, через что они прошли, для неё возможно стать его женой?

Неожиданно из подсознания всплыли слова: «Придут смутные дни. Странные дни. Много повернётся и станет не тем, чем было. Чёрное — белым, день — ночью, союзник — врагом, смерть — жизнью. В эти дни с небес спустится дева. Не будет она изгоем, и не будет одной из народа. Но тот, кто возьмёт её в жёны, проведёт народ через тёмное время».

Юта резко втянула в себя воздух. Это были строки пророчества, которое она нашла у Корта дома. Они были непрошенными, несвоевременными, лишними. Юта не хотела верить в это. Но мог ли Корт действительно хотеть жениться на ней? Когда после гибели Леды прошло всего ничего? Когда вся планета и все люди находились на краю гибели? Или он просто считал необходимым исполнить свой долг?

Корт почувствовал что-то. Искра надежды во взгляде потускнела, подёрнулась пеплом. Лицо ругата одеревенело. Не превратилось в маску, которую он надевал, когда не хотел показывать свои чувства, а словно умерло. Как будто вся жизнь и все краски вмиг покинули его.

Руки Юты выскользнули из его ладоней. Не своим голосом Корт сказал:

— Прости. Это так невовремя. Так глупо.

Юта хотела снова схватить его руки. Целовать их, как только что целовал он, сказать, что это не так. Что вовсе это не глупо, и ей плевать, когда и как эти слова были сказаны. Главное, что они сказаны им. Но она не могла шевельнуться. Будто древняя магия пророчества связала её, запечала уста. Юта с отчаянием посмотрела на Корта, но он уже встал с пола и выскочил в гостиную. Юта выбежала следом, но остановилась на пороге, не зная, что должна делать. Корт мерил комнату быстрыми шагами, заламывая руки.

— Извини. Я не должен был этого говорить. У меня... у нас есть долг. Мы должны его исполнить. И думать о чём-то другом, думать о себе в такой час было эгоистично с моей стороны. Я...

Корт остановился на середине комнаты. Потом развернулся и почти бегом скрылся в спальне.

На сердце у Юты стало холодно и пусто, как в покинутом доме. Она шагнула обратно в ванную и опустилась на пол. Невидящим взором она уставилась на край белого полотенца, окрашенный красным.

Юта тихо спала на единственной кровати в спальне. Корт сидел на подоконнике в гостиной.

Был поздний вечер. Света в доме, как и во всём городе, не было. В комнате царил полумрак. Корт посмотрел на свои руки. Татуировки наури, кроваво-красного цвета, сейчас чернели на предплечьях, будто нарисованные углём. Все предметы в комнате потеряли очертания, словно кто-то уменьшил резкость.

Непривычно было видеть всё в полутьме. Как будто на мир накинута покрывало. Корт посмотрел на улицу. Окна многоэтажного дома напротив были темны. Лишь в некоторых отражались огоньки свечей — знак человеческого присутствия.

Корт поднял глаза к небу. Со своего места он видел краешек огромной планеты. Могучей и зловещей, способной уничтожить жизнь на всей Нибелии. Уже сейчас она могла целиком проглотить Аттрим. Вот и теперь Корт наблюдал, как Младший Брат барахтался в её сетях. Он ещё сопротивлялся. Ещё тянул к земле последние лучи, будто в отчаянии протягивал к людям руки. Но властный Ассаим надвинулся горой, в несколько раз больше Младшего Брата, и поглотил остатки света, как будто и не было их никогда.

Корт наблюдал за неравной борьбой небесных тел последний час. И чем больше Аттрим скрывался за новой планетой, тем тяжелее становилось у него на душе.

Он не злился на Юту, не обижался на неё. Это было просто невозможно. Он пытался понять, что сделал не так. Напугал её? Потому что она выглядела напуганной и растерянной. Но чем? Внезапностью его слов? Может, он испугал её тем, что сделал сегодня днём, в особняке Вандегрида? Это было бы неудивительно. Корт горько усмехнулся.

Каким дураком надо было быть, чтобы решить, что Юта захочет стать его женой? После всего, что она видела. После того, как видела его тёмную сторону. После того, как он долго и упорно отталкивал её. После того, как почти потерял человеческий облик. Было бы странно, если бы Юта не боялась его.

К тому же, кто в своём уме захочет связать жизнь с тем, для кого всё потеряно? С

неудачником, который только и делает, что проигрывает. Каждую битву, в которую ввязывается. Но эту, последнюю, Корт намерен был выиграть. И не важно, что видит Юта, когда смотрит на него. Всё, что он делал с самого момента их знакомства, он делал только для неё.

Входная дверь скрипнула. В комнату вошёл Джар. Корт лениво повернул на звук голову. Как же он устал.

Корт мельком глянул на Джара и отвернулся. Он не был похож на человека, расположенного к разговору. Но Джару не было до этого дела. Этот разговор должен состояться.

Хранитель прошёл вглубь комнаты и сел на подоконник напротив Корта. Ругат смотрел в окно, на высывающийся из-за небоскрёба край планеты. Джар тоже посмотрел на неё пару минут, но быстро потерял интерес. Были вещи, которые волновали его куда сильнее.

— Ты ведь скрываешь что-то, верно?

Плечи Корта вздрогнули, но он не повернул головы.

— С чего ты решил?

— Я сразу заподозрил неладное, как только увидел тебя на приёме Вандегрида, разгуливающим совершенно открыто. Дальше мои подозрения только крепили. Ты так быстро и легко нашёл кулон, как будто знал, где искать. А окончательно я убедился, когда ты предложил сделать объявление по радио. Это совершенно точно привлечёт к нам внимание Организации. Несмотря на аргументы, которые ты привёл Юте, ты знаешь, что они ни за что не позволят нам уйти. А я уверен, что ты ни при каких обстоятельствах не стал бы рисковать ею. Даже ради всего Лиатраса. Так что же ты сделал?

Корт посмотрел на свои руки. В полутьме Джар не мог разглядеть выражение его лица.

— Что? — Джар грозно повысил голос.

— Тшщ, — Корт приложил палец к губам и посмотрел на спальню. Джар сообразил, что Юта спит. — Я заключил с ними соглашение.

Джар опешил. Он догадывался, что дело было неладно, но такое... Первым порывом Хранителя было накинуться на Корта, но тот был слишком спокоен. Спокойствием человека, выполнившего свой долг и оттого безразличного к тому, что с ним будет дальше. Джар похолодел. Охрипшим голосом он спросил:

— И в чём же его суть?

— Они отпустят Юту и вернут кулон, — спокойно ответил Корт.

Джара прошиб озноб. Так вот оно что... Он и раньше думал о том, что слишком уж легко ему удалось вызволить Юту. Но он был чересчур самонадеян и слишком горд собой за то, что ему наконец удалось кого-то спасти, чтобы разглядеть правду.

— И что взамен? — спросил Джар дрогнувшим голосом.

Он был настолько потрясён выходкой Корта, что мог ожидать какой угодно ответ. Некоторое время Корт молчал. Потом заговорил:

— Наше соглашение таково: Вандегрид не только отпускает Юту и отдаёт кулон, он также позволяет нам вывести из города людей. — Корт сделал паузу, прежде чем продолжить: — А мы позволяем ему следовать за нами. В Город Богов.

Джар задохнулся от гнева, но Корт продолжал монотонно говорить. И Хранитель во второй раз сдержался от того, чтобы накинуться на него.

— Нас не тронут до тех пор, пока мы не найдём Канор. Вандегрид позволит всем людям

— и лиатрасцам, и атлургам — укрыться в городе. А после мы решим свои проблемы между собой. Войско на войско.

Джар лихорадочно соображал. Шестерёнки в его мозгу крутились с такой скоростью, что готовы были слететь с осей. Он прикидывал все плюсы и минусы. Искал слабые места этого плана. Да, он был не идеален. Но идеальных решений вообще не существует. Особенно в том положении, в котором оказались они. Все карты были на руках Организации. И всё же Корт сумел повернуть дело так, что они получали практически всё, чего хотели.

Безумный, безумный... но абсолютно гениальный план.

Джар встал и начал расхаживать по комнате, разговаривая сам с собой, словно подводил итоги уравнения:

— Без кулона, как и без Юты, ни одному из наших народов не выжить, потому что только она может открыть Город Богов. У Вандегрида было и то, и другое. Но вот чего у него не было, — так это представления о том, где искать Канор. И возможности в одиночку до него добраться. У него не было выбора, кроме как согласиться.

У нас же не было ни Юты, ни кулона. К тому же мы не смогли бы вывести из города людей. А так у нас есть всё необходимое. С тем, что рассказала Юта, мы, вероятно, сможем добраться до Канора. И укроем там всех людей. Вопрос только в том, кто будет править в Городе Богов. А это мы сможем решить в бою.

Скорее всего, Вандегрид не станет нарушать условий сделки. Ему нет смысла убивать обычных людей, потому что ему понадобятся рабочие руки. И, конечно, он рассчитывает победить, потому что на его стороне вооружённый огнестрельным оружием и хорошо обученный отряд.

Джар глянул на Корта. Тот сидел, закинув одну ногу на подоконник, с закрытыми глазами.

— Зато на нашей стороне атлурги. И время, — сказал ругат. — Мы доберёмся до гор первыми, сможем занять самую выгодную позицию. Я видел, как горстка атлургов смогла на протяжении пары десятков минут сдерживать такой «хорошо вооружённый» отряд.

Атлурги учатся воевать с детства. Они не боятся смерти. Они будут драться без оглядки. А если все мужчины погибнут, на их место встанут женщины и дети. И будут сражаться не хуже. Один такой боец с самодельным ножом стоит нескольких до зубов вооружённых городских вояк.

Джар хмыкнул. Корт во всём был прав. И всё же план был не без изъянов.

— Ты понимаешь, что когда атлурги узнают об этом соглашении, они сочтут тебя предателем? — спросил Джар и внимательно посмотрел на Корта.

— Да, я понимаю это, — просто ответил ругат. — Но мне всё равно. Я готов стать предателем ради того, чтобы спасти её. — Корт кивнул в сторону комнаты, где спала Юта.

Джар вдруг понял, что ради этой девушки Корт сделает всё. Пойдёт на что угодно. Хранитель подумал, что за свою долгую жизнь не встречал более страшного человека. Потому что нет никого страшнее фанатика, одержимого любовью.

Глава 9. Тени сгущаются

Устроить место сбора прямо у радиостанции. Более тупой идеи нельзя было придумать. Даже он сообразил бы что-то получше, хоть Господин всегда говорил, что он не блещет умом.

— Второй отряд, окружить с севера! Третий заходит с юга! Центр, стоим на позиции, пока я не отдам приказ двигаться. — Джазир быстро отдал распоряжения и принялся ждать.

Лоб нестерпимо чесался. А ещё ему было трудно дышать. После того, как нос перебили в третий раз, Джазир бросил пытаться его вправить. Ему было глубоко плевать, как он выглядит, проблема состояла в том, что воздух с трудом проходил через правую ноздрю. В обычной жизни его это не беспокоило, но когда приходилось одевать полный боевой костюм, включавший в себя шлем, Джазир ненавидел всё на свете.

К счастью, эта операция не продлится долго. Самое большее, с чем им придётся столкнуться — это пара бойцов. Остальные — просто мясо. Приказы Господина были крайне просты. Как и в прошлый раз, взять девчонку живой. И если получится, ещё этого, черноволосого. Остальных, кто будет сопротивляться — в расход.

Судьба большей части этого стада Господина не волновала. Если быть точным, он сказал: «Можешь делать с ними, что пожелаешь. Хотя я не советовал бы тебе заливать улицы реками крови». Реками — Джазир и не собирался. Так, ручейками, может быть. У него давно руки чесались по оружию. В прошлый раз он беспечно пустил своих бойцов одних. Сам командовал из штаба. И всё чуть не кончилось провалом.

Джазир до сих пор помнил, как гневался Господин. А для него не было ничего хуже, чем впасть в немилость. Он должен хорошо служить своему Господину, этому сильнейшему и мудрейшему из людей.

Именно поэтому сегодня Джазир командовал операцией лично. И ещё потому, что надеялся найти себе достойных противников среди тех двоих, что чуть не порушили их планы в прошлый раз. Господин подобрал его ещё мальчишкой, разглядев в нём талант. После этого, всю свою жизнь, Джазир сражался. И, как бы ни хвалили его учителя и Господин, Джазир никогда не переставал совершенствоваться.

Он пощупал боевой нож в чехле. Тот оттягивал ремень приятной тяжестью. Слишком большой для любого другого бойца, он был любимым оружием Джазира. О, с его помощью он мог творить чудеса. Как в бою, так и в подвалах Крепости, когда от него требовались его другие умения. Конечно, Джазир любил и пострелять. Но не было ничего слаще тяжести ножа в руке, силы, перетекающей из него, и ощущения лезвия, входящего в чужую плоть.

Джазир знал, что эти двое тоже сражаются на ножах. Редкое для этого города умение. Он предвкушал хороший бой. Сегодня его нож вдоволь напьётся крови. И если при этом тот, черноволосый, умрёт, что ж, Господин сказал, взять живым «если получится». Джазир чувствовал, что может не получиться.

— Второй — Центру. Отряд на позиции, приём, — донеслось из динамика.

— Третий — Центру. Мы на месте. Бойцы готовы. Приём.

— Центр — всем циркулярно. Начать наступление!

Корт осмотрел людское море, качавшееся перед ним. Молодые и старые, семьями и поодиночке, учителя и работяги, инженеры и студенты — они все доверили ему свои жизни. Поначалу Юта пыталась вести счёт прибывшим, но уже спустя час бросила. Их было несметное множество — сотни и сотни. Они вливались через переулки мелкими ручейками, соединяясь в единый мощный поток.

Неподготовленные, испуганные, многие уже неделями недоедающие, они смотрели на Корта, как на мессию, как на божество. Корт улыбался всем и отвечал снова и снова на одни и те же вопросы: правда ли это? Есть ли спасение? Поможет ли он? Корт крепче стискивал зубы и отвечал скупыми заготовленными фразами.

Юта справлялась куда лучше. С самого утра она была возбуждена и нетерпелива. Миллион раз спросила их с Джаром, что будет, если никто не придёт. И как ребёнок радовалась каждому новому подошедшему. Каждому, кого они смогут спасти.

Юта верила в это. Потому, когда Карту становилось слишком тяжело смотреть в эти полные надежды лица, обращённые к нему, он обращал своё — к ней. Его луч надежды, его свет во тьме.

Пришло и много знакомых. Сослуживцы, сокурсники по Инженерному, друзья детства. Некоторые не узнавали его. Другие пугались, как будто увидели призрак. Но у Корта не было времени расшаркиваться со всеми и объяснять, что было с ним за эти уже почти семнадцать лет. Он говорил им держаться ближе и переходил к следующим.

Друзья Юты тоже нашли её. Она долго обнималась с визжащей девчонкой в пирсинге. Другие вели себя более сдержанно. Вопросов было слишком много, а времени — мало. Пришла пора выдвигаться.

Корт поднял руки, привлекая к себе внимание, и отдал приказ выходить. В последний раз он обернулся на стены Лиатраса. Больше он их не увидит. От самого разлома по пустыне тянулась длинная вереница людей. Те, кто был здесь, имели шанс выжить. Но гораздо больше оставалось там, заточённые в этих стенах навсегда. Корт сделал всё, что мог. Больше сделать он был не в силах.

Медленно он двинулся по песку вперёд, давая людям возможность привыкнуть к темпу. Юта — рядом. Собранна и молчалива. Должно быть, она сейчас тоже прощалась с городом. Так же, как он, — навсегда.

Они собрали людей ранним утром, у разлома. За пять часов до предполагаемой встречи у радиостанции. Информацию о настоящем месте распространяли «сарафанным радио». Юта боялась, что так об их планах узнает слишком мало людей, но другого выбора не было. Это был самый безопасный и, как оказалось, весьма эффективный способ.

Было опасение, что некоторые действительно придут к радиостанции. На этот случай Корт оставил там Джара. Хранитель должен был спрятаться и наблюдать. И, в случае, если там появятся люди, тихо вывести их из города. Это было несколько рискованно, но Корт не очень переживал об Организации. Вандегрид обещал ему безопасный выход, и Корт его получил.

Что же касается «хвоста»... «хвост» и так будет. Корт и Джар оба знали об этом. Юта единственная оставалась в неведении. По большому счёту, вся эта сцена разыгрывалась для неё. Корт понимал, что рано или поздно она узнает о том, что он сделал. Но предпочитал, чтобы это случилось «поздно». Потому что, насколько он знал Юту, это могло окончательно заставить её отвернуться от него. А это было единственным, чего боялся Корт в этой жизни. Всё остальное для него и так было потеряно.

Люди были усталы, голодны и оборваны. Они шли почти три недели, несмотря на то, что частичное затмение солнц помогало передвигаться. Оно происходило теперь несколько раз в день. То Аттрим, то Таурис поглощала тень Ассаима. Будто наевшись, он всё рос и рос. С каждым днём набухал, раздувался, нависал громадой. Но сейчас Корт даже видел в этом плюс, потому что в эти часы можно было спокойно идти, не боясь, что кого-то хватит солнечный удар. Если бы не помощь Ассаима, ему не удалось бы перевести людей через пустыню. Это Корт понимал очень хорошо.

Но без потерь всё равно не обошлось. Шестеро за две недели. Одного укусил скорпион, двое отбились от остальных и попали в зыбучие пески, и ещё трое не выдержали тяжести пути.

Корт переносил потери с трудом. Каждую смерть он взваливал на себя, как набитую камнями торбу. Юта поддерживала, как могла. Она помогала Карту больше, чем кто-либо. Каждый день по несколько раз обходила лагерь. Говорила с людьми, отвечала на вопросы, помогала, чем могла. Карту она казалась ангелом, спустившимся с небес.

Корт не знал, когда в Юте произошла такая перемена, но порой одного её присутствия было достаточно, чтобы успокоить людей. От неё исходили уверенность и спокойствие, которых сейчас так не хватало. Она утешала, разъясняла, организовывала. Всё это — с неиссякаемой энергией и оптимизмом. Корт не представлял, что делал бы без неё. Но то, что потери были бы гораздо больше — в этом он не сомневался.

Пожилой Хранитель тоже помогал, как мог. Но переход дался ему с трудом. Корт даже думал, что он может не справиться, когда Джар слёг с температурой. Лишь благодаря неустанному уходу Юты ему стало лучше. В целом, как говорила Юта, учитывая общее число людей, они справились с переходом хорошо.

Когда они достигли Красных Гор, Корт остановился. Он не собирался вести лиатрасцев в Утегат. Это было бессмысленно: места для них всё равно не нашлось бы. Корт надеялся укрыть людей у подножия гор. Полдня он командовал установкой лагеря. Его удалось расположить так, что оба солнца освещали его лишь несколько часов в день. Остальное время он был в тени, в том числе благодаря Ассаиму.

Наконец люди были размещены. Роли распределены, задания розданы. Больше тянуть не было смысла. С самого их прихода к ним не подошла ни одна живая душа, но Корт знал, что их видели. Наверняка, Гвирн запретил людям идти к Карту. Осторожный правитель Утегата выжидал. Что ж, Карту было всё равно. Для него игры давно закончились. С Гвирном или без, он собирался сделать то, что должен.

Втроем с Ютой и Джаром они подходили к городу, когда на поверхности показалась золотоволосая голова с длинным хвостом.

Уги молча подошёл. Пару секунд они с Кортом стояли друг напротив друга. Потом, также молча, обнялись. Так крепко, что Юта, кажется, слышала хруст костей. Скулы резко выделялись на лице атлурга. Он казался ещё выше из-за худобы. Одежда висела мешком, но Уги улыбался.

— Хорошо видеть тебя живым, — сказал атлург.

Они снова принялись хлопать друг друга по плечам.

— Я вернулся, — ответил Корт. — И как тебе, наверное, уже известно, не один.

Уги кивнул:

— Мы знаем.

— Уги, что с людьми? — встряла Юта. — С лиатрасцами?

Улыбка мигом сползла с лица молодого атлурга. Он показался Юте очень усталым и каким-то беспокойным. Как будто за то время, что Юты не было в Утегате, Уги прожил две жизни.

Вместо ответа атлург посмотрел на Корта.

— Дела наши плохи. Распределению продуктов пришёл конец. Проще говоря, распределять больше нечего. Теперь тут каждый сам за себя. Посевы умирают. От поголовья коз осталась едва четверть. Охотники уходят уже за тары от города, но всё равно приходят с пустыми руками.

— Что с водой? — уточнил ругат.

— Ещё есть. Но мы выбираем последнее из хранилища. Воды осталось самое большее на несколько недель. Смертность среди населения выросла в несколько раз. В основном старики. Они морят себя голодом, отдают всю еду женщинам и детям. Но и те тоже умирают. И даже взрослые мужчины.

Мы не успеваем хоронить всех по правилам. Поэтому Гвирн с Нергутом распорядились об упрощённой церемонии прощания. Мы хороним по несколько человек за раз. Снимаем знаки, после чего их выносят на поверхность. Больше никаких цветов и проводов. Ни у кого просто не осталось на это сил.

Лиатрасцы... пока ещё в городе. Сидят тише воды, ниже травы. Привезённые нами из города припасы почти закончились. Они голодают. Впрочем, так же, как и все остальные. Гвирн замалчивает эту проблему, за что в данных обстоятельствах мы ему благодарны. Но некоторые члены Совета начали подниматься против Гвирна. Они подначивают народ против чужаков. Так что долго они здесь не протянут. — Уги многозначительно посмотрел на Юту.

— Вы привезли с собой еду? — хмурясь, спросил Уги Корта.

Ругат мотнул головой.

— В Лиатрасе тоже голод. Каждый несёт на себе столько еды, сколько смог найти и взять. Воду мы тянем на подводах. Но её тоже немного. Впрочем, — он обернулся на Юту, — надолго мы здесь не останемся. Пойдём, — кивнул Корт Уги, — у нас есть дела в городе.

Вчетвером они спустились в узкие коридоры.

В городе стояла тишина. Настолько глухая, как будто была поздняя ночь. Осветительные окошки были полностью открыты, но в коридорах стояли сумерки. Не было слышно скрипа песка под ногами спешащих по делам людей. Не было пылинок, оживлённо кружащих в солнечном свете. Не было толкотни возле базара и людей, несущих корзины, полные ропса, с полей.

Голодные испуганные атлурги не так уж сильно отличались от голодных испуганных лиатрасцев. Они прятались по своим лурдам, молились богам и ждали неизвестно чего. Обычно энергичные и воинственные, сейчас они были парализованы бездействием. С голодом — этим невидимым врагом — нельзя было сразиться. Нельзя вызвать на бой и победить. Впервые атлурги оказались бессильны, и это стало для них настоящим испытанием.

Корт со спутниками молча и собранно шли по коридорам. Ощущение беды витало в

воздухе. Словно вода в губку, оно впиталось в пол и стены. И ещё Корта не покидало странное чувство «дежавю». Как будто они снова очутились в Лиатрасе. Та же тишина и запустение на улицах. И то же ощущение несчастья, что постигло город, выпило из него все силы и всю жизнь, опустошило и выбросило умирать.

Внезапно в одном из коридоров они наткнулись на какой-то переполох. После тишины и пустоты это вызывало тревогу. Большинство атлургов повываливало на улицу в такой же растерянности, не понимая, что происходит. В одном из лурдов стоял вой, похожий на завывания смертельно раненого зверя. Лишь спустя некоторое время Юта поняла, что это исходит в плаче женщина. Из лурда выскочил испуганный, без кровинки в лице, парень. Не видя ничего перед собой, он растолкал людей и убежал куда-то по коридору.

Вдруг в той стороне началась суматоха. Атлурги навалились толпой, но тут же разошлись, давая кому-то дорогу. Корт задвинул Юту себе за спину. Всё, что она смогла разглядеть — это мужчину, который нёс в руках какой-то куль, небольшой и красный, завёрнутый в тряпку. Атлург скрылся в лурде, за ним ещё несколько человек. Озверелый вой, доносившийся из дома, вдруг оборвался. В могильной тишине, наступившей после, Корт обернулся и потянул Юту в сторону.

Лишь за поворотом он выпустил её руку. Корт беспрестанно хмурился, его взгляд блуждал где-то за спиной Юты. Через несколько минут Уги присоединился к ним. Мужчины переглянулись с мрачным пониманием.

— Корт, что там случилось? — почему-то шёпотом спросила Юта. Джар тоже выжидательно смотрел на атлурга.

Лицо ругата застыло маской, за которой, как Юта знала, он прятал свои эмоции. Корт отчего-то молчал.

— Этот мужчина, — ответил за него Уги глухим голосом, — принёс в жертву Ругу своего годовалого сына.

Юта ахнула и закрыла рот руками, как будто боялась, что закричит. Корт ещё раз обернулся и повёл её прочь.

— Уги, где мы можем поговорить? — кинул ругат через плечо.

— У меня подойдёт? — тут же отозвался атлург, как будто только и ждал этого вопроса.

Они не говорили об этом, но Уги слишком долго был правой рукой Корта и слишком хорошо его знал, чтобы понимать ругата без слов. Корт не вернётся к себе домой. Больше никогда.

Юте казалось, что пустые и мрачные коридоры тянутся бесконечно. Низкий потолок давил на плечи. Узкие проходы готовы были сомкнуться и раздавить её. Нет, Юта не была приспособлена к жизни в Утегате. Сколько бы времени она ни провела в подземном городе, сколько бы ни называла себя атлургом, а стоило пожить на просторе, под высоким небом, и узкие кривые коридоры вновь вызывали приступ клаустрофобии.

Наконец они достигли лурда со знакомым выцветшим пологом, и Уги пригласил их внутрь. Расположились вокруг большого каменного стола — центра жизни в любом лурде. На кухне было чисто. Слишком чисто, вплоть до отсутствия посуды и каких-либо признаков еды. Корт не стал поднимать эту тему. Уги уже сказал, что теперь «каждый сам за себя». Кто знает, что это означает в его случае.

Сперва Корт представил Хранителя. Чужаков в городе не любят, особенно после истории с лиатрасцами. Но Корт и не стал бы приводить сюда постороннего человека. Наконец, после всех разъяснений, Уги задал мучивший его вопрос:

— Что было с тобой в городе?

Корт нахмурился, подавил желание взглянуть на Юту. В отличие от остальных, он стоял у стены, по обыкновению скрестив на груди руки.

— Много чего. Но то, что важно — мы узнали последнюю часть пророчества. Мы знаем, как спастись от надвигающейся бури.

— И как? — с лёгким недоверием в голосе спросил Уги.

— В Городе Богов.

Атлург резко вскочил со стула. Открыл рот, постоял, снова сел.

— Первый Город, — эхом повторил Уги, тихо, вслушиваясь в собственные слова. — Так он действительно существует?

— Насколько мы понимаем, — да, — ответил Корт.

— И...

Полог отлетел в сторону. В комнату ворвался атлург и тут же остановился, как вкопанный. Быстро осмотрел собравшихся и вперил взгляд в Корта.

Ругат не смог подавить дружеский смешок.

— Рад видеть тебя, Дар. Проходи. Я как раз рассказывал о том, что нам удалось узнать в Городе-за-Стеной.

Худоба Дара бросалась в глаза ещё сильнее, чем в случае Уги. Острые кости лица буквально готовы были прорвать тонкую кожу. Одежда висела на прямых плечах, как на пугале.

Глаза Дара поблёскивали нездоровым светом, то ли от возбуждения, то ли от голода. За время, что Корт его не видел, Дар превратился в настоящего мужчину. Проницательные любопытные глаза следили за каждым движением ругата. А когда Дар говорил, вокруг рта образовывался жёсткий валик морщин.

Когда Корт довёл рассказ до того места, на котором его прервали, Уги нетерпеливо спросил:

— И как же найти Город Богов?

— С этим немного сложнее, — ответил ругат. — Мы думаем, что нам известен шифр, который приведёт нас туда. Но его ещё предстоит разгадать.

— Как? — быстро вставил Дар.

Он по-прежнему говорил и действовал с нетерпением, как будто люди и события вокруг него двигались слишком медленно, и его это раздражало.

— Я пока думаю над этим, — отозвался Корт.

В отличие от Дара, он стоял неподвижно, подпирая собой золотисто-жёлтую стену.

— Да, — встала Юта, — но у нас нет времени. Мы должны собирать людей и выходить. Уверена, Корт разберётся по ходу.

Корт хмуро посмотрел на Юту, но смолчал.

— Хорошо, — отозвался Дар. — Мы с тобой.

Как и всегда, на принятие решения ему требовались мгновенья. Он посмотрел на Уги. Тот кивнул.

— Что тебе нужно? — спросил Уги, вновь примеряя на себя давнюю роль «правой руки» Корта.

— Мне нужно место, где я смогу принимать людей, — ответил Корт, оторвавшись от стены.

— Могу предложить свой лурд, — отозвался Уги. Большинство сборов круга Корта в

былые времена и так проходило у него.

Корт кивнул, принимая предложение. Неосознанно, он встал за плечом Юты.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Дар.

— Ничего. Я ничего не буду делать.

— Ты не будешь собирать Утегатол? — Кажется, Уги искренне удивился.

Корт мотнул головой:

— Я не собираюсь снова бодаться с Гвирном. Мы оповестим людей так же, как в Лиатрасе — «сарафанным радио». Начинайте распространять новости, и люди сами к нам...

Полог снова хлопнул. На этот раз в лурд неуверенно протиснулся незнакомый атлург.

— Придут, — закончил Корт, и все вопросительно обернулись к нему.

Мужчина средних лет мялся у входа. Затем вдруг подобрался и сверкнул на Корта глазами.

— Я узнал... Мы узнали, что ты вернулся... ругат.

Такое обращение к Карту могло означать только то, что доверие ему вновь возвращено. И что, оказавшись в безвыходной ситуации, атлурги вернулись к тому, что было для них привычно. Поклоняться богам, верить им свою жизнь. А также идти за тем, кто, по мнению народа, олицетворяет волю этих богов.

— Те, кто выходил на охоту в эти дни, говорят, что ты привёл людей к городу, — продолжал атлург. — Столько, что хватит на несколько гатов. Мы не собираемся больше кормить чужаков. Мы больше не в состоянии прокормить самих себя.

— Не волнуйся. Мы не останемся здесь надолго, — ответил Корт, подходя к мужчине.

Атлург опешил. Он осмотрел собравшихся в комнате и, подбравшись, спросил:

— И куда вы собираетесь идти?

Глава 10. Ничто не будет, как прежде

Люди тянулись к ним до вечера. Уги и Дар ушли, чтобы оповестить как можно больше народа. Юта оставалась с Кортом ещё несколько часов. Сидеть рядом, оставаться наедине было странно. В пустыне они никогда не были одни. Более того, у них не было ни времени, ни сил, ни возможности поговорить. Да и надо ли было говорить? О чём?

Всё так запуталось после их с Кортом разговора. Теперь рядом с мужчиной Юта ощущала не только неловкость, но и стыд, и вину. Она чувствовала себя виноватой за то, как всё обернулось тем вечером. Но не знала, как всё исправить. Прошло слишком много времени. Корт вёл себя с ней, как обычно. Возможно, лишь немного более отчуждённо. Со стороны этого невозможно было заметить. Но Юта замечала. Она чувствовала это между ними: отстранённость, разлад, трещину.

Если Корт и был немного холоден с ней после разговора, Юта знала: это было не из-за того, что он злился. Это было из-за того, что ему было больно. Юта причинила ему боль. Правильно ли она поступила тогда, когда ответила Корту молчанием? Сейчас ей казалось, что она совершила самую большую ошибку в своей жизни. Но могла ли она тогда поступить иначе? И может ли поступить иначе сейчас? Юта сомневалась в этом.

Все эти тягостные мысли так и вертелись в голове, каждый раз, как очередной атлург выходил, и они с Кортом оставались одни. В конце концов гнетущее молчание между ними сделало своё дело. Нервы Юты не выдержали, и она сбежала. В любом случае, у неё было ещё одно важное дело в Утегате.

Юта нашла людей в том же лурде, где оставила их в последний раз. Они выглядели измученными, озлобленными, с потухшими взглядами. Несколько человек за столом играли в кости. Некоторые лежали, уставившись в потолок. Затхлый воздух, смешанный со смрадом отчаяния, ударил в нос.

Когда Юта вошла, лишь несколько лиц обернулось к ней. Люди казались ко всему безразличны. Но во взгляде одного из них мелькнуло узнавание. Это был специалист по технологиям Водной Долины. Почти сразу среди всех лиатрасцев, добравшихся до Утегата, он занял роль главного. Но не потому, что был умнее или сильнее остальных, а потому что оказался самым наглым и бесцеремонным. Не понимая, в какой опасной ситуации они оказались, он беспрестанно сыпал претензиями ко всем, кто только заходил к ним в лурд. Требовал то одного, то другого и в открытую обвинял Юту в их бедах.

В его глазах полыхнула злость.

— Вернулась! — неожиданно крикнул он. От громкого возгласа полусонные люди встрепенулись, обратили на них внимание. Мужчина вскочил и подбежал к Юте. Его кулаки сжимались.

— Где ты шлялась всё это время? Мы тут с голоду подыхаем, и всё по твоей воле! Ты притащила нас сюда, обещая манну небесную, а вместо этого мы стали узниками у каких-то дикарей, которые морят нас голодом! А тебя с дружками и след простыл! Небось сладко ела и крепко спала, пока мы тут мучились!

Мужчина сильно ткнул Юту в грудь. Ей пришлось приложить усилие, чтобы устоять на ногах и не отшатнуться назад. Лиатрасец навис над ней. Его грязные волосы почти касались её лица, а взгляд покрасневших опухших глаз источал яд.

— Темраз, остынь.

Рядом появился мужчина помоложе. Он попытался взять первого за локоть, но тот резко вырвал руку. Он был в таком бешенстве, что, казалось, сейчас изо рта пойдёт пена.

Юта не отвела от него взгляда. Она вскинула голову, чтобы смотреть мужчине в глаза.

— Конечно, я хорошо ела и сладко спала. Когда билась за вас каждый день, чтобы вас не прирезали, как скот, однажды ночью. За тот месяц с лишним, что провела в пустыне, под палящими солнцами. Пока пряталась в Лиатрасе по заброшенным домам, без электричества, воды и понимания того, что будет завтра. Когда попала в руки к нашим врагам, которые стоят за уничтожением Лиатраса. Пока они мучили меня, пытаюсь сломить волю, заставить встать на их сторону, бросить вас всех на произвол судьбы. Пока рисковала всем, что у меня есть, чтобы спасти людей, таких же, как вы. Но не жалких несколько десятков человек, а сотни и сотни.

Конечно, это была просто прогулка на курорт, всё ради моего развлечения, и ничего больше.

Юта ещё больше приблизила своё лицо к лицу мужчины и теперь ощущала его липкое дыхание на своей коже.

Уже несколько человек подошли к ним, пытаюсь оттащить Темраза в сторону. Остальные повставали со своих мест, внимательно прислушиваясь к словам Юты.

— Отойди, — прошипела она в лицо лиатрасца, продолжавшее наливаться красным. — И дай мне сделать то, за чем я и привела вас сюда, — спасти.

Мужчина молчал и не двигался. Юта начала сомневаться, понимает ли он вообще, что она говорит. Или в желании поквитаться злоба настолько затмила его разум, что он перестал осознавать, что происходит вокруг.

— Остынь. Девушка ни в чём не виновата.

Один из лиатрасцев, наблюдавший за сценой со стороны, резко толкнул Темраза вбок. Тот что-то зашипел и обратил свой гнев в его сторону. Он попытался вцепиться мужчине в ворот, но его схватили за руки и оттащили.

— У тебя есть решение? Или хоть какие-то ответы? Что с нами будет? Что нам делать? — обратился к Юте мужчина, оттолкнувший от неё Темраза.

Юта спокойно посмотрела на него. Затем на поднявшихся на ноги худых оборванных мужчин.

— Есть. Пришло время воссоединиться со своим народом и взять нашу судьбу в наши руки.

Шестнадцать человек, жмурясь от яркого света, стояли у выхода из города. Прошло несколько месяцев с тех пор, как они выходили наружу. Для них подземный город стал тюрьмой. Было бы неправдой сказать, что Юта не чувствовала своей вины за это. Но она не собиралась барахтаться в бесплодных сожалениях. Времени на это больше не было.

Юта убедилась, что все вышли, и повела лиатрасцев в новый лагерь у подножия гор. Перед этим они наведались в хранилище, где лежали остатки консервов и сухих паёв, привезённых ими из города. Юта разрешила забрать всё, что лиатрасцы могли унести с собой.

До ночи она занималась их делами. Надо было найти для них пологи, подходящее место для стоянки, обеспечить всем необходимым для жизни в пустыне. Найти для них новую

одежу, в конце концов. И напоследок убедиться, что Темраз не устроит свару и на новом месте.

Когда Юта закончила, было уже глубоко за полночь. Таурис поднимался над горизонтом за горами, а Аттрим поглотила чёрная тень Ассаима. Без испепеляющего света двух солнц небо приобрело янтарный оттенок. Оно не было темно, но свет был рассеянным, мягко струился по пустыне. Юта попрощалась с людьми, но не пошла в сторону Утегата. Ноги сами повели её в другую сторону, в середину лагеря, ближе к горам.

Юта нашла его стоянку без особых усилий. Её было видно почти из любого конца лагеря по белоснежному пологу, которым Карту служил его хилт. Вещи мужчины были аккуратно разложены по лагерю. Линза из тергеда, вычищенный котелок и несколько ножей лежали посередине. В одной из мисок покоились тонкие косточки и буровато-красная кожица. Корт ужинал ящерицей.

Следы его присутствия были повсюду. Вещей было немного, но Юта с лёгкостью отличила бы лагерь Корта от любого другого, — аскетичный и практичный, такой же, как сам ругат. Всё здесь было на своих местах. Корт не терпел ничего лишнего и ничего нового. Те же потёртые и выбеленные солнцем предметы обихода. Корт не изменял ни своим привычкам, ни своим вещам. Хотя, возможно, ему просто не приходило в голову, что их можно заменить на другие, более новые и удобные.

Юта улыбнулась, ощутив себя уютно и привычно в этом пространстве, словно оказалась в своей квартирке в Лиатрасе. Внезапно под пологом что-то зашевелилось. Затем оттуда раздался тихий вздох. Сердце Юты тут же заколотилось с бешеной силой, — она не думала, что Корт в лагере. Впрочем, почему нет? Он тоже человек, и ему надо отдыхать.

Спит ли он сейчас? Знает ли, что Юта стоит посреди его стоянки в нерешительности? Она смутилась из-за того, что бесцеремонно вторглась в личное пространство мужчины. Ей следовало уйти, вернуться в свой лурд. Разобрать вещи и лечь спать. Вместо этого Юта подошла к пологу и опустилась на колени, приглядываясь.

Корт лежал в небольшом углублении к Юте спиной. Большая тряпка, служившая одеялом, натянута почти до ушей, только ноги с другой стороны торчат. Массивная спина медленно поднимается и опускается. Так спокойно и размеренно, словно отмечает дыхание самого мироздания. Для Юты это небольшое движение широких плеч означало жизнь. Спокойствие, уют, безопасность, комфорт. Дом.

Она проползла под низко натянутым хилтом и улеглась рядом с Кортом. Повозилась, устраиваясь. После чего придвинулась вплотную и обхватила одной рукой широкую талию. С той стороны донёсся медленный грустный вздох. Корт освободился из-под её руки и заёрзал под одеялом.

Юта отёрнула руку и прижала к сердцу, как будто её ранили. Она собралась вскочить и убежать, но тут длинный край одеяла взметнулся над ней и опустился, укрывая с головой. Горячая рука протянулась за спину, отыскивая её ладонь. Юта замерла, когда Корт взял её руку и вновь обернул вокруг своего тела. Медленно он накрыл её ладонь своей.

Юта уткнулась носом ему в спину, и так они лежали, боясь шевельнуться, чтобы не спугнуть хрупкий момент. Постепенно мысли покинули голову. Впервые за долгие месяцы Юта просто лежала. Просто ощущала тепло близкого тела, вдыхала запахи пустыни, смешанные с терпким ароматом тела Корта.

Через некоторое время она услышала, как Корт размеренно задышал. Юта не хотела спать. Она хотела бесконечно лежать вот так, кутаясь с Кортом в одно одеяло, слушая его

дыхание, ощущая, как гулкое биение его сердца отдаётся во всём теле, до самого утра. Она так и не заметила, как уснула. Юта проспала крепким, без сновидений, сном до самого утра.

Гвирн явился под вечер второго дня. Под глазами правителя Утегата залегли тени, а лоб между бровей прочертила глубокая вертикальная морщина. Гвирн не казался исхудавшим, как большинство атлургов в городе, — наверняка, ни он, ни члены Совета не голодали. Но он словно высох и ещё больше подобрался, его красивая одежда выглядела неряшливо. Корт, кажется, даже разглядел пятно на рукаве.

— Я ждал тебя, — спокойно сказал Корт, когда атлург вошёл в лурд.

Губы Гвирна дёрнулись, как будто он хотел съязвить что-то в ответ, но вместо этого просто кивнул. Корт пригляделся к правителю. Весь его внешний вид — выражение лица, гордо вскинутый подбородок, прямая спина — по-прежнему выражал твёрдость и решительность. Но за этой видимой стойкостью, где-то в глубине глаз, Карту почудилось что-то иное. Свойственное не Кангу, а простому мальчишке, взвалившему на свои плечи слишком много: страх, растерянность?

Корт не стал играть на слабостях Гвирна. Не потому, что ему было жаль молодого атлурга, а потому что Корт больше не собирался играть в игры. Ни с кем, и меньше всего — со своим главным противником.

Гвирн без приглашения, как-то рассеянно, подошёл к столу и сел напротив Корта. Некоторое время оба молчали. Корт ждал, а Гвирн, кажется, задумался. Он слегка покусывал нижнюю губу, что выдавало беспокойство. И ещё невнимательность — ни в какой другой ситуации, никогда раньше Гвирн не позволил бы чужому человеку заметить проявления своих чувств.

— Полагаю, игры кончились, — неожиданно возвестил Гвирн, собравшись. Он будто прочёл мысли Корта. А может, лишь сказал то, что, по его мнению, ругат хотел услышать.

Корт кивнул:

— Для меня, во всяком случае. Ты можешь попытаться помешать мне, можешь, наоборот, помочь — теперь это не важно.

Гвирн прищурился. Он старался понять Корта.

— Но ты ждал моего прихода.

— Лишь затем, чтобы сообщить о своих планах. У меня есть важная информация, которую ты должен узнать. Что с ней делать — решать тебе.

Тонкие брови Гвирна взлетели в удивлении. Он не ожидал от Корта ничего подобного. Без каких-либо условий доверить ему что-то важное?

— И что же такое я должен узнать? — спросил, подбравшись, Гвирн.

Корт кратко изложил то, что они узнали в Лиатрасе, а также свой план действий. Молодой правитель города хмурился. Складки волнами ходили по гладкому высокому лбу. Он анализировал каждое слово Корта. Корт понимал, что принесённые им новости сами по себе были достаточно грандиозны. Любому человеку, даже Гвирну, требовалось немало времени, чтобы переварить услышанное.

Тем не менее, Корт без паузы продолжил:

— Но чтобы вызволить Юту и выбраться из Лиатраса, мне пришлось заключить с врагом соглашение. Я веду за собой «хвост». Сейчас они стоят в нескольких тарах от города.

Гвирн вскочил из-за стола. Корт видел вспышку ярости в его глазах, но Гвирн тут же отвернулся, пряча лицо. Он не бросился на Корта с обвинениями, как предполагал ругат. Сейчас здесь были только они двое. Гвирну некому было что-то доказывать и не перед кем красоваться. Он сумел подавить эмоции. Сейчас надо было думать. И это было поведение настоящего правителя. Возможно, впервые за то время, что Корт знал Гвирна, он увидел в нём истинного вождя народа.

Гвирн долго ходил по кухне кругами. Он то заламывал руки, то тёр пальцами лоб. Канг не обращал на Корта никакого внимания. Ругат не мешал ему.

— У тебя же есть план? — были первые слова, которые выдал из себя Гвирн.

Он не злился. Не сотрясал небеса обвинениями и ругательствами. Корт предполагал, что эти стадии Гвирн прошёл у себя в голове за те десять минут, что ходил по комнате. В любых эмоциональных реакциях не было смысла. Также Гвирн понимал, что не может выкинуть Корта из *этой* игры. По сути, Корт был их единственной надеждой.

— Мы дадим бой, — ответил ругат. — Атлургам придётся сразиться с отрядом Вандегрида, когда мы достигнем цели.

Корт добавил к рассказу ещё несколько штрихов — то, что считал необходимым. Он не доверял Гвирну и понимал, что тот может ударить в спину в любой момент. Но Корт был готов. Сейчас все карты были у него на руках. Ведь откажись Гвирн помогать, настрой народ против него, — Корт просто соберёт лиатрасцев и уйдёт. И тогда атлурги будут обречены. Корт рассчитывал на то, что Гвирн понимает это.

Правитель Утегата обдумывал его слова ещё несколько минут. Потом сел напротив.

— Чего ты хочешь? Зачем рассказал мне всё это, зная, что это может сыграть против тебя?

Корт позволил себе усмехнуться, как в старые добрые времена их противостояния. Только на этот раз ситуация его действительно забавляла.

— Ты можешь рассказать всё народу и обернуть это против меня, — утвердительно произнёс ругат. — Но это только усложнит ситуацию. Труднее спасать людей, которые настроены против тебя.

Корт улыбался.

— Так ты хочешь сохранить это в секрете? — скорее утвердительно, произнёс Гвирн.

Корт стал серьёзен. Ни на минуту за весь сегодняшний разговор он не играл с Гвирном. Корт говорил и делал только то, что считал действительно необходимым.

— Ты — Канг Утегата. Я оставляю решение за тобой. Но если ты спрашиваешь моего мнения, то я не стал бы говорить народу об этом сейчас. Они всё равно узнают, раньше или позже. Нет никакого смысла сеять лишнюю панику и подозрения. Теперь мы должны быть сплочены, как никогда. Я действительно так считаю, веришь ли ты мне или нет.

Некоторое время Гвирн молчал. Потом сказал:

— Хорошо. Завтра я соберу Утегатол. Мы вместе сделаем заявление. Мы представим последнюю часть пророчества. Я объявлю о том, что через неделю народ уходит из Утегата искать Город Богов. Ты поведёшь нас.

Корт кивнул.

— Ещё кое-что. У меня есть одно условие. Или, если хочешь, просьба, — поправился он, видя, как Гвирн закипает.

Корт быстро изложил свою идею. Гвирн не стал возражать. Лишь пожал плечами.

— Хорошо. Сегодня мы разошлём орлов.

Этим всё было решено, но Гвирн продолжал сидеть. Корт подумал, что, возможно, правителю Утегата требуется время, чтобы уложить всё в голове. Но Гвирн уже подал голос. Он не выглядел ни довольным, ни расслабленным, как следовало бы после успешного заключения соглашения.

— Есть ещё одна тема, которую нам следует обсудить. Юта.

Корт резко втянул носом воздух. Спокойствие разом улетучилось. Действительно, разве мог Гвирн просто уйти? Не выведя Корта из себя, не съязвив что-то или не подняв единственную тему, которая могла испортить первое за всё время их знакомства неплохое впечатление от беседы?

— Я не собираюсь говорить об этом, — отчеканил Корт.

— Но мы заключили соглашение, — повысил голос Гвирн.

— Да, и это была ошибка. Я изначально не должен был этого делать, — угрюмо произнёс Корт.

Тот поступок продолжал терзать его. Если бы только тогда ему хватило сил и ума поступить иначе. Но прошлого не воротишь. Корт слишком хорошо это знал. И, конечно, Гвирн не собирался облегчать его ношу. Поэтому Корт сказал то, что давно должен был:

— Теперь всё изменилось. Всем прошлым соглашениям конец.

— Вот как? Получил, что хотел, и теперьрываешь уговор? — с желчью цедил Гвирн, снова и снова давя на больное место Корта. — Вот так просто? Так вот чего стоит твоё слово?

— У тебя был шанс, и не моя вина, что ты не сумел им воспользоваться, — Карту приходилось собирать все силы, чтобы парировать Гвирну, — а Юта... не разменный товар.

— Раньше ты так не думал. Во всяком случае, пока Леда была жива. Теперь же...

Корт преодолел расстояние между ними одним длинным прыжком. Он перелетел через стол и повалил Гвирна на пол, вцепившись в расшитый ворот его рубашки. Гвирн захрипел, — от падения из лёгких вышибло весь воздух, но быстро собрался. Удар в челюсть оказался неожиданно крепким. Хрупкий с виду атлург на самом деле был силен и хорошо тренирован.

На секунду Корт оказался дезориентирован. Гвирн вывернулся и попытался перевернуть Корта на спину, но тот оказался слишком тяжёл. Корт схватил Гвирна за грудки, приподнял и с силой впечатал в пол, выбивая из того дух. Он замахнулся, чтобы как следует врезать Гвирну, как вдруг ощутил давление чего-то прохладного на шею. Гвирн с бешенством смотрел Карту в глаза. Он сильнее надавил рукой, и по гладкому лезвию из тергеда потекли красные капли.

— Ну же, сделай это, — прохрипел Корт, ещё сильнее прижимаясь к лезвию. Он чувствовал собственную горячую кровь, текущую по коже, видел капли на одежде Гвирна, — если это всё, на что ты способен.

Гвирн тяжело дышал. В его глазах плясало безумие вперемежку с жаждой крови. «Вот каково оно, твоё истинное лицо», — мелькнуло у Корта в голове.

— Что тут... Прекратите! — тонкий вскрик, одновременно испуганный и недоумевающий, раздался от двери.

Мужчины разом повернулись на голос. В дверях стояла Юта, из-за её спины выглядывал Уги.

— Какого Руга вы творите! — Юта переводила взгляд с одного мужчины на другого. И выглядела она злой.

Это заставило мужчин очнуться. Жар схватки мигом схлынул. Рассудок возвращался на своё законное место.

Первым опустил нож Гвирн. Корт ещё несколько секунд смотрел на него, словно не вполне понимая, что тот делает под ним. Затем наконец выпустил рубашку Гвирна и, с отвращением оттолкнув его от себя, встал. Корт выглядел так, словно только что замарал руки чем-то непотребным. Его скула наливалась бордовым, а на шее красовался длинный порез. Кровь с него продолжала капать и заляпала ворот рубашки.

Гвирн вскочил секундой позже. Он явно пытался сделать вид, что ничего не произошло. Вот только его красивая рубашка была помята и порвана, волосы растрёпаны, а в руке он всё ещё сжимал нож, измазанный красным. Кровь Корта была и на нём самом — на одежде, на пальцах, на ключицах.

Протолкнув вперёд Уги с Ютой, в комнату наконец попал Дар.

— Что тут происходит?! — нахмурившись, прошипел юноша.

Вопрос был адресован Гвирну. Дар не сводил с него злых глаз. Их взгляд перебегал от лица к испачканному кровью ножу.

Первым нашёлся Корт:

— Всего лишь небольшое недоразумение. — Он снова выглядел спокойным. — Мы... обсуждали дальнейшие планы.

— И как прошло обсуждение? — Уги скептически вскинул бровь и сложил на груди руки.

Юта цокнула языком и прошагала на кухню, растолкав при этом Корта с Гвирном в стороны. Оба вопросительно наблюдали за её действиями. Девушка схватила со стены кухонное полотенце и вернулась к мужчинам. Молча она повернулась к Гвирну спиной и приложила тряпку к порезу на шее Корта.

В этот момент ругат бросил на правителя полный злорадства и торжества взгляд. Это было так по-мальчишески, но Корт не сумел сдержаться. Единственным человеком в комнате, кто не заметил этого взгляда, была сама Юта. Воцарилось неловкое молчание. Уги с Даром поняли, что стали свидетелями некоей личной сцены, разыгравшейся между этими тремя.

— Хорошо, — неожиданно подал голос Гвирн. — Обсуждение прошло хорошо. — Он отвечал на вопрос Уги. Затем вытер лезвие аслура о собственный рукав и спрятал кинжал за пояс. — Думаю, мы договорились, — Гвирн обращался к Карту, сверля его тяжёлым взглядом.

Корт ничего не ответил. Гвирн расценил молчание, как согласие. Ни на кого не глядя, он вышел.

Глава 11. Собрание

Утегат гудел день и ночь, не утихая. Его жители готовились к Великому Паломничеству, которое объявил Гвирн. Все, от мала до велика, снаряжались в дорогу. Женщины шили походное снаряжение и хилты, делали запасы еды в дорогу, расчищали поля. Мужчины готовили оружие, выбирали остатки воды из Водного Хранилища. Вести с собой коз представлялось невозможным, поэтому всё поголовье прирезали, и теперь активно заготавливали мясо.

Лиатрасцы за пределами города тоже готовились к новому походу. Корт, Ути и Дар учили их основам выживания в пустыне, помогали со снаряжением. Юта проводила с жителями Вечного Города почти всё своё время. Они воспринимали её, как своего ангела-хранителя, и нуждались в ней, как дети в матери. Не проходило и часа, чтобы кто-то не разыскивал Юту.

Девушка была нарасхват. Её популярность была гораздо выше мужчин-атлургов и даже Корта. Причин было несколько. Во-первых, она тоже была из Лиатраса, но при этом справлялась с жизнью в пустыне наравне с атлургами. Во-вторых, мужчины-атлурги, включая таинственного и слегка пугающего Корта, слушались её. Ну и наконец, Юта казалась близкой и человечной. Она выслушивала каждую просьбу с большим вниманием, делала всё, чтобы помочь. И даже когда это оказывалось не в её силах, умела успокоить и ободрить.

Но жители Утегата и лиатрасцы были не единственными, кто наводнял коридоры города в эти дни. Всю прошлую неделю в Утегате собирались Канги. Орлы были разсланы во все известные поселения. И уже через пять дней у входа в Утегат появился первый Канг из соседнего города — Кумгата. Спустя неделю пришло уже больше половины Кангов от всех известных подземных гатов. Некоторые разместились в Утегате. Другие встали лагерями вокруг города. В итоге было решено, что ждать дольше нет смысла. Первое в истории собрание Кангов Нибелии было назначено на утро следующего дня.

В лурде Гвирна было достаточно места для одиннадцати человек: девяти пришедших Кангов, Гвирна и Корта. Собираться в Зале Кутх не стали, — это не Утегатол. Кангам надо было переговорить с глазу на глаз.

Корт был знаком лишь с одним из них — Кернадом, Кангом Арагата. Им с Ютой пришлось зайти туда за помощью после бегства из Лиатраса. Кернад тогда принял их радушно. Корт с Кернадом поприветствовали друг друга довольно тепло. Но вот большинство остальных Кангов смотрели на Корта с подозрением или даже неприязнью. После долгих дежурных расшаркиваний и представлений все наконец разместились и смогли перейти к делу.

Корт не удивился, когда старик со сморщенным и пятнистым, словно кожа запечённой ящерицы, лицом начал разговор со слов:

— Что здесь делает чужак?

Он разглядывал Корта, как диковинное животное. Что было вообще-то не самым худшим: некоторые смотрели на него, как на прокажённого или урота.

Корт понимал это, — никто из них за всю жизнь не видел жителя Города-за-Стеной. Нет, у Корта не было хвоста или третьей руки. Но даже такая незначительная вещь, как иной цвет глаз и оттенок кожи, воспринимался консервативными атлургами, как нечто

необычайное.

За Корта неожиданно ответил Гвирн:

— Этого человека зовут Корт. И... он атлург. Не торопитесь. Вскоре вы узнаете, по какой причине он находится здесь.

Корт немало удивился заступничеству Гвирна и счёл за лучшее промолчать. Гвирн представит его, когда сочтёт нужным. В конце концов, в делах дипломатии ему нет равных. Корт не раз убеждался в этом, и теперь решил предоставить Гвирну вести беседу.

— Итак, к делу, — заговорил другой старик, обращаясь к Гвирну. У него были выцветшие почти до белизны глаза и длинный уродливый шрам на скуле. Это был Канг Тергата — большого поселения к юго-востоку от Утегата. — В письме ты говорил, что всё происходящее сейчас — неурожай, голод, затмение, — предсказано. Я бы хотел увидеть свиток.

Корт почувствовал, как Гвирн напрягся. Ему не понравился повелительный тон мужчины. Но Гвирн был самым молодым из собравшихся Кангов, так что он не должен был ожидать ничего иного. Молодой правитель Утегата вежливо улыбнулся:

— Конечно.

Гвирн достал пергамент и развернул его. Канги нахмурились при виде символов наури. Корт сообразил, что, должно быть, никто из них не умеет читать на древнем языке, а их гурнасы не были допущены на собрание.

Улыбка Гвирна стала шире.

— Если вы не против, я зачитаю. — И Гвирн принялся «читать» Кангам пророчество.

Конечно, Гвирн не умел читать на наури. Однако всё, что ему надо было сделать — это заучить предоставленный Кортом перевод, и теперь зачитать его наизусть, с многозначительным видом водя глазами по строкам. Корт не понимал, зачем нужен этот цирк. Впрочем, Гвирн любил пафос. А мнимое знание наури могло добавить ему авторитета в глазах других Кангов.

К тому моменту, как Гвирн закончил, все хмурились, а многие выглядели поражёнными. Один из Кангов озвучил мысль, словно пыль, витавшую в воздухе:

— Этого не может быть. Город Богов... это лишь старая сказка.

— Я верю, — неожиданно для всех сказал Салгаир, старик со шрамом и белёсой радужкой глаз. — Наш гурнас тоже нашёл часть этого пророчества.

— Да, и у нас, — отозвался молодой Канг Нуралгата, Лурн. Хоть он и был самым молодым из пришедших Кангов, но казался старше Гвирна лет на десять. — Но только начало. Мы не смогли найти окончание.

Гвирн снисходительно улыбнулся. Инициатива снова была в его руках, и Корт отчётливо видел, как он наслаждается этим.

— Это потому, — ответил правитель Утегата, — что последняя часть пророчества находилась в Городе-за-Стеной. Она хранилась жрицами Амальрис, богини Ночи и Тьмы.

Закончить Гвирну не дали. Канги подняли гвалт и гомон, подобно стае ворон. Вопросы и восклицания посыпались без всякого порядка.

Гвирн повысил голос и поднял руки, так же, как делал во время Утегатолов для усмирения атлургов:

— Прошу, дослушайте до конца. — А когда мужчины немного утихли, обратился к Карту: — Корт, ты не мог бы рассказать нашим гостям подробнее о жрицах Амальрис?

Корт вкратце изложил историю гонений на жриц и их бегства. Рассказал о том, как

нашёл последнюю из них. А также о том, что только она знает, как найти Город Богов и имеет ключ, чтобы открыть его. По мере того, как его рассказ продвигался, в комнате становилось всё тише и тише. Казалось, даже дыхание атлургов перестало колебать воздух.

Невероятная история, приправленная, однако, большим количеством деталей и подробностей, поразила и смутила многих. Те, кто были потомками Детей Канора, правителями народа, и должны были помнить и хранить его историю, сами впервые слышали её. Причём, от чужака, изгоя, пришедшего из Города-за-Стеной. Вероятно, они могли бы назвать его лжецом и не поверить, если бы многие слова Корта не подтверждались тем, что они видели собственными глазами. И если бы у них был выбор. Но в таком случае, их всех не было бы здесь.

Корт слышал, что рассказывали некоторые из них. Песчаные города вымирали. Ситуация во многих была гораздо хуже, чем в Утегате. Утегат был расположен возле гор, и у них было хранилище воды. Поэтому он был одним из самых больших и сильных городов, если не самым. В других гатах голод и нехватка воды начались гораздо раньше и ощущались сильнее. Атлурги умирали десятками, а может, уже и сотнями.

Поэтому они пришли. Потому что альтернативой была — смерть.

После рассказа Корта повисла тишина. Канги обдумывали его слова и свои дальнейшие действия. Первым заговорил старик со сморщенным лицом, его звали Улгерном:

— Почему мы должны верить чужаку? Он не один из нас, — ворчливым голосом произнёс Канг. У него не было причин не верить рассказу Корта. Но и верить он не хотел.

Гвирн раскрыл рот, чтобы сказать что-то в защиту Корта. Корт поднялся со своего места и обвёл глазами собравшихся.

— Если кого-то подводит зрение, я помогу вам рассмотреть.

Он до локтя закатал рукав на правой руке и повернул её внутренней стороной к атлургам. Кроваво-красные знаки змеились по предплечью так же, как у любого другого атлурга. В большинстве народ не умел читать на наури, но значение татуировок каждый знал наизусть. Знак атлурга, знак принадлежности своему гату, знак воина, свадебный знак и знак, говорящий о рождении сына. Среди них выделялся один из сакральных знаков. Символ, который получили лишь немногие за всю историю народа, — знак ругата.

— Руг выбрал меня. Так что это не вам решать, — отчеканил Корт, когда все смогли как следует рассмотреть его татуировки. И, вскинув голову, закончил: — Я — тот, кто проведёт вас через пустыню.

Речь Корта произвела впечатление. Реакция была сильной и неоднозначной. Некоторые Канги, включая знакомого Карту Кернада и молодого Лурна, сделали агнури — ритуальный жест преклонения перед волей богов. Несколько человек продолжали выказывать неодобрение, хоть Корт и не мог расслышать конкретных возражений.

— Кто угодно может нарисовать себе знак. Это ещё ничего не значит, — проворчал себе под нос Улгерн. Однако сделал это довольно громко, так что все в лурде услышали.

— И кто угодно может быть изгнан из Города-за-Стеной и не умереть в песках? Блуждать месяцами по пустыне и выжить? Найти один из гатов и стать своим среди атлургов? — парировал Корт, прямо глядя на старого Канга.

Улгерн снова проворчал что-то, но на этот раз настолько тихо, что никто не расслышал. Воцарилось молчание.

— Положим, ты приведёшь нас в Город Богов, — убедившись, что стычка окончена, заговорил Салгаир. Они с Улгерном были самыми пожилыми из Кангов, собравшихся здесь.

Но Салгаир с возрастом приобрёл выдержку и мудрость. Улгерн же — лишь скептицизм и стариковское брюзжание. — Но ты говорил, что только жрица Амальрис может открыть врата в город. Где мы...

— Она здесь, — перебил его Гвирн.

— То есть?

— Последняя жрица Амальрис в городе, с нами. Некоторые из вас, вероятно, могли видеть её в пустыне или на улицах Утегата.

Канги замолчали. Затем один спросил:

— Мы можем увидеть её?

Гвирн и Корт переглянулись. Они оба не хотели этого, но оба понимали, что им придётся показать Кангам Юту. Если не сегодня, то вскоре они всё равно узнают, что именно она — жрица Амальрис.

Корт встал со своего места и молча вышел. А когда вернулся, за ним следовала Юта. Корт придержал полог, и девушка вошла в лурд. Корт кожей ощутил пристальное внимание девяти пар глаз, хоть оно было направлено не на него. Канги рассматривали Юту, словно товар на витрине. Изучали, анализировали, приценивались, чего она может стоить. Корт крепче стиснул зубы.

Так же, как и Корт, Юта не была атлургом. Это могло вызвать новый всплеск негодования. Атлурги не любили ничего нового, ничего выделяющегося. А Юта даже выглядела иначе. Она была ниже ростом, с более хрупким телосложением. Хоть у неё и был похожий оттенок кожи, но глаза были совершенно диковинного изумрудного цвета. А волосы — цвета пшеницы с молоком, а не соломы и песка, как у народа. Одно это могло настроить правителей гатов против неё.

Кажется, Юта хорошо понимала это. Она вошла, вскинув подбородок, исподлобья глядя на мужчин. В её глазах читались и страх, и вызов одновременно. Жрица прошла в лурд и встала перед мужчинами, позволяя рассматривать себя. Корт пропустил её вперёд, но встал за плечом настолько близко, что Юта чувствовала его дыхание у себя в волосах.

Как только один из Кангов открыл рот, намереваясь что-то сказать, Корт тихонько свистнул. Полог чуть приподнялся, и в комнату вошёл Утагиру. По комнате пронёсся громкий вздох, кто-то ахнул, несколько человек вскочили со своих мест. Утагиру прошёл, низко опустив лобастую голову, и остановился по другую сторону от Юты. Саграл не издавал ни звука. Было достаточно того, что он скалил зубы, длиной с аслур. Зверь стоял напряжённый и опасный.

Мужчины не шевелились, напуганные и поражённые.

— Он не причинит вам вреда. Если вы не попытаетесь причинить вреда ей, — сказал Корт, обводя Кангов глазами. Его взгляд напоминал цепкий и угрожающий взгляд саграла, готового к нападению.

— Это... саграл? — наконец отмер молодой Лурн. — Но как это возможно? Разве они не вымерли столетия назад?

— Может и так, — выговорил Корт не без труда. Казалось, с его губ готово сорваться рычание. — Я не встречал в пустыне других сагралов. Возможно, Утагиру — последний.

— У него есть имя?! — поразился Лурн. Молодого правителя Нуралгата явно не на шутку заинтересовал зверь. Возможно, даже больше, чем всё остальное, присходившее в лурде.

— Это она — последняя жрица? — перебил его Улгерн. На дряблом лице старика

застыло отворачивание, одинаково относившееся как к сагралу, так и к Юте с Кортм. — Но она даже не атлург. Как она может открыть врата?

— Она атлург, — ответил Корт без выражения. — Она — потомок тех жриц, что столетия назад бежали из песчаных гатов в Город-за-Стеной. Хоть Юталиэн выглядит иначе, в ней течёт кровь атлургов. Она сможет открыть врата.

— Но... — вновь начал Улгерн, но его перебили.

— Что скажешь, дитя? Ты можешь открыть врата Города Богов? — Салгаир обращался к Юте. При этом выражение его лица смягчилось, а из уголков глаз разбежались приветливые лучики морщинок.

Корт ощутил к этому незнакомому и, наверняка, опасному Кангу благодарность. Салгаир был, вероятно, самым пожилым из всех Кангов, хотя возраст атлургов определить непросто. Возможно, в нём сказался инстинкт старости, склонной относиться ко всем молодым со снисходительностью, словно к родным внукам.

Юта ответила, всё так же прямо держа спину и вскинув голову:

— Да. Я потомственная жрица. Ключ к Городу Богов передавался в моём роду из поколения в поколение, от матери к дочери. И теперь он принадлежит мне. Если кто-то и сможет открыть врата, то это я.

— Мы можем увидеть ключ? — спросил старый правитель Тергата.

— Боюсь, что это невозможно, — ответил за Юту Гвирн. — Ключ находится в надёжном месте из соображений безопасности. Но это тот самый ключ от Города Богов. Сомнений нет.

Спрятать кулон — было идеей Корта. Он очень серьёзно отнёсся к безопасности Юты в эти дни. Особенно в присутствии стольких Кангов, о которых он ничего не знал, кроме того, что они все, без сомнений, были опасными и опытными политиками. И хоть, на первый взгляд, у них не было мотивов причинять Юте вред, Корт решил перестраховаться. Именно поэтому он приставил к ней Утагиру на время всего похода. И, вопреки возражениям, настоял на том, чтобы Юта до времени рассталась с кулоном.

— Поверьте, нам нет смысла обманывать вас, — говорил между тем Гвирн. — То, что мы предлагаем — спасение для ваших народов. Присоединяйтесь к нам в Великом Паломничестве к Городу Богов или оставайтесь в своих гатах, обречённые на гибель.

Времени осталось мало. Вы должны решить сейчас. Через десять дней, самое позднее, нам надо выходить, если хотим опередить Бурю.

После этого Гвирн с Ютой и Кортм оставили Кангов одних, дав им время на размышления. Вскоре к ним вышел молодой Лурн и сообщил, что Канги приняли решение.

— Мы согласны, — без предисловий сказал Салгаир, когда Гвирн и Корт вернулись обратно. Салгаир говорил от лица всех. Выбрали ли его Канги или это произошло само собой, в силу его возраста и авторитета, Корт не знал. Да это и не имело значения.

— Раз все согласны, я должен рассказать вам ещё кое о чём, — проговорил Гвирн.

Он упёрся обеими руками в стол, голова была опущена. Корт непроизвольно напрягся. Неужели Гвирн решил рассказать Кангам о «хвосте»?

— У нас есть враги в Городе-за-Стеной и... — Гвирн на секунду запнулся, будто не был уверен в том, что говорить дальше, — они преследуют нас с тех пор, как Корт вернулся оттуда.

Корт чуть расслабился. По какой-то причине Гвирн решил не сдавать его Кангам. Возможно, эту, козырную, карту он прибережёт на потом. Пока всё звучало так, будто в этом

не было вины Корта.

Они с Гвирном объяснили правителям гатов, кто эти люди и чего хотят.

— В таком случае нападём на них сейчас. Вскоре здесь соберутся все наши силы. Это хороший момент, — предложил Кернад.

Гвирн молчал. И Корт подумал, что, может быть, он и сам раздумывал об этом.

— Нет, — ответил Корт. — Сейчас у них большое преимущество. У них есть огнестрельное оружие, и они увидят наше приближение издалека. Они просто расстреляют наше войско, и всё. На открытой местности они сильнее нас.

— Тогда что ты предлагаешь? Просто позволить им следовать за нами? Привести прямо к Городу Богов? — запальчиво спросил Лурн.

— Да, — спокойно ответил Корт. — Мы должны позволить им идти за нами. Когда мы достигнем Канора, то первыми войдём в него. Мы сможем подготовиться, укрепиться на местности. Там у нас будет преимущество. Иначе у нас нет против них шансов.

— Почему мы должны слушать чужака? — Улгерн ударил кулаком по столу. — Что он знает о том, что мы можем, а чего — нет? Мы должны напасть сейчас, чтобы не подвергать опасности наших женщин и детей. Пока мы ещё сильны и не истощены переходом.

— Я прекрасно знаю, что могут атлурги, потому и предлагаю этот план, — закипал Корт. — А ещё, никто, кроме меня, не сражался с таким врагом. Вы даже представить себе не можете, на что способно их оружие.

— И на что же такое оно способно, что ты готов бежать, как трусливый козлёнок, поджав хвост? — Реплику Улгерна сопровождали сдержанные смешки.

— Вот на что, — ответил Корт и достал из-за пояса пистолет.

Он направил оружие в стену над головой Улгерна и разрядил обойму. Грохот выстрелов оглушил Кангов. Многие попадали на пол, почти все закрывали уши и головы руками. Куски стены разлетались по лурду, рикошета по людям. В воздухе висела пелена песчаной пыли и запах гари.

Это была расточительная трата патронов, но Корт понимал, что у него есть только один способ убедить Кангов довериться ему, — напугать их.

И это ему удалось. Когда оглушённые и обескураженные мужчины повылазили из-под стола, желание спорить с Кортом у них пропало. Теперь они будут слушаться его, как в том, что касается Паломничества, так и в том, что касается сражения, подумал Корт. И ещё он подумал о том, что именно этого, должно быть, добивался Гвирн. Только вот Корт пока не понимал, зачем.

Глава 12. Закатное пламя

Небо было почти совсем темно. Новая планета надвинулась на Нибелию быстро и неотвратно. Аттрим ещё с неделю назад полностью скрылся за Ассаимом. Таурис ещё иногда выглядывал, но уже был не в состоянии опалить поверхность планеты, как когда-то. Короткие промежутки жары и света сменялись всё более продолжительными — тьмы и прохлады.

Иногда это было на руку, но иногда так же сильно мешало. Тормозило продвижение вперёд, а значит, приближение к цели. Это раздражало. Но это была не единственная причина для раздражения в эти дни.

— Ни черта не видно. Принеси лампу, — скомандовал Вандегрид.

Он склонился над столом, пытаясь что-то рассмотреть. В его палатке, кроме стола, раскладушки и нескольких походных кресел, была также печка — на всякий случай, собственная плита, чтобы вскипятить кофе, и даже несколько картин из дома правителя. Остальную коллекцию искусства вместе с драгоценностями и раритетной мебелью Вандегрид ещё полгода назад вывез на Бета-Глорию. Он купил там дом с небольшим островом несколько лет назад, просто на всякий случай.

Один из подчинённых вернулся, неся в руке длинную лампу на солнечных батареях. Он повесил её над столом, за которым комфортно расположились несколько мужчин.

— Итак, где мы? — спросил Вандегрид, обращаясь к своему географу.

Щуплый мужчина в очках ткнул длинным пальцем в одну из карт. Это был спутниковый снимок масштабом 1:10000. Не самый детальный, но они были в пустыне, так что снимков более мелкого масштаба пока не требовалось.

Вандегрид заглянул в карту и нахмурился. Само по себе это ровным счётом ничего ему не говорило. Очередная точка среди бескрайнего ничего. Если бы не цепочка из таких же точек, обозначавшая на карте путь паломников. Он плеснул себе в хрустальный стакан сорокалетнего виски и опустился в кресло.

— Что скажешь? — на этот раз будущий правитель всей Нибелии обращался к своему верному псу.

— Чёрт бы его побрал! — прорычал тот и хотел плюнуть, но вовремя сообразил, что он в палатке своего Господина. — М**ак хочет извести нас. Он обманул нас, Господин.

Вандегрид ничего не ответил. Он рассматривал, как лучи света преломляются в гранях стакана. Лампа начала моргать, как больной в припадке. Из-за недостатка солнечного света батареи становилось всё труднее заряжать. Надолго их не хватало. Чего не скажешь про терпение Вандегрида. Он сощурился:

— Принесите новую.

Подручный снова вышел.

— Я так не думаю, — продолжил правитель. — Разве тем самым он не подвергает опасности и тех людей, что ведёт за собой? При любом раскладе они издохнут быстрее, чем мы. Их грузовик с провизией увяз в песках — когда — три дня назад? Умора. А вчера и у второго кончилось топливо. Такими темпами они помрут от голода и жажды быстрее, чем дойдут куда-либо. Нет, дело не в этом. Он слишком умён, чтобы пытаться переиграть нас сейчас. Он прекрасно понимает, что мы лучше обеспечены и не станет так рисковать.

— Он, может, и понимает, но кроме него есть другие. Откуда мы знаем, кто у них там

принимает решения? Там вроде как с дюжину этих их князьков, — хмыкнул Рорис, один из полевых командиров Вандегрида. Неплохой стратег и опытный вояка. Только вот чересчур самоуверенный и оттого часто допускающий ошибки.

— Нет. Эти дикари тупы и прямолинейны. Если бы они замыслили против нас, то не стали бы придумывать хитростей, а просто напали. Я знаю, это именно он.

Лицо Вандегрида дрогнуло и на миг исказилось гримасой ярости. Словно фарфоровая маска дала трещину и сквозь неё проглянуло настоящее лицо. Правитель с силой сжал в руке стакан, так, что пальцы побелели. Мужчины у стола молчали, опустив глаза в пол. Они все хорошо знали, что когда господин в таком состоянии, под руку ему лучше не попадаться. Также лучше ничего не говорить, чтобы не ляпнуть глупость и не навлечь на себя гнев. Всё равно они не понимали, что происходит. Никто не понимал.

— Ублюдок, — тихо и зловеще проговорил Вандегрид, — чего ты добиваешься? В чём твой план?

В палатку вошёл парень с новой лампой в руках. Все взгляды — в большинстве раздражённые и хмурые — обратились к нему. Вандегрид уставился на вошедшего невидящим взором. Он явно видел перед собой кого-то другого. Подавшись вперёд, Вандегрид прошипел:

— Почему ты водишь их по кругу?!

— Привал, — скомандовал Корт.

Гадрим кивнул и пошёл назад. Он оповестит Кангов и всех, кого встретит по пути. Канги передадут своим приближённым, и так далее по цепочке. Остановить столь огромную процессию так же непросто, как и заставить двигаться.

Корт вскинул голову вверх. Таурис только что скрылся за глыбой Ассаима. Теперь его не будет видно несколько часов. Несколько часов почти полной тьмы.

— Знаешь, нам не обязательно останавливаться сейчас. Люди ещё не устали, да и разглядеть что-то по-прежнему можно, — заметил Уги.

Корт вздохнул:

— Так будет лучше. Пусть сейчас подкрепятся и восстановят силы. Будем идти остаток вечера и часть ночи.

— Как скажешь.

Уги отошёл в сторону и принялся командовать разбивкой временного лагеря.

Корт опустился на песок, так и не сняв с плеч рюкзака. Он вновь поднял глаза к небу и долго смотрел на тёмный диск, из-за края которого пробивался тусклый свет — жёлто-оранжевый, быстро темневший по мере того, как Таурис всё дальше скрывался за Ассаимом.

Ещё несколько месяцев назад это была лишь небольшая клякса на небосводе. И вот она распухла, раздулась до немыслимых размеров. Захватывая сантиметр за сантиметром, чернильное пятно Ассаима расплзлось по всему небесному куполу. Поглотило свет Небесных Братьев, а вместе с ним — надежду на избавление.

Солнца Нибелии потеряли господство на планете. С каждым днём они сдавали свои позиции. И всем было ясно, что скоро на небесном престоле воцарится новый правитель. Тёмный и беспощадный. Холодный и безразличный к людским жизням. Милосердные Братья часто бывали коварны и жестоки, но они также даровали жизнь. Новый властелин

Нибелии — только отнимал.

Корт смотрел на темнеющее небо так долго, что заболели глаза. Он прикрыл их на минуту, а когда открыл, рядом сидела девушка. Естественно, ему не надо было смотреть, чтобы понять, кто рядом с ним. Корт всегда знал, где она и даже зачастую, что делает.

Он не мог постоянно держать Юту при себе, хоть поначалу и пытался, — она была нужна людям. Поэтому довольно быстро все его обострённые чувства сами собой настроились на неё, как радар — на нужный сигнал. Корт чувствовал и слышал её гораздо острее, чем что-либо или кого-либо ранее. Это был новый уровень его странных способностей, хоть и работало это на одной Юте.

— Последнее время ты часто смотришь на небо.

Корт повернулся к ней. Юта тоже посмотрела вверх, но быстро опустила взгляд.

— Как дела у литрасцев? — спросил Корт. — Темраз больше не делает попыток устроить бунт?

Юта усмехнулась.

— Мне пришлось использовать всё своё красноречие и Утагиру, но я убедила его «играть со всеми». А что атлурги? Надмер больше не пытался прирезать Лурна?

— Пытался. Я был вынужден развести их по разным концам лагеря. Не думал, что расположение атлургов в походном строю может стать проблемой... Оказалось, их гаты враждуют с незапамятных времён. И при первой же возможности Канги воспользовались случаем свести счёты. Мне пришлось просить Салгаира замирить этих двоих, пока у нас не началась война прямо во время похода.

Юта внимательно и обеспокоенно рассматривала лицо Корта, сверкая своими удивительными изумрудными глазами. Мужчина заставил себя улыбнуться:

— Не бери в голову. Это всё... — Корт прервался, когда к ним подошёл Джар.

На Хранителе был серый хилт, истрепавшийся по нижнему краю. И хотя солнца не было, капюшон по привычке был глубоко надвинут на лицо, так что Корт едва мог различить его черты. Был ли он хмур, обеспокоен или устал? Скорее всего, всё вместе.

Джар сел по другую сторону от Корта. Они с Ютой незаметно переглянулись. Хранитель прокашлялся:

— Итак, как наши дела? По твоему мнению, мы приближаемся к цели?

Корт взглянул на Джара со странным выражением. Но быстро отвернулся и лишь пожал плечами.

— Ты думаешь, выбранное тобой направление верно? — спросила Юта у Корта, но отчего-то снова посмотрела на Джара.

Корт помедлил.

— Думаю, да. В любом случае, иных мыслей по поводу «Дитя в колыбели» у меня нет. Если это не отсылка к мифологии атлургов, то я не знаю, что. Один из героев древности по преданию был возвращен стихиями — ветром, солнцем и песчаной бурей. Они нашли его в колыбели на востоке. А когда этот герой вырос, то «победил змебога силой первого народа». Но разве первым народом на планете не были Дети Канора? И откуда у этого героя их сила, если он сам не являлся одним из них?

— «Посчитай: семь, восемь, девять —

Качает ветер дитя в колыбели», — пробомотала Юта. — Это кажется логичным. Но что насчёт других подсказок? У тебя есть идеи, куда нам двигаться дальше?

Корт искоса глянул на Юту и долго молчал. Так долго, что она решила: он снова

отмолчится. Но Корт медленно ответил:

— Есть. Но пока я до конца не уверен.

— Почему ты не расскажешь нам? — Юта наклонилась к мужчине, пытаясь заглянуть в лицо, но Корт отвернулся, сделав вид, будто не заметил.

— Корт, куда мы идём? — прямо спросил Хранитель. — Почему ты держишь нас в неведении? Ничего не рассказываешь? Разве мы не на твоей стороне? Разве не доказали свою преданность?

Ругат снова бросил на Джара неопределённый взгляд. Он поднялся на ноги и повернулся в сторону скрывшегося за планетой Тауриса. Он хмурился, но по-прежнему молчал.

— Что ты скрываешь от нас? — переняла эстафету вопросов Юта. — Почему не поделишься своими переживаниями? Почему не расскажешь, если что-то не так? — Юта давила на Корта так, как умела только она. Своим нежным беспокойством заставляя его самого желать раскрыться ей.

— Почему, да почему, — вскипел Корт. Потом немного помолчал. — Да потому... — Он со злостью пнул песок под ногами, — что последнюю неделю мы ходим кругами.

Он шумно выдохнул и рухнул на песок, словно сдувшийся шарик.

Юта ошарашено посмотрела на Джара, как бы ища в нём ответа на свои вопросы. Хранитель хмурился и двигал кустистыми бровями. Через несколько минут он осторожно спросил:

— Это потому, что ты не знаешь, куда нам идти дальше?

Корт снова вздохнул и запустил пальцы в песок. Теперь он сидел к Джару и Юте лицом, и девушка могла видеть его выражение. Несмотря на её опасения, Корт не выглядел отчаявшимся или бессильным. Скорее, раздражённым и нетерпеливым. Он поднял горсть песка и позволил ему сыпаться сквозь пальцы. Затем снова посмотрел на небо.

— Мы ходим кругами, потому что я жду заката.

После этих слов Юту словно прошибло током. Как она раньше не догадалась?! Это же очевидно!

— «Кто считает: раз, два, три —

В закатном пламени гори», — снова процитировала девушка строки пророчества.

Джар по-прежнему смотрел непонимающе. Он переводил взгляд с Корта на Юту и обратно.

— На Нибелии нет закатов, потому что солнца никогда не заходят за горизонт, — поспешно начала объяснять Юта. — Но, согласно пророчеству, они оба исчезнут за Ассаимом. Что, если тогда мы увидим что-то вроде заката?

Юта вопросительно посмотрела на Корта, ожидая подтверждения своей догадки. Ругат удовлетворённо кивнул. Он был похож на учителя, довольного ответом любимой ученицы.

— Но мы не увидим его, пока Таурис полностью не скроется за Ассаимом. Думаю, планета должна ещё вырасти. И когда между ней и землёй останется лишь небольшая полоса неба, тогда лучи Тауриса преломятся, подобно лучам заходящего солнца. Тогда мы и увидим «закат».

Потрясённые, лиатрасцы молчали. Теперь Юта и Джар смотрели на тёмный диск Ассаима.

— Пойдите... — вдруг встрепенулся Корт и подозрительно уставился на Юту и её Хранителя, — вы двое... Вы что, сговорились, чтобы заставить меня рассказать это?

Специально припёрли меня сейчас к стенке?

— Знаете, у меня там дела с лиатрасцами... Ну, такие ... важные. — Юта поспешно встала, избегая взгляда Корта. — Так что мне пора.

И жрица скрылась за ближайшим барханом так быстро, что пыль не успела осесть.

Джар тоже начал подниматься и открыл было рот.

— Ну уж нет. Ты так просто не отделаешься, — заявил Корт и принялся рыться в рюкзаке. Он выудил неопрятную стопку карт, которые в разное время начертил сам. А также кучу разных бумажек с написанными на них координатами и неразборчивыми пометками. — Мне давно надо навести в них порядок. — И ехидно улыбнувшись, добавил: — И ты мне сейчас в этом поможешь.

По правую руку от Корта стояли Юта и Джар. По левую — Уги, Дар и Гадрим. Они забрались на самый высокий бархан, какой смогли найти, чтобы увидеть ещё одну вежу на пути конца планеты.

Юта ахнула и невольно схватилась за кулон, снова висевший на шее. Атлурги хмурились. Корт молчал.

Последние лучи заходящего за Ассаим Тауриса окрашивали пустыню в золотой, алый и киноварь. Песок под ногами будто горел. Всё вокруг стало розовым и бронзовым. Кусочек неба на востоке взрывался пурпуром и фуксией с нотками янтаря. Цвета остывающей заготовки на наковальне переходили в цвета догорающих углей. Конец Милосердных Братьев был прекрасен.

Агония света была величественным и одновременно устрашающим зрелищем. Многотысячная толпа атлургов и лиатрасцев застыла в изумлении и страхе. Многие атлурги зывали к богам, причитали. Некоторые плакали. Когда бессильный Таурис протянул тонкие пальцы последних лучей к людям, Корт неосознанно вытянул навстречу руку. Хотел ли он коснуться солнечного луча? попрощаться? Когда в один миг свет померк, Корт сжал протянутую руку в кулак.

Уги упал на колени. Плач, доносившийся из лагеря, усилился. Небо быстро темнело, теряя последние оттенки золота и пурпура. Пустыня погружалась во тьму.

— Поднимайте людей, — скомандовал Корт внезапно охрипшим голосом. — Идём на восток.

Сумерки сгущались с каждой минутой. Атлурги по одному спускались вниз, к людям, чтобы выполнить поручение Корта. Последним, скользя по песку, ушёл Джар.

Только Юта по-прежнему стояла рядом, вглядываясь в опускающуюся на мир тьму. Корт не двигался. Ему некуда было торопиться. У него было время до тех пор, пока атлурги поднимут караван. словно заворожённый, он продолжал смотреть туда, где только что исчезла за планетой последняя звезда Нибелии. Конец мира приближался. Впереди ждали только мрак и смерть.

В окутавшей мир бурой мгле, Корт ощутил в руке тепло маленькой ладошки.

Глава 13. Последняя подсказка

Корт натянул полог под углом сорок пять градусов. Вырыл под ним углубление, а из вынутого песка соорудил подобие защитного вала. Таким образом, его стоянка оказалась спрятана от ветра.

Корт сел, скрестив ноги, вытащил из рюкзака полбанки консервированной кукурузы и сухарь. Это была его первая трапеза за день.

Еду ещё вчера принесла Юта. Она знала, что у Корта нет времени охотиться, чтобы добывать себе пропитание. Последние дни Юта часто тайком носила Карту еду из оставшихся запасов лиатрасцев. Сперва Корт возмущался и спорил. Но Юта быстро осадил его, сказав, что если Корт умрёт от голода в дороге, то и те несколько тысяч человек, что он ведёт за собой, не выживут. Корт проглотил свою гордость и стал брать у жрицы еду.

Пока Корт бездумно жевал, глядя в пространство перед собой, ветер беспрестанно бил и трепал полог. Песчинки шуршали о ткань с таким звуком, будто голодный зверь скрёбся, просился к человеку в дом.

Это началось после первого заката. Одним утром, когда люди были в пути, внезапно поднялся ветер. Сперва слабый, он креп с каждым днём. Поднимал в воздух столбы песка, бросал горсти людям в лицо, забивал одежду. Это осложняло движение, но останавливаться было нельзя. Корт велел каждому путнику соорудить повязки, закрывающие лицо, в особенности рот и нос. И они продолжили путь.

А ещё, когда поднялся ветер, Корт заметил далеко позади большой столб песка. Сперва он подумал, что это ураган. Но песчаное облако не приближалось и не отдалялось. Оно следовало за ними на одном расстоянии. Тогда Корт понял, что это Вандегрид с его людьми. Видимо, когда песчаная взвесь поднялась в воздух, следить за атлургами с помощью средств наблюдения стало невозможно. Тогда Вандегрид решил сократить расстояние между ними, чтобы не потерять из виду.

Корт ждал, что атлурги начнут задавать вопросы. Он не знал, что другие Канги говорили своим людям. Пока среди атлургов Утегата всё было тихо. В любом случае, теперь это была забота Гвирна. Пусть он объясняется с людьми.

Корт тщательно вытер ложку песком и убрал обратно в рюкзак. От скудной трапезы желудок противно ныл. Лучше было вообще не есть. Он аккуратно уложил в вырытую ложбинку часть хилта. Второй он укроется сверху.

Корт не спал уже много дней, — его мучила бессонница. От этого всё вокруг казалось зыбким и нереальным, словно во сне. Всё, о чём Корт мечтал — это просто провалиться в сон без сновидений и проспять хотя бы несколько часов.

Но стоило ему устроиться в импровизированной постели, как ругат услышал быстрые лёгкие шаги, приближающиеся к лагерю. Когда Дар засунул голову за полог, Корт уже сидел, растирая лицо, чтобы хоть немного прийти в себя.

— Что случилось?

— Корт, драка! — выпалил Дар. Он был сильно взбудоражен и ждал, что Корт последует за ним. — Скорее!

Корт ругнулся и быстро выскочил из-под навеса. Ругат бежал следом за Даром, на ходу пытаясь выяснить детали:

— Большая?

— Да!

— Кто с кем?

— Кажется, кто-то из лиатрасцев напал на атлургов.

Корт снова выругался и прибавил ходу.

Он увидел заваруху издалека: их было человек двадцать. Дрались ожесточённо: кулаками, ножами, камнями. Некоторые из дерущихся были в крови. Разъярённые крики сопровождались стонами боли и, кажется, плачем.

Вокруг собралась приличная толпа, но люди держались на расстоянии, не желая попасть в мясорубку. Последние метры Корт приближался шагом, пытаясь оценить ситуацию.

— Корт! — Ругат безошибочно распознал её голос сквозь рёв и крики дерущихся. Он протиснулся навстречу Юте и схватил её, прижимая к себе.

— Что ты здесь делаешь?! Тут опасно!

Юта словно не слышала его слов:

— Корт, это лиатрасцы. Какие-то головорезы из тех банд, что наводнили город перед Концом. Они напали на семью атлургов, кажется, из-за еды.

Корт взглядом нашёл Дара и подозвал к себе.

— Уведи её отсюда.

— Но, Корт!

— Живо! — прикрикнул ругат и направился в сторону свалки.

— У одного из них оружие! Пистолет! Корт! — кричала Юта вдогонку, но Дар практически силой волок её прочь.

Корт приблизился к дерущимся. Одеты все были одинаково и с первого взгляда отличить лиатрасцев от атлургов было сложно. Корт заметил в стороне лежащего неподвижно атлурга. Возле него, пытаясь отволочь в сторону, плакала женщина.

Корт вынул из-за пазухи пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Некоторые из дерущихся поотскакивали в стороны, но те, кто был в самой гуще, продолжали остервенело драться.

— Разнять их! — рявкнул Корт. После чего принялся сам растаскивать тех, кто был к нему ближе.

Увидев впереди ругата, атлурги кинулись ему помогать. Вскоре драку удалось растащить. Мужчины стояли злые, запыхавшиеся, в крови. Корт обвёл всех взглядом.

— Кто зачинщик? — отчётливо и холодно спросил он.

— Это они! — тут же указал кто-то из атлургов.

Он показывал на группу молодых парней. Они держались вместе и злобно осматривались по сторонам. В руках трёх из четырёх Корт заметил оружие: ножи и дубинку.

— В чём причина? Почему напали? — спросил ругат у парней.

Они упорно молчали, наконец осознав, что оказались в меньшинстве.

— Еду! Они пытались украсть еду! Муж защищался, и они его... — сквозь громкие всхлипы выговорила женщина. Окровавленными руками она прижимала к себе тело мужчины. Тот не двигался.

— Убит? — холодея, спросил Корт.

Женщина не ответила, погружённая в своё горе. К её мужу подошёл атлург из толпы. Он опустился на корточки и прощупал пульс на сонной артерии. Затем обернулся к Карту и кивнул.

Корт шагнул к бандитам. Они теснее сбились в кучу и ощерились ножами.

— Покажи руку, — скомандовал Корт.

Трое из четырёх держали оружие. Но последний всё время прятал руки.

— Отдай мне пистолет по-хорошему, — обратился Корт к бандиту.

Глаза парня метались из стороны в сторону. Он лихорадочно пытался сообразить, что делать. И наконец решил. Он вынул руку из-за спины и направил на Корта дуло пистолета.

— Это всё вы виноваты! Мы голодаем! Почему мы должныдохнуть с голоду, когда вы едите мясо каждый день! — парень был на взводе. Рука с пистолетом дрожала.

Корт выстрелил дважды. Первым выстрелом он прострелил руку бандита, чтобы тот ненароком не пальнул в кого-нибудь. Тот с воем выронил оружие. Вторая пуля вошла в сердце. Парень мешком рухнул на песок. Его дружки отпрыгнули от него, как от прокажённого. Один из них сообразил бросить нож на землю. Другие спешно последовали его примеру.

— Не стреляй! Это он всё затеял! Это он нас подбил, мы не хотели!

Корт опустил пистолет.

— Кровь за кровь. Долг уплачен. Вы можете выметаться из лагеря и идти на все четыре стороны.

Корт кивнул атлургам, готовым выполнить его приказ, и они поволокли ещё не понимающих, что их ожидает, головорезов прочь.

Корт распорядился закопать убитого атлурга на окраине стоянки. Когда все разошлись, ругат побрёл обратно. Он чувствовал себя очень уставшим. От голода подташнивало. Корт просто хотел укутаться в хилт и рухнуть без сознания.

Большую часть дня теперь было почти совсем темно, хотя закаты продолжались. Паломники могли наблюдать их по два раза в день. Всякий раз, как Таурис опускался к земле, небо взрывалось красками. Но с каждым днём закаты становились всё короче и тусклее.

Это было единственное время, когда Корт рисковал идти. Теперь паломники двигались только по несколько часов в день утром и вечером. Время, когда планета погрузится во мрак, приближалось.

Но самым худшим было то, что атлурги остались без припасов. Несколько недель назад у одного из грузовиков кончилось топливо. Пришлось его бросить. Корт тогда велел забирать воду. Взять ещё и провизию не представлялось возможным, и её оставили.

Еду добывали в пустыне по мере движения. Но после того, как начала подниматься буря, это становилось всё труднее. Охотники почти не могли стрелять. Оставалось ставить ловушки на ящериц и змей. Каждую добытую змею делили на несколько лурдов. Люди голодали.

У лиатрасцев ещё оставались остатки сухих паёв. Это их и спасало. Юта сама следила за распределением еды среди своего народа. Но с каждым днём пай приходилось урезать. Лиатрасцы, непривычные к лишениям, сильно страдали. Больше всего людей умирало среди них.

Корт давно перестал вести подсчёт потерям. Это было и невозможно, и бессмысленно. Люди будут умирать. И чем дальше — тем больше. Он понимал это. Единственный способ остановить это — найти Город Богов. Проблема была в том, что Корт уже использовал две подсказки из трёх. И он не мог разгадать последнюю.

Корт собирал свой нехитрый лагерь, наблюдая за тем, как край неба начинает светлеть. Ему снова не удалось уснуть. Приходила Юта. Наверное, хотела поговорить о сегодняшнем происшествии. Корт сделал вид, что спит, и девушка ушла. Ругат не чувствовал в себе сил объясняться с ней. Он сделал то, что сделал, потому что у него не было выбора.

Корт должен был пресекать любые попытки воровства и другие преступления максимально жёстко. Люди были истощены, напуганы и оттого озлоблены. Корт не мог позволить в стане паломников беспорядки. Это могло привести к войне всех против всех и быстро окончить их поход. В такое тяжёлое время всё приходилось решать здесь и сейчас, без судов и «утегатолов». У Корта не было права на жалость и эмоции. Он должен был судить трезвой головой и делать это максимально быстро и сурово.

Корт почувствовал приближение большого числа людей и напрягся. Это не могло предвещать ничего хорошего. Впрочем, теперь ничто не предвещало ничего хорошего.

— Корт, — Впереди небольшой толпы стоял Уги. Картухватило беглого взгляда на друга, чтобы оценить его состояние: плечи напряжены, брови нахмурены, длинные пальцы нервно перебирают складки одежды.

Корт принялся вытаскивать из песка подпорки для навеса, под которым спал.

— Вы хотите знать, что это за песчаное облако в полутаре от нас?

Уги шагнул ближе и понизил голос:

— Люди говорят... разное. Они начали собираться вместе и требовать ответов. Гвирн... эта паскуда куда-то подевалась. Я не знал, что делать.

Корт обернулся:

— Всё в порядке. Я поговорю с ними.

Корт поднялся на ближайший бархан, чтобы видеть как можно больше людей. Толпа быстро увеличивалась. Когда атлурги увидели ругата, волнение усилилось. Вопросы сыпались со всех сторон. От усталости мысли с трудом ворочались в черепной коробке. Корт старался тщательно подбирать слова, хоть никогда не был в этом мастером.

— Песчаное облако, которое вы видите в стороне — это... Нас преследуют. От самого Лиатраса.

Атлурги зашумели сильнее. Они в недоумении переглядывались, вытягивали шеи назад, пытаясь получше рассмотреть песчаный вихрь на горизонте.

— В Лиатрасе у нас есть враги, — продолжал Корт. — Они узнали о приближении Конца задолго до нас. Они обладают властью и знаниями. Многие века они охотились за жрицами Амальрис и истребляли их. Им нужен был кулон, открывающий врата Канора. Когда я выводил из Лиатраса людей, они выследили нас. И с тех пор идут по нашему следу.

Корт ненавидел лгать, но другого выхода не было. Он должен был выгородить себя, а иначе голодные и озлобленные атлурги могли убить его прямо на месте. И уже потом вспомнить о том, что без него не смогут найти Город Богов.

— Что им нужно?

— Почему они не нападают? — выкрикивали из толпы.

— Они хотят следовать за нами до самого Города Богов, чтобы затем напасть и самим занять его.

Это было ложью лишь отчасти. К тому же Корт не мог быть уверен в том, что Вандегрид выполнит уговор. Он и правда мог попытаться напасть в неожиданный момент, чтобы

просто перебить атлургов.

— Атакуем их первыми! — выкрикивали из разных концов толпы.

— Мы не можем. Сейчас у них большое преимущество перед нами, — устало повторял ругат, кажется, уже в сотый раз. — Они сыты и сильны. Сейчас они с лёгкостью разобьют нас.

— Вот именно. Надо было нападать раньше! Почему мы узнаём об этом только сейчас?! — гневно выкрикнул один из атлургов.

— Правильно! Такое дело должно решаться на Утегатоле! Мы требуем слова!

— Мы не можем собирать Утегатол сейчас. У нас нет времени, нет сил. Нет... ничего нет.

Силы покидали Корта с каждой секундой. Гнев и негодование атлургов обрушились на него с неожиданной свирепостью. Корт просто не мог сопротивляться. От усталости и истощения его защитные барьеры были подорваны. В голове гудело, руки начали мелко трястись. Крики и злоба атлургов били наотмашь. Корт готов был упасть под этим натиском.

— Почему это ты решаешь! Весь народ должен решать!

— И вообще это твоя вина! Если бы ты не возился с этими белокожими, если бы не ходил в Город-за-Стеной, то они не увязались бы за нами!

— Именно! И теперь всему народу не пришлось бы улаживать твои проблемы!

— Вы не можете обвинять в этом Корта, — попытался вмешаться Уги. — Он ходил в Город-за-Стеной, чтобы добыть ценные сведения! Без этого мы вообще ничего не знали бы о спасении и погибали бы сейчас в своих лурдах!

— Хорошо спасение! Пока я вижу только гибель! Лучше бы оставались в своих домах! Хоть умирали бы, как люди!

Атлурги разъярились всё сильнее. Им было не важно, виноват ли Корт в чём-то на самом деле, или нет. Они нашли мишень для своей злости и раздражения. Им нужен был кто-то, на ком они могли выместить скопившийся гнев. Атлурги жаждали расправы.

У Корта в голове мутилось. Он перестал понимать, что ему кричат. Только видел перед глазами искажённые злобой лица, брызжущие слюной рты, сжимающиеся кулаки. Всё повторялось. Снова и снова. День его изгнания из Лиатраса.

Всё вокруг начало кружиться. Корт хотел спуститься вниз и просто убежать, но боялся, что упадёт. И тогда голодная толпа набросится на него, как стая геен. Корт из последних сил боролся со слабостью, готовый упасть на колени. Вдруг гневные голоса стихли. Сквозь них прорезался другой голос, звонкий и властный.

Корт постарался сосредоточиться, чтобы расслышать слова.

— Извини за это, — вдруг раздалось у самого уха. — Мне пришлось улаживать дела с другими Кангами.

Это был Гвирн. Он взобрался на бархан возле Корта и скептически рассматривал его.

— Я... они... — промямлил Корт, шурясь. Перед глазами всё плыло.

Гвирн ждал, пока Корт закончит фразу. Но, поняв, что ругат больше ничего из себя не выдавит, зло отвернулся. Канг встал лицом к толпе.

— Что за чертовщина тут творится?! Вы выжили из остатков ума?! — прошипел правитель, и среди атлургов стало тихо, как в глухой пещере.

— Вы хоть понимаете, на кого напали?! Этот человек — Ругат! И он единственный, кто может спасти ваши жизни! Всё, что Корт делал и делает, было необходимо для спасения народа. Наш враг там, — Гвирн вытянул руку, указывая в сторону песчаного облака, — а не

здесь. Поэтому вы успокойтесь и выкажете Карту должное уважение, как Ругату и единственному проводнику в нашем Паломничестве.

Больше того, — сквозь зубы, сдерживая эмоции, продолжал давить из себя Гвирн, — Корт не просто продолжит вести нас в Город Богов. Он возглавит нас в сражении с врагом из Города-за-Стеной.

Атлурги снова зушумели. Волна движения прошла по толпе, будто дуновение ветра. И словно песчинки, сорванные с верхушки бархана его порывом, несколько человек выступило вперёд.

— С какой стати! Мы не встанем под его командование!

— Это он навлёт на нас эту беду! Пусть он ведёт нас, если другого выхода нет, но после мы сами справимся с нашими врагами!

— Глупцы! — вскричал Гвирн. Его красивое лицо перекосило от злости.

Корт понимал, что напряжение и тяготы пути сказываются на всех, в том числе и на Канге Утегата. Но ни за что в жизни он не мог представить, что Гвирн позволит эмоциям взять над собой верх. Он наблюдал за молодым правителем с удивлением, граничащим с шоком.

Внезапно Гвирн сбежал вниз, в толпу. Люди опешили и слегка расступились перед Кангом.

— Кем вы себя возомнили? Может, богами сражений или великими героями?! Всемогущими и всесильными? — вскричал Гвирн. Но затем чуть успокоился. — Послушайте. Мы голодны, истощены, обессилены. Мы несём потери и без всяких сражений. А этот враг, — Гвирн указывал рукой в сторону, — сыт, силён и очень опасен. Никто из нас никогда не сталкивался ни с чем подобным. А вот Корт — сталкивался. Он один знает, чего ожидать, как с ними сражаться и как победить.

— И что же в них такого страшного, чего мы не видели раньше? — выкрикнули из задних рядов.

— Покажи им, — холодно произнёс Гвирн и обернулся к Карту.

Корт достал из-за пазухи пистолет. Перезарядил обойму, снял с предохранителя, взвёл курок. Три раза он выстрелил в воздух над головами атлургов. В толпе раздались крики. Атлурги попадали на песок. Лишь Гвирн остался стоять.

Только через минуту атлурги очухались и повставали. Оглушённые выстрелами, поражённые мощью невиданного оружия, они пристыженно молчали.

— Когда я говорю вам, что это враг, с каким мы не сталкивались раньше, вам лучше верить мне, — очень тихо, но так, что услышали абсолютно все в толпе, выговорил Гвирн. — И когда я говорю, что Корт поведёт нас в сражение, это не подлежит обсуждению. Вы будете делать то, что говорим мы с Кортом. А иначе мы все погибнем.

Гвирн направился прочь прямо сквозь толпу. В полном молчании атлурги расступались перед ним. На Корта они не смотрели. Будто этого разговора и не было, они стали медленно расходиться.

Корт продолжал стоять в странном оцепенении. Он не понимал, почему Гвирн сейчас помог ему. Почему вдруг одарил такой властью и такими полномочиями. Корт не просил об этом. Роли проводника было для него более чем достаточно. Зачем Гвирну делиться с ним своей властью? Могло ли быть так, что он верил в то, что только под предводительством Корта они могут победить в сражении? Или это был лишь очередной ход в его опасной игре?

Пробивая себе дорогу через толпу расходящихся атлургов, к Карту бежала Юта. Её

волосы были растрёпаны. Она выглядела растерянной и обеспокоенной. Корт спустился с бархана ей навстречу.

— Корт, что случилось? Я услышала выстрелы и сразу прибежала.

Корт вздохнул:

— Всё в порядке. Надо было просто припугнуть атлургов. Не бойся, никто не пострадал. Юта вдруг смутилась и опустила глаза в песок. Тихо она проговорила:

— Я не за них испугалась.

В груди у Корта вдруг разлилось тепло. Напряжение начало отпускать. Он улыбнулся краешками губ:

— Пойдём.

Корт побрёл прочь, и Юта молча последовала за ним. Они вышли за пределы стоянки, наблюдая, как край неба потихоньку светлеет. Невдалеке, словно просыпающийся пчелиный рой, гудел поднимающийся лагерь. Люди сворачивали тенты, готовили на скорую руку еду, собирали вещи в дорогу. Мимо Корта с Ютой прошло несколько охотников. Они несли ящериц, скорпинов и змей — скудную добычу, которую придётся делить с теми, чья охота оказалась неудачной.

Корт сел на песок. Он привалился спиной к бархану с подветренной стороны. Над его головой ветер срывал песчинки и быстрыми порывами уносил прочь. Юта пристроилась рядом.

— Хочешь знать про недавнее происшествие? С дракой?

Юта немного помолчала, а потом отрицательно мотнула головой.

Непроизвольная горькая усмешка появилась на губах Корта. За время жизни рядом с ним Юта научилась не задавать вопросов, ответы на которые могли ей не понравиться. «Зачем она остаётся рядом с таким, как я? Неужели не видит, что я конченный человек?» — думал Корт.

— О чём ты думаешь? — спросила Юта, будто прочитала его мысли.

— Я думаю о том, что сейчас Гвирн выиграл. Снова. Он напугал людей достаточно, чтобы они слушались его какое-то время. Но что будет, когда испуг и шок пройдут? Когда короткая память атлургов и их горячая кровь сделают своё дело? Что Гвирн будет делать тогда? Прикажет мне пристрелить кого-то из них? Страхом можно заставить людей слушаться. Но нельзя заставить их доверять тебе. А мне нужно их доверие, чтобы повести в смертельную схватку.

И ещё я не могу взять толк, зачем Гвирн вообще стал меня защищать. Он вроде как помог, но меня не отпускает чувство, что это я остался в дураках. Что он снова использовал меня, словно пешку, в своей игре. Что он добивается каких-то своих целей моими руками.

— Да, — протянула Юта задумчиво, — хотя формально он руководит народом, но все тяготы решений ложатся на тебя. Все спорные ситуации и происшествия с людьми тоже улаживаешь ты. Если ты делаешь ошибку, то винят в этом только тебя. Гвирну ещё ни разу не пришлось замарать ни свои руки, ни свою репутацию.

— Он говорит, что занимается более масштабными делами, «большой политикой». Решает вопросы с другими Кангами и всё в таком роде.

— Прости, я ничего не понимаю в этом, — слабо улыбнулась Юта. — Не могу тебе помочь. Как и ни с чем другим. Я хотела бы что-то сделать, но это не в моих силах.

— Того, что ты делаешь, более чем достаточно, — проговорил Корт. — Для народа и для меня. Мне достаточно того, что ты сидишь тут рядом и выслушиваешь всю эту чушь.

Юта на секунду прижалась к Карту, обхватив его руку своими двумя. Но тут же отстранилась. Её высокие брови сошлись к переносице.

— Корт, я слышала часть того, что ты говорил атлургам. Это правда? То, что Вандегрид следует за нами от самого Лиатраса? Что он следил за нами и хочет занять Канор?

Корт тяжело сглотнул. Он не смотрел на девушку.

— Да, всё так.

Юта нахмурилась, она не сводила с Корта пристального взгляда.

— Корт, ты ведь ничего от меня не скрываешь?

Ругат мельком глянул на Юту и отрицательно мотнул головой:

— Просто не могу отделаться от мысли, что это моя вина. Если бы мы не стали собирать людей, рассылать сообщения по радио...

— То все эти люди были бы обречены на гибель, — закончила за него Юта. — У нас не было другого выхода. К тому же, если в этом и есть наша вина, то всех троих — меня и Джара тоже.

Сердце Корта больно сжалось. От лжи, перемешанной с правдой, истинных чувств и притворных слов его мутило. Он будто оказался заточён на дне колодца. Кажется, солнечный свет так близко, протяни руку — и коснёшься его. Но чем сильнее бьёшься, пытаясь выбраться, тем больше затягивает тебя внутрь холодная вода.

Юта ободряюще тронула плечо Корта, словно ощутив его смятение:

— Не думай об этом. Ты найдёшь выход.

— Я не могу разгадать её, — прошептал Корт, низко опустив голову. — «Скажет кто: четыре, пять шесть — Хвост ящерицы должен съесть». Я не понимаю, что это значит.

Только с Ютой Корт мог позволить себе говорить открыто. Несмотря на всю ложь, что стояла между ними, по иронии, Юта оставалась единственной, кому он мог говорить правду. С кем мог не скрывать своих эмоций. Отчаяния.

— Я столько раз за последнее время произнёс, что я ругат, но на деле... я не знаю, что это значит. Не знаю, что должен делать.

— Я тем более не знаю этого, — ответила Юта, — но если то, что ты ругат, тебе не помогает, тогда забудь обо всех своих именах и будь просто Кортом. Просто делай всё, что в твоих силах, и надейся, что этого будет достаточно.

Корт мысленно усмехнулся. Как она не похожа на Леду! Та всегда знала ответы на все вопросы. Знала, что сказать, чтобы успокоить, утешить, отвести плохие мысли. Юта совсем не такая. Она никогда не говорит того, что ты хочешь услышать. Она говорит только то, что думает. Только правду, какой бы тяжёлой она ни была.

И ещё, Юта никогда не даёт ответов. Она только задаёт ещё более сложные вопросы. Вопросы, которые заставляют тебя мучиться и искать, искать, искать...

— Но разве одной надежды достаточно? — спросил Корт вслух. — Разве я смогу спасти всех этих людей на одной надежде?

— Тогда как насчёт веры?

— А ты сама-то веришь в богов? — впервые Корт задал Юте этот вопрос. Он действительно не знал ответа и с интересом ждал.

— Знаешь, когда я была в заточении у Вандегрида, — неожиданно начала Юта, — он сказал мне, что ключ скрыт в моих воспоминаниях. И что я сама могу не догадываться о том, что знаю ответ. — Она вздохнула и помолчала. — Так вот, не знаю, верю ли я в богов атлургов, но я точно верю в тебя.

Корт видел Лиатрас. Необитаемый и заметённый песком. Но это был не тот Лиатрас, который он покинул несколько месяцев назад. Того Лиатраса, что предстал перед ним, никогда не существовало. Но всё же Корт находился в нём. И знал, что уже был здесь раньше.

Это был город будущего, которого никогда не будет. Город одной из бесчисленных возможностей, которая никогда не воплотится в реальность. Лиатрас, полностью покинутый жителями. Они перебрались в новый город, как и должно было быть. А этот — остался городом-призраком, городом-воспоминанием.

К тому же этот Лиатрас ещё не был погребён под толстым слоем песка. Пустыня здесь ещё не захватила город, не завладела им безраздельно. Она только-только начала перебираться через Стену и делать первые неуверенные шаги. Песок только начал виться по улицам, накрывая их тонкой вуалью. Пустыня толко начала заглядывать в окна домов, мялась на пороге возле открытых дверей. Легко прикасалась к крышам домов и школ, едва дотрагивалась до солнечных панелей Водной Долины и посевных полей.

И солнца... Две бессменные звезды Нибелии ещё всюду светили с небес. Опалляли жаром землю, прожигали воздух, слепили и душили в жарких объятиях.

Корт не спеша шёл по городу. Он не торопился, зная, что время здесь течёт не так, как в реальности. Он наслаждался этим моментом передышки. Впитывал солнечные лучи, как едва пробившийся из земли росток. Дышал полной грудью, свободный от страхов, неуверенности, отчаяния. Заворачивал на незнакомые улицы, заходил в опустевшие кафе и магазины.

И чем дальше Корт без цели брёл по улицам, тем сильнее в нём укоренялось чувство, что всё это уже было. Что он уже видел эти вывески, эти улицы, эти машины, припаркованные вдоль тротуаров. Корт заметил на другой стороне дороги газетный киоск и, не колеблясь, направился к нему. Как будто знал каждый свой следующий шаг. Знал, что должен сделать.

Корт подошёл к ларьку и взял с прилавка выпуск «Еженедельника» — газеты, где когда-то печаталась Юта. В углу стояла всё та же дата его изгнания из Лиатраса: 17 октября 3125 года.

Корт положил газету обратно и двинулся вперёд. Он знал, что должен найти её — девочку в белом платье, которая укажет ему путь.

Корт больше нигде не задерживался. Он уверенно шёл по улицам, хоть и не знал, где именно встретит свою проводницу. Она нашлась играющей во дворе одного из домов.

То же белое платье и босоножки, те же тощие косички. Девочка гоняла перед собой красный мячик, пока Корт не подошёл к ней вплотную. Только тогда она обратила на незнакомца внимание. Девочка подняла голову и, будто узнав Корта, вытянула руку в сторону. Она тут же потеряла к нему интерес и продолжила свою незамысловатую игру.

Корт не стал задерживаться. Он направился в ту сторону, куда она указала. На этот раз он добрался быстрее. Минут через пятнадцать Корт достиг внешних ворот. Он миновал несколько будок охраны и очутился возле массивных ворот водохранилища.

Корт уже знал, что ворота открыты. Он с силой потянул одну из створок на себя, и та медленно подалась. Корт вошёл. Внутри он увидел ту же картину, что и в прошлый раз:

бетонное поле обрывалось морем воды. Корт направился туда. Достигнув края, он с ходу прыгнул в воду.

Чёрные волны мигом поглотили его. Корт не сопротивлялся. Он позволил им утянуть себя в глубину, на самое дно.

Достигнув дна, Корт встал на ноги и осмотрелся. В прошлый раз эта пустыня была ему незнакома. Корт внимательно огляделся по сторонам. В этот раз он знал, где находится. Это была та часть пустыни, куда Корт никогда не заходил во время своих скитаний с Утагиру. Но теперь он побывал там. Он проходил эти места во время похода в Канор.

Эта пустыня была темна и неприветлива. Солнц не было на небе. Как, впрочем, и Ассаима. Небо было бурым, испускавшим неприятное тусклое свечение. Корт острожно двигался вперёд, не зная, чего ожидать от этого места.

Он шёл довольно долго. Может быть, несколько часов, а может, и дней. Ощущение времени здесь было иным. Он должен был найти что-то, но не помнил, что именно. Вдруг вдалеке, на верхушке бархана, мелькнула буро-красная спинка ящерицы. Корт со всех ног кинулся за ней. Бежать было легко, как будто он бежал не по песку, а по асфальтовой дороге. Корт всё прибавлял темп, но едва поспевал за убегающей ящеркой.

Корт не знал, не помнил, почему, но был уверен, что должен нагнать её. Но проворная ящерица бежала так быстро, что всё больше отдалялась от него. Корт был не в силах догнать её. Во всяком случае, не способен догнать обычным человеческим бегом. Корт подумал о том, что всё это — сон. А значит, он не обязан бежать при помощи силы ног. Ведь в реальности и ящерицы не бегают со скоростью марафонского бегуна.

Корт сосредоточился на отдалявшейся бурой спинке, на желании догнать её. И вдруг, в момент, перенёсся вперёд и оказался в двух шагах от своей цели. Корт оттолкнулся изо всех сил и прыгнул на свою добычу. Он сумел схватить ящерку. Он поймал её!

Но когда Корт, улыбаясь, раскрыл ладонь, то увидел в руке лишь красно-бурый хвост. На глазах Корта он обратился песком и ссыпался сквозь пальцы. Корта охватило такое отчаяние, какого он не испытывал никогда раньше. Будто от этого зависела судьба всего мира. Но вдруг он понял, что что-то вокруг изменилось.

Корт поднял голову и увидел над собой горную гряду, по форме в точности повторяющую хвост ящерицы.

Корт проснулся, тяжело хватая ртом воздух, как будто в самом деле только что вынырнул из воды. Его рубашка промокла от пота. Вокруг было темно. Корт не понимал, сколько сейчас времени. Не знал, сколько проспал — пятнадцать минут или десять часов. Всегда точное ощущение времени покинуло его.

Корт потёр лицо руками и откинул край хилта, под которым спал. Он совершенно не помнил, как уснул. Вскоре после разговора с Ютой лагерь двинулся в путь. Они шли, сколько было можно, а когда стемнело, Корт приказал устроить новую стоянку.

Усталось одолевала его так сильно, что он даже не потрудился как следует устроить лагерь. Лишь накинул полог на две палки и сразу лёг, завернувшись в хилт. Сон свалил его моментально.

И вот теперь, проснувшись, Корт не понимал ни сколько сейчас времени, ни что происходит вокруг. Но он точно знал одно. Он знал, что означает последняя подсказка из считалки Юты.

Глава 14. Под багровыми небесами

Они шли, сопровождаемые тусклым красноватым заревом. Оно заливало пустыню мрачным призрачным светом, как будто смотришь на мир сквозь осколок красного стекла. Пустыня ещё никогда не казалась Юте настолько зловещей и необитаемой. Хотелось спрятаться от этого нового мира, убежать, оказаться дома в уютном кресле с чашкой горячего чая в руках. И чтобы всё это оказалось просто страшным сном.

Но некуда было бежать. Самый страшный сон обернулся реальностью.

По мере того, как закатное зарево тускнело, буря усиливалась. Идти становилось всё труднее. Разглядеть что-либо на расстоянии более нескольких сот метров было невозможно.

За последнюю неделю закат оказывался то спереди, то справа от путников, то снова впереди. Юта знала, что Корт ищет горы. Но пока всё было безуспешно, поэтому он часто менял направление. Также Юта знала, что Корт был близок к отчаянию. Он почти ни с кем не разговаривал, включая её. Почти не ел и спал, кажется, всего по несколько часов в сутки.

Честно сказать, Юта вообще не представляла, как можно найти одну горную гряду в бескрайней пустыне. Если поначалу она хоть немного понимала действия Корта, то теперь они стали для неё абсолютной загадкой. С каждым днём Юта всё больше уверялась в том, что вести людей мог только ругат. Любой другой давно и с концами заблудился бы в песках. И ещё это мог сделать только Корт. Потому что любой другой на его месте уже попросту сдался бы.

Юта поправила тряпку, укрывающую лицо от песка. В двух шагах впереди брёл Джар. Хранитель старался не оставлять жрицу одну надолго. Но она заметила, что теперь на стоянках ему требовалось больше времени на отдых. Хранитель сильно сдал: глаза и щёки впали, когда-то по-мальчишески гладкое лицо покрыли глубокие морщины. Иногда Юта замечала, что его руки дрожат.

Утагиру тоже бегал где-то неподалёку. С тех пор, как Корт велел ему присматривать за Ютой, «ужас песков» всё время крутился поблизости. Пожалуй, он был единственным, на ком тяготы пути никак не сказались.

Корт говорил, что с тех пор, как солнца скрылись, и поднялась буря, живность в пустыне начала вести себя необычно. Любая жизнь ощущала приближение беды. Змеи, ящерицы и насекомые стали выбираться из нор на поверхность. Они не реагировали на приближение угрозы и не прятались от людей. Поэтому охотиться стало легче, в том числе и для Утагиру. Он даже несколько раз приносил еду Корту. Корт отдавал её женщинам и детям, оставшимся без кормильцев.

— Стой! Остановка! Привал! — начали разноситься по каравану крики.

Это Корт велел становиться на отдых и разбивать лагерь. Юта начала осматриваться, выбирая место для стоянки. Вдруг шедшая недалеко от Юты женщина упала на колени, а затем повалилась в песок. Юта сбросила на землю заплечный мешок и подбежала к ней. Присоединилось ещё несколько человек.

Юта присела рядом с женщиной и повернула к себе закутанное шарфом лицо. Женщина была без сознания. На вид она была довольно молода, но Юта сразу поняла, что у неё крайняя степень измождения. Её лицо было серым, опухшим, а губы — белыми, покрытыми кровотокающими трещинами.

— Воды! Дайте ей воды! — крикнула Юта.

Никто из людей, окруживших их, не двинулся с места.

— Кто-нибудь! Ну же! — Юта пыталась заглянуть людям в глаза, но они отводили взгляды.

— Ей уже не помочь, — буркнул один из зевак.

— Да, не жилец. Дальше не пройдёт.

— Брось её, — обратился кто-то к Юте.

— Да что с вами! — закричала она. — Она просто устала. Ей просто нужен поток воды! Или в вас больше не осталось сострадания?!

Люди молчали. Они по-прежнему прятали глаза.

— Извини, жрица, — тихо ответил пожилой мужчина. В его взгляде была горечь. — Мы бы и рады помочь. Да только если отдадим ей последнюю воду, то завтра свалимся уже мы.

— Точно.

— Правду сказал.

— Прости жрица, но старик прав. Мы и сами не знаем, кто из нас будет следующим.

Понурился, люди начали расходиться. Им была неприятна эта сцена. Они не хотели испытывать вину за страдающую женщину, но и помочь было выше их сил. Поэтому они предпочли просто уйти, чтобы поскорее забыть бедную путницу и укоряющий взгляд Юты.

На глаза жрицы навернулись слёзы.

— И что же?! — крикнула она сквозь катящиеся по щекам капли. — Что же?! Просто дать ей умереть?!

Но никто не слушал её. Юта осталась с женщиной одна. Она гневно смахнула с лица слёзы, вскочила на ноги и побежала.

Через двадцать минут Юта достигла другого конца лагеря. Она знала, что там на подводах ещё оставалась вода. Несколько крепких мужчин поднялись ей навстречу, когда Юта приблизилась. Подводы были укрыты тканью от посторонних глаз. Их хорошо охраняли.

— Дай мне пройти, — велела Юта тому из мужчин, что стоял ближе всех.

— На сегодня раздача воды закрыта. Приходи завтра, — спокойно ответил здоровяк, не двинувшись с места.

Юта вскинула подбородок, но всё равно смотрела на него снизу вверх.

— Мне не для себя. Там одной женщине плохо.

— Нам всем плохо, — развязно заговорил один из мужиков. Он казался злым и сильно раздражённым. — Это не даёт тебе повода клянчить. Сказано — нет, значит — нет.

Юта быстрыми шагами приблизилась к нему и встала лицом к лицу.

— Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? Я — жрица Амальрис. Так что оставь со мной свой тон. И выполняй то, что тебе говорят. Заполните эту бутылку водой.

Мужчина слегка растерялся. Другие тоже озадаченно переглядывались.

— Живо! — повысила голос Юта. — А не то я велю оставить вас всех за воротами Города Богов, когда открою его. Скажу, что вы воровали, и что я видела это. Кому поверят Корт и Гвирн? Мне или вам?

Мужчины хмурились. Они мялись и не могли решиться. Вдруг один выхватил бутылку у Юты из рук.

— С*ка, — тихо проговорил он, направляясь к одной из телег.

Спустя полчаса Юта напоила женщину водой.

А на следующее утро та умерла.

«Ночи» или то, что могло ими называться, теперь длились без конца. День с его тусклым сумрачным светом наступал всего два раза в сутки. По мере того, как солнечного света становилось всё меньше, пустыня остывала. С ночью пришёл холод.

Никто не был к этому готов. Ни лиатрасцы, привыкшие к комфорту городских условий, ни атлурги, приспособленные к жару солнц. В конце концов, холод стал для путников не меньшей проблемой, чем жажда, голод и усталость. Люди кутались разом во всю одежду, какая у них была. Но ни жалкие тряпки атлургов, ни даже одежда городских жителей не спасала.

Во время «дневных» переходов было ещё терпимо. Люди двигались и тем согревались. Настоящий ужас холода приходил «ночью». Люди кутались, кто во что мог, сбивались вместе, чтобы согреться, дрожали, засыпая на холодном песке. Утром многие не просыпались.

Юта съёжилась под хилтом Корта. Ругат отдал его ещё в самом начале, когда только начало холодать. Но теперь и длинная тёплая шерсть Утагиру, из которой была сплетена накидка, не спасала. Юта залезла под хилт с головой, пытаясь согреть маленькое тёмное пространство своим дыханием. Но холод не отступал. Запускал длинные щупальца под «одеяло», под одежду, проникал под кожу до самых костей.

Устав которой час дрожать без сна, Юта решила вставать. Почти в полной темноте она выбралась под бурое небо. Лагерь ещё спал. Лишь кое-где слышались тихие разговоры. Юта направилась к общей кухне лиатрасцев в поисках еды. Она аккуратно обходила кривые тканевые палатки, выплывающие из темноты, словно утлые судёнышки, затерявшиеся в море. Внезапно откуда-то справа послышался знакомый голос.

— Они не могут! Слышите! Мы не можем им этого позволить! — голос глухо оборвался.

Юта подошла ближе. Она наткнулась на несколько десятков человек, стоявших и сидевших на песке. Не было слышно ни ругани, ни споров. Наоборот, люди были очень тихи. Каждый был погружён в собственные думы, словно в кокон.

— Что случилось? — тихо спросила Юта, но никто не обратил на неё внимания.

Не встретив сопротивления, жрица Амальрис прошла дальше, туда, откуда доносились самые громкие голоса.

— Ты не можешь так поступить! Ты... вы нужны нам. Нужны Утегату!

Знакомый голос странно ломался. Сцена, представшая перед Ютой, тоже была какой-то изломанной, неправильной, гротескной. В песке, на коленях, стоял правитель Утегата. Его спина была сгорблена.

Сколько Юта знала его, Гвирн всегда держался идеально прямо. Настолько, что иногда казалось, у него в позвоночнике проходит железный штырь, который не даёт ему согнуться. Но сейчас этот штырь лопнул. От непривычной позы спина Гвирна выглядела неестественно. Она не казалась согнутой. Она казалась сломанной.

В недоумении Юта подошла ближе и заметила то, чего не разглядела раньше. Гвирн стоял на коленях перед сидящим мужчиной. Точнее, это был пожилой старец. Его худое тело утопало в многочисленных слоях одежды. Тёмное лицо было испещрено морщинами, совершенно белые волосы собраны в тугий узел. Но несмотря на возраст и видимое

измождение, старик держался прямо, хоть это и стоило ему видимых усилий.

— Мы приняли решение. Так нужно для Утегата. Чтобы народ продолжил жить. — Водянистые глаза старца смотрели куда-то мимо лица Гвирна.

— Нет, нет! Это неправильно! — Молодой правитель в отчаянии схватил мужчину за руки. — Ты делаешь это не для народа! Ты делаешь это для себя! Потому что ты устал. Я знаю. Но подумай... подумай обо мне, хоть раз! Отец!

Холден поджал губы, и его дряхлое лицо обрело суровые черты. Он выдернул руки из ладоней Гвирна.

— Хватит, сын! Веди себя, наконец, как подобает Кангу и мужчине. Веди себя достойно твоих предков! Перестань позорить меня перед людьми, хныча, как какой-то сопляк!

Гвирн вздрогнул. Его голова была опущена вниз, волосы закрывали лицо. Воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь хриплым, со свистом, дыханием старика. Спустя долгие минуты, бесконечно медленно, спина Гвирна начала распрямляться, пока железный штырь снова не встал на место. Юте показалось, что в этот момент она услышала щелчок.

— Прости, отец, — очень тихо выговорил Гвирн. — Мы исполним вашу волю. Я займусь приготовлениями.

После чего взвился на ноги и, ни на кого не глядя, почти бегом скрылся в темноте.

Сердце Юты обливалось кровью. Она не понимала, в чём было дело, но этот старик — отец Гвирна — обошёлся с ним жестоко. Юта взглянула на Холдена. Он был таким худым, что казался почти прозрачным. Подумалось, сними с него всю эту одежду, и его тщедушное тело осыпется на песок, потеряв опору. Но то, как прямо держался Холден... Юта наконец поняла, от кого у Гвирна такая выправка. Старец сидел молча и неподвижно, глядя блёклыми глазами в пространство перед собой. Но от него исходила такая аура силы и власти, что хотелось вслед за Гвирном преклонить перед ним колена.

— Мы понимаем и принимаем ваше решение, мудрый. Всё будет исполнено.

Один из атлургов низко поклонился старцу, и люди начали медленно расходиться. Юта тоже тронулась с места. Когда атмосфера торжественности была развеяна, и атлурги отмерли, Юта решила снова задать свой вопрос.

— Скажи, — тронула она за плечо одного из атлургов помоложе. — Что случилось?

Юноша сильно хмурился и выглядел не по годам строго и торжественно.

— Холден с другими стариками решили остаться, — ответил он.

— Остаться? — не поняла Юта.

Молодой атлург кивнул.

— Чтобы не тратить воду и еду народа, чтобы они достались молодым. Завтра утром старики не двинутся в путь вместе с нами. Они останутся здесь.

Юноша печально пошёл прочь. Возможно, разносить эту новость по лагерю. А может, прощаться со своими стариками. Юта осталась стоять, поражённая.

Она знала, что атлурги отличались от лиатрасцев. Это проявлялось во всём: в их мировоззрении, верованиях, отношении к жизни. В том, как они создавали семьи, молились богам, растили детей, как одевались и как говорили. Прожив среди них некоторое время и даже став атлургом сама, Юта думала, что узнала о народе всё. Думала, что поняла их, что разгадала их душу.

Но это было не так. И сегодня атлурги оставались для неё так же непостижимы, как в её первый день в Утегате. Можно ли было оправдать тех людей, что смирились с таким решением своих стариков? Юта думала, что нет. Но было ли это решение правильно? В

сложившейся ситуации — да. Но даже понимая это, анализируя логическим умом, Юта не могла принять этого. Она до сих пор не могла уместить в своей голове, что на свете существовал народ, способный принять подобное решение.

Атлурги были непостижимы. Прекрасны и ужасны в равной мере. Как и это решение — величественно и отвратительно одновременно.

Юта наконец очнулась и, не разбирая дороги, побежала через лагерь. Добравшись до стоянки Корта, она упала на колени. Мужчина ещё спал, завернувшись в какие-то тряпки. Юта тронула горячее плечо и позвала:

— Корт.

Ругат моментально открыл глаза, как будто вовсе и не спал, и хрипло спросил:

— Что случилось?

Корт привстал на локте и принялся тереть глаза.

Юта долго молчала, глядя в песок. А потом ответила:

— Не могу уснуть. Холодно.

Корт нахмурился. Он чуть подвинулся в своём ложе и приподнял край тряпки.

— Ложись.

Юта послушно устроилась рядом, и Корт заключил её в горячие объятия.

— Давно бы пришла, — сонно пробурчал он. — Я думал, хилт Утагиру греет.

Юта поёжилась. Остатки холода, поселившиеся глубоко внутри, никак не хотели покидать тело.

— Корт, мы все умрём? — тихо-тихо спросила Юта. Она не собиралась говорить этого, но слова сами, помимо её воли, сорвались с губ.

Корт крепче прижал к себе её худое тело.

— Мы не умрём. Ты не умрёшь. Я обещаю.

— Но, что если... — Юта помедлила, не решаясь затронуть болезненный для Корта вопрос, — что если ты так и не найдёшь горы? А даже если найдёшь, что будет потом? У нас больше нет подсказок.

— Я найду их, Юта, — так же тихо выговорил Корт, зарываясь губами в её волосы. — Я найду их ради тебя. А потом я найду Город Богов. Как и обещал тебе и всем остальным. А ты, как и обещала, откроешь его и спасёшь людей.

Дыхание Корта грело кожу. Слова баюкали. Он крепко прижимал Юту к себе. Жар, исходивший от него, всё же начал проникать под одежду, согревать продрогшее тело. От тепла, волнами расходившегося внутри, мышцы стали расслабляться. А за ними постепенно растворялись мысли, словно краска, облитая скипидаром.

— Хорошо, — протянула Юта сквозь сон. И вскоре уже пребывала в «объятиях Морфея».

С этого дня Юта каждую ночь спала вместе с Кортом.

Последние несколько дней Корт спешил. Он гнал людей вперёд без остановки, столько, сколько позволял гаснущий дневной свет. Однажды, в потёмках, часть каравана попала в зыбучие пески. Несколько человек вытащить не удалось. Но Корт не сбавил хода.

Его лихорадочное возбуждение передавалось Юте и всем, кто находился рядом. Люди слегка повеселели, даже начали шутить. Впервые за долгие недели у них были хорошие

новости. Корт набрёл на «след».

— Видите этого «рогатого» паука? — спрашивал Корт людей — атлургов и лиатрасцев — собравшихся вокруг него. — Такие водятся в горах.

Самые любопытные подходили ближе, рассматривали маленькое тельце, даже тыкали в него пальцами.

— А, может, они и в пустыне водятся? — спросил кто-то неуверенно.

Измученные безнадежностью последних месяцев, люди боялись поверить во что-то хорошее. Боялись, что за недолгой радостью придёт новое разочарование.

— Нет, — твёрдо отвечал Корт. — Я много времени провёл в пустыне, в самых разных её частях. И таких встречал только в горах. Видите, какого он цвета?

Паук был серым в чёрную крапинку.

Люди кивали.

— Это маскировка под горные породы. Виды пауков, которые водятся на равнине, все жёлтого, оранжевого, коричневого или белого цветов. Так устроено в природе. Эти пауки маскируются под камни и нападают на свою жертву. Они питаются мелкими насекомыми, но могут охотиться и на более крупные виды, даже на некоторых ящериц и змей.

Атлурги оживлённо кивали. С важным видом указывали на Корта лиатрасцам: мол, смотрите, он-то знает! Те, кто стоял дальше и плохо слышал Корта, рассказывали другим: «У этих пауков такие длинные рога, что они насаживают на них свою добычу. Они такие крупные, что Корт питался только ими, когда был в дальних горах». В конце лагеря передавали: «Корт поймал горного козла с во-от такими рогами. Вчера у них был целый пир. Скоро и мы сможем себе наловить».

Утагиру с самого утра не давал Юте покоя. Он носился возле неё, наматывая круги по пустыне. Вот его белоснежная спина виднеется за барханами, а вот уже, взметая тучи песка, саграл подбегает к ней, грозя свалить с ног. Но в последний момент останавливается, смешно приседая на задние лапы, и тыкается мордой в руку.

Люди, не знавшие Утагиру, расценивали такое поведение, как непредсказуемое и опасное, и держались от Юты на расстоянии.

— Ну вот. Ты мне всех попутчиков распугал, — корила Юта зверя, который делал вид, что ничего не слышит.

— Я всё ещё здесь, — буркнул Джар, бессменно шагавший от Юты в двух шагах.

— Да, да... — вяло отозвалась Юта. И чуть слышно продолжила: — А поговорить не с кем.

Прошла неделя с тех пор, как Холден с другими стариками атлургов оставили караван. Юта всё ещё переживала об этом. Думала она и о том, как справляется с этим Гвирн. Вот кому сейчас приходилось действительно тяжело.

За последние пару месяцев они почти не общались, и Юта чувствовала вину за это. А ведь когда-то она даже обещала Гвирну строить с ним отношения. Но после того, как они привели людей в Утегат, а Корт исчез, ей стало не до личной жизни. Да и их отношения с Гвирном охладели. А потом вернулся Корт, и она снова сбежала с ним в Лиатрас.

Вообщем, с тех пор им так и не довелось толком поговорить. А теперь Гвирну, наверное, было очень плохо. И Юта даже не представляла, есть ли у него с кем разделить горе. В конце концов Юта решила и на первом за день привале отправилась искать Гвирна.

Его просторная, сшитая из козьих шкур, палатка оказалась пуста. Но один из ближников

Гвирна подсказал, где он может быть. Юта подошла к большому роскошному шатру. Он был отделан разноцветными кожаными лоскутами и выделялся на фоне блёклых утлых палаток, как величественный замок среди жалких лачуг.

Снаружи не было охраны, но Юта знала, кому принадлежит этот шатёр. Она ни в коем случае не собиралась заходить внутрь. Если Гвирн действительно здесь, то Юта подождёт его возвращения. Девушка уже собиралась развернуться и уйти, когда до слуха донёлся раскатистый голос:

— Найдёт Город Богов — и молодец. Воздадим ему почести, наградим ещё какой-нибудь именем, какого больше ни у кого нет, вроде «Проводник Народов» или «Укротитель Песков». Запишем о его подвиге в свитках для потомков. До конца своих дней он сможет почевать на лаврах, оставаясь уважаемым человеком. Но к политике он не должен иметь никакого отношения.

Этот высокий брюзгливый голос мог принадлежать только Улгерну. Юта запомнила его по пятнистому лицу, да ещё по паре едких эпитетов, которыми его наградил Корт.

Вместо того, чтобы уйти, Юта придвинулась к палатке ближе.

— Речь и не идёт о политике. Он просто должен повести атлургов в бой — вот и всё. Даже тактику боя и всё остальное мы будем решать все вместе. Я лишь говорю о том, чтобы позволить Карту встать во главе нашей армии.

Примирительный тон Гвирна звучал приторно и фальшиво. Юту затошнило от его слов. Если крутиться, как уж на сковородке, и значит вести политику, то Юта не хотела иметь с этим ничего общего.

— Просто встать во главе нашей армии?! — кипятился Улгерн. — И в случае победы позволить забрать себе все лавры?! Да и что он может понимать в сражениях? Пусть он и ругат, и атлург, но всё равно пришёл из Города-за-Стеной, а значит, наполовину чужак. Может, он и провёл несколько месяцев в пустыне и что-то понимает в этом. Ну так пусть и ведёт людей! Но причём тут сражения?! Есть ли у него хоть какой-то опыт? Что он вообще понимает в атлургах и в том, как они сражаются?

— Но ведь нам придётся воевать вовсе не с атлургами, — прозвучал неуверенный голос, которого Юта раньше не слышала.

Улгерн громко фыркнул. Гвирн подхватил мысль незнакомца:

— Именно. Корт жил в Городе-за-Стеной и знает, как сражаются наши враги. Это преимущество. Есть ещё одно. Он уже объединил народ. Конечно, он просто проводник. Но вся эта масса людей, в том числе и не доверяющих друг другу и враждующих между собой, — все идут за ним. Кто ещё сможет быстро объединить всех под своим командованием? Да пока мы будем решать, кому возглавить армию атлургов, пройдёт месяц. А враг ждать не будет. У нас просто нет времени на споры. А Корт уже ведёт всех за собой. Если объявить людям, что он возглавит их в бою, возражений не будет. Они просто по инерции и дальше пойдут за ним.

— Этот вариант не идеален, — услышала Юта глубокий низкий голос. И сразу узнала его. Он принадлежал Салгаиру — тому старику с умными глазами, который был к ней добр, — но он, по крайней мере, реален.

— Да что с тобой, в самом деле! — вскипел Улгерн. — Неужели ты не понимаешь, что мы просто не можем позволить ему вести нас! Атлурги не могут встать под руку чужака в решающем сражении! Вероятно, самом важном в истории народа! Если мы подчинимся ему, люди этого не поймут. Мы растеряем весь авторитет в их глазах!

В шатре воцарилась тишина. Несколько минут Юта ничего не слышала. Должно быть, Канги раздумывали над словами Улгерна. Сердце Юты билось у самого горла. Она давно так не нервничала. Ей казалось, что сейчас должна решиться судьба Корта, а значит, в какой-то мере, и её.

Юта ближе припала к щели у входа, боясь пропустить хоть слово. Как вдруг пола шатра отлетела в сторону, и наружу вышел средних лет тощий мужчина с высоким хвостом на затылке. От неожиданности Юта отпрыгнула в сторону, но было уже поздно.

Мужчина удивлённо и немного растерянно смотрел на незваную гостью.

— Та-ак, кто это у нас тут? — спросил он беззлобно.

Юта узнала его голос. Это он пикировал Улгерну, отметив, что сражаться атлургам придётся вовсе не с себе подобными. Значит, он на стороне Корта?

Из палатки вышли трое оставшихся Кангов. Первым шёл Улгерн, за ним Гвирн, замыкал процессию Салгаир. Увидев Юту, старик хитро прищурился:

— Да это же сама жрица Амальрис! Ты хотела поговорить с нами, дитя? Или же это просто приступ любопытства? — Глаза Салгаира смеялись, превратившись в щёлки.

— Я... я искала Гвирна, — заикаясь, выдавила Юта.

— Отлично! — Улгерн выглядел до крайности раздражённым. Он смотрел на Юту свысока, с едва скрываемым презрением. Глядя на Гвирна, старик прошипел: — Теперь твоя жрица всё растреплет Карту.

— Юта никому ничего не расскажет, я могу поручиться за неё, — вступился за Юту Гвирн. И уже в сотый раз за время знакомства Юта ощутила к нему глубокую благодарность.

Но Улгерн не оценил слов Гвирна. Он лишь едко рассмеялся.

— Как же! Она же его любовница!

У Гвирна вытянулось лицо. Он растерялся и молчал, часто хлопая глазами. Глядя на него, Улгерн развеселился. Эта сцена доставляла ему удовольствие.

— Ты что, не в курсе? — покачал головой Канг Умрагата. — Не знает, что творится у него под носом. Да об этом уже весь лагерь судачит!

Юта густо покраснела. Гвирн напряжённо и пристально смотрел на неё.

— Это не так! — выпалила Юта. — То есть... мы просто спим рядом. Так теплее. — В конце Юта перешла практически на шёпот, осознав, как глупо звучат её слова. Да, наверное, и неправдоподобно.

Воцарилось неловкое молчание. Только Улгерн наслаждался немой сценой. Но продлилось это недолго.

Утагиру ворвался в круг людей, совершенно не считаясь с их статусом и положением. Затормозив, по привычке, всеми четырьмя, Утагиру обдал Кангов песком. После чего уселся рядом с Ютой. Девушка непроизвольно запустила пальцы в длинную грубую шерсть. Жест, который так часто делал Корт, сейчас принёс Юте чувство защищённости и покоя.

На лице Улгерна отразилась новая гримаса презрения, смешанная, однако, с чем-то, похожим на опаску.

— Здесь ведутся серьёзные разговоры, девочка. Убери своего зверя, — процедил Улгерн.

Несмотря на слова, он не сводил тревожного взгляда с саграла.

— Он не мой, — беспечно ответила Юта. — Он — Корта. А вообще-то, Утагиру делает то, что хочет. И сейчас он считает, что защищает меня.

Улгерн отвернулся и фыркнул. Ответить ему было нечего.

— Ладно тебе, — вдруг произнёс Салгаир примирительно. — Хватит смущать девочку. Ты же хотела поговорить с Гвирном, так?

Юта кивнула.

— Ну так идите. На сегодня хватит споров.

Салгаир подтолкнул Гвирна в сторону Юты. Канг Утегата выглядел немного растерянным, но послушно пошёл в её сторону. Вместе, сопровождаемые скачущим Утагиру, они побрели в сторону лагеря Гвирна.

В молчании они дошли до палатки Канга Утегата. Гвирн отодвинул полог и пропустил Юту внутрь. В шатре можно было стоять в полный рост. Пол был застелен шкурами. В углу из них была сложена целая гора. Юта решила, что это у Гвирна что-то вроде кровати. Ещё Юта заметила сложенные в самом углу баклажки, должно быть, с водой. Помимо этого и некоторых личных вещей, в палатке Гвирна было пусто.

Сесть тоже было некуда, поэтому Юта осталась стоять.

— Ты хотела поговорить? — довольно холодно спросил Гвирн.

— Я... — замялась Юта. — На самом деле, я просто хотела узнать, как у тебя дела. Я знаю, что тебе приходится непросто. Я... сожалею о том, что произошло с твоим отцом.

Гвирн неожиданно и резко рассмеялся.

— Старик всегда пёкся о благе народа больше, чем о собственных сыновьях. Его не волнует, как мне придётся жить с его решением. Всё, что его беспокоит — это как он будет выглядеть в глазах народа, потомков. Герой, ничего не скажешь, — Гвирн едко усмехнулся.

Его слова звучали горько и отдавали неприкрытой болью. Юта отметила, что Гвирн до сих пор говорит об отце в настоящем времени.

— Я могу что-то сделать для тебя? Чем-то помочь? Последнее время мы были не очень близки, даже толком не говорили. Мне жаль. Это моя вина.

Гвирн выпрямился и взял себя в руки. Странная усмешка и отрешённый взгляд уступили место серьёзному выражению.

— Не бери в голову. Это не твоя вина, — произнёс Гвирн и сел прямо на пол. Юта последовала его примеру. — Я тоже был хорош. Переживания об Утегате поглотили меня настолько, что я не думал о том, что могу причинять боль близким людям.

Гвирн поднял на Юту свои чистые золотые глаза, и жрица ощутила неловкость. Это было похоже на то, как она чувствовала себя рядом с Гвирном во времена его ухаживаний. Только теперь, в отличие от прошлого, Юта также ощущала неуместность нежных чувств с его стороны.

Гвирн, который всегда тонко улавливал настроения, почувствовал замешательство девушки. Он непринуждённо перевёл разговор:

— Знаешь, то, что ты слышала... я не против, если ты расскажешь всё Карту.

— Я не собиралась... — начала Юта, но Гвирн не дослушал.

— Ему стоило бы знать о том, какие разговоры ведутся среди Кангов. Исход сражения будет зависеть от того, как мы подготовимся. В том числе и от того, насколько хорошо будем понимать нашего врага. Знать, чего от него ожидать. Именно поэтому я считаю, что Корт — идеальный кандидат на то, чтобы вести атлургов в бой. — Гвирн замолчал.

— Но далеко не все Канги с тобой согласны, — закончила за него Юта.

Гвирн кивнул и продолжил:

— Некоторые считают, что Корт всего лишь проводник. На этом его роль должна закончиться. И сейчас их большинство.

Юта непроизвольно дотронулась до кулона, висевшего на шее под одеждой.

— Но есть и те, кто ещё не определился. От их окончательного решения будет зависеть, встанет ли Корт во главе нашей армии. А значит, и исход будущего сражения. Тот Канг, которого ты видела с нами в палатке — Амдир — как раз из таких.

Думаю, в конце нам придётся принимать решение голосованием. Поэтому нам нужно большинство. А значит все, кто пока не определился, должны быть или за нас, или, по крайней мере, воздержаться при голосовании. Теперь каждый старается перетянуть Амдира и ещё нескольких неопределившихся на свою сторону. Вот что на самом деле происходит. Именно этому ты стала свидетельницей.

Юта задумалась. Она не представляла, в курсе ли Корт всего этого. Она знала, что ругат максимально отстранился от политики. Все его эмоции, чувства, знания, умения и итунция были нацелены на одно — привести людей в Город Богов. Юта тоже была полностью поглощена трудностями похода и проблемами людей. Она ни разу не задумалась о том, что будет потом. Что будет, если им всё удастся?

Полы завесы у входа слегка разошлись в стороны, и в палатку засунулась огромная мохнатая голова с торчащими из пасти клыками.

— Ну, это уж слишком, — возмутилась Юта.

Она встала и направилась в сторону Утагиру, намереваясь отругать зверя.

— Прости, — обратилась Юта к Гвирну. — Договорим позже? Мне надо разобраться с этим ходячим недоразумением.

Гвирн улыбнулся и кивнул. Юта вышла на улицу. Но Утагиру, словно почувствовав угрозу, уже умчался за ближайший бархан.

— А ну иди сюда! — грозно прикрикнула Юта. — Ты что себе позволяешь?

Описав круг по широкой дуге, Утагиру всё же вернулся к Юте. Но в руки не дался. Только девушка потянулась к зверю, как он отскочил в сторону и отбежал на несколько шагов. После чего вновь остановился, словно дразня.

Поначалу Юта думала, что поведение саграла связано с тем, что и Корт, и она были сильно возбуждены последнее время. Их настроение могло передаться чуткому Утагиру. Но сейчас поведение зверя показалось Юте знакомым. Разве не также он вёл себя, когда пытался привести Юту к Карту когда-то давно в Утегате?

Юта не знала, чего Утагиру хотел сейчас, но решила на всякий случай отвести его к Карту. Утагиру и сам, кажется, стремился туда же. В итоге Юта так и не поняла, кто кого вёл: она — Утагиру, или он — её. Жрица просто шла за зверем, он же уверенно бежал впереди, время от времени останавливаясь и поджидая её.

Когда они нашли Корта, он стоял в окружении людей из ближнего круга. Среди них были и Уги с Даром. Все смотрели на небо.

— Корт, Утагиру не даёт мне покоя, — начала Юта.

Корт не отвечал. Он улыбался. Утагиру начал ещё более возбуждённо бегать кругом. Юта ничего не понимала. Корт молча встал рядом и указал на небо. Вдалеке, почти неразличимые, Юта увидела две точки.

— Что это? — спросила Юта.

— Это орлы, — с тихой улыбкой ответил Корт, не сводя глаз с чёрных крапинок.

— Да? — неуверенно переспросила девушка. — И... это хорошо?

Корт улыбнулся шире и посмотрел ей в глаза.

— Это очень хорошо, Юта. Это значит, что рядом горы.

Корт присел на корточки и подозвал Утагиру. Саграл сразу подбежал к нему.

— Ты тоже чувствуешь это, приятель? — спросил Корт у зверя. — Ты знаешь, что рядом горы, да?

Вместо ответа Утагиру прыгнул «козлом», как часто делал при сильном возбуждении или веселье.

— Давай, друг. Укажи нам дорогу, — говорил Корт сагралу, будто обращался к человеку. Ближники Корта собрались вокруг, молча наблюдая этот странный разговор. — Где горы, Утагиру?

Зверь припал на передние лапы, заглядывая Карту в глаза.

— Где горы? — повторил ругат. — Где горы, Утагиру? Ну же, беги туда, покажи нам дорогу.

Утагиру снова подпрыгнул и обежал широкий круг. Все внимательно наблюдали за ним. Он вернулся и, к удивлению Юты, подбежал к ней. Ткнулся мокрым носом в руку, лизнул ладонь.

— Утагиру, что ты... — начала девушка, смеясь.

Корт смотрел на зверя, улыбаясь скорее глазами, чем губами. Он кивнул, словно Утагиру задал какой-то вопрос.

— Да, ты можешь покинуть Юту, Утагиру. Сейчас можно. Сейчас нам нужно найти горы. Понимаешь? Покажи, где горы?

И зверь, самый умный из тех, что Юта когда-либо встречала, понял. Он подбежал к Карту, по-прежнему сидевшему на корточках. Ткнулся лобастой головой мужчине в лицо, отчего тот потерял равновесие и присел на «пятую точку». И ещё раз высоко подпрыгнув, огромными прыжками понёсся на север.

Спустя двое суток путники увидели очертания гор вдалеке. А ещё через несколько дней им открылась горная гряда, по форме повторявшая хвост ящерицы.

Глава 15. Зов предков

Несколько дней назад путники перевалили через горы. Переход был тяжёлым, но, несмотря на опасения Корта, время в горах пошло атлургам на пользу. Прежде всего, они смогли запасти немного еды — в основном ящериц и змей. Ещё охотникам удалось подстрелить с десятков горных козлов. Паломники немного утолили голод и слегка повеселели.

Тогда казалось, что всё идёт отлично. Они смогли расшифровать все три загадки из считалки Юты, а значит, двигались в правильном направлении. Отсутствие следующих подсказок должно было означать, что они близки к цели. Всё шло прекрасно. Пока они не спустились с гор.

Вскоре после этого стало ясно, что теперь, когда подсказки кончились, никто не знает, куда идти дальше. В том числе и Корт. Время тоже было не на их стороне. Буря усиливалась день ото дня. Дневной свет мерк: на несколько часов в день небо становилось буробордовым. Остальное время было темно. Корт, да и все остальные, понимал, что времени у них осталось с неделю. Может, чуть больше. Может, чуть меньше.

От многочисленного отряда к этому моменту осталась едва половина. В основном погибали жители города, но не только. Жажда, голод, песчаные ловушки и холод губили всех. Люди стали снимать одежду с умерших, чтобы укрываться от песка днём и укутываться от холода ночью.

Дни отличались от ночей тусклыми сумерками, окрашивавшими пустыню в цвет засохшей крови. Песок, беспрерывно летевший в лицо, не позволял рассмотреть ничего на расстоянии нескольких сот метров. У людей было ощущение потерянности в пространстве и времени. Скорее всего, они и правда потерялись, ведь Корт вёл караван наугад.

Ощущение беды, близкой и неминуемой, нависло над путниками, словно тень Ассаима. Оно почти физически давило на плечи, прижимало к земле. Люди боялись поднять глаза к небу или посмотреть вперёд. Страх поглотил их. Дни и ночи проходили, как в тяжёлом бреду.

Разговоры и смех, раздававшиеся ещё неделю назад, стихли. Люди почти не говорили между собой. Только плотнее жались друг к другу по ночам. Вчера Корт видел пару пожилых атлургов, которые шли, держась за руки, хотя проявление чувств на людях у народа было не принято. Должно быть, они понимали, что это могут быть их последние дни вместе. Последние дни на этой земле.

Юта тоже шагала рядом с Кортом. Молчаливая и сосредоточенная. Время от времени она бросала на него взгляды украдкой. Словно желала убедиться: всё ли с ним в порядке, может ли он продолжать идти? Не собирается ли сдать? Корт не собирался. Но эти взгляды и были единственным, что ещё заставляло его двигаться вперёд.

Поначалу Юта неуверенно отказывалась от того, чтобы идти вместе с Кортом. До этого, на протяжении всего похода, жрица находилась вместе со своим народом. Иногда Корту казалось, что она была той движущей силой, что заставляла лиатрасцев день за днём подниматься и идти дальше. Будто двигатель в огромной людской машине, без неё люди давно отчаялись бы, растерялись и пропали.

Корт понимал это, но сейчас его это не волновало.

— Ты должна идти рядом, — повторил Корт в который раз, угрюмо глядя в землю.

Он не приводил аргументов, не уговаривал, не сыпал доводами. Он просто утверждал. И Юта поняла: у него и нет никаких доводов. Она просто нужна ему. И она пошла рядом.

После того, как они спустились с гор, произошло ещё кое-что. Отряд Вандегрида приблизился к каравану. Теперь они шли за ними вслед, почти наступая на пятки. Корт понимал, что это было связано с ухудшившейся видимостью. И всё равно не мог спокойно спать по ночам. Он боялся внезапного нападения. Поэтому настоял на том, чтобы в лагере постоянно дежурил вооружённый отряд, готовый поднять всех на ноги по тревоге.

Хотя видел Корт и другое. Отряд Вандегрида тоже сильно уменьшился. И не факт, что теперь у них было достаточно сил для подобного нападения. Гибли ли его люди, также как и атлурги, от голода и жажды? Губила ли их пустыня? Или Вандегрид сам побросал часть своих людей, чтобы сберечь для себя воду и продовольствие? Корт мог только гадать.

Да, их отряд уменьшился, но всё ещё оставался силён. Благодаря различной технике, они не так голодали и мёрзли. И ещё Корт был уверен, что Вандегрид скорее бросит людей, чем оставит оружие. Итого, у Правителя оставался небольшой, но сильный и хорошо вооружённый отряд. У Корта же — не считая женщин, стариков и детей — лишь горстка оборванных, голодных и отчаявшихся людей, вооружённых луками и ножами.

Перевес был не в их пользу. Хотя сейчас думать об этом было бессмысленно. Если в ближайшие дни они каким-то чудом не наткнутся на Город Богов, им всем придёт конец.

Корт ложился спать под звуки песка, стучащего о полог. Ощущение тревоги и неминуемой беды усиливалось по ночам. Корт снова почти не мог спать. Беспрестанно он вылезал из «палатки», оставляя Юту одну сопеть на остывающем ложе. Ругат до рези в глазах всматривался во тьму, вслушивался в завывания ветра.

Но его обострённые чувства лишь играли с ним злую шутку. То Карту мерещилось, что он видит чьи-то неясные очертания во тьме. Но когда он на ощупь пробирался туда, оказывалось, что во мраке ничего нет. В завываниях ветра и треске песка ругат слышал то чей-то плач, то рык зверя, то неясные шёпоты. Существовало ли что-то из этого на самом деле, или было лишь болезненной игрой его воображения, Корт так и не выяснил.

В очередной раз вернувшись после своей бесполезной, лишь усугублявшей тревоги вахты, Корт почувствовал, что Юта не спит.

Девушка сидела на постели, растирая руками глаза. Наверное, только что проснулась.

— Замёрзла? — спросил Корт.

Но вместо того, чтобы улечься рядом, согревая маленькое продрогшее тело своим, Корт остался сидеть у входа.

— Куда ты ходил? — ответила Юта вопросом на вопрос.

Корт довольно хорошо видел её в темноте. Очертания острых скул, растрёпанные со сна волосы, беспокойный блеск глаз. Чёрно-белый набросок искусного художника, нарисованный тенью среди теней.

— Я выходил подежурить, — неопределённо ответил Корт. Ведь Юта прекрасно знала, что сегодня не его очередь.

— Корт? — позвала девушка. Маленькая ладошка нащупала в темноте его руку. — Всё в порядке?

— Да. Мне надо поговорить с тобой, — немного охрипшим голосом проговорил ругат.

Юта не ответила, но Корт увидел, как она поудобнее уселась на их ложе, подобрав под себя ноги и закутавшись в хилт. Могла ли она разглядеть Корта? Или видела только неясные очертания во мраке?

Корт прочистил внезапно пересохшее горло:

— Когда солнца окончательно скроются, — начал он, — мы покинем лагерь. Я уведу тебя.

— Что? О чём ты говоришь? — Юта ничего не понимала. Её голос звучал обескураженно.

— Послушай, — вдруг горячечно затараторил Корт. Он схватил руки Юты своими, и от неожиданности она вздогнула, — тебе прекрасно известно, что я не знаю, куда мы теперь идём. Буря приближается слишком быстро, и... у нас нет времени. Я должен учитывать возможность того, что мы так и не найдём Город Богов.

Я думал... думал об этом очень много за последние дни. Смотри, я сэкономил немного воды и еды.

Тут Корт сообразил, что Юта ничего не видит в темноте, и потянул её за руку. Девушка подалась вперёд. Корт положил её ладонь на припасы, спрятанные под тряпкой, чтобы она могла их ощупать.

Не дожидаясь ответа, Корт лихорадочно продолжал:

— Я сэкономил ещё с гор. Слушай. Здесь не много, но тебе может хватить. Если нужно переждать всего сорок дней, то ты сможешь продержаться на этом. Я уведу тебя подальше от каравана и устрою лагерь. Мы вернёмся в горы, я найду там какую-нибудь пещеру и укрою тебя. Если... если ты будешь экономить воду и еду, то сможешь выжить. Буря пройдёт и можно будет выйти на поверхность.

Я научу тебя, чему успею. Охотиться, искать воду в горах, как устроить лагерь. Ты выживешь.

Корт тараторил, словно от этих слов зависела его жизнь. Захлёбываясь и глотая слова, он говорил и говорил. Утверждал ли он или уговаривал Юту, он и сам не знал. Корт не мог остановиться, пока Юта резко не выдернула руки из его горячих ладоней.

Корт видел, как она прижала кулачки к груди.

— Почему ты говоришь «ты», а не «мы»? — чуть слышно произнесла девушка.

— Потому что... это всё для тебя. Ты должна выжить.

— А как же ты? — пискнула Юта.

Корт долго молчал. А потом сказал:

— Я постараюсь выжить. Ради тебя. Но ты должна понимать, что я не могу ничего обещать. Это всё для тебя. Потому что ты должна выжить, — повторил Корт, словно заклинание.

Корт услышал тихие всхлипы. Юта мотала головой. Он ни за что не увидел бы этого в темноте, если бы ни его обострённое зрение.

— Нет, не говори так, перестань! — сквозь всхлипы просила Юта.

Но Корт лишь настаивал:

— Ты должна принять возможность того, что так и будет, что я не найду Город Богов. И тогда ты должна сделать всё, чтобы выжить. Пообещай мне, что сделаешь так, как я скажу.

— Нет! Я не смогу без тебя!

Юта давилась рыданиями. Корт видел, как катящиеся слёзы прочертили на её щеках искрящиеся дорожки. Он придвинулся ближе и обнял девушку за плечи. Она уткнулась мокрой щекой ему в грудь, вцепилась в одежду маленькими ладошками.

— Всё будет хорошо. — Корт вдруг улыбнулся в темноту. — Но ты должна пообещать мне это. Пообещай, Юта. Прощу тебя. Только тогда я смогу быть спокоен.

Корт не видел, но почувствовал, как сквозь слёзы Юта кивнула.

Корт проснулся спустя несколько часов. Было уже утро, но у него не было ни сил, ни энергии начинать новый «день». Корт вспомнил вчерашний разговор и немного расслабился. По крайней мере, она обещала.

Корт повернулся на бок и обнаружил, что Юты нет рядом. Наверное, ушла к лиатрасцам. Корт потянулся, сунул за пояс пистолет и свой любимый нож и вылез из палатки.

Дурманящий запах еды чуть не сбил его с ног. От одного аромата съестного желудок болезненно свело. Сбоку от палатки Корт увидел спину Юты, варившей что-то на спиртовке.

Корт подошёл ближе и окаменел. Страх накрыл его удушливой волной. Бегом Корт бросился под полог и стал шарить по углам, там, где прятал еду. Но запасов не было.

Сам не свой, ничего не видя вокруг от шока и ужаса, Корт вернулся к Юте. Он встал напротив, и девушка наконец заметила его. Она подняла голову от ароматного варева. Котелок был полон до краёв.

— Что ты наделала? — не своим голосом спросил Корт.

Глаза Юты были красны от вчерашних слёз, но она смотрела на него твёрдо. И от этого взгляда внутренности Корта похолодели.

— Тебе надо есть, — спокойно глядя в ответ, ответила Юта.

Корт смотрел на неё обезумевшим взглядом. Он запустил пальцы в волосы, словно собирался выдрать клочок.

— Но это всё... всё, что было...

Поддавшись панике и внезапной злости, Корт схватил Юту за плечи и принялся трясти, как хворостинку.

— Что ты наделала! Что ты наделала, Юта!

Жрица не отвечала и не сопротивлялась, лишь упрямо смотрела в ответ. Наконец порыв Корта иссяк. Он отпустил Юту и без сил упал на песок.

— Всё пропало. Что ты наделала... — без выражения повторял Корт снова и снова.

Юта молча села рядом и обняла его за плечи, как ребёнка.

— Почему? — только и спросил Корт, подняв на неё полубезумый взгляд.

Внезапно Юта улыбнулась. Такой светлой улыбкой, какая могла бы принадлежать ангелу — абсолютно чистому и непорочному существу, которому не ведомы грязь и боль этого мира.

— Я сделала это для нас, — ответила Юта и сжала руку Корта в своих ладонях. — Я сделала это потому, что ты не должен сдаваться. Не теряй надежду. У нас ещё есть шанс. Ты должен выкинуть из головы все эти дурацкие мысли. Корт, если ты хочешь спасти меня, ты должен найти Город Богов, — твёрдо закончила жрица.

— Но я не знаю, как... — прошептал Корт, и глаза вдруг странно защипало.

— Это не имеет значения, — мягко ответила Юта. — Ты — ругат. Я верю, что это твоя судьба, а значит, ты найдёшь его. У тебя просто нет выбора.

Неожиданно Корт схватил Юту и прижал к себе. Он обнимал её так, будто они висели на волоске над пропастью, и их спасение зависело от того, как крепко он будет держать её.

Когда, спустя бесконечно долгое время, Корт отстранился от Юты, его лицо вновь было

спокойно и серьёзно. Он посмотрел Юте в глаза, всё ещё сжимая её плечи руками, и твёрдо кивнул.

Корт увидел это раньше других. Это было похоже на тёмный фронт, повисший над самым горизонтом, на непроницаемую чёрную стену из... чего? Но люди, шедшие вокруг, не проявляли никакого интереса к непонятному явлению. И Корт догадался, что они просто его не видят. Пока. Не говоря никому ни слова, он продолжал идти ещё несколько часов, только время от времени поглядывал на Юту.

— Корт, мне кажется, или я вижу что-то впереди? — наконец спросила девушка.

— Тебе не кажется, — ответил Корт.

Юта искоса глянула на него. Она знала об обострённых чувствах Корта, в том числе об остром зрении.

— Что ты видишь? — спросила Юта, продолжая шагать рядом.

— Не знаю, как описать... Похоже на гигантскую тёмную стену.

— Стену Города Богов? — чуть помедлив, уточнила жрица.

— Возможно, — неопределённо ответил Корт. — Пока трудно сказать.

Первым, в окружении нескольких человек, к нему пришёл Уги. Верный соратник, как всегда, «держал руку на пульсе» жизни атлургов. Поэтому первым рассказывал Карту обо всех волнениях в их среде.

— Корт, что это впереди? — спросил Уги, озвучивая вопрос за всех.

— Я не знаю, — ответил Корт. — Это может быть Город Богов. Или это может быть та самая буря, что должна погубить всё живое на земле.

Уги нахмурился:

— Корт, люди паникуют. Многие отказываются идти вперёд. Они боятся. Говорят, что это Руг встал из-за края песков, чтобы покарать неверных атлургов, бросивших свои дома и переставших совершать ритуалы.

— Корт! — в круг атлургов ворвался один из его бывших соратников.

Это был немолодой человек, уважаемый среди атлургов. Многие семьи сплотились вокруг него после начала Паломничества. Они образовали небольшое сообщество, голосом которого он стал.

— Корт! — Атлург был не на шутку взволнован. — Что это такое? Мы хотим знать, прежде чем двинемся дальше.

Корт тяжело вздохнул. Он и сам хотел бы это знать. Ругат повернулся к Уги.

— Командуй привал. Мы не можем продолжать идти при таких волнениях. И, будь добр, найди мне Гвирна.

Все девять правителей народа расположились в просторном шатре Улгерна. Совет собрался быстро. Корт хотел решить вопрос за время короткого привала. Каждый из Кангов высказал свои соображения и опасения. Довольно быстро все разделились на два лагеря. Первый, возглавляемый Улгерном, считал, что впереди они видят бурю или ещё что-то столь же опасное.

— Потому что на город это не похоже, — говорил Улгерн. — Как огромное тёмное облако может быть городом? Мы видели города: гаты атлургов и Город-за-Стеной тоже. Это

не похоже ни на один из них.

— Но если это буря, — отвечал Лурн, — почему она не движется? Почему не приближается к нам?

— Может быть, она движется, но очень медленно, — проворчал Улгерн.

— Даже если это и не буря, а что-то другое, всё равно это не похоже на город, — повторил опасения старшего Канга Надмер. — Нам не стоит сразу, ничего не выяснив, соваться туда.

— А я считаю, что нам стоит рискнуть, — напряжённо глядя на Надмера, парировал Лурн. — У нас нет времени посылать передовые отряды. На то, чтобы добраться туда, может уйти несколько дней. И столько же, чтобы вернуться обратно. Мы просто не можем позволить себе потерять столько времени. Если это стена, то это должна быть стена Города Богов. Иного быть не может.

Корт стоял чуть в стороне и молча слушал обсуждение. Спор то затихал, то разгорался с новой силой. Стороны приводили всё новые аргументы, все веские и логичные. Все Канги были по-своему правы. И все ошибались.

Наконец вспомнили про молчавшего всё это время Корта. Амдир повернулся к нему:

— А ты что думаешь, ругат? Ты знаешь, что это такое?

— Я так же, как и вы, не знаю точно, но у меня есть предположение. Это не буря, раз она не движется. Но это и не Город. Я думаю, это горы.

— Горы?! Что за бред! — вспыхнул Улгерн. — Таких гор не бывает. Каждый из нас видел горы. Недавно мы перевалили через одни из них. *Это* точно не выглядит, как горы.

— Я думаю, это могут быть горы, каких никто из нас не видел раньше, — спокойно ответил Корт. — Больше и выше любых наших гор во много раз. Они настолько велики, что мы не видим их целиком, не видим их вершины. То, что мы видим впереди, лишь небольшой их кусочек.

Атлурги молчали, примеряясь к услышанному.

— И там, в этих горах, мы найдём Канор? — спросил задумчиво Салгаир.

Корт кивнул.

— Одно из двух: там нас ждёт либо гибель, либо спасение. В любом случае, мы должны идти туда. У нас нет другого выбора. Я прошу каждого из вас поговорить со своим народом, успокоить и уговорить продолжить путь. Мы не можем медлить. Это может стоить нам жизни. С того самого момента, как мы вышли из своих гатов, наш путь лежит только вперёд.

Спустя несколько дней атлурги вплотную подошли к исполинскому горному кряжу. Обрывистый и неприступный, он был выше любых гор, что Корт видел на Нибелии.

С тем, чтобы найти проход, в разные стороны были разсланы люди. Через сутки один из отрядов вернулся с новостями. Среди теряющихся в вышине пиков, по дну ущелья вела дорога.

Горы казались путникам застывшими в камне великанами. Дорога вела по дну узкого ущелья — трём людям едва разминуться — и была вырублена в совершенно отвесных скалах.

В полном молчании — даже вездесущий ветер стих — паломники ступили на тропу. Корт, Юта и Джар шли впереди. Юта провела рукой по совершенно гладкой стене и

подивилась про себя: как нечто подобное может сотворить человек? Вершины скальных стен уходили ввысь и терялись за пределами видимости. Ощущение сакрального благоговения охватило всех, включая Корта. Их Путь почти завершился. Великое Паломничество подходило к концу.

Дорога петляла среди гор ещё полдня. Местами тропа переходила в полноценный тракт, по которому вполне мог пройти караван с гружёными подводами. Потом стены вновь сжимались, превращаясь в узкий коридор, и паломникам приходилось идти цепочкой. Кое-где высота скал снижалась. Они спускались к дороге каскадами, открывая живописные пейзажи. А затем снова взлетали ввысь на недостижимую высоту.

На протяжении всего пути паломники не останавливались. Как ни странно, Корт обнаружил, что на дне ущелья, даже в самых узких местах, хватало света. Ветер, наоборот, почти не проникал сюда. Впервые за долгое время Корт хорошо видел дорогу и мог идти, не пряча лицо от песка.

Тропа оборвалась внезапно. Один шаг — и Корт с Ютой и Джаром очутились на открытом пространстве. Оно тоже было искусственного происхождения. Где-то вдалеке, на горизонте, Корт видел каменные стены, ограничивающие огромную площадку. По размерам она была сравнима с несколькими космодромами. Корт не был уверен, могут ли обычные люди разглядеть, где она кончается, или же им она кажется бескрайней.

Переглянувшись, по-прежнему молча, путники медленно начали движение по открытому пространству. Когда они отошли от тропы на достаточное расстояние, Корт оглянулся. словно из горлышка бутылки, паломники выливались на открытую местность, постепенно заполняя собой всё видимое пространство.

Корт посмотрел вперёд. Вдалеке что-то виднелось.

Не веря своим глазам, они подошли к «лесу» из совершенно одинаковых округлых каменных стел. Они стояли совершенно ровными рядами. Высотой где-то с трёхэтажный дом. По ширине в три или четыре обхвата. Такие же идеально гладкие, как и стены ущелья. Лес из их одинаковых рядов тянулся во все стороны, на сколько хватало глаз.

Юта обошла одну стелу кругом, задумчиво ведя по ней рукой.

— Как думаете, что это? — обратилась она к мужчинам.

— Понятия не имею, — хмуро ответил Джар. — Я ни о чём подобном никогда не слышал.

Он посмотрел на Корта. Тот пожал плечами:

— В свитках, которые я читал, ни о чём таком не говорилось. Может, это что-то вроде календаря или... Руг знает, чего ещё. У меня нет даже предположений.

— Что бы это ни было, полагаю, это построили Дети Канора. Как и дорогу.

Корт кивнул.

— Пошли.

Они шагали через нескончаемый каменный лес. Корт давно заблудился бы среди совершенно одинаковых рядов, если бы не идеальное чувство направления. И ещё одно странное ощущение, словно толкавшее его вперёд. Ощущение чего-то грандиозного и могучего, сокрытого за этим лесом. Корт будто слышал древний зов, неясным шёпотом отдававшийся на границе сознания.

Он посмотрел на Юту. Девушка шла рядом собранная, напряжённая и взволнованная. Корт мог поклясться, что она тоже ощущала этот «зов». Вполне возможно, он был настолько мощным, что не только они, но и каждый человек мог «слышать» его.

Кулаки Корта непроизвольно сжимались, как при приближении опасности. Но то, что он чувствовал, не было опасностью. Скорее это было ощущение чего-то громадного, древнего и непостижимого. Чего-то столь могущественного, что способно раздавить тебя, как мошку. Чувство, от которого по спине бегали мурашки и волосы по всему телу вставали дыбом.

— Вот оно, — прошептала Юта и непроизвольно схватила Корта за руку.

Они ещё не вышли из «леса», но за ним уже виднелось что-то. Какое-то строение или стена? Что-то высилось наравне с горами. Какая-то тёмная громада выплывала, словно из небытия, словно из тьмы веков.

Когда они снова вышли на открытое пространство, то наконец увидели. Это не был город, не была это и стена. Это были Врата, высеченные в горном массиве. Идеально отполированные, узкие, поднимавшиеся метров на двадцать в высоту. Несмотря на рукотворное происхождение, они не казались чем-то чуждым этим горам. Наоборот, Врата будто выросли в скале, были неотъемлемой её частью.

Их стрельчатый верх сливался со скалой. По периметру виля несложный узор. В остальном Врата были абсолютно гладкими. Не было ничего, за что можно было бы открыть их — ни ручек, ни колец или чего-либо подобного. Более этого, не было и замочной скважины, куда мог бы вставляться «ключ».

Корт охватил всю картину разом, почти подсознательно отметив детали. Мозг обрабатывал информацию сам по себе, отдельно от Корта. Потому что сознание ругата полностью поглотило, затмило, подавило величие того, что он видел перед собой.

Просто стоя и смотря на вход в легендарный Город Богов, Корт ощущал дыхание тысячелетий. Тьма истории смотрела на него со всех сторон тысячей глаз. Шёпот прошедших веков и давно похороненных призраков слышался здесь так отчётливо, словно голоса людей, стоящих рядом. Корт был поражён, оглушён мощью и величием этого места.

Юта первой пришла в себя. Она двинулась в сторону Врат. Девушка шла тяжело, словно ноги её не слушались. Юта вплотную подошла к Вратам, протянула руку, помедлила. Её ладонь осторожно коснулась гладкого холодного камня. Затем Юта прислонилась к створке лбом. Некоторое время она стояла, не двигаясь. А затем вдруг осела на землю и закрыла лицо руками.

Только после этого Корт очнулся, словно выплыл из сна. Он подошёл к девушке, сидевшей под гигантскими створками Врат. Она открыла лицо. По щекам катились слёзы, но Юта улыбалась.

— Ты сделал это, — прошептала она Корту. — Ты выполнил обещание. Ты нашёл Город Богов.

Глава 16. Врата

— Странно, — нахмурилась Юта. — Разве этот кулон — не «ключ»? Но где же тогда «замок»?

Когда люди стали подтягиваться к Вратам, Корт, Юта и Джар осматривали створки в поисках чего-либо, напоминающего замочную скважину. Подошли соратники Корта, по одному из толпы появлялись Канги.

— Ключ должен открывать, — задумчиво протянул Джар, — но мы не знаем, каким образом. Надо искать любые выемки в камне. Вообще всё, что выделяется на гладкой поверхности.

— Что тут происходит? — высокий голос Улгерна звучал недовольно.

Он со своими людьми только пришёл и сейчас с расстояния осматривал Врата. Но восхищения или преклонения перед сакральной древностью его лицо не выражало. Скорее хищное ожидание близкой поживы.

— Мы ищем замок, к которому мог бы подойти ключ Юты, — не оборачиваясь, ответил Корт, — но пока не находим.

— Прекрасно... — проворчал старик. — Продолжайте искать. Да поживее.

Он обернулся к атлургам. Пространство непосредственно перед Вратами было заполнено самыми приближенными людьми правителей. Только их одних набралось несколько сотен человек. Остальные атлурги, которые продолжали прибывать, толкались за их спинами.

— Атлурги! Друзья, соратники и... враги, — обратился Улгерн к людям.

Остальные Канги позволили ему говорить. Корт не знал, было ли это оговорено заранее, или же Улгерн просто оказался самым прытким. В любом случае, Канг Умрагата говорил от лица всех.

— Сегодня мы достигли своей цели. Великое Паломничество завершено. Мы присутствуем при поистине историческом событии, о котором будут говорить наши внуки и внуки наших внуков ещё много поколений вперёд. Пока будет жив истинный народ, будет жива и память о сегодняшнем дне!

Этот путь дался нам нелегко. Мы потеряли свои дома, своих родных и близких. Но, как и много тысячелетий назад, благословенный Руг вновь указал народу дорогу к спасению. Перед угрозой неминуемой гибели народу был дарован путь домой. Перед нами Врата Канора, Города Богов, колыбели атлургов. Сейчас мы откроем новую главу в истории народа. Поистине славную и блистательную.

Да благословит Руг всех, кто оказался здесь, на этом рубеже эпох. Да благословит он открытие Врат!

Многотысячная толпа взорвалась воплями одобрения и радости. Стены долины гудели от громогласных возгласов, земля содрогалась от топота ног.

От этой мощи, бушующей за спиной, по телу бегали мурашки. Корт переглянулся с Ютой и Джаром. Все трое слушали речь, стоя под створками Врат. Глаза Юты были расширены от волнения, которое она не могла скрыть. Лоб Джара прорезала глубокая вертикальная морщина. Они трое не были так уверены в успехе. Они всё ещё не могли найти «замочную скважину», куда мог бы вставляться ключ.

Корт считал триумфальную речь Улгерна поспешной, хоть и понимал, что атлурги

сейчас нуждаются в чём-то подобном. В любом случае, это возлагало на них ещё большую ответственность и добавляло нервозности.

— Ну же, действуйте! — раздражённо бросил Улгерн, обернувшись, пока толпа ещё бушевала.

Корту очень хотелось ответить на это подобающим образом, но он лишь стиснул зубы и снова занялся поисками. Втроём они осматривали и ощупывали гладкий камень сантиметр за сантиметром, но по-прежнему не находили никаких отверстий.

Время шло. Толпа за спинами Кангов сперва успокоилась и стихла, затем снова начала понемногу шуметь. Пока это напоминало лишь тихое шуршание песка в дюнах, но Корт слишком хорошо знал, как быстро оно может перерасти в неконтролируемую бурю.

Улгерн всё чаще бросал в сторону троицы презрительные и недовольные взгляды, но пока молчал. Корт подозревал: он просто выжидает. И когда заговорит, им всем не поздоровится. Другие Канги взволнованно переговаривались между собой и со своими людьми. Ощущение всеобщей нервозности и нетерпения нарастало. Вдруг от группы Кангов отделился Гвирн. Он подошёл вплотную и тихо заговорил:

— Возможно, то, что вы ищете, находится вовсе не на самих створках Врат. Вспомните дверь в Водное Хранилище в Утегате. Она открывается секретным рычагом в стене. Здесь может быть нечто похожее. Надо осмотреть прилегающие горы.

Корт счёл это возможным. Так или иначе, к этому моменту они находились в таком положении, что Корт был рад любой идее. Вместе с Гвирном они принялись изучать часть горы, куда были врезаны Врата.

Но и там не нашли ничего похожего на замок. Корт слышал ропот атлургов и видел мрачные лица Кангов. Пока они сдерживали своих людей, но с каждой минутой толпа напирала всё сильнее. Люди, только сошедшие с тропы, продолжали заполнять долину. И каждый из них хотел знать, а лучше видеть, что происходит.

Корт отошёл от Врат, чтобы посмотреть на них с расстояния. Он силился понять логику детей Канора. Но таинственный, полупоупендарный народ отстоял от современных людей настолько далеко в веках, что Корт просто не мог предположить ни каким способом, ни зачем они могли запирать Врата в свой Город.

Мог ли он что-то упустить? Может быть, какие-то свитки, ещё загадки или знамения? С расстояния гигантское сооружение подавляло, но не давало никаких ответов. За полчаса они досконально исследовали всю доступную поверхность створок и горы рядом, но ничего не обнаружили. Может, Дети Канора были великанами и «замочная скважина», которую они ищут, находится так высоко, что они не могут достать? Или же, наоборот...

Корт приблизился к Вратам и опустился на корточки. Пальцами он провёл по земле, точнее по отполированному десятками тысяч ног камню. И неожиданно нащупал неглубокую выемку как раз в том месте, где створки Врат смыкались.

— Кажется, я что-то нашёл! — повысил голос Корт, чтобы привлечь к себе внимание.

Юта, Джар и Гвирн опустились на корточки возле ругата. Корт указал на почти неразличимое взглядом углубление в камне. Юта ощупала его тонкими пальцами.

— По форме подходит! — выдохнула жрица, глядя взволнованными блестящими глазами на Корта.

Он незаметно перевёл дыхание: кто лучше Юты может знать форму её кулона и подойдёт ли он сюда?

— Думаю, мы нашли то, что искали, — объявил Гвирн громко, поднявшись на ноги. —

Юта, попробуй открыть. Отойдите! — скомандовал он остальным.

Атлурги и Джар послушались. Юта осталась сидеть под Вратами одна. Повинуясь невидимой эмпатической связи, которую Корт подозревал у атлургов, толпа разом стихла. Девушка взглянула на Корта огромными испуганными глазами и сняла кулон с шеи. Её руки чуть подрагивали. Юта поднесла кулон к выемке и вложила внутрь.

Вокруг было абсолютно тихо. Корт буквально кожей ощущал нетерпение атлургов и дрожь девушки. Многотысячная толпа ждала, затаив дыхание. Секунды тянулись за секундами. Ничего не происходило.

В абсолютной тишине — можно было расслышать шум собственной крови в ушах — Корт сделал шаг, затем ещё и ещё. Каждый его шаг отдавался эхом в долине. Казалось, вся огромная толпа наблюдает за ним. Корт подошёл к Юте и опустился рядом. Его широкая ладонь накрыла руку девушки. Юта благодарно посмотрела на него и слегка перевела дыхание.

— Может, я должна что-то сказать? Ну знаешь, какие-нибудь ритуальные слова? Или сделать что-то? — прерывающимся от волнения голосом зашептала Юта.

— Этого мы не знаем и уже не узнаем, — ответил Корт. — Не нервничай, у тебя получится.

Юта вынула кулон из углубления. Ледяными пальцами она перевернула его другой стороной.

— Вместе, — так тихо, что могли услышать лишь они двое, сказал Корт.

Юта кивнула и снова вставила кулон в замок. Корт почувствовал, как напряглись пальцы девушки. Она с силой вдавливала подвеску в углубление, переводя взгляд с неё на створки Врат. Секунды тянулись. Ничего не происходило. Юта вынула кулон и снова вставила другой стороной. Ничего. Юта повторяла действие снова и снова, будто боялась остановиться и взглянуть правде в глаза.

Корт ничего не говорил. Он уже понял, что это бесполезно, но трусливо молчал, боясь сказать об этом Юте. Наконец девушка остановилась и лихорадочно втянула в себя воздух, словно захлёбывалась.

— Я... я не знаю. Я не могу... — Её губы дрожали. Юта подняла на Корта огромные от волнения и страха глаза.

— Что за чертовщина? Почему Врата не открываются?! — заговорил Улгерн. Атлурги снова начали переговариваться. Тревожный гул стоял за спиной, словно шум ветра перед штормом.

Корт скрипнул зубами и отнял их руки от углубления. Он слегка согнул пальцы, пряча руку Юты в своей ладони. И повысил голос:

— Жрице Амальрис нужен отдых. Она устала и истощена переходом. Мы попробуем ещё раз позже.

Несколько Кангов во главе с Улгерном начали возмущаться, но неожиданно Гвирн встал перед сидящими Ютой и Кортом, закрыв их собой.

— Вы слышали, — повторил он с нажимом, — жрица устала, ей нужен отдых. К тому же начинает темнеть. Разобьём лагерь, а позже подумаем, что делать. — И, понизив голос, добавил: — прошу, уведите людей. Юте нужно уединение.

Канги были недовольны результатом. Некоторые из них гневались и продолжали ругаться, но просьбу выполнили. Приказ был передан, и их люди понемногу оттеснили толпу.

Корт, Юта, Джар и Гвирн остались одни. Юта подняла на Корта взгляд, полный отчаяния.

— Корт, я не понимаю. Почему ничего не выходит?

И тут же повернулась к Джару:

— Разве я не должна открыть Город Богов? Может, из-за того, что я не прошла посвящение, я не считаюсь настоящей жрицей?

Джар мотнул головой:

— Посвящение — лишь формальность. Способ передать знания следующему поколению. Ты — жрица по крови. Ты была ею с самого рождения.

— Но тогда почему?! — воскликнула Юта, обращаясь ко всем сразу и ни к кому в отдельности.

— Кровь... — задумчиво протянул Гвирн. — Может быть, дело в крови. Могу я взглянуть на твой кулон?

Юта неуверенно протянула его Гвирну. Правитель Утегата повертел вещь тонкими пальцами. Видеть подвеску в чужих руках было неприятно, почти физически больно. Как будто Юта отдала чужому, безразличному человеку своего ребёнка.

— Здесь изображена капля, — констатировал Гвирн, отдавая подвеску владелице. — Ты сказал: то, что она жрица — в её крови, — обернулся Гвирн к Джару.

Тот кивнул.

— Может, в этом ответ? Почему твой кулон изображает каплю? — снова обратился он к Юте. — Может, ты должна капнуть на ключ кровью?

Глаза Юты моментально вспыхнули. В них зажёгся свет надежды.

— Я попробую, — тут же ответила она. — Корт, дай свой нож.

Ругат немного помедлил, но достал из-за пояса длинный прямой клинок. Не медля ни секунды, Юта порезала указательный палец. Кровь обильно закапала на землю. Корт нахмурился. Юта щедро смочила кровью подвеску и направилась к «замку». Она вложила кулон в углубление, как уже делала до этого. Мужчины за её спиной затаили дыхание. Они ждали достаточно долго, но ничего так и не произошло.

Юта закусил губу. Её пальцы непрерывно подрагивали.

— Дайте воды, — проговорила она сорвавшимся от волнения голосом.

Трое мужчин поняли её без слов. Нет, жрица не хотела напиться или промыть порез на пальце. Они подумали об этом одновременно. Если капля на кулоне не означает кровь, то, может, означает воду? Ведь капля в сложенных ладонях выглядит, словно живая капля воды — вот — вот дрогнет и прольётся.

Гвирн сходил за баклажкой. Юта окрапила кулон водой. Взглянув на Корта и глубоко вдохнув, она снова, уже, наверное, в двадцатый раз, вложила «ключ» в углубление.

Некоторое время все ждали. Сердце Юты колотилось неистово, будто она сорвалась с обрыва и не может остановить падения. Голова кружилась. Казалось, вот-вот она услышит, как дрогнул тысячелетний камень, и створки Врат поползут в стороны.

Но камень Врат оставался безмолвен. Город Богов не желал открывать своих тайн. Вход в Канор остался запечатан. Город был неприступен.

Юта вынула подвеску из углубления и осталась сидеть, не шевелясь и не поднимая головы. Мужчины хмурились и молчали. Все они понимали, что это означает.

Они не смогли открыть Город Богов. Древний и высокомерный, он не пожелал покориться чужакам, потомкам своих создателей. Может, они были для него недостаточно

хороши. Может, их кровь была для него недостаточно чиста. А может, он просто счёл, что они не заслужили спасения.

Так или иначе, достигнув Врат Канора, паломники были обречены погибнуть под ними. Спасения не было.

— Я пойду командовать установкой лагеря, — глядя в сторону, произнёс Гвирн. — Велю размещать ближе ко входу в город женщин и детей.

— Укроемся в долине, — подхватил Корт. — Ветер здесь не такой сильный. Может, нам и удастся переждать бурю.

Корт поднял на Гвирна тяжёлый взгляд.

— Ты сообщишь Кангам?

Правитель Утегата нахмурился сильнее, но думал недолго.

— Нет, — ответил Гвирн. — Не стоит пока никому об этом говорить, чтобы не поднимать панику среди людей и не вызвать на себя гнев Кангов. Пусть думают, что мы просто взяли паузу и попробуем позже. В конце концов, сперва нам нужно победить в сражении. А для этого нам потребуется единство.

Корт кивнул, соглашаясь.

Эти решения были просты и ясны. Долгие месяцы все они жили призрачной надеждой. Верой в легенды и неясные загадки. Но теперь всё это закончилось. Да, они совершили невозможное: собрали вместе атлургов и лиатрасцев; разгадали все загадки; нашли Город Богов и привели к нему людей. Они сделали всё, что могли. Больше от них ничего не зависело. И в этот момент Корт ощутил странную лёгкость. Как будто тяжёлый груз, давивший на плечи долгие годы, ещё с тех пор, как он узнал, что новый Лиатрас не строится, вдруг пропал.

Впервые Корт смог вздохнуть полной грудью и расправить плечи. Он сделал всё, что было в человеческих силах. Да, он не справился, но это уже не зависело от него. Теперь его жизнь и жизни всех людей, что он привёл сюда, были в руках богов.

Эти смешанные чувства — досады, горечи и облегчения — полностью захватили Корта. Он едва заметил, как Гвирн и Джар, больше ничего не говоря, встали и ушли. От них тоже больше ничего не зависело. Разбить и укрепить лагерь, постараться накормить и успокоить людей, подготовиться к тому, что их ждёт — вот такие простые задачи теперь были у них.

Но у Корта оставалась ещё одна. Прямо перед ним, всё ещё глядя в одну точку и машинально сжимая в обмякшей руке кулон, сидела Юта. Корт должен позаботиться о ней. Обо всём остальном пускай заботятся боги.

Лагерь решили разбить прямо перед входом в Канор. Ближе всего к Вратам разместили женщин и детей. Было на удивление тихо. Ветер налетал в долину порывами. Видимо, она была устроена так, чтобы закрывать Город Богов от стихий.

Несмотря на стусившуюся тьму, лагерь бодрствовал. Были слышны тихие разговоры. Кое-где между палатками готовилась еда. В монотонный шум вставшего на отдых лагеря вплетался лязг оружия, раздававшийся то тут, то там. Мужчины готовились к сражению.

Военный совет собрался в шатре Салгаира. Помимо Кангов и Корта, тут были и некоторые приближённые правителей. Те, кто не влез в палатки, расположились вокруг, разбившись на группы.

— Ваша жрица не смогла открыть Город Богов, как нам было обещано, — негодовал Улгерн.

Корт раздражённо потёр переносицу. Он устал от споров с Кангом Умрагата, от его постоянных претензий и упрёков.

— Как я уже говорил, на данный момент мы сделали всё, что было в наших силах. Позже мы попробуем ещё раз, — ответил за Корта Гвирн.

Правитель Утегата тоже выглядел измотанным и нервным, но ответ держал твёрдо.

— Хорошо, хорошо, мы вернёмся к этому вопросу позже, — быстро вставил Салгаир. При этом он вытянул руки в сторону Улгерна и Гвирна с Кортом, как бы разводя противников в стороны. — Сейчас у нас есть другие заботы. Насколько я понимаю, враг на пороге, и он может напасть в любой момент.

Салгаир обращался к Карту, ожидая подтверждения своих слов.

— Я думаю, они стоят перед входом на тропу, — ответил ругат. — На месте Вандегида я бы не стал соваться сюда. Но он несомненно пошлёт разведчиков, так что вскоре будет знать о нашем положении дел.

— Мы должны готовиться к бою, — заявил Лурн, положив руку на чехол с аслуром.

Корт кивнул.

— И времени у нас немного. Вандегиду потребуется день, максимум два, чтобы оценить обстановку. Ждать, пока мы отдохнём и придём в себя он не станет. Ему выгодно напасть, пока мы ещё слабы после тяжёлого пути, не успели укрепить позиции и выработать план.

— Значит, нам нужно выработать его сейчас, — сказал Надмер, чья вражда с Лурном в своё время чуть не вылилась в междуусобную войну. — Не пора ли решать, кто поведёт атлургов в сражение?

Повисло напряжённое молчание.

— Предлагаю голосование, — нарушил тишину Улгерн. — Думаю, каждый из нас успел выработать позицию по этому вопросу.

Некоторые из Кангов многозначительно переглянулись.

— Как будем голосовать? — спросил Лурн.

— Предлагаю открытое голосо...

Гвирн был прерван внезапным шумом и какой-то вознёй перед входом в шатёр. Несколько мужских голосов что-то громко выкрикнули, раздался угрожающий рык.

— Какого чёрта там стряслось? — раздражённо бросил Улгерн. — Сходи посмотри, — велел он одному из двух своих людей, находившихся с ним в палатке.

Но не успели они выйти наружу, как внутрь ввалилась Юта, сопровождаемая Утагиру. Девушка держала зверя за холку. Саграл чуть припадал на лапы, шерсть вдоль хребта стояла дыбом. Пасть с огромными клыками была оскалена. Он был готов атаковать.

Первым на ситуацию отреагировал Корт.

— Юта, что случилось?

Он быстро подошёл к ней и положил руку на загривок Утагиру, успокаивая зверя.

— Мне не давали пройти, — ответила Юта, по одному заглядывая в лица Кангам.

Корт блеснул глазами в сторону Улгерна.

— Я велел своим людям не пускать не совет посторонних, — отозвался старик.

— Юта не посторонняя, — повысил голос Корт. И тут же обратился к ней: — Что-то случилось?

Юта выпустила загривок Утагиру и тряхнула головой. Жест, который появился у неё недавно. Юта делала так в присутствии облечённых властью людей, чтобы скрыть беспокойство и показать, что она их не боится. Корт понял, что Юта собирается говорить. Несмотря на тяжёлое поражение, которое она понесла всего несколько часов назад, она смогла собраться и нашла в себе силы прийти.

Корт выдворил Утагиру из шатра и с интересом посмотрел на Юту.

— Я пришла потому, — начала девушка уверенно, — что лиатрасцы тоже хотят участвовать в сражении. Среди них достаточно людей, которые работали в сфере охраны правопорядка в городе. Да и помимо них, многие, узнав, что намечается большое сражение, не захотели оставаться в стороне.

Улгерн грубо перебил её, не дав договорить:

— Хватит с нас твоих предложений. Ты бы сперва Город Богов открыла, а о мужских делах позаботятся мужчины.

Корт с беспокойством смотрел на девушку, готовый вступить в любой момент, но Юта и не думала теряться.

— Я и не собираюсь участвовать в ваших делах. Лиатрасцы выделили в своих рядах главного. Это бывший заместитель Главы Охраны Правопорядка города. Это он будет участвовать в обсуждении. Он готов пойти в распоряжение того, кого вы выберете предводителем в сражении. В конце концов, лиатрасцы проделали этот путь наравне с вами, а потерь несли ещё больше. Они не хотят быть нахлебниками. Они тоже хотят участвовать в создании своего будущего. Чтобы, когда враг будет побеждён, а Город Богов открыт, никто не мог сказать, что лиатрасцы не имеют к этому отношения и входят в Канор на плечах победителей.

— Вот именно, — процедил сильно обозлённый Улгерн. Его взгляд источал яд. — Когда Канор будет открыт. Сперва сделай свою часть работы, жрица. А после мы поговорим о твоём предложении.

— Но... — начала Юта.

— Проводите девушку, — обратился Улгерн к своим людям. — Женщинам и детям не место на военном совете.

Двое высоких, свирепого вида атлургов направились к Юте.

«Так вот, кто они и зачем они здесь», — пронеслось в голове Корта, в то время как он шагнул вперёд, закрывая девушку собой. «Это вовсе не военные советники, а просто две шавки Улгерна. Два мордоворота, которые призваны устрашать своим видом и, как он надеется, добавить веса его словам».

— Но она жрица, — попробовал заступиться за Юту Гвирн. — Не думаете ли вы, что стоит выказать ей больше уважения, а может, и прислушаться к словам?

Гвирн не обращался к одному Улгерну, а ко всем собравшимся в шатре Кангам. Тем не менее, никто из них не спешил спорить с правителем Умрагата. Только сейчас Корт осознал, какой вес среди соплеменников имеет пожилой Канг. «Во время похода он явно времени даром не терял», — промелькнула в голове ещё одна мысль. И Корт вновь, уже в сотый раз, пожалел о том, что не был прирождённым политиком.

Всё, что ему оставалось, — это закрывать Юту от наступающих мужчин. Корт заметил, как Юта с надеждой посмотрела на Салгаира. Верно, раньше он заступался за неё. Да и вообще, Салгаир был здесь единственным, кто мог поспорить с Улгерном во влиянии. К тому же, он всегда старался сглаживать углы и предотвращать лишние споры и распри.

Корт тоже выжидательно смотрел на Канга Тергата, но, к его удивлению, тот просто молча наблюдал за сценой. Ни словом, ни жестом он не выказал неодобрения происходящему. Не воспротивился попытке решить вопрос силой. Корт лишь скрипнул зубами. «Так вот каковы вы в решающий момент», — думал он об атлургах. «Все разногласия между собой становятся не важны, если дело идёт о чужаке. И плевать, что вы там говорили и изображали из себя раньше. Вы просто не допустите кого-то, вроде нас с Ютой, к реальному управлению делами».

Юта опустила взгляд в пол, не найдя поддержки. Они с Кортом остались вдвоём. Люди Улгерна наступали, готовые вытолкнуть наружу как Юту, так и Корта. Этого ругать допустить не мог.

— Дай пройти, — с неприкрытой угрозой в голосе потребовал один из атлургов.

В ответ Корт встал в боевую стойку и быстрым плавным движением вынул из-за пояса боевой нож.

— Не надо, — раздался за спиной негромкий голос. — Я уйду.

Корт обернулся, чтобы посмотреть на Юту. Он не хотел, чтобы всё заканчивалось так. Это было неправильно и означало проригрыш. Но взгляд Юты не выражал покорности или смирения. Она смотрела Карту в глаза очень выразительно, как будто хотела что-то сказать. И Корт понял. Она не сдаётся. Лишь временно отступает.

Корт убрал нож и отошёл в сторону.

— Уберите руки, — с ноткой высокомерия в голосе бросила Юта людям Улгерна. — Я сама найду выход.

После чего развернулась и покинула шатёр.

Некоторое время Канги молчали, хмурясь. Кому из них эта ситуация на самом деле не нравилась, а кому была по душе, Корт сказать не мог.

— Итак, — прочистил горло Лурн, — вернёмся к голосованию. Всех устраивает открытый способ?

Канги не стали возражать.

— Тогда пусть каждый, кто претендует на роль предводителя нашей армии, скажет об этом.

— Я, — не теряя времени, твёрдо заявил о своём намерении Улгерн.

Остальные молчали.

— Я, — мрачно отозвался Корт.

В шатре стояла полная тишина.

— Кто-нибудь ещё? — Лурн обвёл взглядом Кангов. Все молчали.

Корт не подал виду, но на самом деле был сильно удивлён. «Всего двое? Впрочем...», — начало доходить до него. «Как я сразу не понял. Конечно, они давно договорились между собой. Выбрали одного кандидата, чтобы не расплыть голоса. И теперь это Канг атлургов против чужака, пусть он и зовётся ругатом».

Кажется, ситуация складывалась не в его пользу. А между тем, от того, какую стратегию выберет глава объединённого воинства атлургов, как поведёт сражение, зависели жизни их всех. Зависела жизнь Юты. Жаль, что Корт не увидел этого раньше. Мало было провести этих людей через бескрайнюю пустыню, мало найти Город Богов, на протяжении тысячелетий считавшийся всего лишь легендой. Он должен был ещё предусмотреть эту свару за власть. И сделать всё для того, чтобы выиграть в ней. Но теперь было уже слишком поздно.

— Раз других кандидатов нет, предлагаю начать голосование, — возвестил Лурн, взявший на себя роль руководителя собрания. — Пусть каждый назовёт имя того, за кого хочет отдать свой голос. Пойдём по кругу, начиная с уважаемого Улгерна.

— Улгерн, — назвал своё имя Канг Умрагата. После чего обвёл присутствующих мрачным взглядом, как будто хотел утратить тех, кто решит проголосовать против него.

— Улгерн, — повторил Канг одного из самых отдалённых поселений, небольшого и незначительного по политическому весу. Неудивительно, что он выбрал сторону могущественного Канга Умрагата.

Следующим шёл Гвирн. Корт сильно напрягся, ожидая его решения. Ждал ли он от правителя Утегата удара в спину? Скорее, да, чем нет.

— Корт, — спокойно произнёс Гвирн и посмотрел Карту в глаза.

Ругат кивком принял его позицию. Когда хотел, Гвирн мог держать слово.

Кернад, Канг ближайшего к Лиатрасу поселения, с которым Корт был знаком ещё до похода, тоже назвал его имя.

За ним стоял ещё один малоизвестный Карту Канг. О его позиции ругат ничего не знал. Он проголосовал за Улгерна.

— Корт, — назвал его имя Лурн.

Молодой Канг с самого начала отнёсся к Карту положительно. Возможно, причиной было то, что он ругат. А возможно, и то, что у Корта был Утагиру, в которого Лурн был буквально влюблён. Кому из них двоих Корт был больше обязан голосом, он не знал.

Пока голосов было поровну, что вселяло осторожный оптимизм. Во всяком случае, разгрома, который Корт ожидал, пока не произошло.

Сразу за Лурном стоял сам Корт.

— Корт, — произнёс ругат собственное имя.

— Улгерн, — тут же будто ответил ему Надмер.

Тут Корт и не ожидал ничего иного. Высокомерный и спесивый Канг и не скрывал своей принадлежности к лагерю Улгерна. К тому же, он в любом случае проголосовал бы противоположно Лурну.

Дальше шёл Амдир. Ещё одна тёмная лошадка, о позиции которого Корт не имел ни малейшего представления. Амдир всегда держался в стороне от споров и только молча наблюдал.

— Улгерн, — назвал он имя.

Корт незаметно перевёл дыхание и крепче сжал кулаки. Оставалось лишь двое Кангов, ещё не отдавших свой голос. Пока за Улгерна было пятеро. За Корта — четверо. Всё могло решиться прямо сейчас.

— Воздерживаюсь, — сказал стоявший предпоследним Канг при гробовом молчании.

Напряжение к этому моменту было таким, что, казалось, воздух начнёт искриться. Корт перевёл мрачный взгляд на оставшегося последним Салгаира. Исходя из его реакции на выдворение Юты, бой был проигран.

Все до последнего, стоявшие в шатре, люди вперили в Канга Тергата прожигающие взгляды. Салгаир был спокоен, словно вовсе не замечал бури, готовой разразиться под сводами шатра. То ли возраст, то ли опыт позволяли ему оставаться непоколебимым, словно каменное изваяние.

Долгих полминуты Салгаир хранил молчание. Как будто хотел поиздеваться над нетерпеливостью более молодых Кангов. Наконец он отмер:

— Корт, — медленно и раздельно произнёс Канг Тергата.

По шатру пронёсся вздох, как будто люди, до того затаившие дыхание, позволили себе выдохнуть. Улгерн что-то зашипел. Многие Канги хмурились. Только при взгляде на их реакцию, до Корта дошло: нет, он не проиграл. Случился пат.

— Итого: за Улгерна — пятеро. За Корта — пятеро, — подытожил Лурн.

Канги были мрачнее туч. Схватка, которую многие ждали долгие недели, которая должна была решить судьбу народов и возвысить одного из них на небывалую высоту, завершилась ничем.

Все молчали. Решения не было.

— Раз у нас патовая ситуация, думаю, нам не помешает ещё один человек, который сможет голосовать, — неожиданно нарушил тишину Салгаир. — Нам стоит согласиться на предложение Юты.

— Но мы же решили, что ей сперва стоит заняться открытием Врат. Пока она не выполнит того, что нам было обещано, мы не можем ей доверять, — почти прорычал в ответ Улгерн.

Салгаир остался спокоен.

— Если мы поступим по-твоему, то так и не сможем решить возникшую проблему. К тому же ты — заинтересованная сторона. Не думаю, что сейчас ты вправе принимать решения о том, кому участвовать в голосовании, а кому — нет.

Улгерн расправил плечи, его глаза метали молнии. Он вытянул в сторону Салгаира руку.

— Согласен с многоуважаемым Салгаиром, — вдруг громко произнёс Гвирн. — Ваша мудрость хорошо известна и не вызывает сомнений.

— Согласен, — вторя ему, произнёс Лурн.

— Другого выхода, кажется, нет, — неожиданно подтвердил Амдир.

Никто из Кангов не стал спорить. Молчаливо они дали своё согласие. Корт видел, как Улгерн скрипел зубами, но проглотил это. Ему не оставили выбора.

До Корта не сразу дошло, что происходит. А когда дошло, на него словно снизошло озарение. Всё происходящее вдруг стало кристально ясным. Улгерн с треском проиграл. И это было предрешено.

Среди Кангов наибольшим влиянием пользовались двое: Улгерн и Салгаир. Они были самыми старшими, а в обществе атлургов это многое значило. Это означало, что они обладают самым большим опытом и огромным багажом накопленных знаний. А это, в конце концов, даёт глубокую мудрость. Все атлурги понимали это. Потому почитание старости было в их обществе непререкаемой константой.

В первую очередь поэтому двое самых пожилых Кангов с самого начала заняли главенствующую позицию. Их слушали и с ними соглашались.

К тому же, что касается Салгаира, то за время похода у него сложилась репутация человека опытного и взвешенного. Способного сглаживать углы и разрешать конфликты даже между самыми непримиримыми сторонами.

И, конечно, старик знал об этом. Дедушка с мудрыми и добрыми глазами оказался гораздо хитрее и дальновиднее, чем многие ожидали. Вероятно, он знал обо всех раскладах между Кангами. Знал о том, что они сговорились, пытаясь выдвинуть вперёд Улгерна. И понимал, что шансы поставить Корта во главе армии невелики.

Именно поэтому сегодня он до последнего дистанцировался от происходящего. Он не использовал своё влияние, когда мог, и позволил Улгерну полностью завладеть ситуацией.

Намеренно не стал ничего предпринимать, когда Юту выдворяли из палатки. Он выжидал, чтобы воспользоваться своим влиянием в тот момент, когда это принесёт наибольшую выгоду. И сейчас, когда Канги действительно не знали, что делать, он вынул этот козырь из рукава. Теперь никто не смел с ним спорить.

Убедившись, что одобрение большинства на его стороне, Салгаир произнёс:

— Приведите Юту и её человека.

Избранника от Лиатраса звали Арсал. Это был невысокий худой мужчина с военной выправкой. После того, как Юта представила его правителям народа, голосование не заняло много времени.

— Итак, — Корт выступил вперёд и хрустнул костяшками пальцев, — вот мой план.

Глава 17. Обжигающее пламя

Это была последняя ночь перед сражением. Завтра решится судьба народов Нибелии, каждого атлурга и лиатрасца. Юта сидела перед гигантскими Вратами в Канор и бездумно смотрела на них.

Ночь была тиха. Ветра по-прежнему не было. Может, Корт был прав. Может, горы, окружающие долину, укроют их от бури, и им удастся выжить. В голове было пусто. Страха Юта не испытывала. Как и вообще никаких эмоций. Как это могло быть? Может, за месяцы непосильного напряжения она просто перегорела?

По привычке жрица крутила в пальцах мамин кулон. Был ли он ключом, которым она не смогла воспользоваться, или бесполезной побрякушкой, она не знала. Да это больше и не имело значения. Юта вслушивалась в звуки готовящегося к битве лагеря за спиной. Она видела отблески огней на поверхности створок. До слуха доносились обрывки разговоров, лязг затачиваемых аслуров. Этой ночью никто не спал.

Юта не удивилась, когда услышала шаги за спиной. Она хотела бы, чтобы это был Корт, но уже знала, что это не он. Потому что невозможно было услышать его приближение — Корт двигался совершенно бесшумно. Также Юта понимала, что мужчина сейчас очень занят: он должен продумать план сражения, организовать оборону, распределить роли между отрядами атлургов и сделать ещё миллион вещей, в которых Юта ничего не понимала.

Но всё равно было бы здорово, если бы он сейчас был здесь. Увидит ли она его ещё до сражения? И если всё пойдёт плохо, увидит ли вообще? От этой внезапной мысли внутренности похолодели. Юта поспешно отогнала её.

Рядом с ней на землю опустился Гвирн. Мужчина молчал, рассматривая закрытый для них вход в Город Богов. Блики от огней плясали на створках, искажая гладкую поверхность. Казалось, они смотрят в гигантское зеркало, в котором распускаются причудливые огненные цветы.

— Я пыталась уже сотню раз, — нарушила молчание Юта. — Пока никто не видел, потому что мне было стыдно. Но у меня так ничего и не вышло. К чему вообще завтрашнее сражение? К чему убивать друг друга, если всё равно мы все погибнем под Вратами закрытого Города Богов?

— У нас нет выбора, — ответил Гвирн. — Враг не собирается отступать. К тому же некоторые полагают, что долина может укрыть нас от бури. Смотри, ветер почти не проникает сюда. А если мы сможем захватить припасы этого Вандегрида, то это поможет нам продержаться. В любом случае ты не виновата в том, что Врата не открылись.

Юта печально улыбнулась.

— Спасибо тебе. За всё.

Гвирн промолчал в ответ. Юта повернула голову к мужчине, чтобы посмотреть на его очертания в темноте. Даже при слабом отражённом свете она отметила прямую напряжённую спину и хмурое выражение лица.

— Юта, я должен рассказать тебе кое о чём, — заговорил Гвирн, и от его тона Юта занервничала. — Это касается Корта. Я знаю, ты не любишь, когда я говорю о нём. Потому что мы соперники или, по крайней мере, были ими долгое время. Но это ты должна знать.

Гвирн замолчал, ожидая реакции Юты. Она и правда не любила, когда Гвирн

заговаривал о Корте. Во-первых, она всегда смущалась в такие моменты. А во-вторых, как правило, Гвирн не говорил о нём ничего хорошего. Это было понятно, но не могло нравиться Юте. Всё же переборов себя, она произнесла:

— Слушаю.

— Думаю тебе известен рассказ Корта о том, как вышло, что Вандегрид последовал за вами.

Гвирн подождал ответа Юты, но так и не услышав его, продолжил:

— Так вот: это ложь. Правда заключается в том, что Корт позволил ему следовать за вами. Более того, он заключил с Вандегридом сделку, в которую входило всё это, даже сражение.

Юта опешила. Она замотала головой, не желая принимать услышанное, и даже непроизвольно улыбнулась, настолько нелепыми и невозможными казались слова атлурга.

— Этого не может быть. Вандегрид — наш враг. Он столько раз пытался нас убить. К тому же из-за него погибла Леда. Это невозможно, чтобы Корт заключил с ним какое-то соглашение, — уверенно произнесла Юта. — Да Корт даже слушать бы его не стал.

Гвирн грустно покачал головой. Он тоже слегка улыбнулся. Но его улыбка как бы говорила: «Бедное дитя. Ты так наивна и столького не знаешь».

— Я понимаю, что тебе трудно поверить в это, — сказал Гвирн. — Но это правда. Корт сам привёл сюда людей Вандегрида, и в случае их победы он отдаст им Город Богов.

Юта всё ещё не хотела и не могла поверить в то, что слышала.

— Но... откуда тебе это известно? — спросила жрица, надеясь этим вопросом вывести Гвирна на чистую воду.

— Корт сам рассказал мне об этом, — был ответ.

Юта ожидала какого угодно ответа, но только не этого. Слова Гвирна не сразу дошли до сознания. А когда Юта осмыслила услышанное, то ей показалось, будто она с головой окунулась в ледяную воду. В ушах шумело, голова закружилась, кровь вмиг отхлынула от лица. Некоторое время Юта не могла вымолвить ни слова. Лишь спустя несколько минут она смогла собраться.

— Но зачем ему это? — выдавила из себя девушка.

В ней боролись гнев, досада и недоумение. То одна, то другая эмоция брали верх так поспешно, что Юта и сама не могла понять, что же всё-таки чувствует.

На её вопрос Гвирн лишь пожал плечами.

— Кто знает? Может, они договорились разделить между собой власть или ещё что-то в этом роде. Прости, что принёс тебе такие новости. Я подумал, что ты захочешь знать.

— Но почему ты ничего не сделал, если знал об этом?! — воскликнула Юта.

Гвирн развёл руками.

— А что я мог? Я был поставлен перед фактом, когда армия Вандегрида уже стояла под Утегатом. Мне пришлось принять это в надежде на то, что объединённое войско атлургов сможет дать им отпор.

Юта молчала. Она была поражена слишком сильно, чтобы адекватно реагировать на услышанное. Если это была правда, то она просто не укладывалась в голове. Но больше остального Юту беспокоил один вопрос: почему Корт не рассказал ей? Почему скрывал это с самого начала и по сей день? Он рассказал Гвирну, может, кому-то ещё, но только не ей. Завтра состоится сражение, в котором они все могут погибнуть. И в таких обстоятельствах, даже перед лицом смерти, Корт не счёл нужным рассказать ей о чём-то столь важном?

— Прости, — снова заговорил Гвирн, но Юта не ответила.

Она была так сильно захвачена эмоциями, накрывшей её обидой, что почти не замечала атлурга, сидящего рядом.

— Знаешь, а ведь ещё не всё потеряно, — сказал Гвирн.

Юта подняла на него глаза, не понимая, о чём он говорит.

— Для нас, — пояснил молодой атлург. — Мои чувства к тебе не изменились, и если бы ты только захотела, я...

— Стой, — резко оборвала его Юта и даже вскинула ладонь.

Потом немного помолчала. Заявление Гвирна неожиданно привело её в чувства. Только вот оформить то, что она ощущала, в слова и произнести их оказалось сложнее, чем Юта думала.

— Я знаю, что давала тебе обещание, — осторожно подбирая слова, начала девушка. — Но я не могу его исполнить, прости. Я... люблю Корта и всегда любила. Что бы он ни сделал, ничто не изменит этого. Может, нам с ним и не суждено быть вместе, но я не могу иначе.

Некоторое время Гвирн молчал. Потом спокойно произнёс:

— Ясно. Прости, что снова поднял эту тему. Просто знай: что бы ни случилось, я всегда буду на твоей стороне.

После чего поднялся и ушёл, шелестя сапогами по песку. Он так и не попрощался.

Когда Корт нашёл его, Джар сидел в небольшой палатке.

— Присаживайся, — предложил Хранитель и подвинулся в сторону.

Он сидел на подстилке, скрестив ноги. Его седая макушка подпирала невысокий тканевый потолок. Кругом пожилого мужчины было разложено холодное и огнестрельное оружие всевозможных видов, включая такие образцы, каких Корт никогда не встречал.

Не глядя на ругата, Джар продолжал чистить тряпочкой детали разобранного пистолета.

— Мой ответ: нет.

Корт удивлённо посмотрел на Хранителя.

— Но я ещё ничего не спросил.

— И не нужно, — спокойно ответил Джар. — И так ясно, зачем явился.

— И зачем же? — усмехнувшись, осведомился Корт.

Джар поднял бровь и одарил Корта взглядом, каким смотрят на полного идиота.

— Говорить о Юте, конечно же, — прозвучал ответ.

Корт тяжело вздохнул и ссутулился. Он смахнул со лба прядь жёстких волос и, глядя перед собой, спросил:

— Ты присмотришь за ней, когда...

— Нет, — Джар грубо перебил его и зло замолчал.

Корт опешил. Переспрашивать не было смысла, хотя очень хотелось. Если бы кто-то сказал Корту, что он получит от Джара подобный ответ, он ни за что не поверил бы.

— Но почему?! — помимо желания, практически воскликнул ругат. И добавил, понимая, что прибегает к запрещённому приёму, пытаясь пристыдить пожилого мужчину: — Ты же её Хранитель! Разве не это твоя задача? Разве ты не должен находиться рядом с ней и защищать, что бы ни происходило?!

Хранитель с грохотом вставил обойму в собранный пистолет и передёрнул затвор. На этот раз он не скрывал своей злости. С шипением выплёвывая слова сквозь стиснутые зубы, он заговорил:

— Думаешь, я не знаю об этом, мальчик? Думаешь, на этом свете есть кто-то, кто желает защитить её сильнее, чем я? Думаешь, невыполненный перед убитыми жрицами долг и чувство раскаяния не терзало меня каждый день и каждую минуту моей бесполезной жизни? Думаешь, я не готов защищать её до последней капли моей стылой старческой крови? Думаешь, имеешь право говорить мне о том, в чём состоит мой долг, и как мне исполнять его?

Мгновение Корт смотрел на него, а затем низко склонил перед стариком голову и тихо произнёс:

— Прости меня, мудрый. Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что всё это так. И что нет никого, кто желал бы защитить Юту больше, чем ты. Прости за то, что позволил себе усомниться в этом. И за слова, которые оскорбили тебя.

С минуту Джар молчал. Корт ждал, не поднимая головы.

— Кретин, — бросил наконец Хранитель. И хмыкнул: — «Нет никого, кто желал бы защитить Юту больше, чем ты», говоришь? Спорю, у тебя язык чесался добавить: «Кроме меня, конечно же».

Корт распрямился и позволил себе усмехнуться. Он был рад, что Джар не стал таить на него обиду. Но не успел он расслабиться, как лицо Хранителя разом, без перехода, сделалось серьёзным и даже суровым.

— Ты даже не представляешь, чего мне стоило это решение. Но у меня нет выбора. — Джар повернулся к Карту всем корпусом. — У меня нет выбора из-за тебя.

Корт нахмурился, он ждал продолжения. Джар отвернулся.

— Я слышал о твоём плане. Не знаю, нужно ли говорить это вслух или ты сам всё понимаешь, но план — дерьмо.

Плечи Корта напряглись, он немного поёрзал на жёстком полу, но ничего не ответил.

Джар бросил на него взгляд искоса и решил всё же продолжить:

— Надеюсь, это не случайное недоразумение, и у тебя всё же есть план. Настоящий план, я имею в виду. Потому что просто выступить против Вандегрида, даже используя супер хитрую и, признаю, умную тактику, ничего не даст. Да, атлурги превосходят людей Вандегрида количеством. Но, насчитывая наша армия хоть пять тысяч человек против нескольких сот людей Вандегрида, нам не выстоять. Слишком велика разница в вооружении. — Джар резко прервался и покрутил в руке аслур. — Слишком.

— Я знаю, — ответил Корт.

Джар посмотрел на него в упор.

— И? Как же ты планируешь победить? У тебя ведь должен быть план. Должен был быть с самого начала.

Корт уселся поудобнее и сложил руки на коленях.

— Изначально, — ответил он, — я не планировал победить.

Брови Хранителя взлетели вверх. Корт продолжал говорить монотонным голосом:

— Я с самого начала предполагал, что мы можем проиграть. Силы слишком не равны. Но для меня это было приемлемо. Пусть Город Богов займёт Вандегрид. Главное — чтобы были спасены люди.

— Чтобы была спасена Юта, — эхом вторил ему Джар. — Я понимаю ход твоих

мыслей. Продолжай.

— Но это было до того, как, — Корт стиснул кулаки, — мы не смогли открыть Канор. Это всё меняет. Теперь нам некуда отступать. Когда Вандегрид узнает о том, что Врата закрыты, то перебьёт всех: ему просто нечем будет кормить людей. В лучшем случае выгонит в пустыню, где они сами перемрут от холода и голода, не говоря уже о буре.

Поэтому мы не можем отступить.

— И что же ты предлагаешь?

— У меня есть немного взрывчатки. Хватит для того, чтобы отправить к Ругу несколько десятков человек. Включая предводителя их войска, Джазира.

— Джазир... — протянул Хранитель, и желваки заходили под кожей острых скул. — Юта рассказывала о нём.

Корт лишь угрюмо кивнул.

— Но чтобы заманить его в ловушку, придётся постараться. Придётся выманивать его на крупную наживку. — Джар мгновенно вскинул голову, он хотел что-то сказать. — Я буду выманивать его на себя.

— Но это самоубийство! — воскликнул Джар. — Слишком опасно. Слишком...

Внезапно он замолчал, кое-что осознав. Корт сидел молча, опустив голову. Он не пытался спорить с ним, отпираться и, видимо, не планировал это делать.

— Но тебе прекрасно об этом известно, — закончил Джар.

Корт посмотрел на него почти с мольбой.

— Именно поэтому ты должен быть с ней. Ты должен быть рядом с Ютой. Прошу. Больше никому будет защитить её.

Джар длинно и смачно выругался.

— Я ж говорю: кретин, — выдавил он, отвернувшись. — Именно поэтому я должен быть на поле боя. Потому что нам некуда отступать. Если твой, с позволения сказать, план, провалится, Юте не выжить. Никому не выжить, как ты сам только что сказал.

Поэтому завтра я буду сражаться. Рядом с тобой и остальными. Это — последний рубеж. Если завтра мы не остановим Вандегрида ценой собственных жизней...

Джар не договорил. Некоторое время посидели молча, каждый думая о своём. А может, — об одном и том же. Не глядя на Корта, Джар снова взялся за чистку и подготовку оружия.

Ругат посидел ещё немного, задумавшись, а затем вышел. Он остановился, глядя на бодрствующий лагерь. Бесчисленные светлячки огней разрезали глухую ночь. В воздухе был разлит запах железа и ожидания. До слуха доносился лязг заточиваемых клинков и звон тетивы, натягиваемой на лук. Корт сделал нерешительный шаг в сторону, будто колеблясь. В эту последнюю ночь у него оставалось ещё одно дело.

Они столкнулись где-то посреди лагеря, между хаотично нагромождёнными палатками и суесящимися людьми.

— Корт!

Юта заметила его первой. Сложно было пропустить его высокую крупную фигуру, даже среди отнюдь не низких атлургов и большого скопления людей. Но, конечно же, Корт давно распознал её запах и звук шагов. Он шёл на них от самой палатки Джара и совсем не

удивился, услышав своё имя.

— Корт!

Она почти бежала к нему. Но стоило мужчине подойти ближе, как Юта замешкалась и отступила. Корт мгновенно почувствовал напряжение. От неё пахло иначе: к сладкому запаху цветов, источаемому её волосами, и тёплому запаху пустынной мяты и хлопка, исходящему от её кожи, примешивался горьковатый запах полыни.

— Я искал тебя, — мягко сказал Корт, глядя на девушку сверху вниз, вынуждая поднять на него взгляд.

— Нам надо поговорить, — Юта казалась крайне собранной, её голос звенел. Она стойко выдержала близкое присутствие Корта, так и не подняв головы.

— Хорошо. Пойдём.

Корт пребывал в недоумении. Он не понимал, что могло случиться. Но, так или иначе, им действительно надо было поговорить. Он провёл Юту через лагерь, миновал Лес Стел, как его успели окрестить атлурги, и вывел на другой конец долины. Сюда почти не доносились звуки лагеря. Отвесные скалы прикрывали спину, как верный товарищ, а землю усыпал слой мягкого песка, заносимого ветром из пустыни.

Корт сбросил с плеч мешок, собранный заранее, и принялся разжигать скудный костерок. Он хотел, чтобы при их последнем разговоре Юта могла видеть его лицо.

Всё это время Юта молча и без вопросов следовала за Кортом. Вот и сейчас она покорно опустила на песок, наблюдая за действиями ругата.

— Здесь уютно, — произнесла девушка.

Она обхватила колени руками и склонила голову набок, следя за занимающимся огоньком.

— Я нашёл это место, когда возвращался с разведки в горах.

— Когда искал место для сражения с Вандегридом, — закончила за него Юта.

Корт не ответил, лишь пристально посмотрел на неё.

Некоторое время оба молчали, глядя в огонь. Как будто у них было всё время на свете, как будто с каждой минутой не утекала последняя возможность наговориться и насмотреться друг на друга.

— Гвирн всё мне рассказал, — вдруг отчеканила Юта, и от её голоса снова повеяло холодом.

Корт сразу понял, о чём она говорит. Он ждал от Канга Утегата чего-то подобного с тех пор, как поведал ему о настоящем положении дел. И всё гадал, почему же тот не пользуется компроматом. Оказалось, поэтому: чтобы выбрать самый неудачный для Корта момент и ударить в самое сердце.

— Это правда, — сказал Корт. — Я действительно заключил с Вандегридом сделку и привёл его сюда. Я обещал ему Город Богов, если он одержит над нами верх.

— Почему? — еле слышно выговорила Юта.

— Потому что я не мог иначе, — вздохнул Корт и пнул носком ботинка выкатившийся уголёк. — В обмен... в обмен на это я выторговал твоё освобождение из плена.

Юта резко, всем телом обернулась к Карту. Её глаза были круглыми, как две плоски.

— Что? Но ведь это Джар вызволил меня...

Юта оборвала себя, что-то соображая.

— Так вот оно что... Конечно, этого не могло быть. Всё прошло слишком легко. На самом деле Вандегрид просто позволил Джару вывести меня...

Теперь Корт тоже смотрел на Юту, внимательно наблюдая за её реакцией, оценивая и взвешивая. Он кивнул и повторил:

— У меня не было выбора. На тот момент мы всё проиграли: ты была в плену, кулон был у Вандегрида. К тому же, он ни за что не позволил бы нам вывести из города людей.

Юта приоткрыла рот в изумлении.

— Даже это... Даже это было ложью. Все эти объявления по радио, отвлекающие манёвры, ложное место сбора. Всё это было абсолютно ненужно. Но зачем? Зачем весь этот цирк?

Корт с мольбой и болью посмотрел Юте в глаза, и она поняла.

— Этот цирк был для меня, — заключила девушка.

Она казалась ошарашенной, поражённой. Корт в любой момент ожидал взрыва негодования и гнева. Но больше всего он боялся другого. Он боялся, что теперь, когда Юта узнала всю правду, последние нити терпения и доверия лопнут, и она наконец возненавидит его.

— Но почему? — тихо спросила Юта, снова глядя в огонь, но не видя его.

— Почему я врал тебе? — переспросил Корт без надобности, как будто, произнося эти слова, хотел сделать ещё больнее. — Потому что, — он на секунду запнулся, но сказал не то, что хотел. Не то, что рвалось из глубины его сердца, — хотел оградить тебя.

И это тоже была правда.

Юта долго молчала. Корт хотел сказать ещё что-то: оправдаться, объяснить. Но каждый раз, как готов был открыть рот, вдруг понимал, что никакие слова не изменят сделанного. Было ли то решение правильным или нет, он не знал до сих пор. Но был уверен: случись всему повториться, он сделал бы то же самое.

— Дурак, — неожиданно произнесла Юта с детской обидой в голосе.

Корт подумал о том, что, наверное, действительно делает что-то не так, раз сегодня все клеймят его.

Юта подняла лицо. В глазах стояли слёзы, а брови хмурились.

— Неужели после всего, через что мы прошли вместе, после всего, что я видела и знаю про тебя, ты думал, что именно из-за этого я бы от тебя отвернулась? — чуть подрагивающим голосом, но с вызовом спросила маленькая жрица.

Корт был настолько обескуражен этой искренностью, этой детской обидой, что только и смог развести руками. Сейчас он и правда чувствовал себя полным кретином.

— Ничьё терпение не вечно. Я боялся, что и твоё закончится. Потому что, если бы и ты покинула меня, я бы... — Корт резко втянул в себя воздух, — я бы...

— Не надо, — поспешно прервала его Юта. — Я не хочу ничего слышать. Этого не было и никогда не будет. Я никогда не брошу тебя, — закончила она тихо.

На этот раз Корт сидел ошарашенный и оглушённый. Он был готов радоваться и одновременно рвать на себе волосы, умолять Юту о прощении и плакать от счастья. Но больше всех других, наполнявших его эмоций ощущений, Корт чувствовал, как по внутренностям разливается мягкое тепло. Бежит по капиллярам и венам, покалывает кончики пальцев, добирается до сердца, заполняет все дыры и рваные раны, успокаивая давнюю боль, исцеляя.

— Только ответь мне на один вопрос, — по-прежнему тихо попросила Юта, — сколько ещё у тебя от меня секретов?

Корт удивлённо посмотрел на девушку и искренне ответил:

— Больше нет. Клянусь.

— Но как же... как же пророчество...? — Юта не могла найти в себе сил посмотреть Карту в глаза.

— Какое пророчество? — не понимая, спросил Корт.

— Пророчество Тургаса. О том, что человек, который сделает меня своей женой, проведёт народ через тёмное время, — чуть слышно прошептала Юта. — То, которое я нашла у тебя дома.

Корт медленно повернул к Юте голову. Понадобилось время, чтобы до него дошли её слова.

— Но... как... Когда ты нашла его? — недоумённо спросил Корт.

— Давно, — ответила Юта. — Когда ты вернулся в Утегат после... после того, что случилось на Стене.

Корт вдруг резко выпрямился. Он смотрел на Юту с сильным волнением. Такая реакция удивила девушку.

— Где ты нашла его, Юта? — Беспокойство Корта нарастало.

— У тебя дома, — с недоумением ответила жрица.

— Где именно? — почти выкрикнул Корт.

— За печью. Оно выпало оттуда, когда Утагиру крутился рядом. Наверное, он задел его хвостом, я не знаю. Да в чём дело? — воскликнула, не выдержав, Юта, когда Корт вскочил и принялся расхаживать взад-вперёд.

Он будто ничего не слышал и не видел перед собой, только пальцы беспрестанно тербели рукава рубашки.

— Это Леда, — вдруг сказал Корт. — Леда нашла его и перепрятала.

Мужчина наконец остановился. Он замер, вглядываясь куда-то в темноту, как будто увидел там что-то. Юта даже посмотрела в ту сторону, но не увидела ничего, кроме тьмы и отблеска их костерка на далёких скалах.

— Что Леда? — осторожно переспросила Юта, видя странную реакцию Корта. — Скажи мне, что случилось?

— Леда нашла его, — только и повторил Корт упавшим голосом.

Он вдруг рухнул на песок и закрыл голову руками. В мгновение ока Юта очутилась рядом, сама не успев понять, как. Она всерьёз испугалась за Корта, но не понимала, ни в чём дело, ни как помочь.

Юта осторожно тронула Корта за плечо, и в ту же секунду он схватил её за руку. Так поспешно, что Юта испугалась. Глаза мужчины блестели почти безумно: страшным осознанием и нестерпимой болью. Юта молча смотрела на него, не в силах произнести ни слова, как будто это с ней самой случилось что-то ужасное и непоправимое.

— Она нашла его, — повторил Корт, как в бреду. — Понимаешь?

Он так сильно сжимал пальцы Юты, что они заболели, но мужчина, очевидно, не понимал этого. Он пытался сказать ей что-то, объяснить. Донести до неё открывшееся ему осознание.

— Нашла и прочла. Должно быть, это случилось как раз перед нашим походом в Лиатрас. Она тебя... Она на Стене... — Корт пытался, но не мог выдать из себя страшных слов о том дне.

Но и его бессвязных бормотаний хватило для того, чтобы Юта начала понимать. Она села рядом с Кортом на песок. С каждой секундой приходящего осознания волны жара

накрывали её. Ладони вспотели.

— Ты хочешь сказать, что она... — Юта тоже не могла закончить фразу.

Корт выпустил её руку и немного успокоился. Как будто, поведав Юте о своём страшном прозрении, он передал ей часть своей боли. Так что теперь она стала терпимой и больше не грозила свести с ума.

Долгое время оба молчали, ошарашенные. Наконец Корт неловко прочистил горло и выговорил:

— Знаешь, она ведь пыталась порвать со мной тогда. Несколько раз заводила разговор, но я так и не удосужился её выслушать. Теперь я понимаю.

Снова помолчали. На этот раз тишину прервала Юта.

— Кто-то из нас должен сказать об этом вслух. Ради неё. — Горло предательски перехватило, но Юта заставила себя договорить: — Леда пожертвовала собой, чтобы спасти меня, потому что думала, что я — девушка из пророчества.

— Потому что думала, что именно ты должна быть рядом со мной во времена смуты и тьмы. Потому что всегда верила в то, что именно я буду тем, кто проведёт народ через тёмное время, — эхом отозвался Корт. — Прости меня, Леда. Прости, любимая, за то, что не увидел, не понял, не уберёг. Прости.

Слова прозвучали прощанием. Настоящим прощанием с той, кто до конца оставалась верна. Верна своему мужу, Утегату и своим идеалам. Кто отдала жизнь за эту веру. Она умерла так же, как жила — стоя, с гордо поднятой головой. Не предав своих убеждений. Равно её жизнь и её смерть стали примером. Символом стойкости и непоколебимой веры. И теперь и Корт, и Юта — оба — ощущали, что не имеют права предать эту веру.

Юта импульсивно подняла взгляд туда же, куда смотрел до этого Корт. И ей почудилось, что в неясных тенях, в изменчивых отблесках танцующего пламени проступил грациозный силуэт женщины с янтарными глазами.

Ещё долго никто из них не мог произнести ни слова. Этой ночью Корт с Ютой наконец попрощались с ней — сильной, несломленной женщиной, что навсегда останется частью их истории.

— Прости за это, — сказала тихо Юта. — Я знаю, что в этом не было моей вины. Но всё равно, прости.

— Тебе не нужно извиняться. Я никогда не винил тебя в том, что произошло.

— Но ты любил Леду, а я... — начала Юта, но Корт резко прервал её. Его голос звучал почти зло.

— Это правда. Её я любил. А тебя... — Юта задохнулась. — Так не любят... Когда любят, то не пугают любимого своими озверелыми порывами, не теряют рассудок при виде него. Не готовы разрушить до основания весь мир и себя вместе с ним только для того, чтобы любимый мог пройти по останкам, не поранив ног. Не превозносят любимого выше всяких богов. Выше жизни и смерти, имени и слова.

Не вырывают себе с кровью сердце, чтобы подарить его тому, кого любят.

Юте показалось, что во всём мире кончился кислород. Ей было нечем дышать. В её чистых глазах стояли слёзы. Со всей силы она прижимала кулачки к сердцу.

— Подожди-ка... — Корт вдруг повернулся к ней. Его голос звучал отстранённо. — Ты... ты всё это время думала, что я спрятал пророчество, чтобы воспользоваться им? Что я предложил тебе стать моей женой из-за этого? Ради того, чтобы исполнить пророчество и возглавить народ?!

Корт смотрел на Юту совершенно ошалело. Кажется, он сам не мог поверить тому, что говорил.

Юта с силой закусила губу и почувствовала во рту медный вкус. Она смотрела на Корта с отчаянием.

Корт вскочил. Он упал перед ней на колени в песок, схватил руки.

— Я никогда... Я никогда бы... — Он не мог подобрать слов. Корт зажмурился и выдохнул, собираясь с мыслями. — Я нашёл тот свиток в библиотеке. Ещё в то время, когда мы искали информацию по Амальрис. Я счёл его опасным для тебя и потому спрятал. Я не хотел, чтобы кому-то могла прийти в голову мысль о том, чтобы использовать тебя. Я не знал, что ты наша его. Я никогда бы...

Корт стиснул зубы и опустил голову.

У Юты на душе вдруг стало так легко и свободно. Она улыбнулась и заключила лицо Корта между ладонями. Он посмотрел на неё умоляющим взглядом. Юта мотнула головой: «Не надо больше ничего говорить. Я всё знаю».

Она и правда знала. Они оба знали всё друг про друга и про их чувства тоже. Ведь уже давно, очень давно у них были одни страхи на двоих, одни надежды, одни мечты. И одна любовь. Как будто, находясь в разных телах, у них билось на двоих одно сердце.

— Мне так одиноко, Корт. Каждую минуту, что ты не касаешься меня, — чуть дрожащим голосом выдохнула Юта.

Корт посмотрел на неё почти испуганно. Но тут же испуг сменился чем-то другим — решимостью человека, готового прыгнуть с обрыва. Юта наблюдала эти мгновенные перемены заворожённо, словно смотрела самый захватывающий на свете фильм.

С любопытством, немного даже отстранённо, она наблюдала, как Корт коснулся её руки чуть выше запястья, лёгко, почти неощутимо. Провёл кончиками пальцев по предплечью вверх. От этого прикосновения у Юты на руках поднялись волоски. Пальцы Корта пропутешествовали по плечу, тронули ключицу, ямочку под горлом.

Взгляд ругата следовал за рукой. Вот его пальцы поднялись к щеке, очертили линию скул, тронули кончик уха. Корт, будто слепой, кончиками пальцев изучал рельеф её тела, каждую мельчайшую чётточку и деталь. Как будто эти прикосновения заново рисовали её образ внутри него, на холсте его сердца.

Вот горячие пальцы добрались до волос. Одну за другой вытащили все заколки, державшие причёску. Когда непослушные кудри освобождённо упали на плечи, Корт запустил в них пятерню. Медленно, с выражением чистейшего восторга на лице, пропустил пряди между пальцев. Как будто этого было мало, приблизил к ним лицо, зарылся, глубоко вдохнул запах. Юта тихо рассмеялась.

Корт чуть отстранился и наконец посмотрел девушке в глаза. Он не улыбался.

— Пока я здесь, тебе больше никогда не будет одиноко, — сказал Корт хриплым голосом. И приблизил свои губы к её губам.

Всё смешалось. Небо и земля, прошлое и настоящее, вчера и завтра, её дыхание и его невнятный шёпот. Юта не заметила, как оказалась на песке, хватаящейся за плечи Корта, комкающей его рубашку в попытке добраться до испещрённой шрамами кожи.

Его поцелуи были горячими, глубокими, они дурманили и кружили голову. Корт весь был словно огонь, словно страсть, будто одержимый демоном любви. Его прикосновения были яростными, почти жестокими. Кажется, он с трудом понимал, где он и что происходит.

Корт будто слегка сошёл с ума. Он бормотал что-то бессвязное, освобождая её от

одежды, покрывая поцелуями тело. Иногда Юта могла различить обрывки фраз: «Больше никогда... моя... не отпущу...». Голова кружилась.

Юта на секунду остановила его, чтобы заглянуть в глаза. Она заключила его лицо между ладонями и позволила себе утонуть в синеве его глаз. Они были глубже океана, синее драгоценных сапфиров, затуманенные пеленой желания. Юта чуть приподнялась на локтях и коснулась жарких губ. Легко, почти невесомо, как прикосновение пёрышка. Затем снова отстранилась, чтобы посмотреть на Корта.

Его взгляд чуть прояснился, но тут же снова потемнел. Он навалился на неё, прижимая своим телом к песку. Кожа Корта была раскалена, словно горшок в солнечной печи, но Юта не ощущала никакой боли от его прикосновений.

— Больше никогда, — выдохнул Корт ей в губы, но так и не закончил фразу.

Всю ночь они горели. Их тела пылали, словно объятые пламенем. Сгорая каждую секунду, они возрождались вновь, чтобы опять сжигать друг друга до тла.

Утром Юта обнаружила в песке слитки стекла, оплавленного по форме ладоней Корта.

Время было позднее. Или, точнее сказать, раннее. Улгерн сидел в своём громадном шатре, в очередной раз просматривая планы сражения. Наиболее безопасное место было в тылу их войска, там же, где должны расположиться лекари и все те, кто будет обслуживать бой, но не будет участвовать в нём напрямую. Оттуда он сможет спокойно, без риска для жизни, наблюдать за ходом сражения. И в подходящий момент перехватить инициативу.

Полог при входе в шатёр громко хлопнул. Улгерн, хмурясь, поднял голову, готовый отругать непрошеного гостя. Но вместо этого лишь удивлённо вскинул брови. Он не мог даже предположить, зачем этот человек пожаловал к нему. Но, без сомнения, выгонять такого посетителя было неразумно. Поэтому Улгерн произнёс ровным голосом:

— Входи.

Он указал на место за столом напротив себя.

Гвирн прошёл внутрь и устроился на предложенном месте. Молодой Канг был напряжён и непрерывно хмурился. Его глаза безостановочно скользили по карте, которую ещё несколько часов назад рассматривали и размечали Канги.

— Зачем пожаловал? — чуть грубовато спросил Улгерн.

Гвирн посмотрел ему в глаза и выпрямился, хоть казалось, что выпрямиться ещё сильнее невозможно.

— Хочу кое-что прояснить, — начал Канг Утегата. — Несмотря на то, что на голосовании я поддержал кандидатуру Корта, а не твою, я не являюсь его сторонником. Такое решение было необходимо для того, чтобы выиграть сражение. Но я вовсе не желаю того, чтобы он встал во главе народа. Я считаю, что есть гораздо более достойные кандидатуры.

Улгерн хмыкнул и сложил пальцы домиком.

— Продолжай. Я внимательно слушаю.

— У меня есть важная информация, которой я хочу с тобой поделиться. Информация о предательстве Кортом народа.

То, что молодой Канг Утегата поведал Улгерну, меняло очень многое. Но вот время было неподходящее. Прямо сейчас очень сложно было что-либо изменить, как и сместить

командующего накануне сражения.

Улгерн поднялся и начал расхаживать по палатке, прикидывая, как лучше использовать эту информацию.

— Почему ты рассказываешь мне об этом только сейчас? — спросил он Гвирна. — Если бы я узнал об этом раньше, то мы могли бы изменить ход голосования.

Гвирн обернулся к Улгерну, меряющему шаги у него за спиной.

— Тогда я не считал это разумным. Посуди сам, мудрый: кто ещё, кроме Корта мог провести атлургов через пески? И кто лучше него знает нашего врага и сможет с наибольшей вероятностью привести нас к победе?

— Ты поёшь ему дифирамбы и всё же хочешь пойти против него? — Улгерн усмехнулся. — Это очень цинично, даже для меня.

Гвирн скрипнул зубами.

— Дело не в нём и не во мне, а в том, что лучше для атлургов. Я пекусь только об их благе. Именно поэтому я пришёл к тебе, а не к кому-нибудь другому. Потому что знаю: для тебя процветание нашего народа стоит превыше всего.

Улгерн кивнул и снова сел, позволяя Гвирну продолжать.

— Поэтому необходимо, чтобы Корт возглавил сражение. Так же как необходимо, чтобы после сражения он ушёл со сцены, и место главы народа смог бы занять более достойный.

— Но в случае, если он победит, одобрение народа всецело будет на его стороне, — парировал Улгерн.

Гвирн кивнул и опёрся руками о стол.

— Именно поэтому он должен умереть. Естественно, после того, как сделает своё дело.

Улгерн придвинулся ближе к молодому Кангу и пристально посмотрел на него.

— Я полностью разделяю твои воззрения на данный вопрос. Так что конкретно ты предлагаешь?

Канг Утегата чуть расслабился. Он явно был доволен ходом беседы.

— Это должно случиться сразу после того, как наша победа будет предрешена. Будет достаточно всего нескольких человек. Всё произойдёт быстро и незаметно. Никто даже не успеет понять, что случилось. В хаосе боя Корт погибнет от рук врага.

Глаза Улгерна блеснули в темноте. Он склонился к Гвирну ещё ближе. Улыбка, появившаяся на его сморщенном лице, сделала его похожим на гримасу зверя.

— Это можно устроить.

Глава 18. Смертный бой

Корт стоял на небольшой скале, с которой открывался вид на обширное плато. Расположенное высоко в горах, оно представляло собой равнину со множеством скальных утёсов и каменных завалов. По нему можно было подойти почти к самой долине Канора.

Это место Корт выбрал полем будущего сражения. Тут было множество высоких точек и укрытий, что как нельзя лучше подходило для его тактики. Корт не собирался вступить с отрядом Вандегрида в прямое столкновение. Вместо этого он планировал устроить подобие партизанской войны: нападать небольшими группами с разных сторон и сразу же отступать.

Основным слабым местом атлургов была огромная разница в вооружении с отрядом Вандегрида. Проблемой было не только огнестрельное оружие, но ещё и защитные доспехи, пробить которые не могли никакие стрелы. Надежда Корта была лишь на ближний бой. В этом люди Вандегрида, плохо обученные сражаться на ножах, уступали атлургам. Именно на это и ставил Корт. И ещё на превосходство атлургов в количестве.

Он рассчитывал брать числом, навязывать людям Вандегрида ближний бой, рассеивать и добивать поодиночке. Всё это выглядело, как неплохой план. Но Корт понимал, что это — лишь теория. Только реальное сражение расставит всё по местам.

На скалу к Карту поднялся молодой атлург.

— Мы засекли несколько человек в горах неподалёку. Но на тропе пока никто не показывался, — быстро отрапортовал парень.

— Хорошо, — Корт кивнул сам себе и снова посмотрел вдаль. — Не препятствуйте им. Просто наблюдайте. Пусть доложат Вандегриду. Уверен, он не станет тянуть. Скоро они выступят.

Атлург выслушал распоряжения и удалился.

Почти сразу после его ухода на скалу поднялся Уги.

— Лучницы готовы. Они перекрывают почти всю тропу. Если Вандегрид попробует пройти снизу, они отрежут ему дорогу.

Корт кивнул. Он смотрел на пока пустую долину. Хотя на самом деле она только казалась таковой. За высокими скальными выступами и длинными каменными грядами, как будто насыпанными на плато рукой великана, прятались группы атлургов. Невидимые и неслышимые, лучники занимали позиции на высотах, а небольшие отряды — всего в три-четыре человека — укрывались в нагромождениях камней. За ближайшей к Карту возвышенностью как раз готовился к сражению отряд Гвирна.

Другие Канги, из тех, кто помоложе, тоже снаряжались в битву. А пожилые, в том числе Улгерн и Салгаир, дожидались начала боя ближе к долине. Там, где готовили место для помощи раненым. Умудрённые опытом Канги должны были следить за общим ходом сражения и корректировать действия вверенных им частей.

Войско атлургов делилось на десять отрядов: девять, по числу песчаных гатов, плюс один отряд лиатрасцев. Каждый Канг отвечал только за своих людей. И все они подчинялись Карту.

— Готов? — спросил Уги, встав рядом.

Он тоже смотрел на замершую долину. Отсюда она казалась совершенно безжизненной, и было почти невозможно представить, что спустя какие-то часы эта тишина взорвётся звуками автоматных очередей, боевым кличем атлургов, звоном ножей и криками раненых.

В ответ Корт постучал по ножной портупее, в которой держал пистолет. Затем машинально проверил ножи и кинжалы на поясе и уже в сотый раз затянул ремни.

— Ты выполнил мою просьбу? — спросил Корт друга, которому только и мог поручить столь важное дело.

— Не беспокойся. За ней присмотрит доверенный человек, — серьёзно ответил Уги.

После вчерашней ночи Корт не мог избавиться от чувства эйфории, которая никак не вязалась с происходящими событиями. В то же время, после объяснения с Ютой, на Корта снизошёл покой. В голове прояснилось. Его больше не беспокоили неразрешённые вопросы и неразделённые чувства. Сейчас Корт мог всецело посвятить свои мысли предстоящему сражению.

— Как твои? — спросил Корт, покосившись на Уги. — Надеюсь, они тоже в безопасности?

— Да, в лагере с женщинами и детьми. Я позаботился о том, чтобы наши тылы были защищены. Ведь только тогда мы сможем сражаться в полную силу, верно? — Уги чуть улыбнулся.

Корт машинально ответил на эту улыбку и молча кивнул. Сам он думал о том, что никто из них не находится в безопасности. Ведь в случае победы Вандегрида, стоит ему узнать о том, что Юта не смогла открыть Врата, он убьёт всех. Или в лучшем случае выгонит обратно в пустыню, — что равносильно смерти, — чтобы не тратить на них патроны. Единственный способ защитить любимых людей — победить.

— Ты не мог бы найти и прислать ко мне Дара? — попросил Корт.

— Конечно. Я недавно видел его, — сказал Уги и, хлопнув Корта по плечу, повернулся, чтобы уйти.

Но тут на скалу, облюбованную Кортом, снова поднялся молодой разведчик.

— Мы заметили на тропе передовой отряд, — чуть хмуря брови, доложил атлург.

— Известить командиров, — велел Корт, и его кулаки непроизвольно сжались. — Начинается.

Грохот автоматных очередей отражался от скал, многократно усиливаясь. Со всех сторон беспорядочно летели стрелы. Крошащийся под пулями камень осыпал голову и плечи острыми осколками, калеча не меньше оружия. Крики раненых перемешивались с боевым кличем атлургов. Кроваво-бурое небо словно выплеснулось на забрызганную кровью землю. Тыловые отряды атлургов не успевали уносить с поля боя раненых и убитых.

От всей этой какофонии в голове стоял непрерывный звон. Корт был наполовину оглушён, несмотря на то, что, как и все атлурги, использовал затычки для ушей. Ругат высунулся из-за скалы, за которой скрывался его отряд, и тут же велел:

— Перемещаемся левее. За те камни.

Четверо атлургов незаметно перебежали за другое укрытие. Бой длился уже несколько часов. Позиции атлургов и армии Вандегрида давно перемешались. Было трудно понять, кто где и что происходит.

Бойцы Вандегрида наступали отрядами по пять-десять человек. Они старались окружать атлургов и расстреливать с небольшого расстояния. У попавшего в такое окружение отряда не было шансов. Но пока атлурги держались. В основном за счёт того, что

избегали прямого боя и постоянно перемещались.

Многие атлурги выросли в горах. Они умели быстро и бесшумно передвигаться и хорошо изучили местность для сражения. Благодаря этому им удавалось дурачить вооружённые отряды противника и ускользать от них. Тем не менее, атлурги несли большие потери.

— Что справа? — крикнул Корт Уги, перекрывая оглушительный шум автоматных очередей.

— Вижу противника. Пять человек. Двигутся к точке тринадцать. Они нас не заметили.

— Сделай так, чтобы заметили, — крикнул Корт.

Уги вопросительно посмотрел на командира. Корт указал на высокую скалу за спиной. Там скрывался отряд лучников. Уги понял его. Он высунулся из-за камней на время, достаточное, чтобы его увидели. Как только атлург убрался обратно, по их укрытию прогремело несколько очередей. Камень разлетелся во все стороны, но атлургов не задело.

— Как только лучники начнут стрелять, атакуйте. Сперва только метательные ножи. Не рискуйте. Я найду им с тыла и постараюсь вывести одного или двух из строя. Как только они будут дезориентированы, атакуйте в полную силу. Всё ясно?

Атлурги закивали.

— Всё помните? Сперва блокировать оружие, следить за стволами, прикрывать своих, бить в сочленения доспехов.

— Шея, локти, под коленями, — отозвался Гадрим, старый соратник Корта.

— Мы всё помним. Не беспокойся. И не подставляйся, — добавил Джар.

Четверо мужчин разделились.

Спустя две минуты полетели стрелы. Затем последовал грохот стрельбы. Прикрываясь своей позицией, трое атлургов пустили в ход метательные ножи. Урона это не нанесло, но противник замешкался. Он переключился на отряд Корта, что дало лучникам возможность продолжить стрелять.

Корт сорвался с места и переместился вражескому отряду за спины. Рубанул одного под коленями, другого перехватил за ствол автомата и всадил нож в плохо защищённую шею. После чего, не дожидаясь, когда остальные очухаются, скрылся. Раздались крики. Оставшиеся трое начали беспорядочно палить по ближайшим камням. Их внимание оказалось рассеяно между тремя точками. Было видно, что согласия в их действиях нет. Вероятно, Корт вывел из боя командира отряда.

Атлурги не стали мешкать. Джар выкатился бойцам Вандегрида под ноги, Уги пошёл с той же позиции, что и Корт. Гадрим прикрывал из-за скалы, мешая противнику сосредоточиться на бое.

Джар отбросил от себя дуло автомата ближайшего бойца и вонзил нож тому в руку. Боец вывернулся и попытался вытащить пистолет. Хранитель саданул его по шлему прикладом его же автомата. Как только шлем слетел с головы, приложил в висок.

— Джар, сзади!

Молниеносно Хранитель развернулся, прикрываясь телом убитого, и выстрелил из перехваченного пистолета в другого врага, приготовившегося стрелять.

Последнего из отряда Уги связал боем. На него градом сыпались стрелы, не причиняя вреда, но дезориентируя. Из-за укрытия появился Гадрим. Вдвоём они с Уги прижали противника к скалам, после чего расправились.

Все трое, невредимые, вернулись в укрытие, где ждал Корт. Рядом с ним сидела молодая

девушка. Корт быстро говорил, склонившись к её лицу:

— Пусть его отряд перемещается к точке два. Там люди Амдира. Скажи им объединить силы и перегруппироваться.

Девушка кивнула и бесшумно скрылась.

— Это связная от Кернада? — спросил Уги.

Корт кивнул.

— Как у них дела?

— Плохи их дела. Половина отряда перебита. Кернад жив, но ранен.

Не успел Корт закончить, как с другой стороны появилась ещё одна женщина.

— Лучники с правого фланга, — констатировал Гадрим.

За несколько часов боя люди Корта успели запомнить в лицо всех связных, которых было огромное количество. Они сновали по полю боя, докладывая обстановку и разнося приказы. В этом качестве Корт использовал только женщин. Он старался по возможности не пускать их в сражение, давал наиболее безопасные задания.

— Как дела? — спросил Корт у немолодой подтянутой женщины, лицо которой по глаза было укутано платком.

Ругат привалился спиной к холодным камням, давая себе минуту передышки. Его лицо было перемазано пылью и потом. Чёрные волосы собраны в жёсткий хвост. Широкую грудь пересекали две оружейные портупей. Ещё одна была прикреплена к поясу. Предплечье было перемотано грязной тряпкой с запёкшейся кровью.

— Врагам удалось зажать большой отряд наших лучников. Всех перебили, — тяжело дыша, говорила женщина. — Остальные сильно рассеяны, и толку от их действий мало.

— А что слева, не слышала? — быстро спросил ругат. — Связных оттуда давно не было.

— Точно не знаю. Но говорят, что проход туда отрезан большой группой врага.

Корт на секунду зажмурился.

— Хорошо. Я пришлю вам на помощь кого-то из центра. Слушай внимательно, есть у меня одна идея.

— Поняла, — ответила связная, когда Корт дал ей новые приказы. — Будут ещё распоряжения?

— Мне нужны все связные от лучников. Если увидишь кого, присылай ко мне. Это всё.

Женщина ушла. Корт оторвался от скалы и принялся проверять плечевые портупей. Его отряд внимательно следил за действиями командира.

— Что дальше? — спросил Гадрим.

— Я должен сам увидеть, что происходит на левом фланге, — ответил Корт. — Выдвигаемся.

Юта сидела недалеко от Врат, среди других женщин. Звуки выстрелов доносились с гор непрерывной канонадой. Они не стихали ни на минуту с тех пор, как несколько часов назад началось сражение. Здесь, вдали от поля боя, они казались эхом близкого камнепада, который пока не угрожает жизни, но держит в постоянном напряжении. Юта, как и все здесь, понимала, что при неудачном исходе боя этот камнепад может докатиться и сюда.

Невдалеке плакал ребёнок. Женщины тихо переговаривались. Помимо звуков плача или редких причитаний, лагерь был тих и казался почти безжизненным. Всё внимание женщин,

детей и немногих стариков было приковано к далёким раскатам. Не в состоянии узнать, что происходит на поле сражения, они гадали по интенсивности и перемещению звуков выстрелов, словно шаманы — по костям животных.

Юта старалась не смотреть в сторону гор. Со своего места она рассматривала верхушку Врат. Они переливались в красноватом закате, словно измазанные кровью. Бесполезная и бессильная. Не способная ничего предпринять. Она не знала даже, жив ли ещё Корт, и понимала, что узнает об этом только после того, как бой будет окончен в ту или иную сторону.

Но хуже, чем незнание — было бездействие. Юта ждала окончания сражения вместе с другими женщинами из Лиатраса. Все женщины атлурги так или иначе были на поле боя. Все, кто мог держать оружие, сражались. А кто не мог сражаться — помогал в тылу. Но, понятное дело, даже пожелай Юта помочь, никто не пустил бы её туда.

Большинство Кангов всё ещё считало её ценной — ведь они не знали, что она не может открыть Врат. К ней даже приставили какого-то атлурга. Уги сказал, что он будет присматривать за женщинами, помогать и сдерживать возможную панику. Но судя по тому, что этот атлург всё время крутился возле неё, Юта сильно подозревала, что вовсе он не смотрит ни за какими «женщинами». Это Корт приставил к ней телохранителя. Который заодно должен присматривать, чтоб она не натворила глупостей.

Юта вздрогнула, когда отдалённый грохот прозвучал с особенной силой. Если бы она могла хоть чем-то помочь...

— Убьют. Убьют их всех, — нервно заговорила одна из женщин, сидевшая неподалёку от Юты. — Разве можно такому противостоять? Разве у них есть хоть шанс? — повышала она голос.

Остальные испуганно молчали. Снова заплакал ребёнок.

— Наверное, их уже всех перебили. Недолго нам осталось, — продолжала причитать лиатраска.

— Не пугай детей, — огрызнулась на неё другая.

К её боку прижимался мальчик лет пяти с большими испуганными глазами. Женщина обернулась к ребёнку и закрыла ему уши руками. Тихонько она начала напевать колыбельную, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Без толку. Всех убьют, — не унималась первая.

Юта вскочила со своего места и зашагала между палатками куда глаза глядят. Но кругом была одна и та же картина: обречённые взгляды, плач, тихие причитания, дети, в страхе жмущиеся к матерям. Убежать от этого было невозможно.

Юта остановилась, давя в себе горькие слёзы отчаяния и горечи. Она завертелась кругом, пытаясь найти тихое место или какое-то занятие или хотя бы минуту покоя от этого, ставшего невыносимым, грохота. Но везде было одно и то же. Куда ни беги, отголоски сражения были повсюду. И не было покоя, не было спасения.

Юта крепко сжала маленькие кулачки и зашагала в сторону от лагеря. Подходя к краю палаточного городка, она обернулась.

— В туалет тоже со мной пойдёшь? — бросила Юта крепкому атлургу, шедшему за ней по пятам.

Мужчина нахмурил брови, но после короткого раздумья всё же отрицательно мотнул головой.

— Слава Ругу, — чуть слышно пробормотала Юта, закатив глаза.

— Только чтобы быстро, — буркнул атлург ей в спину.

— Уж извините, но некоторые женские дела быстро не делаются, — язвительно парировала Юта.

Мужчина смолчал и остался стоять, привалившись к одной из каменных стел.

Через минуту Юта со всех ног бежала по направлению к горам. Она видела карты и знала, что поднявшись наверх, сперва наткнётся на тыловые позиции атлургов. Пусть она не умеет сражаться. Но чтобы помогать раненым, много уметь не надо. Пусть она не знает, жив ли Корт или погиб, но, по крайней мере, она будет рядом с ним. Так, как сможет.

Кругом были кровь, хаос и смерть. Оружие врага поражало своей мощью, наводило ужас, подавляло волю. Гвирн тяжело дышал, пытаясь прийти в себя после очередной стычки с неприятелем. Большую часть их отряда перебили. Гвирн набрал новых людей, распустив другую группу. Войско Утегата таяло на глазах.

Как, как он позволил втянуть себя в это? Как довёл до такого? Никто из воинственных и смелых атлургов не мог даже предположить, с чем им придётся столкнуться. Разве они могут победить? Разве кто-то сумеет выжить в этой бойне?

Гвирн припал к баклажке с водой, не заботясь о том, что надо экономить. Его отряд из семи человек прятался в небольшом углублении за высокой скалой. Грохот вражеского оружия раздавался невдалеке справа. За страшным шумом слышались крики раненых и умирающих. Кто там? Лиатрасцы или кто-то из атлургов? Гвирн уже не знал. Всё перемешалось, из-за постоянного грохота было трудно сосредоточиться.

Откуда-то слева к ним за скалу вывернула девушка. Её звали Атари, она была связной отряда Гвирна. Атлурги тут же собрались вокруг неё. Не теряя времени, Атари принялась передавать распоряжения, полученные от Корта:

— Корт велит выступать в точку двадцать два. Там собрался небольшой отряд врага. Корт говорит, что мы и ещё один отряд атлургов должны зайти им в тыл и напасть.

Гвирн сплюнул. Как же он устал от этого: «Корт велит то, Корт велит сё...».

— Передай Карту, что я не могу этого сделать! На нашем фланге все лучники перебиты! А передвигаться без прикрытия слишком опасно. Как я должен, по его мнению, туда подойти?

— Корт сказал, что лучники уже к нам идут. Ещё он сказал, что теперь к каждой наземной группе будет прикреплен свой отряд лучников. Мы будем действовать вместе с ними, под их прикрытием. Когда они будут здесь, мы должны вместе выходить в точку двадцать...

— Да понял я, не талдычь одно и то же, — зло перебил девушку Гвирн, и она смешалась.

Один из атлургов отвёл её в сторону и начал расспрашивать о том, что ещё она слышала от Корта. Большая часть мужчин переместилась поближе, желая услышать последние новости. Гвирн отвернулся и принялся считать до двадцати и обратно, пытаясь успокоить нервы.

Через десять минут появилась связная от группы лучников. Они уже были здесь и занимали позиции на ближайших скалах. Пришла пора выходить. Гвирн сидел, не шевелясь, крепко сжав челюсти.

— Гвирн? Пора выдвигаться, — обратился к нему Кинар, второй по старшинству в отряде.

Все ждали приказа. Время шло. Через полчаса они должны встретиться с другим отрядом, а иначе те останутся один на один с врагом.

Гвирн молчал, глядя в ту сторону, откуда доносился звук автоматных очередей.

— И что, мы должны идти туда?! Да нам не пройти! Разве вы не слышите это?! Нас перебьют, и всё!

Гвирн поднялся на ноги, решившись.

— Нет. Больше я рисковать своими людьми не намерен. Войско Утегата уже уменьшилось вдвое. Я больше не позволю убивать моих людей.

— Но Корт сказал... — начал один из атлургов.

— Плевать на то, что сказал Корт! — взорвался Гвирн. — Это из-за него мы все находимся здесь, умираем ни за что! Раз он такой умный, то пусть сам туда и идёт! Подставляет свою задницу! Нет уж! Уходим на север. Говорят, там обосновалась большая группа наших. Соединимся с ними, так будет безопаснее.

Атлурги стояли, переглядываясь друг с другом. Никто не двигался с места.

— Ну, что встали?! Пошли, пошли! — прикрикнул Гвирн и первым двинулся в сторону, противоположную выстрелам.

Отряд потянулся за ним. Небольшими перебежками они продвигались на север. Гвирн был впереди, указывал дорогу. Он почти добежал до очередного укрытия, как совсем близко с ним раздался звук пальбы. Что-то просвистело мимо головы, плечо сильно дёрнуло. Гвирн по инерции сделал несколько шагов, остававшихся до убежища, и рухнул на колени. Левая рука онемела. Со страхом Гвирн скосил глаза вниз и увидел кровь.

За скалой раздавались крики воинов из его отряда. Несколько человек ввалилось вслед за ним, засвистели метательные ножи. С боевым кличем четверо атлургов бросилось на врага.

Гвирн сидел под скалой, боясь посмотреть на своё плечо, чувствуя, как кровь стекает по руке. Боли он отчего-то не ощущал, только дрожь во всём теле и быстро накатывающую слабость. Двое человек опустилось рядом с ним на колени. Атари, шедшая вместе с отрядом, разорвала ворот рубашки Гвирна и принялась исследовать рану.

— Что там? — хрипло спросил Гвирн.

Девушка вынула из-за пазухи полоску чистой ткани и начала быстро бинтовать руку.

— Кость, слава Ругу, не задета. Крови тоже немного. Всё будет хорошо.

Гвирн не видел в этом ничего хорошего. Он совершенно не чувствовал руку. Тупая пульсирующая боль начинала пробиваться сквозь первый шок.

С гиканьем за скалу ввалилось трое из четырёх оставшихся атлургов. На их лицах играло злое и торжественное выражение. Увидев, что Гвирн жив, суровые лица расплылись в улыбках.

— Гвирн, мы разделались с ними! Кончились ублюдки!

Гвирн хотел приподняться и неосторожно пошевелил рукой. Острая боль прошла плечо, он застонал.

— Как ты? Можешь сражаться? — спросил один из вернувшихся.

Гвирн поморщился и попробовал пошевелить пальцами раненой руки. Тщетно.

— Нет, нет, я не могу, — слабо проговорил он. — Мне нужно к лекарям.

— Хорошо, я отведу, — отозвался атлург, сидевший рядом.

— Кинар, принимай командование, — обратился Гвирн к немолодому коренастому атлургу.

Тот лишь кивнул. Внутри отрядов атлурги были разделены по старшинству. В случае выбывания командира, его место тут же занимал следующий по чину.

Кинар подобрался и окинул быстрым взглядом поредевший отряд. Последним он задержал взгляд на Гвирне. Затем быстро скомандовал:

— Выдвигаемся в точку двадцать два. Мы должны прикрыть своих.

Не мешкая и не оборачиваясь, атлурги высыпали обратно. Гвирн остался сидеть на холодной земле, глядя в пустое пространство перед собой.

Глава 19. Тропою ангелов

Корт сидел на корточках на вершине скалы, прикрытый россыпью камней. Слишком открытая, скала была непригодна для позиций лучников, зато являлась хорошей точкой для наблюдения. Одной стороной она выходила на поле боя, а другой вдавалась в обширное плато, в конце которого находились тылы атлургов.

Воинов народа внизу было практически не видно, они умело скрывались среди камней. Можно было лишь наблюдать, как передвигаются короткими перебежками с ног до головы затянутые в серое отряды врага.

Оценить отсюда весь ход сражения было невозможно. Но кое-что Корт заметил. Войско Вандегрида продвигалось вперёд уже не так уверенно, как вначале. Там и тут атлургам удавалось задерживать их. На северо-западе один отряд даже пошёл в наступление. Надо будет узнать, кто там.

С другой стороны долины, ближе к позициям противника, Корт заметил большой, хорошо укрепленный вражеский отряд. Он мало двигался, но вокруг него постоянно клубился туман из бойцов в сером. Вот от них отделился отряд поменьше и, молниеносно переместившись, застал врасплох группу атлургов, прятавшихся неподалёку. Люди Вандегрида явно действовали по наводке. Корт непроизвольно сжал кулаки.

Вот два отряда столкнулись, смешались, раздались частые выстрелы. В середине вражеской группы выделялся высокий свирепый боец. Неожиданно он вырвался вперёд, в его руке блеснула сталь. Корт не мог поверить своим глазам, но боец отбросил автомат и принялся врубаться в ряды атлургов с гигантским ножом, по размеру больше похожим на меч.

Он шёл через быстро тающий отряд атлургов, как нож сквозь масло. Корт бессильно наблюдал, как серое море поглощает несколько оставшихся бронзовых островков. Они пропадали, пока не осталось ни одного. После чего серая волна отхлынула и переместилась дальше, оставив после себя лишь скрюченные фигурки на земле. Корт отвернулся и спустился со скалы.

На спуске его встретили соратники. Между мужчинами шла симпатичная молоденькая девчушка. Корт помнил её имя — Атари, связная от отряда Гвирна. Она была одной из самых молодых связных на поле боя. Корт до последнего не хотел её брать, но она упросилась.

— Какие новости? — спросил у Атари Корт, готовый услышать самое плохое.

Девчушка вскинула голову и гордо улыбнулась.

— Мы разделались с ними. Наш отряд вместе с отрядом Заира. Лучники прикрывали нас и даже вывели нескольких из боя. Они теперь целятся в голову, как вы и велели. Кинар говорит, что при такой поддержке мы вполне можем бороться с врагом. Он ждёт дальнейших распоряжений.

— Кинар? А что с Гвирном? — Радость от хороших вестей быстро сменилась тревогой.

Но Атари не перестала улыбаться, только махнула рукой куда-то в сторону.

— Гвирн ранен, но не опасно. Его отведут к лекарям.

Корт наконец смог выдохнуть. Это были первые хорошие вести за долгое время.

— Кажется, твоя тактика действует, — заметил Джар.

Корт кивнул:

— Дело не только в этом. Было ясно, что первая встреча с врагом и их оружием окажется для атлургов шоком. Им нужно было время, чтобы прийти в себя, приспособиться. Я рассчитываю, что теперь они будут сражаться более эффективно.

— Думаешь, у нас есть шанс? — осторожно спросил Уги.

— Пока сложно говорить, — неопределённо ответил Корт и обменялся короткими взглядами с Джаром.

Он присел, и его люди последовали его примеру.

— Надо увеличить численность отрядов, — сказал Корт.

Уги и Гадрим нахмурились.

— Но тогда им будет сложнее уходить от врага.

— Верно, — согласился Корт, — но атлурги потихоньку учатся сопротивляться отрядам Вандегрида. У лучников уже получается разделять большие группы. Но чтобы эффективно добивать их, нужно больше людей.

Гадрим кивнул.

— Согласен. Пора переходить в наступление. Мы не можем только обороняться. Если продолжится, как сейчас, нас всех перебьют, раньше или позже.

— Хорошо, — Корт обратился к Атари: — Скажи Кинару, пусть соединится с ближайшим отрядом атлургов. Передай приказ объединяться по две-три группы всем, кого встретишь.

Атари выслушала распоряжения, её глаза блестели. Девушка вёрткой змейкой выскочила из укрытия и побежала назад.

— Теперь... — начал Корт.

За скалой раздался грохот автоматной очереди. Корт вскочил на ноги, чтобы посмотреть, что происходит. Тонкая фигурка бежала по ущелью. Вслед нёсся звук стрельбы. Он отражался от ближайших скал, эхом прокатываясь по долине. Должно быть, Атари казалось, что стреляют сразу со всех сторон. Девушка испуганно метнулась за ближайший каменный утёс и затихла.

— Нет! — со всей мочи крикнул Корт. — Не туда! К нам, беги к нам!

Проблема была в том, что за укрытием, которое выбрала девочка-атлург, начиналось открытое плато. Бежать оттуда было некуда. Стоит отряду врага приблизиться, и ей будет некуда отступить. Эти камни не были спасением, как думала Атари. Они были ловушкой.

— Надо забрать её оттуда! — скомандовал Корт.

Воздух прорезали новые раскаты очередей. На этот раз их было больше. Казалось, палили во все стороны без разбора. Камень крошился и разлетался, поднялась пыль. Атлурги слышали топот ног. Когда звуки стихли, Уги осторожно выглянул из укрытия и тут же спрятался, незамеченный. Атлурги сбились в тесный круг.

— Там... большой отряд, — процедил атлург.

— Сколько? — уточнил Корт. По голосу друга он уже понимал, что дело плохо.

— Человек десять-двенадцать, — выдохнул Уги.

Мужчины молчали. Взгляды были обращены на командира. Корт стоял неподвижно, ни один мускул на лице не дрогнул. Его подчинённые ждали.

— Они убьют её, — констатировал Корт.

Все были хмуры. Уги кивнул, соглашаясь с фактом. Некоторое время атлурги молчали, глядя в землю. Вдруг на лице Гадрима расплзлась злая улыбка. Мужчины переглянулись. Корт набрал в грудь воздуха и быстро заговорил:

— Значит вот что: разделимся. Надо отвлечь их внимание и увести отсюда. Мы с Гадримом побежим на восток, а вы — на юг. Соединимся за теми скалами и там дадим бой.

Корт достал из ножной перевязи пистолет, который держал для особого случая. Вставил обойму, передёрнул затвор и снова убрал.

— Я попробую достать автомат, — сказал Джар.

Наверху ближайшей скалы показался лучник. Уги дал ему указания.

Если всё получится, то отряд врага разделится надвое. В бой вступят лучники. При хорошем раскладе они смогут вывести из строя несколько человек. Может, сумеют разбить два отряда ещё на несколько. А потом... Ну, потом всё в руках Руга.

— Поехали, — скомандовал Корт, и атлурги сорвались с места.

Лучники сработали слаженно и эффективно. Им удалось выбить двоих и самим избежать потерь, пока бойцы Вандегрида были сосредоточены на бегущих целях.

Спины атлургов маячили то справа, то слева. Появлялись за каменными насыпями и снова исчезали. Однако после первого замешательства Серому Отряду удалось соединиться и восстановить строй.

Командир отряда завернул за очередную скалу и остановил группу, чтобы осмотреться. Куда подевались эти чёртовы туземцы? Корт с Гадримом спрыгнули со скалы, повалив на землю сразу троих. Сбоку выскочили Уги и Джар.

В этот момент бойцы Вандегрида стояли, сбившись в кучу, что стало для них фатальной ошибкой. Если бы их враг был на расстоянии: убегал или прятался, то, без сомнения, с таким количеством стволов Серые разделались бы с ними в одночасье. Но атлурги неожиданно оказались среди них, связывая боем, мешая целиться и стрелять.

Корт перехватил автомат бойца, на которого спрыгнул, и саданул локтём в голову ближайшего. Прыгнул, уходя от автоматной очереди. Взметнулись столбики песка. Корт выхватил пистолет и сделал три выстрела. Быстро перекатился, рубанув ножом под коленями оказавшегося рядом бойца. Подхватил падающего мужчину, прикрываясь им, как щитом. Тело несчастного изрешетили выстрелы. Корт отбросил его и тут же кувырком ушёл в сторону от опасности. Место, где ругат только что был, прошла череда выстрелов. Поднявшись на колено, Корт метнул один за другим два ножа. Один отскочил от защиты врага, но второй вошёл в руку.

Обострённые чувства Корта были сигнальной сиреной. Как хорошие солдаты — своему командиру, они непрерывно докладывали о происходящем на поле боя, как внутри, так и вне пределов видимости, слуха и осязания.

Корт получил секундную передышку и быстро осмотрелся. Рядом остервенело дрался Джар. Он сумел выбить автомат из рук противника и теперь рубился с ним на ножах. Два клинка в его руках вертелись со скоростью вертолётных лопастей. Один удар, второй, третий, пятый. Защитный костюм врага оказался вспорот в нескольких местах. Брызнула кровь. Корт отвернулся: тут помощь не требуется. Уги выманил на себя двоих «серых» и скрылся за скалой. Корт посмотрел вверх и увидел лучников, изготовившихся к стрельбе.

С другой стороны Корт заметил Гадрима. Атлурга припёрли к скале: один «серый» саданул его прикладом в голову, другой приготовился расстрелять из автомата. Корт был слишком далеко. Он услышал звук передёргиваемого затвора у себя за спиной и вынужден был уйти перекатом в сторону. Он не успевал прийти на помощь Гадриму.

Корт вышел из переката на одно колено. Закрыв глаза и прицелился. Левой рукой Корт выстрелил из пистолета в бойца, готового убить Гадрима. С правой сорвалась молния

метательного ножа. Никогда раньше Корт не тренировал одновременно две цели. Ему удалось отвлечь одного из противников Гадрима на себя. Теперь сразу двое головорезов Вандегрида целилось в него.

Корт прыгнул на ближайшего, сбив на землю. Боец с размаху ударился спиной. Корт перехватил его автомат и выпустил очередь по второму. Пули прошли защиту. Боец взревел от боли и, скрючившись, упал. Первый противник Корта попытался вскочить на ноги. Ругат навалился на него, придавив к земле. Он отбил в сторону дуло пистолета и со всей силы саданул локтём по шлему врага. Защита слетела с головы. Следующим ударом Корт вырубил противника.

Тяжело дыша, Корт обернулся на Гадрима. Старый соратник схватился с оставшимся «серым» в рукопашной. Не без труда, но атлург держал удар и даже понемногу наступал.

Корт вытер с глаз кровь и пот и обернулся в другую сторону. Как раз в этот момент Джар прыжком ушёл от автоматной очереди, а когда встал, у него самого в руке был автомат. Грохот выстрелов, — и противник на земле. Джар отбросил автомат и направился к Карту. Все враги были повержены.

Корт медленно поднялся на ноги. С другой стороны к нему шёл Уги. Звук автоматной очереди взрезал воздух, как консервный нож — банку. Раздался сдавленный вскрик. Не раздумывая, Корт метнул нож из-за спины. Когда он обернулся, то увидел в стороне «серого». Тот стоял на коленях, держась за горло. Из него торчала рукоять ножа.

А между ним и Кортм на землю падал Джар. Ругат сорвался с места и подхватил Хранителя у самой земли. Джар прижимал руки к боку. Из-под пальцев обильно текла кровь, пропитывала одежду, капала на песок.

Подбежали Уги и Гадрим. Уги вытащил кусок плотной ткани и прижал к ране. Джар захрипел от боли, на губах выступила пена.

— Тише, тише. Всё будет хорошо. Дай-ка взглянуть.

Корт осторожно отодвинул ладони Джара. Кровь забила фонтаном. Корт снова приложил промокшую насквозь ткань и коротко переглянулся с Уги. Атлурги молчали, поджав губы. Хоть раньше они не видели огнестрельных ранений, но тут всё было ясно без слов.

— Держись, — выдавил Корт, — мы сейчас что-нибудь придумаем.

Корт осмотрелся. Тыловые позиции атлургов были совсем недалеко. Но чтобы перенести Джара, требовались носилки. Их можно было бы соорудить из автоматов и большого куска ткани.

С другой стороны скалы, где прятались атлурги, раздались выстрелы.

— Посмотри, — скомандовал Корт Уги.

Он сильнее прижал руки к ране Хранителя. Под ладонями было горячо и липко. Кровь продолжала просачиваться сквозь промокшую повязку и пальцы Корта.

— Найди ещё ткани. Нельзя дать ему истечь кровью.

Гадрим вскочил на ноги. Вернулся Уги.

— В пятидесяти шагах на юго-запад ещё группа врага, — отрапортовал атлург.

— Руг вас заберите! — всё же выругался Корт. Нервы сдавали. — Надо соорудить носилки. Собери автоматы, сними ремни и ещё нужен большой кусок плотной ткани.

— Понял, — быстро ответил Уги.

— Уходите, — Джар закашлялся и схватил руку Корта. — Уходите, — повторил Хранитель.

— Лежи спокойно и заткнись, — прошипел Корт. — Мы тебя не бросим.

— Не дури, — Джар с усилием приподнялся, чтобы заглянуть Карту в лицо. — Ты погубишь всех. Убирайтесь отсюда, пока не поздно. Неужели не видишь, что я не жилец?

— Я сказал, лежи тихо, — сквозь зубы процедил ругат.

Новая автоматная очередь пробила гораздо ближе. Вражеский отряд быстро надвигался.

— Убирайтесь отсюда! — попытался крикнуть Джар, но задохнулся. Он сипло дышал, хватая ртом воздух, но всё же закончил: — На моих руках не будет вашей крови...

Он крепко держал Корта за локоть. В руках ещё была сила.

— Зат... — начал Корт.

— Нет, сам заткнись, сопляк, и слушай, — резко перебил Джар. — Возьми себя в руки и думай головой. Мне уже не помочь. Вы втроем ещё один бой не выдержите. А ты не можешь помереть. Не имеешь права. Ты должен защищать девочку. Ты обещал.

На последних словах Джар отпустил Корта и повалился на землю. Силы покинули его. Хранитель едва оставался в сознании.

Корт до боли стиснул зубы. Глаза предательски щипало. Он поднял голову и увидел рядом своих соратников. Они молча смотрели на Корта, но он знал, что они согласны с Джаром. Если они не уйдут, то, вероятнее всего, погибнут.

— Сколько их? — обратился Корт к Уги, имея в виду «серых».

— Много, Корт, — хмуро ответил Уги. — Слишком.

Корт опустил голову. Надо было принимать решение. Звуки выстрелов раздавались всё ближе. Грохот звучал уже за скалой.

— Прошу, — прошептал Джар, приоткрыв глаза. — Ты обещал... Девочка... — Он снова закашлялся. Веки тяжело опустились.

Корт судорожно утёр со щеки влагу.

— Уходим, — тихо скомандовал ругат. Он опустился к самому уху Хранителя. — Я позабочусь о ней. И отомщу за тебя.

Корт поднялся и мотнул головой в сторону, приказывая своим уходить в том направлении. Атлурги не стали мешкать.

— Сражаться рядом с тобой было честью, — сказал Уги Джару и быстро зашагал прочь.

Корт ушёл последним, когда «серые» уже показались из-за скалы.

Атлурги ввалились за укрытие, хватая ртами воздух. Им пришлось много бегать, уходя от противника: втроем они не были готовы дать бой. Гадрим высунулся, чтобы оценить обстановку.

— Пока всё тихо. Ушли, — констатировал старый боец и буквально повалился на землю.

Корт с Уги тоже подпёрли собой камень. Корт вытянул ладони и молча уставился на них. Его руки были красны от крови Джара. Уги заметил это и бросил Карту оставшийся кусок чистого бинта. Некоторое время ругат держал его в руке, но в итоге всё же принялся оттирать пятна крови.

С тех пор, как они ушли от преследования, оставив Джара, трое атлургов едва перебросились несколькими словами.

— Надо дать связным знать, где мы, — сказал Уги и поднялся на ноги.

Он ушёл, чтобы найти кого-то из своих и сообщить, где они находятся. Остальное сделало «сарафанное радио». Через двадцать минут к ним снова начали приходиться связные. Одни рассказывали об успешном наступлении отрядов атлургов, другие — о новых потерях. Корт выслушивал всех с одинаковым выражением на лице и давал скупые распоряжения. Он всё ещё сидел под камнем. Никак не удавалось отодрать засохшие пятна на руках.

— Что у тебя на уме? — спросил Уги и сел рядом с Кортом.

— Кажется, всё идет не плохо, — констатировал Гадрим и тоже подсел ближе.

— Да, — ответил Корт.

— Но... — продолжил за командира Уги. Он слишком хорошо его знал, чтобы не понять без слов.

— Но этого мало, — ответил Корт и тряхнул головой.

Он выбросил покрасневшую тряпку, плюнув на попытки оттереть оставшуюся кровь.

— Наши потери всё ещё слишком велики. Так нам не выиграть. Мы можем буквально забросать Вандегрида трупами, но всё равно будем истреблены раньше них.

— Что предлагаешь? — спросил Гадрим.

Корт поднял голову и посмотрел друзьям в глаза.

— У меня есть план. Но мне нужно больше людей.

Уги хотел что-то сказать, но Корт не дал.

— И те, кто пойдёт со мной, могут не вернуться. Вы должны хорошо понимать это. Шансов у нас немного. Но если всё удастся, думаю, мы сможем переломить ход сражения.

— Говори, что нужно делать, — серьёзно ответил Уги.

— И сколько тебе нужно людей, — добавил Гадрим.

Корт кивнул, одновременно принимая помощь и благодаря. Он поднялся.

— Итак, недалеко отсюда у меня припрятан запас взрывчатки. Мы должны забрать его и...

Никогда раньше Юта не работала медсестрой. Вид крови, ран, стоны умирающих и страдающих людей поначалу вызвали у неё шок и состояние тупого оцепенения. Но стоять и ничего не делать было здесь слишком большой роскошью.

— Эй, ты! Да, ты, — крикнула Юте пожилая женщина атлург. До сих пор не все атлурги знали жрицу Амальрис в лицо, особенно за пределами Утегата. Для уставшей, выбивающейся из сил лекарши Юта была обычной девчонкой из Лиатраса. — Иди сюда!

Юта машинально сделала несколько шагов и опустилась на колени.

— Держи здесь. Вот так. Да не трясись, а то я что-нибудь не то отрежу!

Юта сцепила зубы и заставила себя унять дрожь. Так она и начала работать санитаркой: помогала зашивать раны и бинтовать, подносила инструменты и давала раненым обезболивающие травы.

Спустя несколько часов Юта, с руками, по локти в чужой крови, с измазанными, собранными на макушке волосами, с пучками трав и лезвий в карманах, уверенно шагала между рядами раненых людей. Её руки больше не дрожали, и вид ранений и увечий уже не вызывал тошноту. Вот так просто, в считанные часы, она свыклась с ужасами сражения. Перестала обращать внимание на оглушительный грохот выстрелов и плакать при виде умирающих.

Наверное, она до сих пор находилась в состоянии шока. Её мозг просто отключил лишние эмоции и переживания. Так было проще. Так можно было работать и быть полезной. В некотором роде сейчас Юта чувствовала себя даже спокойнее, чем когда сидела в лагере внизу, в неизвестности и бездействии. Да, сейчас она видела весь кошмар происходящего и, более того, могла погибнуть. Но здесь и сейчас она не думала об этом.

Делать своё дело на своём месте — вот всё, что имело значение. А остальное... «Ну, остальное в руках Руга», — с усмешкой подумала Юта. Второй раз за свою жизнь, — первый был во время ранения Корта, — она была готова поверить в богов.

С поля боя вернулось несколько атлургов. Они несли и вели раненых. Юта подошла посмотреть, не нужна ли её помощь.

— Там была настоящая мясорубка, — услышала Юта слова одного из санитаров. — Наверное, больше десятка «серых».

— Ого! Интересно, кто это их? — спросил другой.

— Не знаю точно, но говорят там полёг один из Города-за-Стеной. Из отряда Корта.

Юту словно ударили под дых. Кровь бросилась к голове. Она перестала слышать и понимать, что говорят. На негнущихся, словно ставших чужими ногах, Юта подошла ближе. Она перебила говорившего:

— Это Корт? Корт убит?

Мужчины обернулись на неё в недоумении. Должно быть, вопрос прозвучал невпопад.

— Нет, вроде не он, — ответил первый атлург, — а другой, тот высокий старик.

Слова доносились до Юты как сквозь толщу воды. Но по мере того, как ответ доходил до сознания, звуки снова вернулись, и шум пальбы зазвучал с новой силой.

— Где это было, ты знаешь? — быстро спросила Юта.

— Да здесь, недалеко, — атлург махнул рукой куда-то влево. — По ту сторону плато. Не знаю, насколько там безопасно. Там ещё стреляют.

Но Юта уже не слышала окончания фразы. Она бежала туда.

Вид побоища, произошедшего здесь совсем недавно, был ужасен. Везде были трупы, кровь, валялось оружие и стреляные гильзы. Осторожно, чтобы ничего не задеть, Юта шла по месту сражения. Прижав кулачки к груди, она заставляла себя смотреть по сторонам. Вид умерших людей отпечатывался в сознании, словно фотовспышка.

Да, это были враги, которые желали им смерти. Но они тоже были людьми. У каждого из них была жизнь, семья, друзья. Никто не заслуживает подобной участи — лежать вот так, исковерканной точкой на стыллой земле, пока ветер заносит твои останки песком. Их всех бросила в жернова смертельного боя чья-то чужая, злая воля. И теперь уже не важно, кто свой, а кто чужой. В смерти все равны.

Наконец Юта увидела его. Джар выделялся среди бойцов «Серого отряда» не только одеждой. В отличие от них, его поза была спокойной, даже умиротворённой. Хранитель лежал на земле, вытянувшись, будто уснул. Одна рука покоилась вдоль тела, другая — на боку. Юта сразу заметила рану. Уже потемневшая кровь пропитала одежду Джара и землю под ним.

Юта до боли закусил губу и направилась к телу. Она рухнула на колени рядом со своим Хранителем. Слезы потекли из глаз. Юта медленно, словно преодолевая сопротивление воздуха, протянула руку и дотронулась до худой щеки. Кожа всё ещё была мягкой и тёплой... Сердце стукнуло невпопад. Юта присмотрелась: лицо Джара было очень бледным, с

синюшными тенями, но это не была маска смерти.

Жрица поднесла пальцы к сонной артерии. Её сердце запрыгало в груди с бешеной скоростью, когда она прощупала слабый пульс. Джар был жив! Юта в смятении осмотрелась. Она не знала, что делать, как помочь. Рядом никого не было. Поднять и оттащить Джара самостоятельно она не могла. Поколебавшись секунду, Юта приняла единственно верное решение.

Под звуки раздававшейся неподалёку стрельбы несколько крепких атлургов отнесли Джара за линию фронта. Опустив его рядом с другими ранеными, ожидающими помощи, они ушли. Всё это время Юта сопровождала процессию. Она дала Джару кровеостанавливающий и жаропонижающий настои и надеялась, что он придёт в себя. Но этого не происходило.

Когда мужчины ушли, Юта растерялась. Надо было срочно найти лекаря. Она побежала между рядами раненых. Но все врачи, что ей попадались, были заняты. Она увидела лекаршу, которой помогла, как только попала сюда.

— Там раненого принесли! Ему срочно нужна помощь! Пожалуйста...

— А, это ты. Не говори под руку, девочка. Не видишь, я занята?

— Да, но это срочно! Если ему не помочь прямо сейчас, он умрёт!

Лекарша повернула к Юте усталое, но твёрдое лицо.

— Милая, половина из этих людей умрёт так или иначе, даже если я помогу им. Так что не мешай мне делать дело.

Женщина отвернулась. Юта стояла раздавленная и растерянная. Где же ей найти врача? Не поворачивая головы, женщина бросила:

— Я посмотрю твоего раненого, как только закончу здесь.

Юта взяла себя в руки и присмотрелась к тому, чем была занята лекарша. Та извлекала каменные осколки из бедра и ноги молодого атлурга. Тот побледнел от боли, но не издавал ни звука. Юта ощутила укол вины. Здесь каждому нужна помощь. Каждый из этих людей — молодых и пожилых, мужчин и женщин — рисковал своими жизнями, и каждый из них достоин того, чтобы быть спасённым. Но что же делать ей? Ведь Джар не может ждать.

Юта осмотрелась в поисках помощи. Но ситуация везде была одинаковой: рук не хватало, кругом было полно людей, нуждающихся в лекаре. Раненые прибывали ежеминутно. Врачей было слишком мало, они зашивались. Зачастую им приходилось принимать решение, кому помочь в первую очередь, понимая, что те, кому они не помогут, умрут.

Внезапная мысль пришла в голову: «А что бы сделал Корт?». Разве он стоял бы вот так, теряя драгоценное время? Разве позволил бы Джару умереть? Корт в эту самую минуту делает всё, что может, на пределе своих сил. Он сражается за всех них, в том числе и за этих людей. А что она? Неужели так ничего и не сделает?

Юта снова побежала. Она быстро нашла место, где атлурги складировали необходимое для помощи раненым: инструменты, бинты, травы, кое-какие лекарства из Лиатраса. Юта схватила то, что ей было нужно, — уже насмотрелась на подобные ранения и знала, что может понадобиться. Набив карманы до отказа, жрица побежала обратно.

Джар так и не пришёл в сознание. Юта опустилась рядом и сосредоточилась на том, что знала. Нужные настои она уже дала. Теперь надо осмотреть ранение. Юта разорвала остатки рубашки Хранителя, вытерла кровь и заставила себя рассмотреть рану. Очень быстро она поняла, что внутри застряла пуля.

Юта вытерла о штаны взмокшие ладошки. Она уже не раз видела, как извлекают из раны пули и осколки. Ну и что, что у неё нет опыта? А ещё у неё нет выбора. Больше это сделать некому. Юта глубоко вздохнула и принялась за дело.

Глава 20. На стылой земле

Мягкой тряпочкой Джазир аккуратно водил по лезвию гигантского ножа, очищая и полируя его. Хищное лезвие ловило тусклые отблески багряного света и казалось, что оно красно от выпитой крови.

Джазир скучал. Всё шло хорошо, победа над дикарями была лишь вопросом времени. Иногда Джазир отдавал кое-какие приказы, но в целом от него почти ничего не требовалось. Командиры подразделений действовали самостоятельно в соответствии с заранее проработанным планом. Джазиру же Господин велел лишний раз не высовываться, чтобы не рисковать.

Поэтому Джазир то сидел в ставке командования, то крутился возле линии фронта. Лишь иногда он позволял себе слегка углубиться на поле боя, чтобы расправиться то с одним, то с другим небольшим отрядом врага. И на что только дикари надеялись? Скучно.

Подошёл один из приближённых. Он склонился к самому уху командира.

— Джазир, недалеко обнаружена группа дикарей. Кажется, их немного. Мы заметили всего четверых. Без прикрытия.

Мужчина отстранился, выжидательно глядя на Командующего.

— Где? — бросил Джазир, поднимаясь на ноги. Не глядя, он сунул в чехол свой нож и поднял с земли автомат.

— Три часа на юго-восток.

— Веди.

Джазир быстро обернулся, чтобы убедиться, что другие командиры не будут задавать вопросов. Но за пять часов боя они уже привыкли к его постоянным отлучкам, и сейчас не обратили внимания.

Завидев Джазира, бойцы его личного отряда отрывались от дел и молча следовали за командиром. Они не принимали прямого участия в боях. Но, само собой, сопровождали Джазира во всех непредусмотренных вылазках. Они были лучшими из лучших, каждого из этих головорезов Джазир отбирал лично. Им так же, как их главарю, претило отсиживаться без дела. Руки чесались пострелять дикарей. Поэтому они были рады возможности размяться.

Очень быстро Джазир оброс вооружёнными до зубов людьми, словно дикобраз — иголками. Отряд из пятнадцати человек выкатился на поле боя. Командира прикрывали со всех сторон, отсекая даже мизерную возможность попасть под случайную пулю или... ну, стрелу.

Джазир презирал шлемы и, в отличие от своих людей, надевал только самую минимальную защиту. Он не боялся боя и возможных ранений. Сам Господин не сумел приучить его носить жмушье и сковывающие движения «доспехи».

Очень быстро отряд достиг нужного места.

— Осмотритесь, — скомандовал Джазир. — Будьте осторожны. Эти грязные животные хитры и могут подстроить какую-нибудь пакость.

Несколько человек отделилось. Они начали аккуратно прочёсывать местность. Вдруг один боец вскрикнул и стал палить в сторону нагромождения камней. Из ноги торчал нож.

— Прикройте их, — отдал приказ Джазир.

Сам он не торопился соваться под стрелы и метательные ножи. Сперва пусть его люди

выяснят обстановку. Местность для сражения тут крайне невыгодная. Джазир злился оттого, что им навязали здесь бой. Впрочем, кардинально это ничего не изменит. Рано или поздно они отловят и перебьют всех дикарей.

Отряд прикрытия подходил к каменному завалу, когда из-за соседней скалы выскочило несколько человек. Откуда-то сбоку полетели ножи. На секунду бойцы замешкались, занимая оборону. В этот момент двое туземцев сумело заблокировать одного из людей Джазира. Завязалась короткая схватка. Боец вскрикнул и упал на колени. Его товарищи начали стрелять по тому месту, где был враг, но его уже и след простыл.

«Они неплохо наострились сражаться», — признал про себя Джазир. Он кипел от злости. Дикарей оказалось больше, чем он предполагал. Они могли прятаться за каждым камнем.

— Разделиться. Прочесать тут всё, — велел он своим людям.

С другой стороны тоже завязался короткий бой. Джазиру не терпелось самому разделаться с наглецами, но лезть туда, не зная, сколько их всего, было бы слишком безрассудно. Сам он всю жизнь считал, что отсиживаться за чужими спинами — это трусость, но Хозяин сумел вдолбить в его голову, что трусость и глупость — не одно и то же. К тому же теперь он — Командир. И должен думать, прежде чем действовать.

Дикари стихли после того, как его отряд пошёл в наступление и смёл их атаку автоматным огнём. Но убить никого не удалось. Каждый раз после короткой схватки дикари словно куда-то испарялись. Джазир длинно выругался и, перехватив автомат, двинулся туда. Его люди рассредоточились, прочёсывая ближайшие завалы. Вдруг из-за одного такого укрытия выскочила группа из трёх атлургов.

Джазир узнал его моментально. Раньше он видел его только на фотографиях из архивов, да ещё на паре снимков с камер. Но там разглядеть лицо было практически невозможно. И всё же сомнений у Джазира не было. Это был Корт. Тот самый предатель и убийца, которого несколько десятков лет назад выгнали из города. Но он как-то выжил и вернулся. И с тех пор встал костью в горле Господина, срывая и мешая его планам.

Джазир давно пообещал себе, что самолично принесёт Господину его голову. И вот, наконец, этот шанс представился. Насколько Джазир знал от разведки, Корт командовал всеми силами дикарей, и при этом сам активно вступал в бои. Очень глупо с его стороны. Это решение и станет его концом.

— Собери всех людей, идём на пять часов, — лихорадочно отдал приказ Джазир.

— Но, командир, мы ещё не разведали обстановку.

— Отставить! — взревел Джазир. — Ты что, собака, вздумал мне перечить?! Я сказал, идём на пять часов! Живо!

И Джазир ринулся за ускользящей тенью врага.

Они преследовали дикарей уже с полчаса. Трусы не вступали в прямой бой, а догнать их тяжело экипированные бойцы Джазира не могли. На пересечённой местности туземцы имели преимущество. Но и полностью оторваться Джазир им не давал. У него было достаточно людей, чтобы загонять дикарей широкой цепочкой. Иногда те останавливались и отстреливались, но безрезультатно. Иногда впереди даже мелькала широкая спина и чёрные волосы их горе-командира. Джазир в предвкушении потирал руки.

— Господин, мы ушли слишком далеко от наших позиций, — в который раз зудил один из его ближайших людей. — Нам стоит вернуться.

— Ерунда, — отмахнулся Джазир. — Мы превосходим их числом и оружием. Нам

ничего не грозит. Да и что эти дикари могут сделать? Напасть из-за угла? Мы сильнее их во много раз. К тому же они доказали, что они трусы. Только и умеют, что убегать. Скоро мы их зажмём и разделаемся.

— Но так надолго оставлять командование...

— Пусть пока кто-то другой покомандует, делов-то. Там полно народу, кому и так заняться нечем. Это мой шанс, и я его не упущу. Я лично разделаюсь с каждым из них. А потом доберусь и до их пресловутого командира.

Джазир бежал вперёд без устали, и его сердце билось в предвкушении словно у загонщика дичи.

Вскоре плато, на котором проходил бой, закончилось. Пошла гористая местность. Двигаться стало труднее. Отряд Джазира замедлился, но и дикари должны были вымотаться.

Всего в нескольких десятках метров впереди показалась пара атлургов, в том числе Корт. Они замешкались, что-то происходило. Кто-то навернулся на скалах? Или у них там раненый? Дикари подняли кого-то с земли и понесли за ближайший гребень. От Джазира их отделяло неглубокое ущелье. Они были совсем близко. Джазир чувствовал, что это шанс взять их. Сейчас.

Он ринулся по следу. Его люди шли за ним, «сканируя» местность, ожидая приказов. Невысокие скалы обступили с двух сторон. Джазир сделал несколько шагов и вдруг остановился. Щурясь, он всмотрелся в ближайшие склоны. Затем поднял лицо и, словно гончая, втянул носом воздух.

— Что случилось? — спросил второй по старшинству в отряде, поравнявшись.

Несколько секунд Джазир молчал. Затем медленно произнёс:

— Возьми двух человек и идите вперёд.

Боец махнул своим людям, и они двинулось по ущелью. Всё было тихо. Джазир отмер и последовал за ними. Они прошли два, пять, десять шагов. Вдруг, мощно оттолкнувшись от земли двумя ногами, Джазир прыгнул назад, за скалу. В этот момент прогремел взрыв. Волной горячего воздуха Джазира отбросило дальше за укрытие. Сверху посыпались камни и песок. Ущелье заволкло дымом.

Когда всё стихло, Джазир привстал и высунулся из-за камня. Посреди ущелья образовалось несколько воронок. Близлежащие скалы были посечены осколками. Посреди дороги лежали изувеченные тела его людей или то, что от них осталось. Дикарей по-прежнему видно не было.

— Господин! Вы не ранены?

К Джазиру подсочил боец. По одному вокруг командира собрались его люди. Большинство было цело. Только двоим требовалась помощь. Но о них можно позаботиться позже.

Джазир поднялся во весь рост в облаке каменной пыли. На нём не было ни царапины.

— Обходите те скалы справа и слева. Дикари не могли уйти далеко. Они захотят убедиться, что мы погибли. Захватим их в клещи.

Джазир улыбался.

— Вот теперь поохотимся.

Вандегрид сидел в раскладном кресле перед своим шатром. В правой руке он держал

карту с диспозицией войск. В левой — стакан с коньяком. Вандегрид находился в глубоком тылу. В ставке командования, где были почти все его командиры, сразу за полем сражения, было слишком шумно. Вандегрид не любил вида крови и криков умирающих людей.

О ходе сражения он не переживал. Стратегия была тщательно разработана его командирами, ещё когда они находились в Лиатрасе. А в том, что касалось тактики, Вандегрид всецело доверял Джазиру. Так что он не предвидел каких-то больших затруднений.

О ходе боя Вандегриду постоянно докладывали, и пока всё шло хорошо. Да, на некоторых направлениях атлурги сопротивлялись. Небольшая армия Вандегрида продвигалась вперёд не так быстро, как они рассчитывали. Но всё же это не было проблемой. Постепенно они разобьют отряды врага и разделаются с ними.

Вандегрид потянул из хрустального стакана самый дорогой в мире коньяк. Только льда не хватало. Из-за холма появился и быстро приблизился один из офицеров разведки.

— Ну что, Ринош, есть для меня хорошие новости? — осведомился бывший Правитель Лиатраса и будущий — Нибелии.

— Господин! Одна из приоритетных целей обнаружена!

Вандегрид выпрямился в кресле и отставил бокал.

— Слушаю тебя.

— Юталиэн Дэл была замечена на поле боя, недалеко от вражеского тыла. Предположительно, она помогает раненым.

Вандегрид посмотрел на тёмное небо и поднял бокал, как бы чокаясь с небесами.

— Кажется, сегодня удача на моей стороне.

Их окружили с запада и с юга. Отряд Корта прятался за невысокой каменной насыпью. Пока Серые не шли на штурм, — для начала они «прощупывали почву». Люди Корта отстреливались. Корт лихорадочно перебирал варианты.

Его план с самого начала имел много «но». Корт шёл на большой риск, выманивая Джазира на себя. Отряд Корта был заведомо меньше и слабее и в прямом столкновении выиграть не мог. Но в этом и был смысл. Потому Пёс и должен был клюнуть, — ведь это возможность быстро уничтожить Корта. Ругат рассчитывал на то, что ему удастся заманить Джазира в ловушку и подорвать вместе с его отрядом.

И вроде бы всё шло по плану. Но когда дело было сделано, и заряд подорван, Джазира под завалами не оказалось. Корт своими глазами видел, как предводитель войска Вандегрида вошёл в ловушку. Капкан захлопнулся. Но когда пыль улеглась, Корт понял, что каким-то чудом Псу удалось уцелеть. После этого всё пошло кувырком.

Бойцы Джазира зашли с двух сторон. Они не давали Корту вернуться обратно. Впереди были отвесные скалы. Местность, столь удобная для засады на Джазира, стала для Корта западней. И теперь ему надо было что-то решать, пока Серые не пошли на штурм и не перебили их на месте.

— Надо прорываться, — высказал мысль вслух Гадрим. — Долго мы здесь не продержимся.

Корт кивнул. Он раздумывал над планом. Возвращаться в ущелье было бессмысленно: там они оказывались как на ладони. На западе была сосредоточена большая часть отряда

Джазира. Похоже, сам Пёс тоже был там. На юге для прорыва был крайне неудобный рельеф. Узкая тропа петляла между скалами, за которыми уже заняли позиции Серые. И всё же это направление казалось Карту наиболее перспективным.

— Пойдём на юг, — скомандовал он. — Будем использовать скалы для прикрытия. Держаться вместе не вижу смысла, — так нас проще будет перестрелять. Надо рассеяться. Может быть, кому-то удастся уйти.

Атлурги переглянулись. Здесь все понимали, что вероятность выбраться живыми крайне мала. Так хоть у кого-то может быть шанс.

— Я пойду вперёд, — заявил Гадрим. — Попробую перетянуть на себя как можно больше Серых. А вы постарайтесь выбраться.

— Отставить, — спокойно ответил Корт. — Пойдём вместе, а дальше, — как Боги рассудят.

— Но ты должен выжить, — начал спорить Гадрим. — Ты — наш Командующий. Без тебя нам не выиграть сражение.

— Это не так, — парировал Корт. — На данном этапе моё присутствие не так уж важно. Вы знаете приказы, — Он обращался к Гадриму и Уги. — Если кому-то из вас удастся выжить, примете командование на себя.

— Но... — начал Уги.

С запада раздались интенсивные выстрелы.

— Понеслось, — ухмыльнулся Корт. — Мой последний приказ: постарайтесь выжить. Он обменялся с соратниками быстрыми взглядами.

Корт первым ринулся в атаку. Верные друзья бежали на шаг позади. Корт использовал все возможности своего обострённого восприятия, чтобы ускользнуть из-под автоматных очередей. Он ушёл вправо, надеясь прорваться на юго-восток. Где-то позади сумасшедшей цикадой стрекотал автомат. Корт обернулся и увидел Гадрима, бегущего на север. Друг и соратник прыгнул за камни. Несколько Серых бежало в его сторону. Корт отвернулся: раздумывать и смотреть по сторонам времени не было. Больше Гадрима Корт не видел.

Завязался ожесточённый бой. Корт словно оказался в центрифуге. Приходилось сражаться со множеством противников одновременно. Одних он видел, других только слышал или ощущал их присутствие ещё какими-то, неизвестными ему самому чувствами.

Карту удалось вырваться из этой мясорубки. Он рванул к скалам на западе, в любой момент ожидая стрёкота автоматной очереди за спиной. Голова шла кругом, ноги подкашивались от усталости, зрение туманилось. Корт пробежал пару километров и повалился за камни. Кажется, его не преследовали.

Долгих несколько минут он сидел с закрытыми глазами, хватая ртом воздух. В ушах гудело. Когда Корт сумел немного отдышаться и открыл глаза, то увидел напротив привалившегося к камням Уги. Больше никого рядом не было. Друг также хватал ртом воздух. Он сплюнул песчинки, попавшие в рот, и посмотрел на Корта.

— Остальные? — спросил хрипло Корт.

Уги покачал головой.

— Не могу сказать. В какой-то момент мы разделились. Многих убили. Больше ничего не знаю.

Корт снова прикрыл глаза. Вряд ли у тех, кто остался там, был шанс выжить.

— Ветер поднялся, — донёсся до Корта голос Уги.

Только сейчас Корт понял, что за звук преследовал его последние полчаса. Одежду и

волосы трепало, в щёку били песчинки. Ветер завывал между камней подобно раненому зверю.

— Надо уходить отсюда. Нас будут искать, — сказал Уги.

Корт кивнул и поднялся на ноги.

Понемногу они сворачивали восточнее, надеясь выйти обратно к полю боя. Было тихо, не считая шуршания камней под ногами, да усиливающегося завывания ветра.

— Обойдём справа, — сказал Корт, когда перед ними выросла скальная гряда.

— Как думаешь, наши там ещё держатся? — спросил Уги, имея в виду основное сражение.

Корт пожал плечами.

— Скоро увидим.

Он должен придумать что-то ещё. Обязан. Но мысли текли медленно, словно застывающая смола. Корт с усилием шевелил «извилинами». Физическая усталость сказывалась и на умственной работе.

На тропе перед ними выросло несколько человек в сером. Один поднял автомат и несколько раз выстрелил в воздух.

— Назад! — крикнул Корт.

Они с Уги побежали. Только для того, чтобы за отвесной скалой наткнуться на ещё больший отряд. Корт обернулся. С другой стороны подошли ещё Серые. Корт насчитал одиннадцать бойцов. Они были окружены. Выхода не было.

Корт с Уги переглянулись и встали спиной к спине. С ножами в руках — у пистолета Корта давно кончились патроны, и он его выбросил — против автоматных дул. Их окружало кольцо из одинаковых серых фигур, лиц, закрытых одинаковыми серыми шлемами, с одинаковыми автоматами в руках. Как будто одного человека распечатали на принтере.

Серые стояли неподвижно. «Почему они не стреляют?» — подумал Корт. Вся эта сцена почему-то казалась нереальной. Наверное, так бывает, когда оказываешься перед лицом смерти. Всё вдруг кажется шуткой, компьютерной игрой на экране. Сейчас ты нажмёшь на паузу и окажешься дома, в уютном кресле, и пойдёшь заварить себе горячего чая перед тем, как продолжить. Ведь если всё так, то умереть не страшно. Потому что и смерть здесь не настоящая. Просто через секунду очнёшься на пару уровней ниже и начнёшь сначала.

— Главного не трогать. Он — моя добыча. А этого убейте, — раздался грубый, но какой-то безразличный голос.

Корт услышал короткую очередь. И тут же ощутил, как заохлоло спину. Там, где стоял, прикрывая его, Уги, образовалась пустота. Произошедшее доходило до Корта мучительно медленно. Слово сознание не желало воспринимать свершившийся факт. Будто в замедленной съёмке, Корт обернулся.

Уги лежал на боку, спиной к Карту. Правая рука была вывернута под неестественным углом. Живой человек никогда так не ляжет.

— Уги, — тихим голосом то ли позвал, то ли просто произнёс имя друга Корт.

Он опустил на корточки и дотронулся до плеча. Не сразу, но Корт заметил множество красных пятен, расцветших на рубашке атлурга. Вся спина была усеяна ими. Корт сжал плечо Уги одеревеневшими пальцами, но в последний момент передумал и поворачивать тело не стал.

Так же медленно Корт поднялся. Нашёл взглядом лицо, не закрытое шлемом. Маленькие глазки, в которых нет ничего человеческого. Уродливое, словно маска зверя,

лицо. Довольная ухмылка. Джазир наслаждался реакцией Корта. Питался его горем, как стервятник — падалью.

Корт крепче перехватил нож и, не отрывая взгляда от лица врага, встал в боевую стойку.

Улыбка Джазира стала шире.

— Всем отойти, — скомандовал он бойцам, так же не сводя взгляда с Корта. — Ни при каких обстоятельствах не вмешиваться.

Пёс отстегнул бронежилет и отбросил в сторону автомат. Из ножен появился гигантский нож, под стать огромной ладони, державшей его.

Первый удар был сокрушительным. Джазир не стал ходить вокруг да около. Он просто прыгнул на Корта с места, обрушившись на него всем весом. Вымотанный предыдущими боями, Корт не устоял на ногах. Но он сумел отвести от себя нож-клинок и, удачно приземлившись, перекатился в сторону. Джазир выпрямился и расхохотался. Его хохот звуком автоматной очереди отразился от глухих скал.

Пёс дрался прямолинейно, без хитростей и уловок. С его силой и размерами ему это не требовалось. Джазир высился над Кортом на полторы головы и был гораздо мускулистее и шире в плечах. Такая вот гора мускулов со звериной жаждой убийства.

Корт уходил от ударов, затрачивая большое количество энергии. Ему приходилось много вертеться и прыгать, чтобы не попасть под этот каток. А когда Карту удавалось нанести удар, Джазир отмахивался от него, как от назойливой мошки. Помимо бронежилета, который он снял, вся остальная защита была на нём. Несколько раз нож Корта просто скользил по ней, не причиняя Псу никакого вреда.

Почти сразу Корт взмок. Его движения стали тяжёлыми, он экономил силы. Сказывался день тяжёлых боёв.

— И это всё на что ты способен?! Я ожидал чего-то большего. Ну же, покажи мне всё, что можешь! — крикнул Джазир и хищно ощерился.

Он наслаждался неравным боем, наслаждался унижением Корта. Ругат пробовал против Джазира разную тактику, но все его попытки достать Пса разбивались о немислимую силу и редкую для такого мощного телосложения ловкость. В бою Джазир был не только быстр, но и умён. Он распознавал все хитрости Корта и с лёгкостью блокировал их. Без сомнения, это был выдающийся, возможно даже, гениальный боец.

Корт выбивался из сил, пот заливал глаза. В какой-то момент он всё же пропустил удар, и гигантский клинок вошёл в правую руку. Корт глухо вскрикнул, рука была прошита почти насквозь. Джазир расхохотался. С лезвия его ножа капала кровь. Корт перехватил оружие левой рукой.

Следующий пропущенный удар пришёлся на внешнюю сторону бедра. Ещё через пять минут, на выходе из блока, Корт получил удар ножом в бок. От острой боли он согнулся пополам и упал на колени. «Он играет со мной», — промелькнуло в голове. «Одну за другой наносит раны, но все не смертельные». За этой мыслью была пустота. Корт в очередной раз поднялся и пошёл в наступление.

Он не знал, сколько это продолжалось, сколько ударов он пропустил. Корт чувствовал, как намокает рукав и штанина. По коже текло горячее. Он слышал хохот бойцов Пса, окруживших их плотным кольцом. Он раздавался из динамиков шлемов, словно свиное уханье. Одинаковые безликие силуэты, водящие вокруг них безумный хоровод. Или это у Корта кружится перед глазами?

Он упал на одно колено и машинально отбил ещё несколько ударов. Пёс вдруг ощерил жёлтые зубы и сделал очередной выпад. Но он не был таким небрежным, как предыдущие. Корт понял: Джазиру наскучило играть с ним. Ладонь была скользкой от крови, и в раненой руке не было силы. Джазир играючи выбил из дрожащей руки Корта нож. После чего мощным пинком сбросил его на землю и уселся сверху.

Блеснуло огромной длины лезвие. Джазир перехватил его двумя руками, готовясь нанести решающий удар. Он уже не ждал от Корта сколь-нибудь значительного сопротивления. Но в последний момент Корт всё же сумел собрать остатки сил и выставил на пути опускающегося ножа блок. Джазир навалился всем весом, продавливая лезвие вниз. Он улыбался жутким оскалом, в глазах пылала чистая ненависть, безумная жажда убийства. Корт изо всех сил сопротивлялся напору Пса, но тот был слишком силен и, в отличие от Корта, не ранен.

Сантиметр за сантиметром хищное лезвие приближалось к горлу Корта. Ругат сглотнул и попытался чуть сдвинуть голову. Бесполезно. Джазир лишь рассмеялся, глядя на жалкие попытки Корта спастись. Корт зажмурился. Собрал все силы, он попытался в последнем рывке сбросить с себя великана или хотя бы отвести в сторону его руки. Но Корт потерял слишком много крови, сил не осталось. Он ничего не смог сделать. Ему не удалось сдвинуть руки врага даже на сантиметр. Холодное лезвие коснулось кожи, прорезало её. Корт чувствовал, как острая сталь входит в его плоть. Горло пронзила боль, сознание мутилось.

Внезапный грохот заставил землю содрогнуться. Корт подумал, что случился камнепад. Он услышал крики и краем глаз увидел, как люди Джазира беспорядочно разбегаются. В тот же момент давление на тело прекратилось. Ощущение чужеродного предмета, вошедшего в горло, ушло. Корт схватился за шею рукой и, закашлявшись, перекатился на бок. Среди мельтешения ног и непрекращающегося грохота он не мог понять, что происходит. Только спустя пару секунд Карту удалось привстать на локтях и разлепить заплывшие веки. Он заставил себя сосредоточиться на происходящем.

Когда в голове немного прояснилось, Корт осознал: грохот не был камнепадом, это был звук автоматных очередей. Вокруг Корта, на небольшой поляне, всё было усеяно трупами людей в сером. Крики между тем не утихали. Стрельба раздавалась то тут, то там. Бойцы Джазира пытались отстреливаться от нападающих, но, очевидно, проигрывали. Кто-то убивал их методично и умело, словно несмышлёных новобранцев. Джазир стоял недалеко от Корта, вскинув автомат и сканируя взглядом ближайшие скалы. Он не пытался бежать или прятаться, как будто считал себя неуязвимым.

Чёрная молния мелькнула за скалами ещё несколько раз, и последние бойцы Серого Отряда упали на землю. Джазир выпрямился и встал в полный рост, держа автомат перед собой.

— Выходи, ублюдок! И сразись со мной, как мужчина! — зычным голосом крикнул Пёс.

Из-за скалы выступил человек. Он тоже держал в руках автомат, направленный в сторону Джазира, но стрелять не торопился. На мужчине было полное снаряжение бойца Серого Отряда, включая шлем.

— Это я и планирую сделать, — заявил неожиданный спаситель Корта и откинул в сторону автомат.

Джазир лишь хмыкнул в ответ и тоже отбросил оружие. Он находился в кураже боя. Он желал сражаться и крушить новых врагов.

Пёс отошёл чуть в сторону, давая противнику место на поляне, усеянной телами.

Мужчина вышел на середину, опасный и собранный. Он был очень высок, ростом почти с Джазира. С таким же мощным телосложением и широкими плечами. Что-то было в его походке... Что-то знакомое.

Мужчина встал напротив Джазира и скинул шлем. Корт оцепенел. Перед ним стоял Нагир.

— Вставай, — небрежно бросил он Карту, даже не взглянув на него. — Или так и собираешься весь бой валяться?

Корт хмыкнул и закашлялся кровью. Он сплюнул красный сгусток и, шатаясь, поднялся на ноги. Странно, но он даже почувствовал некоторую силу в теле. Страх или сомнений не было. Как и никаких других эмоций, кроме одного, давно забытого чувства. Это было чувство предвкушения боя плечом к плечу с верным другом. И плевать, как силён и хитёр враг. Плевать, во сколько раз превосходят его силы. Всё это не имеет значения. Победа или поражение, смерть или жизнь — всё меркнет перед чистой радостью боя. До тех пор, пока ты можешь стоять плечом к плечу со своим братом, вы непобедимы.

Корт подобрал с земли свой нож и встал рядом с Нагиром.

Основную тяжесть боя принял на себя Нагир. Корт был слишком слаб и в основном блокировал Джазира сзади, не давая ему маневрировать. Очень быстро они с Нагиром вошли в поток сражения, в котором понимали друг друга без слов. Как будто их сознание было разделено между двумя телами: каждый понимал, о чём думает и что собирается предпринять другой.

Ещё во времена их дружбы, когда Корт с Нагиром были «не разлей вода», они много тренировались вместе. Но и тогда их синергия не доходила до такой высокой степени. Смертельный бой обострил чувства обоих и поднял координацию на новый уровень.

Нагир сражался спокойно и продуманно. Он был в прекрасной физической форме. Его голова хорошо соображала. Как Корт раньше шутил: «Пожалуй, даже лучше, чем в обычной жизни». Поначалу казалось, что их с Джазиром силы равны. Но очень скоро выяснилось, что Джазир просто ещё не начал сражаться в полную силу. Сперва он выяснял, на что способен противник.

Теперь Джазир бросил игры. Он больше не отвлекался на гнусные реплики и не ухмылялся. Он был полностью собран и сосредоточен. Корт видел, что Командир Серого Отряда разозлился. Но это не была та всепоглощающая злость, что застилает глаза и не даёт ясно мыслить. Это была злость, которая вливает новые силы в уставшее тело и помогает находить решения там, где раньше ты их не видел.

Через некоторое время Нагир получил первое ранение. Вскоре он отплатил Джазиру, нанеся ему первую, скользкую рану. Противники кружили по полю боя на небольшом пятачке, окружённом телами убитых людей. Ветер рвал одежду и бросал в лица горсти песка. В какой-то момент Корт понял, что только мешает Нагиру, и отошёл в сторону. Сил едва хватало на то, чтобы стоять на ногах.

Корт потерял счёт времени, бой продолжался. Медленно Джазир давил. Ему удалось ранить Нагира ещё несколько раз. Старый друг Корта был силён и вынослив, как пять обычных атлургов. Он был прекрасным, умелым бойцом. Но он не был гением. Выпад за выпадом, Джазир медленно брал верх. В какой-то момент Карту стало ясно как день, что Нагиру не одолеть его.

Друг пропускал всё больше ударов. Кровь струилась по серому обмундированию. Множественные ранения давали о себе знать: движения стали не такими свободными и

уверенными. Нагир понемногу сдавал.

Джазир тоже понял это: Нагиру даже вдвоём с Кортотом не одолеть его. Он снова начал улыбаться и издеваться над Нагиром так же, как недавно издевался над Кортотом. В этот момент истекающий кровью, но всё ещё сильный Нагир пропустил прямой удар.

Гигантский нож вошёл в его живот, словно в масло. На лице Джазира заиграл победный оскал. И вдруг Нагир оскалился в ответ. Сквозь ровные белые зубы проступила алая кровь. Джазир ещё не понял, что происходит. Но это понял Корт.

Джазир хотел отвести руку назад, выдернуть нож. Но обнаружил, что Нагир крепко держит его, не давая двинуться или разорвать дистанцию. Улыбка медленно сползла с его лица, когда Джазир понял, что его переиграли.

Одним длинным движением Корт перерубил сухожилия у него под коленями. Джазир с рёвом упал на колени. Корт поднял над головой руки и со всего размаху всадил нож ему в глаз по самую рукоять. Ещё несколько мгновений Джазир не двигался, как будто его тело ещё не осознало, что мозг уже мёртв. Потом гигант тяжёлым кулём повалился на землю.

Нагир застонал и опустился рядом с трупом поверженного врага. Корт подбежал и поддержал его под спину, не дав упасть. На губах Нагира пузырилась кровь.

— Устал, — проговорил Нагир и при помощи Корта лёг на землю.

— Почему ты сделал это? — тихо спросил Корт.

Нагир слабо улыбнулся.

— Всё, о чём я мог думать на протяжении многих лет, — это как сильно я хочу твоей смерти. Поэтому когда я увидел, что другой... готов убить тебя, я не мог позволить этому случиться.

Он говорил с длинными паузами, слова отнимали последние силы.

— Это должен был быть я. Только я. В конце концов, Леда любила тебя. Ты — последняя связь с ней здесь, на земле. Я понял, что не могу допустить, чтобы ты погиб от рук чужака, не одного из народа. Кого-то, для кого твоя смерть ничего не значит.

Нагир закашлялся кровью. Судорожно он хватал ртом воздух.

— Вот глупец. Посмотри, к чему это привело, — с грустной улыбкой сказал Корт.

— Ничего, мы с тобой ещё сразимся за её сердце там... в долине вечных песков... — захлёбываясь, прохрипел Нагир.

Одной рукой он схватился за рубашку Корта.

— Непременно, друг. Так и будет, — сказал Корт, склонившись к лицу Нагира.

— Да, так и будет. Мы с тобой ещё...

Глаза Нагира закатились. Его лёгкие сделали последний судорожный вдох, и он умер. Умер у лучшего друга на руках.

Глава 21. Под алым стягом

Второй отряд из группы Салгаира отступал. Несколько попыток наступления провалились. Отряд откатывался всё дальше, пока не был зажат у восточного периметра. Связи с их Кангом, находившимся в тылу, уже давно не было — их связная была убита ещё во время первой атаки. Приказов от Главнокомандующего не поступало больше часа. Командир отряда — Рагар — был уверен, что он мёртв.

Без постоянной связи с Командующим, без его приказов, отряд словно ослеп. Они не знали, что происходит, кто где находится, и в каком состоянии их армия. Вероятно, везде была похожая картина. Всё, что мог в таких обстоятельствах Рагар, — это попытаться спасти своих людей. Уйти в глухую оборону и стараться нести как можно меньше потерь.

С севера их поджимал отряд Серых. Он давно шёл по следам группы Рагара, загоня их всё дальше в горы. Рагар маневрировал, но боялся, что рано или поздно они упрутся в какую-нибудь скалу или обрыв и окажутся в западне. Позвать на помощь возможности не было. Пополнить запас метательных ножей тоже. Их положение было скверным.

— Отходим дальше на восток, за те скалы, — скомандовал усталый, покрытый коркой пота и грязи Рагар. Вдобавок чёртов ветер снова поднялся и быстро усиливался, грозя перерасти в ураган.

— Смотрите! Там! — вдруг крикнул молодой боец по имени Аксар, почти мальчишка, любимчик всего отряда.

— Что это? — Рагар сощурился, всматриваясь покрасневшими глазами в одинокую фигуру, бредущую со стороны гор. — Какого...?!

Весь отряд замер в оцепенении. Словно загипнотизированные, они наблюдали, как медленно, шаг за шагом шёл им навстречу человек.

Его одежда была изорвана в клочья. Сквозь прорехи виднелись бесчисленные раны с уже запёкшейся и ещё текущей кровью. Израненный, словно тренировочный манекен после боя на ножах, человек тем не менее не падал на землю. Было видно, с каким трудом он переставляет ноги для каждого следующего шага. И всё же он продолжал идти, словно отказывался падать и умирать. В руке он нёс какой-то предмет, завёрнутый в тряпку.

— Не может быть... — пробормотал Рагар, когда дар речи вернулся к нему. — Руг меня заberi... Это же...

— Корт! — крикнул Аксар. — Это сам Корт! Надо помочь ему!

Только после того, как молодой боец со всей наивностью озвучил очевидное, атлурги пришли в себя. Сразу четверо бросилось Ругату навстречу.

— Корт! Корт! — кричали атлурги в голос, позабыв о том, что должны вести себя тихо.

Один Рагар продолжал напускать на себя важный вид, хотя видят боги, ему хотелось сейчас, как мальчишке, бежать навстречу Ругату. Делегация поравнялась с Кортом. Вот он поднял руку, отказываясь от помощи. И продолжил так же медленно, но неумоимо двигаться в сторону укрывшейся группы.

— Сморите, он жив! А вы говорили, что он умер! — светясь от счастья, заявил во всеуслышанье Аксар.

Рагар кашлянул в кулак.

— Ну, я просто... Я не знал... То есть мы думали... Чрезвычайно рад, что вы живы! — закончил невпопад Рагар и, зардевшись, вытянулся перед Кортом по струнке.

Ругат улыбнулся. Такой тихой, печальной улыбкой, какой взрослый человек, повидавший и испытавший на своём веку много горя, порой одаривает детей. Атлурги забегали. Кто-то сунул Карту бурдюк с водой. Ещё кто-то расстелил на земле свою рубаху. Корт осторожно, стараясь не тревожить раны, опустился на землю и прикрыл глаза.

— Бинты! Дайте бинты! — суетились вокруг атлурги.

Несколько пар рук принялось теревить и бинтовать Корта. Он слегка побледнел от боли, но не сопротивлялся. Рагар по-прежнему стоял перед Ругатом и их Командиром, вытянувшись по швам. Он хмурился. Выстрелы за скалами раздавались всё ближе. Надо было уходить.

— Какие будут приказания? — выкрикнул атлург, хотя его прекрасно было слышно.

Корт приоткрыл глаза и бросил на землю куль, который всё это время не выпускал из рук.

— Вот. Передайте в самый центр, туда, где идут самые ожесточённые бои. Пусть лучники водрузят на пику и поднимут на самую высокую скалу.

Рагар с любопытством подошёл к ноше Корта. Под взгляды своего отряда он развернул ткань. Атлурги ахнули и отпрянули. На земле лежала голова Джазира, плясь открытым глазом в пустоту. Из второй глазницы по-прежнему торчала рукоять ножа.

Несколько минут атлурги рассматривали кровавый трофей, тихо переговариваясь между собой. Снова раздалась выстрелы. На этот раз совсем близко.

— Командующий! — вдруг выпалил Аксар, опередив Рагара. — Враг наступает с севера! Они преследуют нас от самой точки Девять! Прикажете отступить?

Корт уставился на молодого бойца. С силой он оторвался от скалы и поднялся на ноги. Все его раны были худо-бедно перемотаны бинтами, и Корт походил на мумию, восставшую из мёртвых. В лице не было ни кровики, но глаза полыхали огнём. И было ясно, что этот пожар не сможет потушить ничто на свете, кроме смерти его врагов.

— Приказываю вынуть голову из задницы и начать контрнаступление! — прорычал Корт. — А приказа отступить или подыхать не было!

И под взгляды бойцов, всех до единого вытянувшихся по стойке «смирно», Корт, шатаясь, вышел из-за скалы на звуки выстрелов.

— Вперёд! Сметём врага! — крикнул Рагар, но его вряд ли слышали.

Атлурги уже неслись в атаку, обтекая Корта с двух сторон, оставляя его позади.

По всем направлениям шло наступление атлургов. Люди Вандегрида ещё никогда не видели такого остервенелого воодушевления. Кажется, враг перестал считаться с потерями. Эти глупые дикари просто лезли на автоматы, натыкались на стену огня, гибли десятками, но лезли снова. Будто смерть не имела для них никакого значения. Забрать с собой хоть одного бойца Серого Отряда, — кажется, такая у них была цель.

Сперва Серые лишь скалили зубы, предвкушая возможность убить побольше дикарей. Но поток атлургов не иссякал, как и их звериная решимость прорвать оборону и схватиться с бойцами Вандегрида врукопашную. Перевес в количестве играл им на руку. Вскоре стало ясно, что их тактика работает.

К тому же по полю боя распространялось известие о гибели Джазира. Несколько человек, кому удалось вернуться из самого пекла, говорили, что видели его голову,

насаженную на какую-то палку и реющую над ордами дикарей, словно кровавый флаг.

Вскоре после того, как пришла эта новость, войско Вандегрида оказалось деморализовано. С разных сторон поступали разные приказы. Было ясно, что единого командования нет. Отряды Серых начали действовать на своё усмотрение. Целью стало спасение собственной жизни.

Теперь уже атлурги гнали отступающих бойцов Вандегрида, прижимая к горам на западе. Ставка командования Серого Отряда снялась и исчезла в неизвестном направлении. Одни говорили, что они ушли дальше на север. Другие, — что вообще спустились с гор и по тропе вернулись назад, в пустыню.

Лекари немного подлатали Корта прямо на поле боя, и он возглавил наступление. Народ был воодушевлён, как никогда. Они восприняли появление своего Командующего, которого уже считали мёртвым, как ещё одно возвращение из объятий Руга. На их глазах Корт подтвердил звание Ругата. Когда он появлялся среди атлургов, все без исключения делали «агнури» — знак почтения и преклонения перед волей богов, которую Корт воплощал.

Буря, между тем, быстро перерастала в ураган. Когда атлурги только вошли в долину Канора, ветер стих. Тогда они сочли, что это горы укрывают их. Но на самом деле это было просто затишье перед тем, как буря ударила по-настоящему. Она усиливалась поминутно. Остатки света быстро меркли. Воздух наполнился взвесью каменной пыли и песка.

Но даже поднявшийся ураган сейчас помогал атлургам. Видимость резко снизилась. Песок бил в лицо с такой силой, что бойцам Вандегрида было трудно не то что целиться, а устоять на ногах. Серые всё чаще падали без разбора, попадали по своим. Атлургам стало проще подходить к ним незамеченными.

Руг неистовствовал. И атлурги, подхваченные яростным порывом смертного боя, оседлали гребень бури и обратили её себе во благо. Та сила, что должна была уничтожить всё живое на земле, сейчас обернулась их союзником. Они сами стали ураганом, превратились в песчаных призраков — неуловимых, смертоносных, беспощадных. У врага не было шансов.

До полной победы оставалось недалеко. И пусть последние часы сражения стали для атлургов самыми кровавыми, и они несли больше всего потерь — что с того? Они побеждали.

Плато, на котором шло сражение, осталось позади. Атлурги загнали остатки Серого Отряда в горы. Местность пошла неровная, скалистая. Корт вместе с большим отрядом Утегата шёл за передовыми войсками. Вступать в бой самому, как и воодушевлять атлургов, больше не требовалось.

И это было хорошо. Потому что каждое движение давалось Карту с мучительной болью. Он чувствовал себя так, будто не отдыхал тысячу лет, — сказывалась сильная кровопотеря. Приходилось заставлять измотанное и израненное тело двигаться вперёд. Каждый шаг был сражением с собой. И Корт не знал, в какой момент может проиграть: когда ноги просто подломятся, и он упадёт. Пока ему удавалось побеждать.

Сквозь ревущий ветер и бьющий со всех сторон песок Корт разглядел атлурга, бегущего в его направлении. Он остановился в ожидании. На самом деле, возможность просто постоять, не двигаясь — была почти всем, о чём он сейчас мечтал.

— Корт! — крикнул подбежавший атлург, стараясь перекрыть шум ветра. — Мы взяли врага в клещи! На одной скале собралась большая группа Серых под белым флагом! Кажется,

там сам Вандегрид!

Корт незаметно перевёл дыхание. Очевидно, остатки войск Вандегрида готовы сдаться. А если там и правда находится сам глава Лиатраса, то это будет небывалой победой. Корт обернулся к бойцам, окружавшим его плотным кольцом.

— Прекратить наступление! — крикнул Корт, что было сил. — Передайте всем войскам остановить бои! Я иду принимать поражение Вандегрида.

Скала, на которой стоял в окружении своих людей Вандегрид, походила на сломанный зуб, возвышающийся над более мелкими клыками. Острые, словно осколки разбитого стекла, камни надёжно защищали подступы к возвышенности, где обосновался властитель Лиатраса. Перед скалой собралась кучка бойцов Серого Отряда. Вандегрид поднял руки и приказал им опустить оружие.

Корт впервые видел его вживую. Мощный старик с коротко стриженными волосами стоял спокойно и твёрдо. Его одежда била на ветру, люди вокруг прикрывали лица руками. Но не Вандегрид. Он никак не реагировал на неистовый ураган, ревущий вокруг, и начинало казаться, что буря обходит стороной его властную фигуру.

Корт всмотрелся в его лицо. Лицо человека, которого он так долго ненавидел и мечтал уничтожить. Несмотря на своё положение, Вандегрид не выглядел готовым просить пощады. Он по-прежнему имел вид правителя Лиатраса, хоть править ему больше было нечем. Но аура силы и власти, про которую рассказывала Юта, никуда не делась. Корт подобрался. Интуиция кричала ему, что рядом с этим человеком надо быть начеку, даже если он пришёл сдаваться.

Корт остановился недалеко от скалы-зуба, прикрываемый атлургами. Они находились на расстоянии всего нескольких метров от своих врагов. Песчаные жители были настороженны и готовы в любой момент возобновить бой. Царило напряжённое молчание. Все ждали, кто заговорит первым.

Корт тоже ждал. В конце концов, это правитель Лиатраса выбросил белый флаг. Его войско было повержено. Именно он должен был просить пощады. Сердце бухало часто и невпопад. Была ли причина в том, что Вандегрид стоял на возвышении, но Корта не покидало ощущение, что это он пришёл просить чего-то от этого человека. Он с трудом удерживал себя от того, чтобы заговорить. Секунды тянулись.

Вдруг на скале произошло какое-то движение. Из-за спин людей вывели молодую девушку. Её волосы были растрёпаны, лицо перемазано грязью, а руки и одежда — красны от крови. И только изумрудные глаза сияли ярче прежнего — непокорные, бесстрашные, прекрасные.

Корту понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что это действительно Юта. Как это возможно? Разве она не должна находиться в безопасности, вместе с другими женщинами и детьми? Почему она так выглядит? Неужели Вандегрид добрался до лагеря? И что в таком случае сделал с теми, кто там был? Что вообще происходит?

Взгляд зелёных глаз нашёл Корта и зацепился за него, как за спасительное убежище. Напряжённое лицо Юты слегка расслабилось. Внутри Корта всё ревело и переворачивалось. Мысли скакали лихорадочно, невпопад, будто в горячечном бреду. Тело требовало незамедлительных действий. Напасть, рвать, крушить, убивать врага, пока Корт не доберётся до Юты и не заключит в свои объятия. Но разум, пробивавшийся сквозь шквал эмоций, крепко держал на месте. «Не делай резких движений, которые могут навредить. Держи лицо, будто всё под контролем. Не отпускай её взгляд. Жди возможности».

— Корт... — протянул зычным голосом, привыкшим повелевать, глава Лиатраса. — Наконец-то нам представилась возможность познакомиться. Я долго этого ждал. Полагаю, я должен поблагодарить тебя. — Вандегрид очертил рукой широкий круг, указывая на горы вокруг. — Ты выполнил обещание и привёл меня в Город Богов. Спасибо.

Корт прищурился, всматриваясь в лицо своего смертельного врага. Вандегрид улыбался. В его улыбке не было издёвки, как у Джазира. Было похоже, что он и правда благодарил Корта. Но делал это так, что у Корта все внутренности переворачивались от ощущения страшной беды и неминуемого поражения.

Корт с трудом взял себя в руки.

— Не могу ответить тем же. Хотя я и рад, что мы наконец сошлись лицом к лицу. Я был бы признателен, если бы ты спустился и объяснил, что у тебя делает Юта.

— Маленькая жрица? — переспросил Вандегрид и с улыбкой посмотрел на Юту. — Госпожа Юталиэн является моей гостьей. И заложницей. Заложницей и гостьей. Как-то так.

Станный, какой-то несуразный ответ на секунду вывел Корта из равновесия. Кажется, Юта упоминала о том, что порой Вандегрид казался ей немного неменяемым.

— Я предлагаю тебе сдаться и отпустить её, — сказал Корт. — В таком случае я гарантирую тебе и твоим людям жизнь.

— Сдаться? — Вандегрид вдруг расхохотался. Ещё одна нелепая реакция. Тем не менее его смех казался весьма правдоподобным. — Предлагаешь?

Хохот резко оборвался. Лицо вмиг обрело холодные суровые черты.

— Ты ничего не можешь предложить мне, сопляк. Это я предлагаю тебе сдаться. Если твои люди прямо сейчас сложат оружие, то я, как мы и договаривались, позволю войти в Город женщинам и детям. Нет, я даже позволю войти со мной всем тем, кто добровольно подчинится мне прямо сейчас.

Корт нахмурился. Не успел он переварить услышанное, как Вандегрид резко обернулся к стоящему позади человеку, выдернул из кобуры у него не поясе пистолет и наставил на Юту.

— Решай, здесь и сейчас.

Раздался смех. Но не то свиное уханье, странное и несвоевременное, каким ранее разразился Вандегрид. Этот смех был чистым, искренним и непорочным. Он вплетался в завывания бури, создавая странную музыку, которая на мгновенье зачаровала Корта.

Вандегрид посмотрел на Юту с недоумением.

— Ты находишь возможность умереть забавной?

Юта не без труда прекратила смеяться, но ответила серьёзно:

— Я нахожу забавным то, как история повторяется. Но ты совершенно не способен это увидеть. Ты наступаешь на те же грабли снова и снова, и потому в конечном счёте проиграешь.

— О чём ты говоришь? — Корт поймал в голосе Вандегрида едва уловимую нотку сомнения.

— Ты убил всех жриц. Убил мою мать. Теперь, если ты убьёшь меня, то никогда не попадёшь в Город Богов.

Все глаза на небольшом пяточке были прикованы к Юте, — юной девушке, осмелившейся отвечать Вандегриду в подобном тоне. Казалось, она совершенно не боится его. Юта говорила с правителем Лиатраса на равных.

Вандегрид не разозлился. Наоборот, он немного расслабился.

— Видишь ли, девочка, моя разведка работает хорошо, — спокойно ответил старик. — Я знаю о том, что ты не смогла открыть Город Богов.

Юта опешила. Очевидно, она не ожидала подобного ответа. Жрица вскинула подбородок.

— Тогда, если ты знаешь, что я бесполезна, то почему пытаешься обменять мою жизнь? Она ничего не стоит.

Вандегрид усмехнулся.

— Я так не думаю. Во-первых, твоя попытка провалилась, потому что у тебя не достаёт знаний. Под моим руководством у тебя всё получится. Вместе мы откроем Город Богов. Ты поможешь мне стать правителем этой планеты. Видишь, всё складывается в точности так, как я и говорил.

Юта скрипнула зубами. Теперь она крепко сжимала кулачки и сверлила мужчину угрюмым взглядом исподлобья. Было очевидно, что слова Вандегрида задели её.

— А во-вторых... — продолжал беспощадно Вандегрид, — видишь ли, есть ещё кое-кто, кто не считает, что твоя жизнь бесполезна. Кто-то, кто питает к тебе некие тёплые чувства. Открыла ты Город Богов или нет, а он не позволит тебе умереть. Верно, Корт?

Вандегрид посмотрел на ругата. Он снова улыбался. И в этой улыбке сквозило осознание своей победы.

Корт до боли, до посинения костяшек сжимал кулаки. Его взгляд метался от Юты к Вандегриду и обратно.

Правитель Лиатраса произнёс:

— Я помогу тебе.

Он взвёл курок пистолета и направил Юте в голову.

— Я считаю до трёх. Раз.

Перед глазами Корта замелькали все моменты, проведённые рядом с Ютой. Начиная с самого первого, когда он увидел её, хрупкую и бледную, в смертоносных объятиях песков. Воспоминания сменялись одно другим, словно картинки в калейдоскопе. Вот они сидят на полу в Зале Свитков. Они на плато, Корт рассказывает ей про богов атлургов. Они зажаты под плитами обрушившегося свода. Корт теряет сознание. Одна мысль пульсирует в голове: «Она должна жить».

Сколько раз впоследствии эта мысль заполняла всё его существо, вела вперёд, заставляла принимать те или иные решения. Вот Юту схватили люди Лэнса. Они запикивают её в черную машину, и сердце Корта перестаёт биться, когда он понимает, что может больше никогда её не увидеть. Кажется, именно тогда впервые пришло ясное и беспощадное, как свет Тауриса, осознание того, что он её любит, как не любил никого и никогда.

Затем первый поцелуй, смешанный с её солёными слезами. И дальше, и дальше. Каждый миг, когда он смотрел на неё, не в состоянии отвести глаз. Каждый её взгляд, жадно пойманный и бережно запечатлённый. Все эти мгновенья, такие бесценные. Каждое из них пронзало Корта насквозь нестерпимым блаженством и невыносимой болью.

Их последняя ночь под бурым небом, где больше нет света Солнца. Каждое её прикосновение, шёпот, взгляд. Всё это жило в сердце Корта, переполняя его. Смысл и цель его жизни.

— Два.

Глаза Корта метнулись к Юте. Девушка смотрела на него. Она лишь слегка хмурилась, в

остальном её поза казалась спокойной. Только острый взгляд прожигал Корта, как будто Юта пыталась ему что-то сказать.

Изумрудные глаза горят ярче, чем пламя пожара. Каждая чёрточка лица такая знакомая, родная. Сильная, гордая, прекрасная, как никогда. Такая близкая и такая далёкая. Но не смотря ни на что. Моя.

— Тр...

— Стой! Хорошо! Я согласен! — Корт неосознанно подался вперёд, как будто собирался прыгнуть, закрывая её собой. Если бы только это было так просто...

Корт слышал гул голосов атлургов. Тревожный, недовольный. Ему было наплевать.

— Но ты должен пообещать, что не причинишь ей вреда и, если сумеешь открыть Город Богов, позволишь войти с вами всем людям, кто не будет сопротивляться.

Вандегрид улыбнулся.

Корт с жадностью ждал ответа. Он был раздавлен. Его жизнь была в руках этого человека и полностью зависела от его слов. Корт был жалок и сломлен. В один миг он сдался, подчинился своему злейшему врагу. Но он не жалел об этом. Ему было плевать, что о нём скажут. Плевать, что будущие поколения будут вспомнить его, не иначе как труса и предателя. Если будут спасены люди, если будет спасена она... То всё остальное не имеет значения.

Вандегрид выдержал длинную паузу. Он наслаждался состоянием и положением Корта. Тоном покровителя, снизошедшего до грязи под ногами, он ответил:

— Так тому и быть. А теперь все, кто готов пойти под мою власть, сложите оружие.

Атлурги стихли, не понимая, что делать. Они смотрели на Корта. На своего Командующего и Ругата, который всего пару часов назад совершил невозможное. Который был почти богом в их глазах. А теперь в один миг сдал их всех.

Все взгляды были прикованы к Карту, как вдруг над скалами разнёсся звонкий голос:

— Тебе не удастся выиграть такой ценой. Моя жизнь не станет разменной монетой в твоей игре.

Резким движением Юта сорвала с себя кулон и бросила с обрыва. Всё произошло так быстро, что ни Вандегрид, ни его люди не успели среагировать.

После нескольких мгновений могильной тишины, Вандегрид неистово закричал:

— Нет! Что ты наделала!

Одной рукой он схватился за волосы. В глазах было безумие, которое быстро перешло в бешенство. Он обернулся к своим командирам и заорал на них:

— Найдите мне этот кулон!

Его люди оглядывались в растерянности. Никто не двигался. Все понимали, что это невозможно, что кулон утерян.

Вандегрид обернулся к Юте. Его лицо исказила гримаса ненависти. В глазах пылала такая злоба, что, кажется, могла испепелить заживо.

— Ах ты дрянь! Ты поплатишься за то, что сделала!

Неожиданно Юта улыбнулась. Но улыбка была недоброй.

— Мы все поплатимся за то, что сделали. Так или иначе.

И она сделала шаг назад. Абсолютно беззвучно Юта упала с обрыва.

Наступила такая тишина, что можно было слышать собственное сердцебиение. Даже буря смолкла на несколько мгновений.

Корт молча перевёл взгляд с обрыва, откуда упала Юта, на Вандегрида. Атлурги

вперили в ругата изумлённые взгляды. Корт не замечал этого. Медленно он поднял над головой правую руку и резко сжал в кулак.

Вандегрид схватился за сердце. Из него торчала стрела. Правитель Лиатраса непонимающим взглядом уставился на свою грудь. Он попытался что-то сказать. Из рта вытекла струйка крови, и он упал замертво.

Среди атлургов поднялся шум. Сперва непонимания, а вскоре ликования. Волной он распространялся по рядам войск, уходя дальше. Корт обернулся и посмотрел вверх. На противоположной скале из-за камня с луком в руках выступил Дар.

Атлург, стоявший рядом с Кортом, обратился к нему. Былое благоговение вернулось в глаза людей.

— Скажи, Ругат, это ведь не случайность?

Корт мотнул головой.

— У Дара сегодня был только один приказ: выследить Вандегрида и при возможности убить. Только он смог бы подойти к правителю незамеченным. И только Дар в условиях такой бури мог направить свою стрелу точно в сердце врага.

Один из командиров Вандегрида, бывших рядом с ним на скале, упал на колени, подняв руки.

— Пощадите! Мы сдаёмся!

Его примеру быстро последовали другие. Оставшиеся бойцы Серого Отряда, и так прижатые к скалам войском атлургов, спешно бросали оружие.

— Мы сдаёмся! Сдаёмся! Пощадите! Не убивайте! — раздавалось отовсюду.

— Корт, что прикажешь с ними делать? — Атлурги ждали слово Ругата.

Корт обвёл взглядом людей, стоявших на коленях с поднятыми вверх руками. Ему было всё равно, что с ними будет.

— Вяжите, — приказал Корт. — Всех, кто сложит оружие. И спускайтесь обратно, в долину Канора. Здесь вам не выжить.

— А ты, Ругат?

Корт не ответил. Не видя ничего перед собой, он брёл к тому месту, куда упала Юта. Песок хлестал в лицо с новым остервенением, будто хотел выцарапать глаза. Корт прикрыл лицо сгибом локтя. Вокруг было почти ничего не видно. Он завернул за скалу, с которой атлурги уже спускали сдавшихся генералов Вандегрида.

Корт увидел что-то белое среди торчавших из земли камней. Он споткнулся и упал. Ноги дрожали, отказывались держать. Хватаясь руками за острые зубья скал, Корт полз туда, где была она. Обдирая ладони и колени в кровь, он пробирался вперёд, метр за метром. За очередным «зубом» Корт увидел сапожок, слетевший с ноги. Слезы туманили зрение. Ничего не видя, Корт последним усилием бросил себя вперёд. Он не рассчитывал выбраться отсюда. Пусть эти скалы станут для них последним ложем, а буря укроет одеялом из песка.

Видимость была почти нулевая, перед глазами всё плыло, Корт мог различить лишь общие очертания. Но то, что он видел перед собой, не было похоже на человека. Корт протёр глаза и подполз вплотную.

Юта лежала на спине. Но не на острых камнях, способных раздробить хрупкое тело. Белая шерсть проглядывала из-под разметавшейся одежды. Юта лежала на мощном теле Утагиру. Одна из лап зверя как бы обнимала девушку, закрывала собой. Из-под туловища зверя расплзлось кровавое пятно.

— О, Утагиру... — прошептал Корт.

Он протянул к Юте дрожащую руку. Её кожа была тёплой. Раздался слабый кашель. Это был самый прекрасный звук, какой Корт слышал в своей жизни. Не помня себя, он рванулся к Юте, схватил, прижал к себе. Её сердце билось.

Корта будто выбросило на поверхность из тьмы водоворота, который почти утянул его на самое дно. Корт осторожно убрал прядь волос с лица Юты. Ему казалось, что оно залито светом, как будто он увидел какое-то чудо. Слёзы снова хлынули из глаз, мешая как следует осмотреть Юту. Не в состоянии контролировать их, Корт ощупью исследовал хрупкое тело. Юта была невредима. Утагиру принял всю тяжесть удара на себя.

Ещё на выходе из Утегата Корт велел ему защищать Юту. Саграл выполнил свой долг до конца. Каким-то неведомым образом он оказался на поле боя, там, где была она. И в последний момент сумел в невероятном прыжке закрыть Юту собой. Принять за неё страшный удар.

— Спасибо, друг, — Корт потрепал густую шерсть на загривке, там, где Утагиру больше всего это любил.

Юта снова закашляла. Она была не ранена, но без сознания. Вероятно, у неё было сотрясение мозга. Возможно, ещё какие-то травмы, невидимые глазу. Её требовалось срочно показать лекарям. Корт подхватил Юту на руки и осторожно, разбирая дорогу, понёс обратно.

Уже выбираясь из каменных завалов, Корт позвал на помощь. Возле скалы ещё оставались люди, уводившие последних пленников. Скрепя сердце, Корт передал им Юту с рук на руки и велел нести вниз, в долину. Ведь Корт не мог оставить Утагиру, не попрощавшись.

Утагиру. Мифический саграл, «Ужас Песков». А для Корта, — ещё один брат, которого он потерял в этой войне. Если бы не Утагиру, Корт не смог бы выжить в пустыне. Сколько таров прошагали они вдвоём, под палящими Солнцами. Сколько ночей Корт засыпал, укрытый с ног до головы длинной шерстью, спасающей от жара и солнечных лучей.

Корт быстро добрался до места, где принял смерть Утагиру. Опустился рядом на колени. Разбитый сегодняшним днём, тяжёлыми боями, ранениями и страшными потерями, Корт не мог сдержать слёз.

— Спасибо, брат, — повторил Ругат, глядя зверя по морде, по острым ушам, по мохнатой голове. — Мне будет тебя не хватать. Я никогда не забуду тебя. И не забуду того, что ты сделал.

Корт неловко смахнул слезу и в последний раз взглянул на саграла. Эти скалы станут ему могилой. А Корту пора возвращаться к живым. Великая Буря уже началась. Надо попытаться укрыть людей.

Корт выбрался из камней. Людей вокруг не было. Должно быть, все уже ушли вниз. Ветер поднялся такой силы, что Корт с трудом стоял на ногах. Кругом ничего не было видно. Ориентируясь не свою интуицию и чувство направления, Корт двинулся в сторону лагеря.

За стеной песка показалась человеческая фигура. Она двигалась в сторону Корта.

— Как Юта? Пришла в себя? Вам удалось спустить её вниз? — крикнул Корт приблизившемуся человеку.

Тот молчал.

— Всё в порядке? С пленными нет проблем? Вы сумели...

Удар был неожиданным и страшным. Корт не успел среагировать, защититься. Ужасная боль пронзила внутренности. Корт вскрикнул, схватился за грудь и упал.

Глава 22. Древний рок

Кто-то звал его. Снова и снова, не давая провалиться в чёрную бездну, откуда нет возврата. Корт открыл глаза. Веки весили тонну. С усилием Корт сфокусировал взгляд. Над ним нависало заплаканное лицо Юты.

— Он очнулся! — Услышал Корт чей-то голос.

— Подождите! Не толпитесь! — Лицо старика со шрамом на скуле показалось Карту знакомым.

— Корт! Слава Ругу, ты очнулся! Мы не смогли захватить напавшего. Он убил себя до того, как мы добрались до него! А если бы не Юта, мы и вовсе не нашли бы тебя! Она очнулась по дороге в долину и подняла шум! Потребовала немедленно вернуться и найти тебя.

Корт перевёл глаза на Юту. Напавшего? Он ничего не помнил. Голос продолжал говорить и говорить. К нему примешивались другие. Корт смотрел в изумрудные глаза.

— Корт, ты узнаёшь меня? — шепнула Юта. Голоса прервались.

Корт кивнул.

— Я не знаю, как осталась жива... — всхлипнула Юта.

— Утагиру... — начал Корт. От острой боли в груди перехватило дыхание. Он прикрыл глаза, чтобы восстановить силы. — Утагиру спас тебя.

— Корт... — Юта плакала.

Понемногу воспоминания о случившемся вернулись. Зрение слегка прояснилось. Корт лежал на коленях у Юты, возле входа в Город Богов. Над ними был сооружён высокий навес, до поры укрывавший от бури. Вокруг толпились люди. Корт не всматривался, кто. Сил на это не было.

Он совершенно не чувствовал своего тела. Только в груди kloкотало при каждом вдохе и пронзала такая боль, что Корт боялся снова отключиться. Ему было ясно, что он умирает.

Умирает на пороге закрытого Города Богов. На руках у той, кого любит больше жизни. Буря уже поднялась. Конец всего живого близок. В итоге Корт так и не сумел никого спасти. Не сумел спасти её. По щеке Юты скатилась крупная прозрачная слеза. Он поднял чугунную руку и коснулся её щеки, оставив на ней кровавый след.

— «Рут те аттал Юта», — прошептал Корт.

Юта перехватила соскользнувшую руку, не дав ей упасть.

— Ты сказал мне это, когда вытащил из машины Лэнса, в наш первый поход в Лиатрас. Я так и не спросила, что это значит, — тихо сказала девушка.

— Ты — моя «юта». Ты — моя судьба, — ответил Корт и прикрыл тяжёлые веки.

По щекам Юты беззвучно потекли слёзы. Корт не видел этого, но слышал, как они падают на песок и чувствовал, как они промочили рубашку.

Ветер рванул край навеса и оборвал его. Люди закричали, забегали, засустились вокруг.

Корт ощутил, как Юта внезапно втянула в себя воздух и резко выпрямилась. Он приоткрыл веки, чтобы посмотреть на неё. В глазах девушки жемчужинами сверкала влага, но больше не стекала ручейками на щеки.

— Я не боюсь, — вдруг сказала Юта, и улыбка, тонкая и нежная, как прикосновение шёлка к коже, тронула её губы. — Я знаю, что с тобой ничего не случится. Потому что в пророчестве говорится о тебе. Ты — тот, кто укажет истинному народу путь, кто проведёт

его через тёмные времена.

— Ты и сейчас веришь в это? — еле слышно спросил Корт и попытался улыбнуться в ответ, но сил не хватило.

Юта твёрдо кивнула.

— Знаешь, почему? Помнишь пророчество Тургаса? «Тот, кто возьмёт её в жёны, проведёт народ через тёмное время». Так вот, я согласна стать твоей женой.

Корт всё же нашёл в себе силы улыбнуться. Он был счастлив.

Юта прижала его ладонь к щеке, и она стала мокрой от слёз. Юта улыбалась и плакала.

— «Удел мужчин проливать кровь, удел женщин — проливать слёзы», — вспомнилась Карту надпись, вытесанная на шкатулке матери Юты.

Девушка подняла руку и неосознанно коснулась того места, где на протяжении всей её жизни висел мамин кулон. И где теперь была пустота.

До мельчайших деталей перед взором Юты предстал «ключ» к Городу Богов. Капля в обрамлении витиеватых узоров. Такая живая, словно сейчас дрогнет и прольётся настоящей...

— Слёзы... — эхом повторила Юта. — Проливать слёзы.

Она осторожно подняла голову Корта с колен и жестом показала Дару, чтобы занял её место. Корт подавил приступ тошноты и боли, когда его немного сдвинули, и ощутил, как совсем другие руки уложили его. Он приоткрыл веки и сквозь пелену перед глазами увидел, как Юта поднялась и уверенно направилась к Вратам.

Атлурги молча следили за действиями девушки. Медленно она опустилась на колени и придвинулась вплотную к углублению в камне.

Корт отчасти услышал, отчасти догадался, но словно воочию увидел, как крупная слеза медленно скатилась по лицу девушку, прочертив длинную дорожку, достигла края острой скулы и, повисев, словно в нерешительности, сорвалась вниз. Она ударилась о дно углубления так звонко, что Корт подумал: все должны это услышать.

Вдруг Юта быстро вскочила и отшатнулась назад. Корт тоже почувствовал это. Раньше, чем кто-то что-то понял. Он заставил чугунные веки раскрыться и посмотрел туда. В этот момент гигантские створки Врат дрогнули, будто губы спавшего тысячи лет исполинского великана раскрылись, и он сделал вдох.

Скрежеща по камню, Врата медленно ползли в стороны, поднимая клубы песка и древней пыли. Из тёмного зёва за ними на выживших дохнул ветер древнего рока. Словно вторя ему, по рядам людей пронёсся долгий вздох. Они стали свидетелями небывалого — древнее предназначение исполнялось на их глазах.

Через бесконечно долгое время створки разошлись в стороны и остановились, открыв взорам безмолвную тьму древности. Никто не шевелился. Люди были поражены и оглушены громадностью великого события.

Юта обернулась и посмотрела на Корта огромными глазами. В их уголках сверкающими бриллиантами дрожали слёзы. И Корт вдруг понял, почему это должна была быть именно она. На протяжении всех этих веков — только она.

В этих горевших изумрудным пламенем глазах соединились прошлое, настоящее и будущее. Юта была не просто проводником древнего рока. Тысячелетнее прошлое жило в ней, мешаясь с настоящим и тем, чему ещё только суждено быть. Она не была рождена для предназначения. Предназначение было рождено для неё.

— Внесите его, — сказала Юта тихим, чуть охрипшим голосом. Но его слышали все.

Так, будто он разносился под сводами огромного зала, отражаясь эхом от стен. Это был голос человека, кому от начала истории было предназначено повелевать.

Никто не задавал вопросов. Люди словно находились под магией древнего заклятия, открывшего Врата и осенившего их божественным дыханием. Сейчас все они — атлурги, лиатрасцы — думали и чувствовали, как один. В этот момент они стали единым целым. Никому не приходило в голову задавать вопросы: зачем и почему. Это было не нужно. Они знали, что должны делать. Сейчас они должны слушать её.

Дар и ещё несколько стоявших ближе атлургов подняли Корта, впадавшего в забытие, и понесли ко входу. Юта пропустила процессию вперёд и вошла следом.

Потихоньку, молча и неторопливо атлурги втягивались во Врата Канора. Зал, куда они входили, был велик, но отнюдь не огромен. Это была, скорее, каменная пещера: рукотворная, но грубо сделанная. Она была слабо освещена. Источника света видно не было. Казалось, что светятся сами стены. Свод пещеры терялся во мраке.

Единственным, что находилось в этом тёмном неприветливом помещении, был массивный прямоугольный камень размером с большой стол. Он словно вырос из пола в середине зала. Его поверхность была ровной, с небольшими бортиками по краям. По дну разбегались тонкие канавки, а в середине было небольшое отверстие.

Больше в зале не было ничего.

— Здесь совершенно пусто! — донёсся до Юты высокий брюзгливый голос Улгерна.

Притихшие в благоговении атлурги отмерли, зашумели, закачались, как камыш под порывами ветра. Не надо было быть Кангом, чтобы констатировать очевидное. Город Богов был мёртв. Здесь были лишь камень и голые стены.

— Я же говорил, что пророчество — полная ерунда, — раздался знакомый голос. Юта обернулась. Гвирн стоял, придерживая правую руку, она была туго перемотана бинтами. — Здесь нет спасения. Так или иначе мы погибнем от голода и жажды.

Юта не ответила. Она посмотрела по сторонам, но Город Богов был пуст и безмолвен. Взгляд Юты сам собой вернулся к Карту. Ругат лежал на холодном полу без сознания. Юта понимала, что он уже не очнётся.

Она подошла к любимому и опустилась возле него на колени. Погладила волосы, лицо. Тихо повторила: «Удел мужчин — проливать кровь, удел женщин — проливать слёзы». Затем обернулась к Дару и велела:

— Положите его на камень.

Дар кивнул паре атлургов, стоявших рядом, и вместе они водрузили тяжёлое тело на каменный «стол».

— Не надо было вас слушать. Лучше бы нам оставаться по своим гатам. А теперь и наш горе-спаситель вот-вот преставится, а вскоре и мы все последуем за ним, — снова заговорил Гвирн.

Когда-то звонкий и властный голос, повелевавший сотнями атлургов, звучал хрипло, надломленно.

Неожиданно ему ответили из толпы. Это был Кинар, принявший командование отрядом Гвирна после его ранения.

— Никто не знал, что нас будет ждать. Корт хотя бы попытался.

— Хороша попытка! — не унимался Канг Утегата. — Да он угробил больше половины народа! И теперь мы все...

— Ради всех богов, Гвирн, дай людям попрощаться с Ругатом, — резко прервал тираду

Кинар. И негромко добавил: — По крайней мере, он не сбежал с поля боя.

Гвирн замолчал и побледнел. У него было лицо человека, которому на полном бегу поставили подножку.

«Сбежал с поля боя? Сбежал с поля боя...», — зашептались вокруг.

Гвирн хорошо знал, что в тесном кругу атлургов ничего невозможно утаить. Раз произнесённое вслух слово уже не загонишь обратно, не спрячешь. А бегство с поля боя... что может быть более постыдным для мужчины?

Гвирн заметил на себе несколько косых взглядов и опустил глаза в пол. Атлурги, впрочем, быстро потеряли к нему интерес. Они теснили друг друга, стараясь пробиться ближе к месту, где лежал Корт.

Юта стояла рядом, не слыша разговоров вокруг. Она держала Корта за руку, но потом отпустила и уложила на камень.

Страшная рана на груди была перевязана, но это уже не могло ничего изменить. Кровь продолжала течь. Скапливаться под телом Корта, попадать в канавки, словно прожилки на листе, исчертившие камень. Стекать в отверстие посередине.

Под взглядами десятков глаз Корт сделал последний вздох, и его грудь замерла. Юта не двигалась и не сводила с него глаз. Будто повинуюсь её молчанию, атлурги тоже замерли. Никто не говорил, не плакал, даже, казалось, не дышал.

В темноте набитого людьми зала камень, на котором лежал Корт, начал светиться.

Сперва слабо, будто хрупкий светлячок в ночи, но постепенно сияние разгоралось всё сильнее и сильнее. И вот уже яркий белоснежный свет заполнял всё пространство, все тёмные углы, прогонял тени и мрак. Он озарял собой притихших людей и древнюю пещеру. Люди инстинктивно начали отодвигаться, закрывать лица, а свечение всё усиливалось, пока не стало совершенно нестерпимым. Юта ахнула и прикрыла глаза сгибом локтя.

Несколько мгновений всё было залито чистейшим белым светом. Затем он начал тускнеть, но не потух полностью. Атлурги снова начали собираться вокруг алтаря. По первым рядам прокатился вздох удивления. Кто-то крикнул:

— Смотрите!

С изумлением и благоговейным трепетом люди наблюдали, как из отверстия в камне ключом начала бить вода. Она наполняла неглубокую чашу камня, омывала тело Корта, уносила прочь кровь. Через несколько минут Корт оказался погружён в слабо светящуюся воду.

— Это чудо! — повторяли атлурги, видевшие всё своими глазами.

— Нет, — раздался слабый, но отчётливый голос, — это древняя магия детей Канора.

Юта обернулась и увидела Джара, сидевшего у стены. Он был бледен и очень слаб, но его жизнь была вне опасности.

Свет померк так же внезапно, как появился. В ту же секунду каменная пещера содрогнулась, будто по телу спавшего тысячелетиями великана прошла судорога. Тишину разорвали гул и скрежет. Атлурги в страхе приседали, хватались друг за друга.

Вся дальняя стена медленно ползла в сторону.

Трещал и крошился камень, до потолка взметалась столетиями никем не тревожимая пыль. Люди, не успевшие осознать и поверить в первое чудо, взирали на новое.

Одна из стен полностью ушла в камень. Атлурги стояли в онемении, поражённые величием представшего их взглядам. За пещерой, где они сгрудились, ища спасения, открывался огромный величественный зал. Его стены были украшены лепниной, а высокий

потолок подпирали резные колонны.

Но это было не главное, что поражало взор. За первым залом открывался проход в следующий, а за ним — ещё и ещё — нескончаемая череда переходов.

Более того, в самом центре помещения не было пола. Вместо него вниз уходила широкая резная лестница. Другая начиналась чуть дальше и уводила вверх, теряясь вне поля зрения находившихся в пещере.

Всё здесь дышало древностью и величием — монументальное, грандиозное. Старинные залы поражали размерами и, кажется, совсем не пострадали от времени.

Несколько минут атлурги мялись у входа. Народ не любил нового и неизведанного и отличался здоровой опасливостью. Однако вскоре природное любопытство взяло верх. Несколько атлургов несмело вошли внутрь, придавленные огромностью и великолепием этого места. Один из них подошёл к лестнице и заглянул вниз. Затем задрал голову вверх.

— Что там? — спрашивали самые нетерпеливые.

— Там... не знаю, как описать. Там целый город! Он тянется вниз и вверх, насколько хватает глаз!

Понемногу атлурги осмелели. Все хотели увидеть это своими глазами. Уже не так настороженно они потянулись внутрь диковинного города.

Вода тем временем продолжала течь. Люди, оказавшиеся возле алтаря, понемногу отмирали. Начали переговариваться, передавать новости тем, кто стоял позади и не видел всего своими глазами. Очень быстро народ оживился, начал гомонить. Первые ладони протянулись к живительной влаге, переполнявшей чашу алтаря и стекавшей на каменный пол.

Шум быстро заполнял зал. Атлурги, находившиеся снаружи, напирали, пытались войти. В пустыне поднялся ураган. Ветер ревел с такой силой, что сбивал с ног. Долину Канора заволкло песком и пылью. Ничего не было видно, а за пределами Врат были ещё сотни людей. Кто-то из Кангов, кажется, это был Кернад, взялся регулировать хаотичное движение.

Жизнь продолжалась и требовала своего. В этом потоке движения и шума Юта единственная оставалась неподвижна, словно застыла во времени. Для неё оно замерло в тот момент, когда сердце Корта перестало биться. Она стояла подле алтаря и не могла пошевелиться. В уголках глаз скапливались слёзы. Тело Корта по-прежнему омывала вода. Крови видно не было.

Рядом с ней, также молча, стоял Дар. Может, тоже простался с Кортом, а может, хотел почтить скорбь Юты, дать ей пару минут тишины в разразившемся кругом хаосе.

Юта шагнула к телу Корта и взяла его холодную руку.

— Нет... Нет, ты не можешь бросить меня. Ты не можешь... — Слёзы водопадом, прорвавшим плотину, хлынули из глаз, потекли по щекам.

Юта схватилась за рубашку Корта, принялась тереть его. Люди, стоявшие рядом, опускали глаза, отходили в сторону. Дар, всё это время находившийся рядом, подошёл к девушке и положил руку ей на плечо, пытаясь утешить и дать понять, что она не одна.

Юта скинула его руку. Она уткнулась лбом в плечо Корта. Захлёбываясь рыданиями, она продолжала повторять:

— Ты не можешь меня бросить! Слышишь... Ты обещал... Корт... Корт!

Дар закусил губу, видя её неизбежное горе. Он больше не пытался вмешаться.

Юта рыдала, комкая мокрую рубашку Корта. Слёзы смешивались с водой из чаши. А она всё звала его:

— Корт... Корт... Корт...

Могучая грудь резко поднялась. И медленно опала, когда Корт сделал длинный вдох. Дар ахнул и отшатнулся. Атлурги, видевшие это, выронили на пол баклажки и попадали на колени. Юта судорожно втянула в себя воздух и выпустила рубашку Корта. Она шагнула назад, сквозь пелену перед глазами пытаясь рассмотреть, что происходит.

Корт открыл глаза и долго моргал, привыкая к скудному освещению. Затем неуверенно сел и медленно осмотрел алтарь, не вполне понимая, где он, и что происходит. Чаша была наполнена водой. Одежда и волосы Корта насквозь промокли. Он ощупал грудь. Страшная рана затянулась. Взгляд синих глаз нашёл Юту.

Девушка стояла в шаге от алтаря, до боли сжимая кулачки. Она прерывисто дышала, слёзы текли по щекам.

Корт опустил ноги на пол и осторожно встал, как будто заново пробовал своё тело. Он сделал шаг и широко раскинул руки.

Юта стояла лишь мгновение, а затем кинулась ему на грудь и снова разрыдалась.

— Я слышал, как ты звала меня, — тихонько прошептал Корт ей в волосы. — Откуда ты знала?

— Я не знала, — ответила жрица, поднимая заплаканное лицо. — Я верила.

Юта чуть улыбнулась, и Корт поймал её улыбку губами.

Юта плакала и смеялась, пока Корт целовал её снова и снова. На вкус она была как соль и мёд, как дыхание песков и прохлада ключей, как счастье и жизнь.

— Фу, ты весь мокрый! — засмеялась жрица, но отстраняться не спешила.

— Никак от твоих слёз, а? — спросил Корт и нежно вытер со щеки Юты последнюю выкатившуюся слезинку.

Юта рассмеялась и прильнула к широкой груди, где ровно и мощно, как никогда прежде, билось её собственное сердце.

Спустя несколько минут объятий Корт наконец заметил людей, плотным потоком вливавшихся во Врата Канора и исчезающих где-то за его спиной. Корт обернулся и увидел проход.

— Он открылся тогда же, когда из алтаря пошла вода, — пояснила Юта. — Когда на него попала твоя кровь.

— Это Город Богов, — прошептал Корт. — Дети Канора вернулись домой.

Арагат был огромен. Он простирался в глубину гор на многие километры. Его надземная часть поднималась на высоту небоскрёба, а подземная опускалась на десятки уровней вниз. Почти все помещения были соединены между собой лестницами и переходами. Всё здесь было огромным, просторным, монументальным.

В городе нашлось ещё несколько водных источников, кроме того, что открылся в пещере. Похоже, все они заработали одновременно, когда кровь Корта активировала первый.

В самом сердце Арагата располагались парники. Десятки и десятки залов, уходящих вглубь гор. Там был свой микроклимат, всё парило от влаги. Она скапливалась на стенах и потолке. Здесь росли всевозможные растения — от мхов до огромных деревьев. Давно уже им не требовался уход человека — они образовали устойчивый биоценоз, разросшись в целые леса.

Большинство видов ни атлурги, ни лиатрасцы никогда прежде не видели. Единственное, что атлурги признали знакомым — был ропс. Но по сравнению с другими растениями: зелёными, роскошными, с огромными мясистыми листьями, ропс казался невзрачным и больше не привлекал внимания.

Новым жителям города понадобилось время, чтобы разобраться, какие из растений съедобны. У некоторых атлурги приноровились употреблять листья, стебли или корни. Другие давали съедобные плоды. Но назначение большинства ещё предстояло выяснить.

Ещё в одном из самых отдалённых помещений Арагата, в самом низу, где было холодно и сухо, обнаружилось хранилище с семенами. Видов здесь было гораздо больше, чем росло в парниках. Хоть атлурги и не знали, как их выращивать, и получится ли это спустя столько веков, но уже нашлись любопытные, которые горели желанием попробовать.

Что касается живности, то атлурги нашли большие загоны, похожие на те, какие были у них в гатах. Видимо, когда-то там содержались стада каких-то животных. Но сейчас об этом мало что напоминало. Было также невозможно узнать, кого именно разводили Дети Канора.

Эти горы были совсем не похожи на те, к каким привыкли атлурги. Корт предполагал, что здесь могли быть обширные пещеры и другие укрытия. Так что оставалась надежда, что какие-то звери или птицы смогли выжить. Хотя бы десятка коз хватило для того, чтобы начать разводить стада.

В любом случае атлургам ещё предстояло исследовать территорию вокруг Канора. Хоть Город и был полностью автономен, а живущие там люди могли годами не выходить наружу, но была вероятность, что Дети Канора использовали ближайшие горы так же, как это делали атлурги: добывали камень и минералы.

Сам Канор был так велик, что в нём ещё оставались не исследованные места. Новые жители, вместе взятые, заселили лишь небольшую, где-то двадцатую, часть Города. Можно было лишь представить, каким огромным было когда-то его население. Для того, чтобы поддерживать жизнедеятельность всего громадного Города, тоже требовалось гораздо больше людей. Так что новый народ обжил лишь часть территории, прилегающей ко входу. Здесь было три водных источника, включая тот, что в пещере. А также парники и жилые «улья», как прозвали жилища с подачи лиатрасцев.

Дома, чем-то напоминавшие лурды атлургов, находились на разных уровнях, соединённых лестницами, и в разрезе выглядели как ячейки или соты. Каждый этаж был оснащён всем нужным для жизни. Было здесь и что-то вроде системы водопровода, а также прародители солнечных печей. Но пока всё это не работало.

Над включением водопровода колдовали инженеры Лиатраса, а солнечные печи не работали по понятным причинам. Так что пока атлурги организовали общие кухни, где готовили на ископаемом топливе, которое в избытке нашлось в хранилищах Канора.

Потихоньку быт налаживался. Работы было много, но нехватки самого необходимого — воды и еды — больше не было. Так что экономить или решать, кому сколько давать, как это было в Утегате, не приходилось.

Каждый занимался тем, что умел, стараясь принести пользу Городу. Специалисты из Лиатраса чинили ирригационную систему в парниках, — часть её пришла в негодность. Они собирались запустить водопровод и создать с нуля систему канализации.

Атлурги приводили в годный вид и модернизировали старые солнечные печи, чтобы, когда придёт время, они исправно заработали. Также атлурги нашли что-то вроде печей для плавки тергеда, но у них не было материала. Для его добычи требовалось выйти в пустыню.

Ещё не хватало камня. Порода, из которой состояли местные горы, была гораздо прочнее, чем камень Красных Гор. Обрабатывать её было в разы сложнее, да и запаса в городе не было. Поэтому ощущалась нехватка таких элементарных вещей, как кухонная утварь и инструменты. Атлурги чинили и переделывали то, что находили. Люди делились друг с другом: одним инструментом пользовалось несколько семей.

Корт хотел выяснить, не найдётся ли камня, подходящего для резки, среди вкраплений основной породы. Так как нехватки места теперь не было, он организовал себе большую мастерскую. Стащил туда всё, что могло стодиться для работы. Когда выдавалось свободное время, обследовал горную породу. И если находил необычные жилы, вырубал их и нёс в своё «логово», как мастерскую прозвала Юта. Там Корт исследовал различные способы обработки камня.

Вот и сейчас ругат сидел в своём «логове». Правда оно больше походило на церемониальный зал, чем на комнатку-пещеру в Утегате. Корт чинил зубило, которое только что сломал о чересчур твёрдую породу. Каменная пыль запорошила его одежду и волосы, отчего из чёрных они превратились в серые.

В комнату вошёл высокий мужчина-лиатрасец. Худого телосложения, с непропорционально длинными руками и ногами. У него были маленькие сощуренные глазки и подобие вороньего гнезда на голове.

— Корт, хочу сообщить вам, что так работать совершенно невозможно, — начал прямо с порога гость. Не церемонясь и не узнав, может ли Корт его принять, он быстрым шагом прошёл в мастерскую, продолжая на ходу говорить: — Все мои приказы постоянно саботируются. Позавчера ваши «подопечные» принесли мне какую-то дрянь вместо «лапидус каниферуса», который я просил их собрать. Сок этого ужасного растения перемазал мне все пальцы. Застыв, он превратился во что-то вроде каучука, который совершенно невозможно отмыть! В итоге я уже два дня не могу ничего делать!

Мужчина поднёс к самому носу Корта длинные, некогда холёные пальцы. Сейчас они больше напоминали разваренные докрасна сосиски, так как гость Корта два дня пытался отодрать налипшую на них чёрную субстанцию.

Корт с интересом рассмотрел пальцы мужчины.

— Во-первых, доктор Лейбовиц, сколько раз я просил вас обращаться ко мне на «ты»? А во-вторых, что вы говорите это за растение, которое вам принесли? Его надо изучить. Этот сок может представлять интерес.

Доктор всплеснул руками, не находя слов от возмущения. Корт с трудом скрывал улыбку. Несмотря на странноватый вид, доктор Лейбовиц был гениальным врачом. В Лиатрасе он работал главой отделения нейрохирургии. Его пальцы — сейчас так грубо вымазанные в чём-то непотребном — составляли достояние всего города. В операционной эти длинные нескладные руки могли творить чудеса.

Одной из главных проблем в городе Корт считал отсутствие медицинского обеспечения. Здесь не было почти никаких лекарств, не говоря уже об оборудовании и инструментах. К тому же атлурги с недоверием относились к методам врачей-лиатрасцев и отказывались от их помощи. А помощь была нужна. После сражения было много раненых. К сожалению, без должного медицинского обслуживания многие из них умерли. Другие в отсутствие медикаментов до сих пор не могли восстановиться.

Поэтому Корт поручил ботаникам и фармацевтам Лиатраса изучать растения на предмет лечебных свойств. А также, несмотря на протесты атлургов, Корт принял решение организовать в Каноре больницу. Врачей, медсестёр, фельдшеров скорой и других специалистов медицинских направлений набралось довольно много. Корт велел им найти в Каноре подходящее помещение, а также написать список того, что понадобится на первых порах.

Во главе будущей больницы Корт поставил прославленного на весь Лиатрас доктора Лейбовица. Затем задействовал атлургов для помощи врачам. Их задачей было находить травы и мастерить оборудование.

Проблема была в том, что атлурги упрямылись. Между ними и врачами постоянно происходили стычки. У них была не то чтобы вражда, но этакое «принципиальное непонимание». Но Корт твёрдо стоял на своём, буквально заставляя их работать вместе. Он считал, что иначе два народа так никогда и не научатся доверять друг другу.

Хотя пока всё это походило скорее на провал, чем на успех. Жалобы доктора Лейбовица и его заявления о «невозможности так работать» стали для Корта привычным каждодневным аккомпанементом.

— А вчера, — продолжал между тем доктор, — один из ваших принёс мне сразу дюжину совершенно тупых ножей. Я ему говорю: «Как я по-вашему могу этим оперировать?». А он мне: «Если не нравятся эти, можете взять арсулы».

— Аслуры, — поправил Корт.

— Вот-вот. А я о чём! Вот у меня где эти ваши варвары!

«Вашими» доктор называл всех атлургов. Хотя технически лиатрасцы тоже были «Корта». Так как именно он возглавлял новый народ.

Процедура передачи власти была формальной. Кандидатуру Корта даже не пришлось принимать голосованием. Представители от разных народов сами пришли к нему и попросили возглавить их. После чего состоялась скорая церемония «вступления в должность». Глава объединённых народов стал называться «Кангом».

Разделение по кланам среди атлургов осталось прежним. Более того, прошлые «Канги» остались на своих местах. Только теперь они назывались «Старейшинами». Старейшина больше не был единоличным главой своего народа, а скорее кем-то вроде народного представителя. Из Старейшин атлургов и Старейшины от лиатрасцев, кем стал Арсал,

возглавлявший их на поле боя, Корт организовал Совет Старейшин, как это было принято у атлургов.

Большинство решений Корт принимал единолично, дабы избежать лишних стычек между разными кланами. Но некоторые, требовавшие обсуждения, принимались при участии Совета, путём голосования большинства.

В целом как атлурги, так и лиатрасцы приняли новый уклад спокойно, так как по сути он воспроизводил привычные им структуры власти. Для лиатрасцев Корт был кем-то вроде мэра города, а Совет — городским правительством. Для атлургов же Корт был Кангом Кангов. В любом случае, и для тех, и для других его авторитет и власть были непререкаемы.

— Хорошо, доктор, я разберусь с ними.

Корт встал и начал деликатно подталкивать главврача к выходу. Потому что жаловаться тот мог весь день, в красках описывая все свои беды и злоключения, а у Корта ещё были дела.

— Опять вы «разберётесь»? Сколько раз уже «разбирались»? Проходит день-два, а потом всё по новой! Просто избавьте уже меня от них! — Доктор Лейбовиц оборачивался и мягко упирался, чтобы не быть выставленным за дверь.

— И кто же будет делать вам нужные инструменты? А искать и собирать травы? — Доктор открыл было рот, чтобы ответить, но Корт не дал ему этого сделать, опередив: — У всех ваших врачей и так дел по горло. И нет, они помогают не только атлургам, но и лиатрасцам тоже. Что касается ваших проблем, я обещаю уладить их.

— Так же, как раньше? — гневно спросил доктор и зачем-то потряс в воздухе кулаком.

— Нет, не так же, как раньше, — устало ответил Корт. — Доверьтесь мне, доктор Лейбовиц. Я займусь этим вопросом прямо сейчас. Вот видите, я уже выхожу.

И Корт наконец вытолкнул главврача наружу. Но и самому ему пришлось отправиться дальше. Кажется, в мастерской сегодня поработать больше не удастся.

Дара Корт нашёл на нижних этажах. Он что-то обсуждал с лиатрасцами, тянувшими новую ветку водопровода. Хмурые мужчины громко на что-то ругались и тыкали пальцами вверх, где этажом выше находились лурды атлургов.

— Дар! — окликнул друга Корт.

Мужчины тут же замолчали и чуть склонили головы.

Корт не требовал от людей какого-то особого к себе отношения. Они сами всячески выражали почтение. Со времени перехода по пустыне и сражения уважение людей к Карту только росло. О его «деяниях» и «подвигах» уже складывались легенды, и матери пересказывали его историю своим детям.

Для атлургов Корт был Ругатом, Проведшим через Пески, Победителем Неверных и Кангом Кангов. Это отразилось в новых знаках, нанесённых на его предплечья. Теперь они были исписаны так густо, что кожи не было видно под красными символами. Почтение атлургов к Карту сложно было выразить словами. Они обращались к нему: «мудрый», «сильнейший», «избранник Руга» и «трижды победивший смерть». Корт пытался избавиться от этих пафосных титулов, но в том, что касается традиций и ритуалов, атлурги были непреклонны. И Карту пришлось смириться.

Лиатрасцы же держались от Корта на почтительной дистанции и, кажется, до сих пор

немного побаивались. Во всяком случае, они никогда не обращались к Ругату напрямую, а только через своего Старейшину. Хотя к Юте частенько ходили с разными просьбами.

— Мудрейший? — Дар хитро улыбнулся.

Он прекрасно знал, как раздражают Корта «высокие» обращения. Ругат лишь закатил глаза.

— Отойдём? Надо поговорить.

Они нашли тихое местечко в соседнем помещении. Оно было заброшено и снизу доверху покрыто пылью. На полках у дальней стены громоздились поросшие паутиной диковинные предметы. Предназначения ни одного из них Корт не знал. Он присел на высокий ящик (или скамью? или комод?).

— Как идут дела? — начал Корт.

— Ты из мастерской? — ответил Дар вопросом на вопрос.

Корт недоумённо приподнял бровь, и Дар подбородком указал на волосы и одежду Корта, засыпанные пылью. Корт спохватился и начал отряхиваться. Без особого результата. Каменная пыль была такой мелкой и так забивалась во все складки, что её можно было только смыть водой.

— Уже почти время. Надеюсь, ты не забыл? — на всякий случай спросил Дар.

Корт лишь печально вздохнул, плюнув на попытки привести себя в порядок.

— Надо ещё кое-что успеть до этого. У меня к тебе просьба. У врачей с атлургами постоянные стычки. Доктор Лейбовиц через день ходит ко мне жаловаться. А атлурги... — Корт вздохнул. — Ну, ты сам знаешь. Хочу, чтобы ты занялся ими.

Дар возмутился:

— Корт, да у меня и так свободной минутки нет! У меня просто рук не хватает всем заниматься! А ты хочешь на меня ещё и это повесить?! Я бы и рад подсобить, — успокоился немного молодой атлург, — но в сутках только двенадцать нардов. Если хочешь, чтобы я помог, сперва тебе придётся добавить ещё пару.

У Дара была одна из самых важных и ответственных задач в Каноре. Корт сделал его «связным» между атлургами и лиатрасцами. Именно у Дара было больше всего опыта общения с чуждым для атлургов народом. К тому же он не испытывал к ним предубеждения. Корт свёл его с Арсалом, велел работать вместе. Так что со всеми вопросами Старейшина Лиатраса обращался к Дару.

Корт наделил его большими полномочиями, так что повзрослевший не по годам атлург мог самостоятельно принимать многие решения. Это освобождало Корта от мелкой рутинной работы, которой каждый день скапливалось огромное количество.

Корт пристально посмотрел на Дара и улыбнулся:

— Боюсь, что это даже мне не под силу. Но у меня есть другое решение. Уже некоторое время я присматриваю тебе помощника.

Дар встрепенулся:

— Правда? Вот это... Я не ожидал... И кого же?

Корт почесал чёрную щетину.

— Есть у меня на примете пара толковых парней. Рино и Загрис. Пожалуй, поговори с ними обоими и выбери сам. А можешь взять и обоих.

— Лиатрасцы? — Дар удивлённо выгнул бровь.

Корт покивал.

— Да, да. Хочу, чтобы ты обучил их всему, что знаешь. Всему, что касается жизни

атлургов.

Дар нахмурился и сложил на груди руки.

— Похоже не на помощь, а на ещё одно поручение.

Корт встал и похлопал друга по плечу.

— Поначалу они разгрузят тебя от лишней беготни. А потихоньку смогут брать на себя более сложные вопросы.

Дар всё ещё смотрел недоверчиво, но всё же протянул:

— Ну ладно... Поговорю с ними.

— Хорошо, — Корт удовлетворённо кивнул. — Но сперва займись атлургами, что я приписал к доктору Лейбовицу.

Дар лишь покачал головой, но смолчал. Он привык доверять решениям Корта и безоговорочно выполнять все его поручения. А сейчас заупрямился лишь потому, что боялся из-за нехватки времени провалить столь серьёзное и важное для Корта дело.

Корт уже выходил, когда Дар окликнул его:

— Чуть не забыл, Джар просил тебя зайти. Кажется, у него что-то срочное.

Корт нагнал Хранителя в одном из широких коридоров, ведущих от жилых ульев к выходу. Ругат приноровился к темпу ходьбы Джара и молча пошёл рядом.

— Эти лестницы меня доконают! — пожаловался старик и как бы в подтверждение своих слов постучал об пол массивной клюкой.

Джар действительно превратился в старика. Он так и не оправился после ранения: нижняя часть тела плохо слушалась, он мог передвигаться только при помощи трости. Некогда гладкая, как у юноши, кожа лица сморщилась, покрылась глубокими морщинами. Спина согнулась, лёгкость движений ушла навсегда.

Ворчать и брюзжать Джар тоже научился очень быстро. Правда, делал это не для того, чтобы пожаловаться, а скорее, чтобы и окружающим жизнь мёдом не казалась.

— Прости, лифты пока не запустили, — парировал Корт.

Он не поддавался на мнимое ворчание Хранителя. И лучше кого бы то ни было знал, что Джар не терпит жалость.

— Дар сказал, ты хочешь поговорить?

— Да, — ответил Хранитель, но продолжать не спешил.

Некоторое время он ковылял молча, и Корт терпеливо шёл рядом.

— До меня доходят слухи, что среди атлургов Улгерна опять распространяется недовольство по поводу пленных, — наконец прервал молчание старик. — Улгерн опять баламутит воду. Думаю, ты в курсе?

Джар искоса глянул на Ругата.

— Что-то серьёзное на твой взгляд?

— Кто знает? Пока они ничего не предпринимают. Но когда дело касается Улгерна, это всегда серьёзно.

Корт задумался. Он знал, что Джар не стал бы беспокоить его по пустякам, особенно в такой день. К тому же он доверял интуиции старого Хранителя. Что-что, а в людях Джар разбирался прекрасно.

Ситуация с пленными была постоянной головной болью с тех самых пор, как они

открыли Город Богов. Пленных было немного, чуть больше четырёх десятков. Но вопрос о том, что с ними делать, оставался на повестке.

Корт никогда не проводил над ними суда, боясь, что атлурги быстренько приговорят их к смерти. Тюрьмы в Каноре не было. Сперва Корт запер людей Вандегрида в одном из отдалённых помещений. Но кормить и заботиться о них желающих не было, поэтому Корт решил выпустить их и привлечь к общественным работам. В первую очередь, они должны были обеспечить всем необходимым самих себя. Затем начать работать на благо города.

Корт также опасался держать их вместе, поэтому разделил на две группы. Каждая из таких групп жила и работала отдельно, но за каждой был нужен пригляд.

Корт ставил атлургов и лиатрасцев по очереди следить за пленными. Лиатрасцы относились к этому нормально. Тем более что занимались этим бывшие работники правопорядка. Но атлурги негодовали. Они не понимали милосердия, проявленного Кортом. По их понятиям, пленных вообще не должно было быть.

Особенно сильно атлурги роптали в первое время неразберихи и неустроенности. Когда кроме собственных многочисленных проблем, надо было заниматься ещё и этим. Но Корт тогда не позволил им ничего сделать с заключёнными. А со временем жизнь стала налаживаться, и накал страстей спал. Но Корту всё равно приходилось присматривать за ситуацией, чтобы атлурги чего не выкинули.

— Я поговорю с Салгаиром, — ответил Корт после раздумья. — Может, он придумает, как уладить ситуацию.

Среди членов Совета Старейшин Салгаир пользовался особым уважением, как наиболее мудрый и взвешенный. Многие помнили, как он улаживал разногласия во время Великого Перехода. Сам Корт часто обращался к нему за советом.

— На этот раз, — проворчал Джар.

— На этот раз, — согласился Корт. — Кстати, если ты ковыляешь к выходу, советую поторопиться, а то можешь не успеть.

После этого замечания Корт на всякий случай отодвинулся подальше, туда, где клюка Хранителя не могла его достать. Но Джар никак не отреагировал. Вместо этого он невозмутимо бросил:

— Конечно, не мне учить Канга, но ты в этом собираешься идти?

Корт непроизвольно посмотрел на свою грязную одежду. После чего плюнул и поспешил прочь.

— 2-2, — улыбнулся Джар ему вслед.

Юта сидела за огромным каменным столом, от края до края заваленным пергаментами. Древние свитки лежали вперемежку с недавно исписанными листами. Символы наури соседствовали с современным языком Лиатраса.

Юта низко склонилась над листом. Каптановые кудри были небрежно завязаны в узел на затылке и скреплены карандашом. Медленно и аккуратно девушка выводила на бумаге слово за словом. Потом отстранилась и придирчиво рассмотрела надпись. На чистом лбу появилась недовольная морщинка. Юта скомкала пергамент и бросила себе за спину.

Но звука удара бумаги о пол не последовало.

— Так плохо?

Юта взрогнула и обернулась. У неё за спиной с улыбкой стоял Корт. В руке он подбрасывал невезучий пергамент. Юта устало улыбнулась.

— Мой почерк до сих пор никуда не годится. Не могу представить, чтобы каллиграфы прошлого оставили для потомков такие каракули.

— Ну, на то ты и не каллиграф, — ответил Корт, подходя к столу. — Может, тебе найти кого-то, кто бы записывал за тебя? Уверен, любой из гурнасов сочтёт за честь помочь тебе.

Юта лишь поморщилась.

— Нет, — твёрдо ответила девушка. — Хоть знания Амальрис больше не являются тайными, но это моя задача. Я должна сделать это сама.

Вместе с атлургами культы богов перекочевали в новый дом. Здесь они были скрупулёзно восстановлены и тщательно поддерживались гурнасами, которых в Каноре было целых семь.

Юта официально стала жрицей Амальрис. Вот уже почти месяц, как она взялась записывать всё, что узнала про культ и затмение. Всё, что могло пригодиться следующим поколениям. А в будущем намеревалась взять себе учениц, которые позже тоже станут жрицами.

— Как жаль, что здесь нет библиотеки! — в который раз посетовала Юта. — Столько знаний пропало.

Она непроизвольно потянулась к груди, к тому месту, где всегда висел мамин кулон. Но вовремя вспомнила, что подвески нет, и опустила руку. Этот жест не укрылся от Корта. Сколько раз он наблюдал его! И каждый раз это причиняло ему боль, как будто это он потерял дорогу сердцу вещь.

— Скучаешь по нему? — нежно спросил Корт.

— Ерунда! — Юта широко улыбнулась и сделала вид, будто ничего не случилось. — В конце концов, это просто безделушка, хоть для меня она и была напоминанием о маме.

— Столько веков правители Лиатраса считали его ключом, — задумчиво протянул Корт.

— Это и был ключ. Но не в том смысле, в каком они считали. Физически он не открывал Врата Города Богов. Это был «ключ» к пониманию того, как это сделать.

— А на самом деле нужна только жрица и больше ничего, — закончил Корт.

Он стоял, прислонившись к столу, глубоко задумавшись. Увидев выражение лица Корта, Юта забеспокоилась. Она тронула его за руку.

— Что-то случилось?

— Не знаю, что делать с заключёнными, — вздохнул Корт.

Юта моментально оказалась возле него. Она знала, как сильно Корта беспокоит эта проблема. Только ей он мог абсолютно открыто рассказывать обо всех своих переживаниях.

— Держать их в таком положении вечно не удастся. Да и атлурги рано или поздно взбунтуются. Мы могли бы их отпустить... — Корт поднял на Юту глаза.

— Но сами они вряд ли выживут в пустыне, — закончила за него жрица. — Есть ещё один вариант. Через какое-то время мы могли бы попробовать социализировать их.

— Да, — протянул Корт, — но я не представляю, как. Такое решение будет чревато ещё большими проблемами.

— А когда мы боялись проблем? — улыбнулась жрица Амальрис.

С тех пор, как Корт встал во главе Канора, они с Ютой делали всё для объединения народов. Сейчас между атлургами и лиатрасцами не было никаких различий. Все жили

одинаково и пользовались одинаковыми правами. Корт хотел построить общество на принципах справедливости и равноправия. Такое, в котором только личные заслуги человека имеют значение, а вовсе не связи или кровное родство, как было в верхушке Лиатраса или в кланах атлургов.

В новом обществе каждый сможет найти себе место. Будь ты бывшим врачом, инженером, дворником, заключённым или врагом. Но переломить традиции и представления о мире не так-то просто, особенно в среде атлургов.

— Ты права, — ответил Корт, немного расслабившись. — Рано или поздно решение найдётся.

Юта кивнула и вдруг спохватилась:

— Ох, я собиралась сходить насчёт обеда, но совсем потеряла счёт времени. Прости! Я схожу на кухню и что-нибудь нам принесу!

Юта проворно вскочила, но лишь для того, чтобы в следующее мгновение оказаться в объятиях Корта.

— Это не горит. И потом, не пристало жрице Амальрис и жене Канга бегать на кухню.

— И кто же побежит за меня? — сдерживая смех, спросила Юта. Она мягко пыталась освободиться из хватки Корта, но практика показывала, что это не так-то просто.

— Я пошлю кого-нибудь, — не особо задумываясь, ответил ругат. Его испещрённые символами наури руки крепко обвивали Юту за талию. Он прошептал ей на ушко: — Не убегай. Я соскучился.

Юта всё же не сдержала смех.

— Ты постоянно «соскучился», даже когда мы вместе.

— Ничего не могу с этим поделать, — без тени вины сказал Корт. И начал липнуть к Юте ещё сильнее.

— Подожди, день на дворе. У нас ещё куча дел, — не очень уверенно пробормотала жрица, делая очередную попытку вырваться из кольца сильных рук.

— Ты — моё главное дело, — заявил Корт и продолжил покрывать поцелуями её шею.

— И когда ты успел стать таким бесцеремонным?

Корт лишь улыбнулся.

— Наглым даже... — пыталась продолжить Юта, но Корт накрыл её губы поцелуем.

В конце концов, после долгих сладких поцелуев, от которых у Юты слабели коленки, Корт всё же выпустил её. Юта оправила одежду и собралась-таки сходить за едой. Но на пороге обернулась и неуверенно протянула:

— Мм... а ты не хочешь...

— Да Руг вас всех заberi! — всё-таки вскипел Корт. — Уже иду.

И Ругат отправился в ванную, чтобы принять душ.

2

Этот день настал. Атлурги и лиатрасцы, все — от мала до велика — собрались в Приветственном Зале. Так атлурги называли «пещеру», в которой оказались, впервые попав в Город Богов.

Ближе всех ко входу стояли Корт и Юта. Рядом, держась за руки. За ними — Дар, Джар и Гадрим, чудом выживший в бою с отрядом Джазира. За ними — Старейшины и их народы: Салгаир, Улгерн, Кернад, Надмер. Амдира и Лурна больше не было с ними. Их место, а

также место Гвирна, которое он оставил после открывшегося позора, заняли новые Старейшины, избранные своими народами при одобрении Корта.

Люди продолжали прибывать. Стены пещеры тускло мерцали, излучая мягко струящийся свет. Гул голосов, словно тихий шелест бумаги, равномерно заполнял пространство.

Юта переглянулась с Кортом и расцепила их крепко перевитые пальцы. Под взорами стихших людей жрица подошла к Вратам. Она была той, кто отворила их впервые. Ей же была предоставлена честь открыть их вновь. Но на этот раз массивные створки не вели в спасительное убежище. Сейчас за ними скрывались неизвестность, мрак и разрушение.

Оглянувшись на Корта, Юта потянула рычаг в стене, и ствоки Врат поползли в стороны. В полной тишине был отчётливо слышен скрежет камня и ворчание древних, давно не работавших механизмов в стене. Народ наблюдал за этим, не дыша.

Согласно пророчеству, буря должна продлиться сорок дней. Сегодня был сорок первый.

Никто, включая Корта, не имел представления о том, что они увидят снаружи. Стих ли ветер? Улёгся ли песок? Осталось ли на поверхности пустыни что-нибудь или кто-нибудь? И главный вопрос: есть ли снаружи хоть крупица света, или на мир опустилась полная тьма?

Юта непроизвольно затаила дыхание, когда створки Врат встали на место, полностью открыв проход. После светлой пещеры, ставшей привычной и уютной, тьма снаружи пугала. Юта боялась сделать шаг в эту неизвестность, в этот новый, изменившийся мир, таящий новые угрозы.

Корт вырос рядом, могучий и надёжный, как скала, как стены дома, сулящие защиту. Они снова взялись за руки и, не сговариваясь, шагнули вперёд.

Сорок дней и сорок ночей в мире бушевала Великая Буря. Ветер сотрясал горы, бился о скалы, сию секунду попадая в человеческое убежище. Столбы песка взметались до небес и обрушивались вниз смертоносные, словно копья атлургов. Каменные глыбы сдвигались со своих тысячелетних мест, скалы крошились, как стекло. Невиданные обвалы сотрясали ущелья, гром от падения камней разносился на многие тары. В хаосе и мраке окончательно померкли светила Нибелии — Таурис и Аттрим. Старый мир пал и обратился в руины.

Но почему Юта по-прежнему видела очертания скал, окружавших ущелье? В немом восхищении Юта вместе с сотнями жителей Канора подняла глаза к небу. Ни Тауриса, ни Аттрима видно не было. Почти весь небосклон от края до края закрывала гигантская устрашающая глыба Ассаима. Но у самого горизонта, там, где оставалась небольшая кромка бурого неба, пробивалось голубоватое свечение.

Слабое, призрачное, чуть мерцающее, оно окутывало всё вокруг полупрозрачной пеленой. Будто сказочная дымка, обволакивало скалы, фигуры, лица людей. Нереальный свет как будто струился сквозь сами предметы, размывал очертания, сглаживал углы.

Это было прекрасно. Волшебное и завораживающее. Люди стояли с открытыми ртами и поднятыми к небу лицами. Все пытались понять, что происходит, откуда исходит чарующий свет?

— Смотрите! — вдруг крикнул кто-то, и головы повернулись в ту сторону.

Когда глаза немного привыкли к слабому освещению, стали видны не только огромные скалы по периметру долины. Стал виден и Лес Стел, что простирался перед входом в Город Богов. А вместе с тем и странный свет, исходивший от них.

Юта ахнула и вместе со всеми устремилась туда. Возле входа в каменную рошу она нашла Корта. Он внимательно разглядывал рукотворные колонны. Приблизившись к ним,

Юта поняла, почему. На Стелах проступили письмена.

С самого верха и до основания каменные исполины были испещрены знакомыми символами. Знаки струились по всему периметру колонн, покрывали их по кругу. Письмена чуть светились тем же голубоватым светом. Юте казалось, она попала в другое измерение. Тут не было ни времени, ни привычного пространства. Только неподвижный и неизменный испокон веку лабиринт. Только чарующий свет и бесконечная вереница танцующих символов наури.

Юта долго любовалась магическим зрелищем, бродила между колонн, не в состоянии оторваться. Она словно очутилась в сказочном сне и не желала пробуждаться. Но шум голосов доносился всё отчетливее. Юта неохотно вынырнула из своих мыслей. Её стало разбирать любопытство: что написано на древних колоннах?

Жрица поспешила найти Корта. Ругат стоял возле одной из стел и внимательно изучал её. Атлурги и лиатрасцы окружали Канга плотным кольцом. Но стоило Юте подойти ближе, расступились, дали пройти к Карту.

Юта тронула мужа за локоть, давая понять, что она рядом. Хотя он и так уже знал: почувствовал, услышал или как там ещё он узнавал о её приближении.

— Что это? — почему-то шёпотом спросила Юта. Будто они находились перед лицом великой тайны, перед которой следовало держаться скромно и говорить тихо.

— Слушай, — отозвался Корт. После чего прочистил горло и повторил громче: — Слушайте! Вот то, что я успел прочесть на этих Стелах.

Письмена, записанные на Стелах Богов

Это было в незапамятные времена, когда народ ещё был един. Все Дети Канора жили в Городе Богов. Богами им была дарована «магия». Это было знание на границе науки и усилия духа. В то время наука была неразделима с религией, материальное с духовным. Тысячелетия народ жил в единстве и гармонии, но потом среди них случился разлад.

Часть атлургов пожелала сделать упор на материальной стороне их искусства, не обращая внимание на религиозную составляющую, вне духовных и волевых усилий практикующего. Другая часть народа желала следовать внутренним путём, развивая и укрепляя лишь человеческий дух, пренебрегая окружающим материальным миром.

Все они пошли против воли Богов, которые заповедовали развиваться в гармонии. Через человеческий дух должен укрепляться и развиваться и мир вокруг, а иначе усилия духа будут тщетны и пропадут впустую.

Но народ зашёл так далеко в своём противостоянии, что они не хотели слушать ни Старейшин, ни жрецов. И тогда те покарали свой нерадивый народ за беззаконие и отступление от заветов Богов и предков. Они изгнали народ из Города Богов, разделив его надвое. Одни получили все научные и технические знания, и с тем ушли в пустыню строить на новом месте новый город. Другие взяли с собой верования и духовные практики. Они отправились в горы и основали новую религию.

Но истинный замысел Старейшин был не в том, чтобы покарать своих детей, но в том, чтобы научить их. Каждой из двух ветвей был отведён свой путь, которым они должны пройти до конца. С тем, чтобы в конце понять, что каждый из них в отдельности ведёт в никуда. Он бесплоден без своей второй половины. Лишь вместе они составят единое целое, единое знание, единый город, единый народ.

А поведут народ к объединению две души, две жизни и два пути, которые вместе составят один. Лишь когда народ вновь объединится, им будет возвращено древнее знание Богов. Они вновь обретут магию Детей Канора. Но, что важнее, они обретут гармонию с миром и собой, и разлад в их душах сменится покоем.

Корт замолчал. Кругом царила полная тишина. Каждый из тех, кто слушал его, думал о смысле начертанного на камнях. Чтобы осознать замысел древних провидцев требовалось время. Много времени. А ещё больше на то — чтобы вникнуть и приобщиться хоть к крупице их знаний и мудрости.

Корт первым прервал молчание.

— Я думаю, здесь собраны все знания Детей Канора, — сказал Ругат.

Он обошёл несколько Стел, бережно и благоговейно ведя рукой по надписям.

— Вот здесь написано о строительстве каких-то механизмов, — указывал Корт. — Тут — как следует относиться к своим предкам и какие ритуалы следует отправлять по усопшим. На той Стеле я видел какой-то философский трактат, а на другой — что-то похожее на математические вычисления.

— Это Библиотека... — выдохнула Юта.

— «Потери обернутся находками. Тьма — светом. Кровь обернётся водой. Великая Амальрис соберёт Детей Канора вместе и укажет истинный путь», — процитировал Корт последнюю часть пророчества Амальрис.

— Это — истинный путь, — ответила Юта, горящим взором смотря на Стелы. — В пророчестве говорится вовсе не о пути к Городу Богов. Точнее, не только о нём.

— Да, замысел древних и их мудрость воистину непостижимы, — задумчиво протянул Корт.

Юта улыбнулась.

— Нам, как Детям Канора, предстоит пройти долгий путь. Но мы постигнем и их знания, и их мудрость. В этом — наше предназначение, как народа.

В этот момент письма вдруг озарились, словно вспыхнули. Голубоватые знаки стали буквально искриться. По рядам канорцев прошёл длинный вздох изумления. Все смотрели на Восток. Туда, где из-за горизонта показалась Звезда.

Не Таурис и не Аттрим. Она была меньше Старшего Брата, но крупнее Младшего. От неё исходил мягкий, чуть прозрачный голубой свет. Он баюкал и притягивал взор. Успокаивал и одновременно воодушевлял. Он дарил новую надежду. Надежду на то, что жизнь на этой планете возродится вновь.

— Что это? — изумлённо спросил Корт, вторя возгласам сотен людей. — В пророчестве об этом ничего не сказано.

— Это — Амальрис, — с улыбкой ответила Юта. — Третья Звезда Нибелии.

Послесловие от автора

Написание книги можно сравнить с жизнью: это не всегда бывает весело и просто. Я писала эту дилогию почти шесть лет. Сколько раз за это время я теряла веру в свои силы. Мне казалось, что процесс написания нескончаемый, что я никогда не доберусь до финала. В конце концов, только несгибаемая вера в себя помогла мне пройти этот путь.

Китайская пословица гласит: «Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага». Этот опыт стал для меня напоминанием о том, что путешествие не только «начинается с

первого шага», но и проходится миллионом маленьких шажков. По одному за раз.

Я хочу от всего сердца поблагодарить всех, кто ждал, кто верил в меня, кто бесконечно «пинал» меня вопросами, когда книга будет готова. Вы стали для меня опорой, той деревянной тростью, на которую я опиралась всё время моего долгого путешествия.

Хочу сказать всем, кто проходит через тяжелый период в жизни: это пройдет. После долгой ночи непременно наступит рассвет. Не опускайте руки. Не слушайте ту часть разума, которая говорит, что «ничего не получится», что «это невозможно». Всё возможно для того, кто не теряет веру и продолжает усердно работать, даже тогда, когда смысл и цель этой работы становятся туманны или теряются вовсе.

Верьте в себя. Сражайтесь.